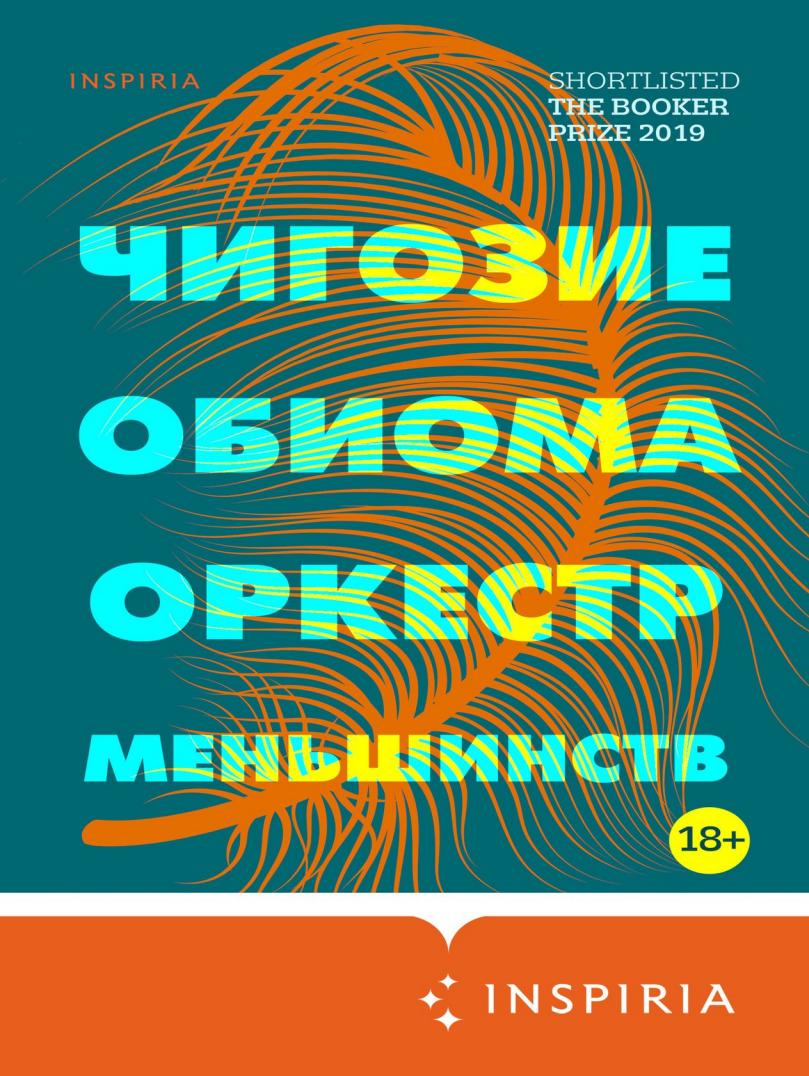

INSPIRIA
SHORTLISTED
THE BOOKER
PRIZE 2019
ЧИГОЗИЕ
ОБИОМА
ОРКЕСТР
МЕНЬШИНСТВ
18+
INSPIRIA

Оркестр меньшинств
Чигози Обиома

Аннотация
Чигозие Обиома. Оркестр меньшинств
Первая. Первое заклинание
1. Женщина на мосту
2. Одиночество
3. Пробуждение
4. Гусенок
5. Оркестр меньшинств
6. «Благородный гость»
7. Унижение
8. Помощник
9. Пересечь порог
Вторая. Второе заклинание
10. Ощипанная птица
11. Странник в чужой земле
12. Конфликтующие тени
13. Метаморфоза
14. Пустая раковина
15. Все деревья в стране спилены
16. Видения белых птиц
17. Аландиичие
Третья. Третье заклинание

18. Возвращение
19. Семена гнева
20. Расплата
21. Божий человек
22. Забвение
23. Древнее сказание
24. Изгой
25. Младший бог
26. Пауки в доме людей
Замечание автора
Благодарности
От переводчика
Глоссарий

Аннотация

«Оркестр меньшинств» – шедевр нигерийского писателя Чигозие Обиомы, который вошел в шорт-лист Букеровской премии 2019 года. Это пронзительный роман-одиссея о борьбе с судьбой и о том, как самое доброе сердце под ее ударами может наполниться черной горечью. Драма маленького человека, овеянная мифологией игбо, которая разворачивается в атмосфере современной Африки.

Чинонсо – молодой нигерийский фермер, который страстно любит своих птиц. Но однажды ночью он встречает на мосту женщину, пытающуюся спрыгнуть в мутный поток. Спасение становится началом любви, однако Чинонсо не ровня Ндали. Чтобы добиться руки возлюбленной, он продает все свое имущество и отправляется на Кипр получать образование. Но вскоре выясняется, что он был жестоко обманут: Чинонсо остается один в чужой стране – без денег и без крыши над головой. Словно Одиссей, он дрейфует все дальше и дальше от своей мечты и от дома.

«Не многие современные романы способны достичь того виртуозного звучания, которое дарит своему тексту Обиома, искусно сочетая английский, язык игбо и цветистые англо-африканские фразы. История полна жестокости, и все же ее главная тема – мольба о милосердии для самого хрупкого из всех земных существ, для сына человеческого». —Guardian

Чигозие Обиома
Оркестр меньшинств

Chigozie Obioma
AN ORCHESTRA OF MINORITIES
Copyright © 2019 by Chigozie Obioma

Перевод с английского Григория Крылова
Художественное оформление Яны Паламарчук
В оформлении переплета и полусупера использована иллюстрация: © YummyBuum / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Крылов Г., перевод на русский язык, 2021
© Оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Дж. К. посвящается.
Мы не забыли

Если добыча не излагает своей версии истории, то героями рассказов об охоте всегда будут хищники.

Пословица игбо

В целом мы можем представить себе чи человека как его иную идентичность в стране духов – его дух, пополняющий его земную сущность; поскольку ничто не выстоит в одиночку, всегда рядом должно стоять что-то другое.

Чинуа Ачебе, «Чи в космологии игбо»

Ува му асаа, ува му асато![1] Это основной фактор в определении состояния истинной личности новорожденного. Хотя люди существуют на земле в материальной форме, они вмещают в себя чи и *оньеува*, потому что того требует всемирный закон, согласно которому если есть одна сущность, то рядом с ней должна стоять другая, таким образом выполняется требование дуализма всех вещей. Это же положение является базовым принципом, на котором покоится концепция реинкарнации народа игбо[2]. Вы когда-нибудь задавали себе вопрос, почему у новорожденного ребенка иногда со временем развивается беспричинная ненависть к тому человеку, которого он увидел, едва раскрыв глаза? Часто это происходит оттого, что ребенок, возможно, идентифицировал эту личность как врага в одном из своих прошлых существований и, возможно, ребенок вернулся в мир в шестом, седьмом или даже восьмом цикле реинкарнации для сведения древнего счета. Кроме того, иногда нечто или событие может

[1] Примечания: 1

Некоторые слова на языке игбо оставлены в книге без перевода по желанию автора. Как правило, это различные заклинания и ритуальные выражения, которые даже в переводе ничего не скажут читателю.

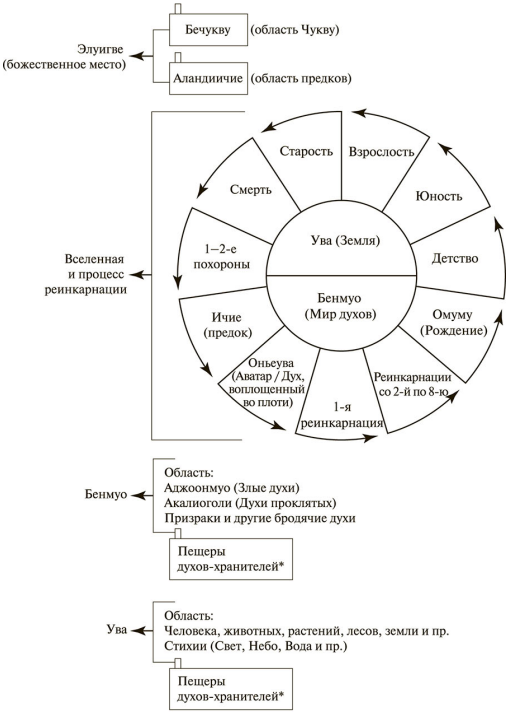
[2] Примечания: 2

Игбо (или ибо, самоназвание — «лесные жители») — народ, проживающий в Юго-Восточной Нигерии.

реинкарнироваться в течение жизни. Вот почему встречаются люди, которые, когда-то владея чем-то, но потом это потеряв, вдруг несколько лет спустя обнаруживают, что владеют чем-то похожим на утраченное.

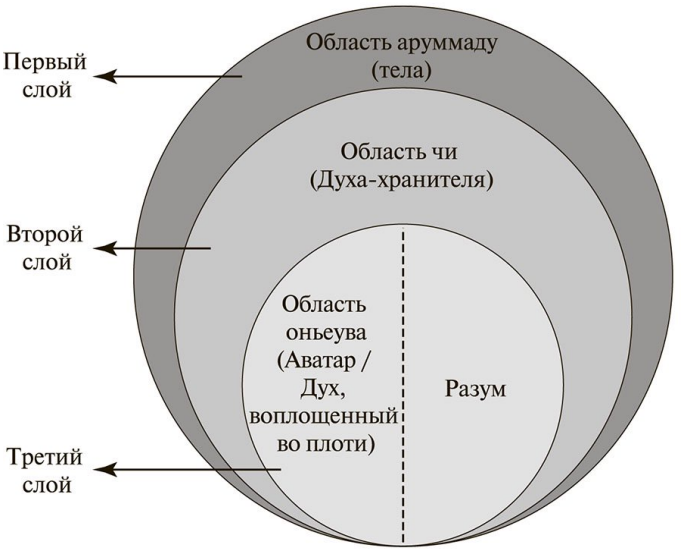
Дибиа Нджоквуджи из Нкпа,
запись голоса

Схема космологии игбо



*Существуют в обоих мирах.

Положение человека в космологии игбо



Первая
Первое заклинание

Обасидинелу —

Я стою перед тобой здесь в великолепном суде Бечукве в Элуигве, земле вечности, яркого света, где несмолкаемая песня флейты звучит в воздухе…

Как другие духи-хранители, я являлся на *уву* во многих циклах реинкарнаций, и при каждом возвращении я поселялся в новосотворенном теле…

Я явился в спешке, воспарил свободно, как копье, пролетел по неизмеримым путям вселенной, потому что мое послание важно, вопрос жизни и смерти…

Я стою здесь, зная, что чи должен свидетельствовать перед тобой, если его хозяин мертв и его душа поднялась в Бенмуо, в это граничное пространство, переполненное духами и бестелесными телами всех оттенков и размеров. Ведь ты только в таких случаях просишь, чтобы духи-хранители являлись в твое жилище, в этот величественный небесный суд, чтобы просить тебя о даровании душам наших хозяев безопас-

ный проход в Аландиичие, обиталище наших предков…

Мы просим за них, потому что знаем: душа человека может вернуться в мир в форме *оньеува*, чтобы родиться заново, только в том случае, если она была принята в области наших предков…

Чукву, творец всего, я признаю, что совершил нечто из ряда вон выходящее, придя сюда, когда мой хозяин еще жив…

Но я здесь, так как старые отцы говорят, что мы приносим клинок, который достаточно остер для рубки дров в лесу. Если ситуация заслуживает неотложных мер, то ей нужно предоставить их…

Говорят, что пыль лежит на земле, а звезды лежат в небесах. Они не перемешиваются…

Говорят, что тень образуется от человека, но человек не умирает оттого, что тень убежит от него…

Я пришел просить за него, так как за деяние его Ала, хранительница земли, должна требовать воздаяния…

Потому что Ала запрещает убивать беременную, будь она женщиной или зверем…

Земля принадлежит Але, великой матери человечества, величайшей из всех живых существ, уступающей только тебе, чей пол или вид не

известны ни одному человеку или духу…

Я пришел, потому что боюсь, как бы она не подняла руку на моего хозяина, который известен в этом цикле жизни как Чинонсо Соломон Олиса…

Вот почему я поспешил сюда, чтобы свидетельствовать обо всем, что видел, и убедить тебя и великую богиню: если то, чего я боюсь, и вправду случилось, то пусть будет ясно, что он совершил это великое преступление ошибочно, от незнания…

Хотя я буду рассказывать о случившемся по большей части моими словами, слова эти будут правдивы, потому что мы с ним — одно. Его голос — мой голос. Говорить, что его слова отличаются от моих, означает толковать мои слова так, словно их произнес другой…

Ты — творец вселенной, патрон четырех дней — Эке, Орие, Афор и Нкво, из которых слагается неделя игбо[3].

Старые отцы предписали называть тебя именами и почетными титулами, число которых не счесть: Чукву, Эгбуну, Осебурува, Эзеува, Эбубедике, Гаганаогву, Агунджиегбе, Обасидинелу,

---

[3] Примечания: 3

В нынешнем календаре игбо 13 месяцев в году (афо), 7 недель в месяце (онва) и четыре рыночных дня в неделе (изу), плюс еще один лишний день в последний месяц года.

Агбатта-Алумалу, Иджанго-иджанго, Окааоме, Аквааквуру и много других…

Я стою здесь пред тобой, бесстрашный, как язык короля, чтобы изложить мои аргументы в пользу моего хозяина, зная: ты услышишь мой голос…

1. Женщина на мосту

Чукву, если некий дух-хранитель прислан в первый раз, чтобы поселиться в хозяине, который придет в мир в Умуахии, городе в земле великих отцов, то первое, что поражает его дух, это бескрайность земли. По мере того как дух-хранитель спускается с перевоплощающимся телом нового хозяина к земле, его поражает то, что открывается глазу. Вдруг словно убирается какой-то первобытный занавес, и ты оказываешься в бескрайних зарослях лиственных деревьев. Ты приближаешься к Умуахии, и тебя прельщает природа земли отцов: холмы, густой бесконечный лес Огбути-укву — ровесник первого человека, который охотился в нем. Ранним отцам было сказано, что здесь можно увидеть следы космического взрыва, в котором родился мир, и что с самого начала, когда мир разделялся на небеса, воду, лес и землю, лес Огбути стал страной, страной более обширной, чем любые сложенные о ней стихи. Листья деревьев рассказывают историю вселенной на свой, местный манер. Но даже величие бескрайнего леса меркнет рядом с множеством водоемов, самый большой из которых — река

Имо и ее бесчисленные притоки.

Река течет по лесу путаной сетью, сравнимой разве что с сетью человеческих вен. Ее можно найти в одной из частей города, где она бьет струей, как кровь из глубокой раны, а потом исчезает. Пройдешь по той же дороге небольшое расстояние, и она появляется — словно из ниоткуда — за холмом или бездонной пропастью. А потом между бедер долин она течет снова. Даже если мы потеряли ее вначале, нужно только миновать Бенде в направлении Умуахии, пройти через деревни Нгва, и маленький безмолвный приток покажет свой соблазнительный лик. Эта река занимает заметное место в мифах народа, потому что вода первостепенна в его вселенной. Народ знает, что все реки имеют материнские свойства, а потому способны к рождению. Эта река породила город Имо. Через город, расположенный поблизости, протекает Нигер, река еще больших размеров, которая сама стала предметом легенд. Давным-давно Нигер вышел из берегов на своем неустанном пути и встретил другую реку, Бенуе, и эта встреча навсегда изменила историю народа и цивилизаций на обеих реках.

Эгбуну, мое свидетельство сегодня вечером, история, ради которой я пришел в этот светлый

суд, началась на реке Имо почти семь лет назад. Мой хозяин отправился тем утром в Энугу, чтобы пополнить свои запасы, что он делал нередко. Предыдущей ночью в Энугу прошел дождь, и повсюду была вода, она стекала с крыш зданий, стояла в выбоинах на дороге, висела на листьях деревьев, капала с паутинных кружев, капельки воды оставались на лицах и одежде людей. Хозяин мой в хорошем настроении прошел по рынку, закатав брюки по щиколотки, чтобы не замочить отвороты грязной водой, он переходил от палатки к палатке, от лавки к лавке. Рынок кишел людьми, как всегда, даже во времена великих отцов, когда рынок был центром всего. Здесь обменивались товарами, устраивали празднования, проводили переговоры между деревнями. На всей земле отцов святилище Алы, великой матери, часто располагалось близ рынка. В представлении отцов рынок был также тем человеческим собранием, которое привлекало самых беспутных духов — *акалиоголи, амосу*, пройдох и различных бродячих бестелесных существ. Потому что на земле дух без хозяина — ничто. Для того чтобы оказывать хоть какое-то влияние на события в этом мире, нужно обитать в физическом теле. И потому эти духи пребывают

в постоянном поиске сосудов, в которых можно было бы поселиться, и неутомимы в своих поисках телесности. Их нужно избегать любой ценой. Я один раз видел, как такое существо в отчаянии поселилось в теле дохлой собаки. И оно какой-то алхимией сумело оживить эту падаль, заставить пройти несколько шагов, прежде чем бросить эту собаку снова дохлой и оставить ее лежать в траве. Зрелище было устрашающее. Вот почему чи не рекомендуется на рынках и в подобных местах покидать тело своего хозяина, если он спит или потерял сознание. Некоторые из этих бестелесных существ, в особенности злые духи, иногда даже пытаются вытеснить присутствующих чи или тех, кто вышел для консультаций во имя своих хозяев. Вот почему ты, Чукву, остерегаешь нас от таких путешествий, в особенности по ночам! Потому что, когда чужой дух входит в человека, изгнать его особенно трудно! Вот почему встречаются умственно больные, эпилептики с омерзительными страстями, убийцы собственных родителей и других! Во многих из них поселились чужие духи, а их чи становились бездомными, сведенными до положения существ, следующих повсюду за своими хозяевами, молящими или пытающимися вести переговоры

— часто бесплодные — с захватчиком. Я видел это много раз.

Вернувшись в свой фургон, мой хозяин записал в свой объемистый журнал учета, что он купил восемь взрослых птиц — двух петухов и шесть курочек, — мешок с просом, полмешка корма для бройлеров и нейлоновую упаковку, полную жареных термитов. Он заплатил двойную от обычной цену за одного белого петушка с длинным конусным гребешком и роскошным оперением. Когда продавец подал ему петушка, в глазах моего хозяина стояли слезы. Несколько мгновений продавец и даже птица в его руках казались мерцающей иллюзией. Продавец смотрел на него, как казалось, с удивлением, возможно, недоумевая, почему вид этого петушка так тронул моего хозяина. Продавец не знал, что мой хозяин — человек порыва и страсти. И что он купил эту птицу по двойной цене, потому что она имела поразительное сходство с гусенком, который был у него в детстве и которого он любил много лет назад, — с птицей, которая изменила его жизнь.

Эбудебике, после покупки ценного петушка он, довольный, отправился назад в Умуахию. Хотя он и понял, что провел в Энугу больше времени, чем собирался, и не кормил остальных своих

крылатых подопечных бóльшую часть дня, это не обескуражило его. Его мало взволновала мысль о том, что они могут поднять мятеж, будут издавать сердитое кудахтанье и крики, как они часто делали от голода, возмущаясь так громко, что жаловались даже отдаленные соседи. В этот день, в отличие от большинства других, он при проезде каждого пропускного пункта щедро платил полицейским. Не возражал, не говорил, что у него нет денег, в отличие от других дней. Вместо этого он, подъезжая к пропускным пунктам, перед которыми они выставляли бревна, усаженные гвоздями, вынуждавшими машины останавливаться, высовывал в окно руку с пачкой денег.

Гаганаогву, мой хозяин долгое время гнал по сельским дорогам, проходившим через деревни, между курганов и могильных холмов древних отцов, по дорогам, примыкающим к богатым фермам и зарослям кустарников, а небо тем временем медленно темнело. Насекомые бросались на лобовое стекло и взрывались на нем, как миниатюрные фрукты, пока все стекло не покрылось омерзительной жижей из насекомых. Ему пришлось дважды останавливаться и протирать стекло тряпкой, но стоило ему тронуться с места, как насекомые с новой силой принимались в

раже бросаться на стекло. Когда он добрался до въезда в Умуахию, день состарился и буквы на закрепленном на ржавой мачте знаке с надписью ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АБИЮ, ШТАТ ГОСПОДА БОГА были едва видимы. Желудок у него впал — потому что он целый день не ел. Он остановился недалеко от моста через реку Амату — приток великой реки Имо, — пристроился за фурой, закрытой сзади брезентом.

Заглушив двигатель, он услышал топот ног по полу фургона. Он спустился на землю, перешагнул через сточную канаву, опоясывавшую город, подошел к площади на другой стороне сточной канавы, где уличные торговцы сидели на табуретах под небольшими тканевыми навесами, их столики освещались фонариками и свечами.

На землю опустилась восточная темнота, и, когда он вернулся в фургон с гроздью бананов, папайей и полиэтиленовым пакетом, полным мандаринов, дорогу сзади и спереди накрыло одеяло из мрака. Он включил фары и поехал назад на хайвей, его новая птичья стая кудахтала в грузовой части фургона. Он ел банан, когда подъезжал к мосту через реку Амату. Всего неделю назад он слышал, что в этот самый плодородный из дождливых сезонов река разлилась и в ней уто-

нула женщина с ребенком. Он обычно не очень доверял всяким слухам о несчастьях, они гуляли по городу, как утяжеленные монеты, всегда падающие одной стороной, но эта история осталась в его голове по какой-то причине, которую не мог понять даже я, его чи. Он еще не доехал до середины моста, погруженный в размышления об этой матери с ребенком, когда увидел припаркованную у перил машину с распахнутой дверью. Поначалу он видел только машину, ее темное нутро и точечку света, отраженную от окна со стороны водителя. Но когда он стал переводить взгляд, то увидел нечто ужасное: женщину, собирающуюся спрыгнуть с моста.

Агуджиегбе, как же это загадочно: мой хозяин несколько дней думал об утонувшей женщине и вдруг оказался перед другой женщиной, которая забралась на перила и уже наклонилась, собираясь броситься вниз.

И как только он увидел ее, что-то в нем шевельнулось. Он остановил фургон, выпрыгнул из него, побежал вперед в темноту с криком:

— Нет, нет, не делайте этого! Пожалуйста! Не делайте. *Бико, еме на*![4]

---

[4] Примечания: 4
Пожалуйста, не делайте этого! (*игбо*)

Ему сразу же показалось, что такое неожиданное вмешательство испугало женщину. Она быстро повернулась, тело ее качнулось, и она, явно охваченная ужасом, упала спиной на мост. Он бросился вперед, чтобы помочь ей подняться.

— Нет, мамочка, пожалуйста, не надо! — сказал он, наклоняясь над ней.

— Оставьте меня! — крикнула женщина при его приближении. — Оставьте меня. Уходите.

Эгбуну, отвергнутый таким образом, он сделал несколько быстрых шагов назад, подняв руки на тот странный манер, каким дети старых отцов демонстрируют согласие или поражение, и сказал:

— Я все, я все.

Он повернулся к ней спиной, но не мог заставить себя уйти. Он боялся того, что она может совершить, если он уйдет, так как сам — человек многих скорбей — знал: отчаяние есть болезнь души, которая может уничтожить уже и без того побитую жизнь. Поэтому он повернулся к ней снова, он опустил руки, выставив их чуть вперед, как две палки:

— Не надо, мамочка. Нет на свете несчастья, ради которого стоило бы умирать таким способом. Нет такого, мамочка.

Женщина медленно, с трудом поднялась на

ноги: сначала встав на колени, потом выпрямившись, все это время она не сводила с него глаза, повторяя:

— Оставьте меня. Оставьте меня.

Он увидел теперь ее лицо в резком свете фар своего фургона. На ее лице застыла гримаса страха. Глаза ее, казалось, слегка опухли, вероятно, после долгих часов слез. Он сразу же понял, что перед ним глубоко раненная женщина, потому что любой человек, на чью долю достались страдания или который видел чужие страдания, может с расстояния заметить его знаки на лице другого. Женщина стояла, дрожа в свете фар, а он спрашивал себя, кого она могла потерять. Может быть, кого-то из родителей? Мужа? Ребенка?

— Я сейчас оставлю вас, — сказал он, снова поднимая руку. — Я оставлю вас в покое. Клянусь богом, сотворившим меня.

Он повернулся к своему фургону, но скорбь, которую он видел в ней, была так велика, что даже краткое шарканье его ног, уходящих от нее, казалось вопиющим актом жестокости. Он остановился, почувствовав мгновенную тяжесть в желудке и громкую тревогу сердца. Он снова повернулся к ней.

— Только, мамочка, — сказал он, — не прыгайте

туда, ладно?

Он поспешил к фургону, отпер заднюю дверь, открыл одну из клеток и, глядя в окно и шепча про себя «не прыгай, не прыгай», взял за крылья двух кур — по одной в руке — и поспешил к ней.

Женщина стояла на том же месте, где он ее оставил, смотрела в сторону его фургона, пребывая, казалось, в ступоре. Хотя дух-хранитель не предвидит будущего, а потому не может точно знать, что сделает его хозяин — только ты, Чукву, и великие божества владеют духом предвидения и могут наделять этим даром некоторых *дибиа*[5], — я предчувствовал, что он собирается сделать. Но, поскольку ты остерегаешь нас, духов-хранителей, чтобы мы не вмешивались в каждое дело хозяев, чтобы человек мог действовать по собственной воле, я не пытался остановить ее. Вместо этого я просто осенил его мыслью, что он — любитель птиц, человек, чью жизнь преобразили его отношения с крылатыми существами. Я в это мгновение осенил его разум трогательным видением гусенка, который когда-то принадлежал ему. Но это не произвело на него никакого впечатления, потому что в такие мгновения,

---

[5] Примечания: 5
Лекарь, шаман (*игбо*).

когда эмоции переполняют человека, он превращается в Эгбенчи, упрямого ястреба, который не слушает и даже не понимает, что ему говорят. Он идет туда, куда хочет, и делает то, что решил сделать.

— Нет ничего такого, ради чего стоило бы бросаться в реку и умирать. Ничего. — Он поднял птиц над головой. — Вот что случится, если кто-то упадет туда. Человек умрет, и никто больше его не увидит.

Он бросился к перилам, держа в руках квохтающих высокими голосами птиц, которые возбужденно рвались на свободу.

— Даже эти птицы не увидят, — добавил он и швырнул их с моста в темноту.

Несколько мгновений он смотрел на птиц, борющихся с восходящим потоком, они бешено молотили крыльями на ветру, отчаянно сражаясь за жизнь, но потерпели поражение. На его ладонь упало перо, но он стряхнул его с такой поспешностью, что руке на миг стало больно. Потом услышал булькающий звук падения птиц в воду, а за ним тщетные звуки хлопков и всплесков. Женщина, казалось, тоже прислушивается к этим звукам, и он в этом прислушивании почувствовал неразрывную связь с ней, словно они

оба стали единственными свидетелями какого-то непонятного, тайного преступления. Он стоял, пока не услышал тяжелый вздох женщины, посмотрел на нее, потом на воду, скрытую от его глаз темнотой, потом снова на нее.

— Видите, — сказал он, показывая на реку, над которой завывал ветер, словно кашель, застрявший в сухой глотке ночи. — Вот что случается, если кто-то падает туда.

Первая машина, появившаяся на мосту после него, двигалась с опасливой скоростью. Она остановилась в нескольких шагах от них, погудела, водитель сказал что-то неразборчиво, но он услышал язык Белого Человека, который понял я, его чи: «Я надеюсь, вы не бандиты!» После чего машина тронулась с места и уехала, набирая скорость.

— Вы видите, — повторил он.

Эти слова сорвались с его губ, и он вдруг успокоился, как это часто происходит в моменты, когда человек, совершивший что-то из ряда вон выходящее, отступает в себя. Он теперь думал только о том, как покинуть это место, и эта мысль обуяла его с неодолимой настоятельностью. И я, его чи, осенил его мыслью, что он сделал достаточно и теперь ему лучше всего уйти. И тогда он поспешил к своему фургону и завел его под

бунтующие голоса в грузовом отсеке. В боковом зеркале мелькнуло видение женщины на мосту, словно вызванный в поле света дух, но мой хозяин не остановился и не оглянулся.

2. Одиночество

Агуджиегбе, старые отцы, говорят: чтобы добраться до вершины холма, нужно начать с подножия. Они правы. Я стал понимать, что жизнь человека — это гонка от одного конца до другого. Та жизнь, которая началась позже, является следствием той, которая началась раньше. Вот почему люди задают вопрос «почему?», когда случается что-то, вызывающее у них недоумение. В большинстве случаев если заглянуть поглубже, то можно раскрыть даже самые глубинные тайны и мотивы их сердец. Таким образом, Чукву, чтобы вступиться за моего хозяина, я должен предложить искать корни всего в суровых годах, предшествующих тому вечеру на мосту.

Его отец умер только девятью месяцами ранее, и его переживания были мучительными, как никогда прежде. Может быть, он чувствовал бы себя немного иначе, не будь он один, как он был не один во время смерти матери, или потери гусенка, или ухода из дома его сестры. Но когда умер его отец, он остался совсем один. Его сестра Нкиру бежала с мужчиной старше ее, а когда узнала, что отец умер вскоре после ее бегства,

ее замучила совесть и она отдалилась от брата еще больше. Те дни, что наступили потом, были темны и не обещали облегчения. Агву[6] боли не отпускал его день и ночь и превратил его в пустой дом, по которому, как мыши, пробегали мучительные воспоминания о семье. По утрам он обычно просыпался, чувствуя запахи еды, которую готовила мать. А иногда днем случались очень правдоподобные явления сестры, словно она только ненадолго скрылась за занавеской. А по ночам он с такой четкостью видел отца, что иногда пребывал в полной уверенности: вот он здесь, рядом, его отец. Он кричал в темноту: «Папа! Папа!», быстро поворачиваясь на месте. Но в ответ он слышал только тишину, тишину такую всеподавляющую, что она часто возвращала ему уверенность в реальности.

Он шел по миру словно по канату, и голова у него кружилась. Он смотрел на мир под таким углом зрения, с которого ничего не было видно. Ничто не давало ему утешения, даже музыка Оливера де Кока на его большом кассетнике, который он часто включал по вечерам или когда работал во дворе. Его скорбь не щадила даже птиц. Он

---

[6] Примечания: 6
Леопард *(игбо).*

стал относиться к ним с меньшим вниманием, кормил в основном раз в день, а иногда и вообще забывал о кормежке. Их бунтовское протестное кудахтанье часто выводило его из состояния заторможенности, вынуждая его насыпать им корм. Он стал не так внимательно, как прежде, оберегать их, и его птицы не раз становились жертвой ястребов и других хищников.

Как он ел в те дни? Он просто кормился с маленькой фермы — участка земли, который тянулся от фасада его дома до места, где начиналась дорога, тут у него росли помидоры, окра[7] и перец. Он перестал ухаживать за кукурузой, которую выращивал его отец, и она завяла и умерла, и он позволял скопищу насекомых способствовать ее дальнейшему гниению, пока они не переходили на другие посевы. Когда то, что осталось от фермы, перестало удовлетворять его потребности, он начал покупать еду на рынке около большой развязки, обходясь минимумом слов. А со временем он словно онемел, мог целыми днями не произносить ни слова, даже со своими подопечными курами, к которым раньше часто обращался как к товарищам. Он покупал

[7] Примечания: 7

Окра, или бамия, или гомбо — абельмош съедобный, однолетнее травянистое растение с плодами, похожими на стручки зеленого перца.

лук и молоко в продуктовых лавках поблизости, а иногда ел в заведении по другую сторону улицы — ресторане «Мадам Комфорт». Там он тоже почти не говорил, только с напряженным эмоциональным трепетом оглядывал людей вокруг, словно за их внешним миролюбием скрывались духи-раскольники, пришедшие в его мир через заднюю дверь.

Вскоре, Осебурува, как это часто случается, скорбь настолько овладела им, что он стал противиться любой помощи. Даже Элочукву, единственный друг, оставшийся у него после школы, не мог его утешить. Он и от Элочукву стал скрываться, а один раз, когда Элочукву приехал на его компаунд[8], постучал в дверь и прокричал его имя, проверяя, дома ли тот, мой хозяин сделал вид, что его нет. Элочукву, видимо подозревая, что его друг дома, позвонил моему хозяину по телефону. Мой хозяин не отвечал на звонок, и Элочукву, наверно решив, что его и в самом деле нет дома, уехал. Он отвечал отказом на все приглашения своего дядюшки, единственного остававшегося в живых брата отца, приехать к нему и обосноваться в Абе. А когда старик продолжал настаивать,

[8] Примечания: 8
Огороженный земельный участок.

он выключил телефон и не включал два месяца, пока как-то утром не проснулся под звук машины дядюшки, въезжающей на его компаунд.

Дядюшка приехал очень сердитым, но, когда увидел, насколько сломлен племянник, каким стал худым, каким обессиленным, его это тронуло. Старик расплакался в его присутствии. Когда мой хозяин понял, что его вид вызвал слезы у этого человека, с которым он не встречался много лет, что-то в нем изменилось. Он обнаружил, что в его жизни образовалась дыра. И тем вечером, когда его дядюшка храпел, растянувшись на одном из диванов в гостиной, ему стало ясно, что дыра образовалась после смерти его матери. Так оно и было, Гаганаогву. Я, его чи, был там, когда он увидел, как его мать вывозят из больницы мертвой, вскоре после того как она родила его сестру. Это случилось двадцать два года назад, в год, который Белый Человек называет 1991-й. Моему хозяину тогда было всего девять, и он по малолетству не мог принять то, что дала ему вселенная. Мир, который он знал до этого дня, вдруг сморщился, и его уже невозможно было разгладить. Отцовская преданность, поездки в Лагос, посещения зоопарка в Ибадане и парка аттракционов Порт-Харкорте, даже игры с видео-

приставками — ничто не помогало. Что бы ни делал отец, рана в душе мальчика не заживала.

К концу того года, приблизительно в то время, когда космический паук Элуигве начинает ткать густую сеть вокруг луны в тринадцатый раз, отец, все отчаяннее пытавшийся вернуть сына к нормальному существованию, отвез его в деревню. Он вспомнил, что мой хозяин когда-то прельщался историями о том, как он, его отец, маленьким мальчиком охотился на диких гусей в лесу Огбути во время войны. И вот он взял моего хозяина поохотиться на гусей, о чем я тебе расскажу в свое время, Чукву. Именно там мальчик и поймал гусенка, птицу, которая изменила его жизнь.

Дядюшка, увидев состояние, в котором находился мой хозяин, остался с ним на четыре дня вместо одного, как собирался поначалу. Старик прибрался в доме, покормил птицу, свозил его в Энугу, чтобы купить корма и припасы. В эти дни дядя Бонни, несмотря на свое заикание, наполнил голову моего хозяина словами. Больше всего он говорил о пагубности одиночества и необходимости иметь в доме женщину. И его слова были истинны, потому что я прожил среди людей достаточно долго и знал, что одиночество — это бешеная собака, которая непрерывно лает

долгими ночами скорби. Я видел это много раз.

— Нонсо, е-если т-ты вск-к-коре не з-з-заведешь себе ж-ж-жену, — сказал дядя Бонни в утро отъезда, — т-твоей т-тете и м-м-мне п-придется взять т-тебя к нам. — Дядюшка покачал головой: — П-потому что т-так ж-жить нельзя.

Слова дядюшки были настолько сильны, что после его отъезда мой хозяин начал задумываться о новых вещах. Он вдруг — словно из хранившихся в тайных местах яиц его исцеления вылупились птенцы — обнаружил, что в нем проснулось желание, которого он давно не знал: желание женского тепла. Эта жажда отвлекла его от мыслей о его утратах. Он начал чаще выходить, прогуливаться близ Федерального женского колледжа. Поначалу он с беспокойным любопытством лишь смотрел на девушек из придорожных столовых. Он обращал внимание на их косички, их груди, их фигуры. Когда у него проснулся интерес, он попытался познакомиться с одной, но она отвергла его. Мой хозяин, которого обстоятельства превратили в человека, неуверенного в себе, решил, что во второй раз он не будет пробовать. Я послал ему мысль, что с первой попытки трудно завоевать женщину, но он не обратил внимания на мой голос. Через несколько дней после того,

как его отвергли, он отправился в бордель.

Чукву, женщина, в чью кровать ему дозволили войти, была в два раза старше его. Она носила распущенные волосы, как это делали великие матери. Лицо она раскрашивала каким-то порошком, отчего оно становилось привлекательным для мужчин. Овалом лица она напоминала Улому Незеанья, женщину, которая двести сорок шесть лет назад обручилась с одним моим прежним хозяином (Аринзе Ихеме), но исчезла перед церемонией подношения вина, ее похитили охотники за рабами аро[9].

На его глазах женщина разделась, и он увидел ее роскошное тело, ее полные груди. Но когда она попросила его оседлать ее, он не смог это сделать. Это, Эгбуну, был чрезвычайный жизненный опыт, подобного которому я не видел никогда прежде. Потому что вдруг сильнейшая эрекция, которая длилась у него два дня, исчезла в тот самый момент, когда могла получить удовлетворение. Он вдруг остро ощутил себя новичком, неискушенным в искусстве секса. За этим последовал ряд образов — его мать в больничной кровати, гусенок, опасно расположившийся на

---

[9] Примечания: 9
Этническая группа, входящая в состав народа игбо.

заборе, отец в жесткой хватке трупного окоченения. Он задрожал, медленно сполз с кровати и попросил отпустить его.

— Что? Хочешь вот так пустить деньги на ветер? — сказала женщина.

Он сказал, да. Встал и потянулся к своей одежде.

— Я нет понимай, посмотри, твой петушок еще мала-мала стоять.

– *Бико, ка'м лаа*[10], — сказал он.

— Твоя английский нет говорить? Пиджин тогда говорить, мой игбо понимать нет, — сказала женщина.

— Хорошо, я говорю, что хочу уйти.

— Твой вдруг хотеть перестать. Мой такой раньше нет видать. Но мой не хотеть ты деньга потерял за так.

Женщина встала с кровати и включила свет. Он отошел назад при виде всего великолепия ее женственности.

— Бояться нет, бояться нет, расслабь.

Он стоял не двигаясь. Его руки словно приготовились к защите, когда женщина взяла его одежду и вернула на стул. Она опустилась на

---

[10] Примечания: 10
Пожалуйста, отпусти меня (*игбо*).

колени, взяла его член одной рукой, другой сжала его ягодицы. Он поежился и задрожал от охватившего его ощущения. Женщина рассмеялась.

— Твой сколько лет?

— Тридцать, мммм, тридцать.

— Мой правда просить, твой сколько лет?

Она сжала кончик его пениса. Он открыл рот, собираясь заговорить, но она сомкнула губы на его члене и заглотила его до половины. Мой хозяин с лихорадочной торопливостью пробормотал слова *двадцать четыре*. Он попытался вырваться, но женщина обхватила его за талию другой рукой и не отпустила. Она принялась с истовым усердием, причмокивая, обсасывать его член, а он вскрикивал, скрежетал зубами, произносил бессмысленные слова. Он видел радужный свет, приправленный темнотой, и ощущал холод внутри. Возбуждение продолжало нарастать, и вот он испустил крик: «Мой сейчас кончать, сейчас кончать!» Женщина отвернулась, и струя семени прошла рядом с ее лицом. Он упал на стул, боясь потерять сознание.

Он покинул бордель потрясенный и обессиленный, неся на себе груз пережитого, словно мешок с зерном. А через четыре дня он встретил ту женщину на мосту.

Эзеува, тем вечером он уехал с моста, не зная толком, что сделал, понимая лишь, что нечто из ряда вон выходящее. Он ехал домой с чувством выполненного долга, он такого давно уже не испытывал. Он в тиши выгрузил новых птиц, шестерых вместо восьми, отнес клетки во двор, освещая дорогу фонариком из своего телефона. Потом распаковал силосный мешок с пшенной крупой и все другое, что купил в Энугу. Когда он закончил со всеми делами, его вдруг осенило. «Чукву!» — сказал он и поспешил в гостиную. Взял аккумуляторный светильник, щелкнул выключателем сбоку, и три флуоресцентные лампы загорелись слабым белым светом. Вывернул выключатель посильнее, но свет не стал ярче. Он подался вперед и принялся разглядывать их, увидел, что одна лампа выгорела, ее верхушка покрылась пятном сажи. Тем не менее он бросился со светильником во двор и, когда увидел в полусвете клетку, снова вскрикнул: «Чукву! О Чукву!» Он обнаружил, что одной из птиц, которых он выбросил за перила моста, был петушок, белый, как хлопок.

Акатака, это распространенное явление среди людей — пытаться изменить ход вещей. Но такая попытка всегда, всегда терпит неудачу. Я

видел это много раз. Как и другие люди его племени, мой хозяин выбежал из дома и бросился к фургону, на котором уже устроился черный кот, поглядывая вокруг, как сторож. Он шикнул на кота, согнал его с фургона. Тот громко взвыл и припустил в ближние кусты. Мой хозяин сел за руль и поехал назад в ночь. Машин на дороге было мало, и только раз фура, пытавшаяся заехать на бензоколонку, помешала ему. Когда он доехал до моста, женщина, которую он видел совсем недавно, исчезла. Ее машина тоже. Он решил, что она не бросилась в реку, потому что если бы бросилась, то машина бы осталась. Но в данный момент его заботила не женщина. Он побежал вниз к берегу, ночные звуки наполняли его уши, фонарик поглощал темноту, как удав. Рой насекомых облепил его лицо, когда он приблизился к воде. Он бешено замахал руками, чтобы отогнать их. Луч его фонарика следовал за движениями его руки и несколько раз прошелся прямым стержнем по воде, а потом мелькал вдоль берега на несколько метров в обе стороны. Его взгляд провожал полоску света у кромки воды, но видел вокруг только пустоту, тряпье и грязь. Он прошел прямо под мост, повернулся, услышав звук, его сердце забилось чаще. Он подошел ближе, и луч

его фонарика высветил корзину. Волокна из рафии[11] расплелись в длинные крученые полоски. Он бросился к корзинке: может быть, одна из птиц забралась внутрь, чтобы спастись от воды.

В корзинке ничего не обнаружилось, и он направил свет на воду под мостом и дальше, насколько доставал лучик вниз по течению, но никаких следов ни одной птицы так и не увидел. Он вспомнил тот момент, когда бросал их, как они принялись бить крыльями, как они в мучительном отчаянии пытались зацепиться за перила моста и как им это, вероятно, не удалось. Он, начав заниматься птицеводством, рано узнал, что домашняя птица — слабейшее из всех животных на свете. У них почти нет способности постоять за себя или защищаться от опасностей, и больших, и малых. Поначалу он из-за гусенка любил всех птиц, но, после того как увидел жестокий налет ястреба на курочку, стал любить только слабую домашнюю птицу.

Прочесав густую шкуру ночи, как вычесывают вшей с густой шкуры животных, мой хозяин в ярости вернулся домой. Собственные действия казались ему теперь более похожими на нечто, со-

---

[11] Примечания: 11
Растение семейства пальмовых.

деянное его рукой в разладе с разумом. И больше всего именно это доставляло ему боль. Неожиданная тьма часто опускается на сердце человека, который обнаруживает, что он нечаянно причинил кому-то зло. Обнаружив причиненное им зло, душа человека коленопреклоняется, признавая полное свое поражение, предается на милость *алуси*[12] раскаяния и позора и таким образом ранит себя. А раненый человек ищет исцеления через воздаяние. Если он испачкал чью-то одежду, он может принести пострадавшему новую и сказать: вот, брат мой, возьми эту новую одежду взамен той, что я погубил. Но если он совершил нечто такое, что не поддается исправлению, или сломал нечто, что невозможно починить, то он может только одно: предаться утешительному очарованию раскаяния. Это нечто мистическое!

Эзеува, когда мой хозяин искал ответ на что-то, что было выше его понимания, я нередко отваживался подсказывать ему. И вот, прежде чем он уснул, я внушил ему, что он утром должен вернуться на реку, может быть, ему все же удастся найти птицу. Но он не послушался моего совета. Он решил, что эта мысль родилась в его мозгу,

---

[12] Примечания: 12
Божество (*игбо*).

потому что у человека нет способа отличить, что было вложено ему в голову духом — пусть даже его собственными чи, — а что предложено голосом его собственной головы.

Я в тот день настойчиво осенял его этой мыслью еще несколько раз, но голос его головы каждый раз возражал, убеждал, что слишком поздно, что птица наверняка утонула. На что я отвечал, что он не может быть в этом уверен. И тогда голос его головы говорил: *Петушка нет, я тут уже ничего не могу поделать*. И потому, когда настал вечер и я понял, что он никуда не поедет, я сделал то, Осебурува, против чего ты остерегал духов-хранителей, говорил, что прибегать к этому можно лишь в крайних случаях. Я вышел из тела моего хозяина, когда он еще не спал. Я сделал это, потому что знал: моя, духа-хранителя, задача быть не только проводником, но еще помощником и свидетелем вещей, которые могут лежать за пределами его понимания. Это потому, что я вижу себя его представителем в царстве духов. Я нахожусь в моем хозяине и вижу каждый взмах его рук, каждый шаг его ног, каждое движение его тела. Для меня тело моего хозяина — экран, на который проецируется его жизнь во всей полноте. Потому что, пока я внутри хозяина, я — всего

лишь пустой сосуд, наполненный жизнью человека, воплощенного в этой жизни. Таким образом, я наблюдаю за его жизнью с места свидетеля, и его жизнь становится моими свидетельскими показаниями. И в то же время чи, пока находится в теле хозяина, ограничен в своих возможностях. Пребывая там, почти невозможно видеть или слышать то, что находится или говорится в царстве сверхъестественного. Но когда ты выходишь из хозяина, то тебе становится известно то, что недоступно царству людей.

Выйдя из моего хозяина, я сразу же услышал великий шум в мире духов, оглушающую симфонию, которая могла бы испугать даже храбрейшего из людей. Раздавалось множество голосов — крики, вопли, оклики, шумы, звуки всякого рода. Это поразительно: хотя стена между миром людей и миром духов имеет толщину древесного листа, ни до кого отсюда не доносится ни звука, хотя бы в виде шелеста, пока он не покинет тело своего хозяина. Этот шум подавляет новосотворенных чи, оказавшихся на земле впервые, они пугаются настолько, что могут сбежать назад — в тишину крепости своего хозяина. Это случилось со мной во время моего первого пребывания на земле, а еще и со многими духами-хранителями,

которых я встречал в пещерах отдохновения Огбунике, Нгодо, Эзи-офи и даже в пирамидальных холмах Абаджи. Особенно это невыносимо в ночное время — время духов.

Каждый раз, покидая хозяина, когда он пребывает в бессознательном состоянии, я как могу укорачиваю свои визиты в мир духов — опасаюсь, как бы за время моего отсутствия ничего не случилось и он не сделал бы ничего такого, о чем я не мог бы свидетельствовать. Но если ты имеешь бесплотную форму, путь куда бы то ни было вовсе не похож на путь, которым идет тот, кто рождается из человеческого сосуда, и потому мне приходилось медленно пробираться по переполненному залу Бенмуо, где духи самых разных видов извиваются, как невидимые черви в банке. Моя поспешность принесла свои плоды, и я добрался до реки за время, необходимое для семи морганий, но там я ничего не увидел. Я вернулся на следующий день, а во время третьего посещения увидел коричневого петушка, которого он сбросил с моста. Петушок весь вспучился и теперь лежал на поверхности реки, выставив вверх ноги, окоченевший и мертвый. Вода добавила едва ощутимый оттенок серого в его оперение, а перьев на животе не осталось, как если бы их

пожрало что-то в воде. Его шея словно удлинилась, морщины стали глубже, а тело распухло. На одном из его крыльев, распластавшемся по поверхности воды, сидела хищная птица, разглядывая утопленника. Белого, как хлопок, петушка я нигде не увидел.

Эбубедике, за много циклов моего существования я пришел к пониманию того, что все случающееся с человеком уже происходило давным-давно в некоем подземном царстве и у всего во вселенной есть прецеденты. Мир вращается на бесшумном колесе древнего терпения, у которого ждет, оживляясь этим ожиданием, все сущее. Неудача, постигшая человека, давно, не подгоняя время, ожидала его — посреди какой-нибудь дороги, на шоссе или на каком-нибудь поле боя. И обманута и введена в тупое недоумение может быть только та персона, которая доходит до этого места и останавливается пораженная, вместе с теми, кто ей сочувствует, даже вместе с его чи. Но на самом деле этот человек умер давным-давно, реальность его смерти была едва прикрыта шелковой вуалью времени, которая теперь разошлась, и истина стала очевидна. Я видел это много раз.

Пока мой хозяин спал той ночью, я вышел из

него, как часто делал это и прежде, чтобы охранять его, потому что обитатели Бенмуо часто становятся более активными на земле по ночам, пока человечество спит. И из этого положения я осенил его подсознание образом курицы и хищной птицы, потому что сфера сна открывает возможность самым легким способом сообщить о таком таинственном событии своему хозяину, через это хрупкое царство, в которое чи всегда должен заходить с великой осторожностью и опаской, потому что оно есть открытый театр, доступный для любого духа. Чтобы войти в мир сна хозяина, сначала чи должно извергнуть себя из него. Это также препятствует чужим духам идентифицировать данное чи как чи, парящее в необитаемом пространстве.

Когда я осенил его этими образами, он дернулся во сне, поднял руку, сжал ее в слабый кулак. Я облегченно вздохнул, зная: теперь ему известно о том, что случилось с его белым петушком.

Гаганаогву, скорбь из-за утопления птиц заглушила в нем все мысли о женщине на мосту. Но постепенно, по мере того как скорбь стихала, на границах его разума стали возникать мысли о ней, а потом они начали постепенно накапливаться. Он все больше думал о ней, о том, какой

он ее видел. Из того ночного видения он сумел собрать о ней только то, что она женщина среднего роста, вовсе не такая полнотелая, как мисс Джей, проститутка. На ней были легкая блузочка и юбка. И еще он запомнил, что она приехала на «Тойота Камри», похожей на машину его дядюшки. Часто мысли моего хозяина перескакивали, как кузнечик, с ее внешности на его пытливые предположения о том, что она стала делать, когда он оставил мост. Он винил себя за то, что оставил мост в такой спешке.

В следующие дни он аккуратно ухаживал за своей птицей и садом, занятый мыслями об этой женщине. А когда ездил по городу, его глаза искали синюю машину. Прошли недели, и он снова начал томиться по той проститутке. Желание крепло, как гроза, и заливало выжженный ландшафт его души. Как-то вечером оно привело его в бордель, но мисс Джей была занята. Его обступили другие женщины, и одна из них утащила его к себе в комнату. У этой женщины были тонкая талия и шрам на животе. С ней он чувствовал себя легко и уверенно, словно в месте его прошлой сексуальной встречи его опасения и наивность были повержены и измельчены в прах. Он отдался ей без малейших колебаний, и хотя я часто

избегаю смотреть за моим хозяином, когда он занимается сексом, из-за пугающей похожести этого действа на смерть, но тогда я наблюдал, потому что по-настоящему то был его первый раз. Когда он закончил, она похлопала его по спине и сказала, что он был хорош.

Но, несмотря на этот опыт, его по-прежнему влекло к мисс Джей, к ее телу, к знакомому звуку ее дыхания. Его удивило, что, хотя он и проделал нечто более искушенное с другой женщиной, в руках мисс Джей он получил больше удовольствия. Он вернулся в бордель три дня спустя и отказался от услуг той женщины, хотя она радостно подбежала к нему. На этот раз мисс Джей была свободна. Она посмотрела на него, вроде бы узнала и молча принялась раздевать. Прежде чем они начали, она ответила на телефонный звонок и сказала звонившему, чтобы пришел через два часа, а когда мужской голос вроде бы отверг такое предложение, она остановилась на полутора часах.

Они уже начали, когда она заговорила о прошлом разе и рассмеялась.

— Твой сейчас глаз не закрыл, как в тот раз, когда моя тебе отсосать, да?

Он занимался с нею любовью со рвением, кото-

рое лихорадило его душу, он весь отдался этому действу. Но когда он в изнеможении рухнул рядом с ней, она оттолкнула его руку и поднялась.

— Мисс Джей, — позвал он чуть не со слезами.

— Да, что там? — сказала женщина. Она начала надевать бюстгальтер.

— Я тебя люблю.

Эгбуну, женщина замерла, хлопнула в ладоши и рассмеялась. Она включила свет и вернулась в постель, взяла его лицо руками, подражая рассчитанной серьезности, с какой он произнес эти слова, и рассмеялась еще громче.

— Ай, бой, ты плохо понимать, что сам говорить. — Она снова хлопнула в ладоши. — Ты тут говорить, ты моя любить. Ты мой жопа увидать, и конец торчком. И ты мне теперь говорить, ты моя любить. Ты лучше мамочка твой скажи, ты ее любить.

Она щелкнула пальцами и снова разразилась веселым смехом. И немало дней потом ее смех эхом отдавался во многих пустотах его существа, словно над ним смеялся весь мир, над маленьким одиноким человеком, чей единственный грех состоял в том, что он был маленьким одиноким человеком, который отчаянно искал человеческого общества. И вот тогда он впервые и ощутил

дурманящее воздействие романтической любви — чувства, отличающегося от того, что он испытывал к своим птицам и к своей семье. Это было мучительное чувство, потому что ревность — это дух, который стоит на границе между любовью и безумием. Он хотел, чтобы она принадлежала ему, а все другие мужчины, которые занимались с ней сексом после него, вызывали его возмущение. Но он не знал, что ничто по-настоящему никому не принадлежит. Нагим он родился, нагим он и вернется. Человек может владеть чем-то, пока оно с ним. Как только оно покидает его, он может его потерять. Он тогда не знал, что человек может отказаться от всего, что у него есть, ради женщины, которую любит, а когда он вернется, она может не захотеть его больше. Я видел это много раз.

И потому, сломанный тем, о чем он еще не знал, он ушел оттуда в решимости никогда не возвращаться.

3. Пробуждение

Иджанго-иджанго, за время моих многочисленных пребываний на земле я слышал почтенных отцов, говоривших в своем калейдоскопическом глубокомыслии: независимо от силы скорби, ничто не может заставить человека плакать кровавыми слезами. Сколько бы ни плакал человек, из его глаз всегда текут только обычные слезы. Человек может оставаться в состоянии скорби длительное время, но в конечном счете он вырастет из своей скорби. Со временем разум человека приобретет сильные конечности, они разрушат стену, и он будет спасен. Потому что, как бы ни была темна ночь, она скоро пройдет, и Каману, бог солнца, воздвигнет на следующий день свою грандиозную эмблему. Я видел это много раз.

К четвертому месяцу после встречи с женщиной на мосту мой хозяин почти перестал скорбеть. В счастливого человека он все равно не превратился, потому что даже в самые светлые дни его лицо оставалось темным не только цветом кожи. Он снова был жив и готов к тому, чтобы стать счастливым. Он стал встречаться со своим другом Элочукву, который начал регу-

лярно приезжать к нему и убедил его вступить в ДВСГБ[13], группу, которая старой метлой сметала молодых игбо в кучу пыли. Всегда стройный Элочукву, который был его другом и наперсником в средней школе, стал дюжим, у него наросли бицепсы, и он не уставал их демонстрировать, надевая майки или рубашки без рукавов. «Нигерия проиграла», — говорил он моему хозяину на языке Белого Человека, а потом переходил на язык отцов, которым обычно разговаривал с моим хозяином: «*Ихе эме би го. Аний чоро нзопута*!»[14] По настоянию Элочукву мой хозяин присоединился к нему. По вечерам они встречались в большой мастерской автодилера, приходили в черных беретах и красных рубашках, окруженные флагами с изображением наполовину закатившегося солнца и фотографиями солдат, которые сражались за Биафру. Мой хозяин маршировал с этой группой, выкрикивал с ними лозунги, изо всех сил напрягая легкие. Он кричал вместе с ними: «Биафра должна подняться снова!», топал ногами

[13] Примечания: 13

ДВСГБ — Движение за восстановление суверенного государства Биафра; *англ.* MASSOB — Movement for the Actualization of the Sovereign State of Biafra.

[14] Примечания: 14

На всем порча. Мы хотим революции! *(игбо)*

по земляному полу, потом они начинали скандировать: «ДВСГБ! ДВСГБ!» Он сидел среди этих людей и слушал дилера и главу движения Ральфа Увазуруике. И здесь мой хозяин заговорил, он снова стал веселым, и многие отметили его широкую улыбку и охотный смех. Эти люди, не зная, где он был или откуда пришел, увидели первые признаки его исцеления.

Чукву, поскольку я находился в одном из моих хозяев во время Войны за независимость Биафры[15], то опасался, что заигрывание нынешнего с этой группой накличет на него беду. Я осенил его мыслью, что эти встречи могут закончиться насилием. Но голос в его голове ответил с уверенностью, что он не боится. Он и в самом деле долго встречался с этой группой, движимый только яростью, которую сам не мог определить. Потому что сам он не испытывал никакого особого недовольства. Он не знал ни одного человека, которого убили бы люди из Северной Нигерии. Хотя многие из темных слов этой группы казались ему

[15] Примечания: 15

Война за независимость Биафры, или Гражданская война, продолжалась с 1967 по 1970 год, когда объявленная в 1967-м независимой Биафра (основным населением которой был народ игбо) после кровопролитной войны (ее жертвами стало около миллиона нигерийцев) была возвращена в состав Нигерии. Название Биафра это государство получило по названию залива в юго-восточной части Африки.

правильными — например, он понимал, что ни один игбо никогда не был президентом Нигерии и, вероятно, никогда не будет, — ничто из этого не задевало его лично. Он ничего не знал об этой войне, кроме того что на ней сражался его отец, который рассказывал ему много историй об этом. И пока эти люди говорили, живые картинки войны в пересказе отца метались в грязи его воспоминаний, как раненые насекомые.

Но на встречи эти он приходил главным образом потому, что Элочукву был его единственным другом. Сосед, приложивший руку к смерти гусенка, закрыл для дружбы сердце моего хозяина, который после того происшествия воспарил над серым полем человечества и решил, что мир людей, на его вкус, слишком жесток. А потому он нашел себе утешение среди пернатых. Еще он приходил на эти встречи, потому что это давало ему какое-то занятие, кроме ухода за птицей и маленькой фермой, а еще он наделся, что, перемещаясь из одного места города в другое, подавая голос в защиту суверенного государства Биафра, он мог случайно столкнуться с женщиной, которую встретил на мосту. Акатака, именно эта последняя причина главенствовала в его голове, была основной, а потому, даже когда марши нача-

ли становиться все более опасными, он все равно в них участвовал. Но после месяца протестов, столкновений с полицией, беспорядков, насилия и моих настойчивых убеждений с помощью бесконечных осенений его правильными мыслями он отказался от участия, порвал с группой, как колесо, отвалившееся от несущейся машины и укатившееся в пропасть.

Он вернулся к своей обычной жизни, стал вставать с рассветом под прекрасную, но обманчивую музыку курятника — симфонию петушиного пения, кудахтанья и щебета, все это часто сплавлялось в нечто такое, что его отец как-то раз назвал согласованным хором. Он собирал яйца, записывал даты появления новых цыплят в журнал учета, кормил птиц, смотрел, как они поклевывают травку во дворе, и держал рогатку наготове, чтобы защитить их, если понадобится, уделял особое внимание слабым. Раз в месяц он полный день работал, почти ни на что не отвлекаясь, сажал томаты на той части его земли, которая предназначалась для посадок. Он давно не занимался этой землей, и перемены, которые теперь увидел, потрясли его. Пропалывая землю, он обнаружил красных муравьев, которые не то что вторглись на его территорию, но полностью

завладели ею. Они расположились глубоко в нерве земли, свили себе гнездышки в каждом комке. Они, казалось, кормились корнями старой мертвой маниоки, которая, вероятно, и перестала расти именно из-за их вторжения. Он вскипятил воду в чайнике и, полив ею землю, убил всех муравьев. После этого он собрал в кучу мертвых муравьев, унес их и посеял семена.

Потом он вернулся во двор и смыл семена томатов, оставшиеся у него под ногтями и чернившие его большие пальцы. Потом зачерпнул миску пшенки из силосного мешка, стоявшего в неиспользуемой комнате, и рассыпал зерна на коврике. Он раскрыл клетки, где клевало зернышки около десятка кур, которые стремглав понеслись к коврику с зерном. В курятниках было две больших клетки, в обеих — курицы с цыплятами, а в одной из них еще три крупных куры-бройлера в окружении своих яиц. Он прощупал всех птиц, чтобы убедиться, что они здоровы. Всего здесь было около сорока коричневых и с дюжину белых. Накормив их, он встал во дворе, наблюдая за ними, которая из них испражнится, чтобы палочкой разбередить помет и посмотреть, нет ли там глистов. Он проверял серый фекальный шарик, оставленный одним

из бройлеров у колодца, когда услышал голос женщины, продававшей земляные орешки.

Эгбуну, должен сказать, что мой хозяин так реагировал на голос не каждой женщины, но голос этой показался ему странно знакомым. Он-то этого не знал, но я знал, что ее голос напомнил ему о матери. Он увидел перед собой пухленькую темнокожую женщину, по виду его ровесницу. Она потела на жарком солнце, и пот блестел на ее ногах. На голове она несла поднос с земляными орешками. Она принадлежала к тому классу бедных людей, который был создан новой цивилизацией. Во времена старых отцов в недостатке жили только ленивые, праздные, немощные да про́клятые, а теперь так жило большинство. Выйдите на улицы, зайдите в сердце любого рынка в Алаигбо[16], и вы увидите там гнущих спину людей, людей, чьи руки огрубели, словно камень, чьи одежды пропитались потом, людей, живущих в отвратительной нищете. Когда пришел Белый Человек, он принес много хорошего. Дети и отцы, увидев машину, кричали от удивления. Мосты? «Ах, как это замечательно!» — говорили они. «Разве это не одно из чудес

[16] Примечания: 16
Земля игбо (*игбо*).

света?» — говорили они по радио. Они не просто пренебрегали цивилизацией их благословенных отцов, они ее разрушили. Они ринулись в города — в Лагос, Порт-Харкорт, Энугу, Кано, — но там узнали, что хороших вещей на всех не хватает. «А где машины для нас?» — спрашивали они у ворот этих городов. «Они только у немногих!» — «А как насчет хорошей работы, такой работы, чтобы сидеть под кондиционером и носить длинные галстуки?» — «Так все это только для тех, кто много лет проучился в университете, но и тогда тебе приходится конкурировать со множеством других людей, имеющих ту же профессию». И тогда дети отцов, расстроенные, развернулись и пошли назад. Но куда? На руины того, что сами и разрушили. И потому они живут впроголодь, потому вы видите людей вроде этой женщины, которая выхаживает по городу из конца в конец, продавая орешки.

Он окликнул ее, подозвал.

Женщина повернулась в его сторону, подняла руку, чтобы не упал поднос с ее головы. Она показала на себя и сказала какие-то слова, которые он не расслышал.

— Я хочу купить орешков! — крикнул он ей.

Женщина двинулась по грунтовой дорожке,

на которой повсюду остались недавние следы покрышек его фургона и четырех покрышек машины его дядюшки. После прошедшего вчера дождя красная земля покрылась небольшими земляными шариками, которые цеплялись к покрышкам. И теперь в ясный день красноватая земля все еще издавала древний запах, и по ней повсюду ползали черви, прокладывая и оставляя за собой канавки. Ребенком мой хозяин после сильных дождей любил давить червей ногами, а иногда его друзья, в особенности похититель гусенка Эджике, собирали червяков в прозрачные полиэтиленовые пакеты и смотрели, как они корчатся в безвоздушном закрытом пространстве.

Она подошла к нему, на ней были шлепки с открытыми пальцами, пластиковые ремешки которых, как и ее ноги, были покрыты пылью. На груди у нее болтался маленький кошелек, подвешенный на шее на матерчатом шнурке. Она шла, ступая по грязи, а он тем временем отер руки о стену у двери. Он вошел в дом и торопливо оглядел комнату. Впервые заметил густые клочья паутины на потолке гостиной, что напомнило ему о том, сколько времени прошло после смерти отца, который поддерживал удивительную чистоту.

— Добрый день, сэр, — сказала женщина, чуть подогнув колени.

— Добрый день, сестра.

Женщина поставила поднос с орешками на землю, вытащила из кармана юбки носовой платок, напитанный влагой и в пятнах коричневой земли, протерла им лоб.

— Сколько, сколько стоит…

— Земляные орешки?

Моему хозяину показалось, что в голосе женщины прозвучала слабая дрожь — такие иллюзии случаются у людей, которые под воздействием собственных пристрастий неверно толкуют поведение других. Я слышал ее, как и он, но никакой дрожи в ее голосе не уловил. Мне она показалась абсолютно собранной.

— Да, земляные орешки, — сказал он, кивая.

Горечь хлынула к горлу, и он ощутил перечный вкус во рту. Его волнение происходило от того, что ее голос казался ему странно знакомым, а потому, хотя он и не мог определить, кого ему этот голос напоминает, его влекло к ней.

Женщина показала на маленькую, полную орешков консервную баночку из-под томатов и произнесла:

— Пять найра[17] маленькая баночка, десять найра — большая.

— Мне за десять.

Женщина покачала головой:

— Значит, *ога*[18], ты позвал меня сюда, чтобы купить земляных орешков всего на десять найра? Пожалуйста, я тебя прошу, добавь еще.

Она рассмеялась.

Он снова почувствовал ту же горечь в горле. Впервые это чувство появилось у него во время траура. Он не знал, что это следствие некой болезни, связанной с несварением желудка, которое развивается у человека во времена скорби или крайней тревоги. Я сталкивался с этим много раз совсем недавно в теле моего прежнего хозяина Эджинкеоние Исигади, когда он сражался во время Гражданской войны почти сорок лет назад.

— О'кей, тогда дай мне две большие, — сказал он.

— Вот это дело, спасибо, *ога*.

Женщина нагнулась, чтобы наполнить большую банку, потом опорожнила ее в маленький

---

[17] Примечания: 17

Официальная денежная единица Нигерии. Примерный курс: 1 евро = ок. 430 найра.

[18] Примечания: 18

Хозяин, босс (*игбо*).

бесцветный полиэтиленовый пакетик. Она опорожняла вторую банку в полиэтиленовый пакетик, когда он сказал:

— Я хотел не только земляные орешки.

Она не сразу же посмотрела на него, а он вперился в нее глазами. Он позволил взгляду задержаться на ее лице, неухоженном, несшем на себе следы нищеты. Ее лицо покрывали слои грязи, словно складки дополнительной кожи, в некоторой мере изменяя его черты. Но он под этими слоями видел, что она поразительно красива. Когда она рассмеялась, ямочки на ее щеках стали глубже, а губки надулись. Над верхней губой у нее была родинка, но он особо не смотрел на родинку и на ее потрескавшиеся губы — она их непрерывно облизывала, чтобы придать им блеска. Взгляд его был устремлен ниже — на ее грудь: на тяжеловесные холмики, которые, казалось, расположились на немалом расстоянии друг от друга. Они были округлые и полные, они выпирали под ее одеждой, хотя он и видел признаки ограничителя — бретельки ее бюстгальтера — на обоих плечах.

– *Ина ану ква игбо*?[19] — сказал он, а когда она

---

[19] Примечания: 19
Ты говоришь на игбо? (*игбо*)

кивнула, перешел полностью на язык красноречивых отцов: — Я хочу, чтобы ты побыла со мной немного. Мне одиноко.

— Так тебе не нужны орешки?

Он отрицательно покачал головой:

— Нет, не только орешки. Я хочу еще поговорить с тобой.

Он помог ей распрямиться, а когда она поднялась, он сомкнул свои губы с ее. Агбатта-Алумалу, хотя он опасался, что она будет противиться, его порыв был настолько силен, что внутренний голос его разума был преодолен. Он отпрянул от нее и увидел, что она ошарашена и ничуть не сопротивляется. Он даже увидел блеск радости в ее глазах и прижался к ней сильнее и сказал:

— Я хочу, чтобы ты вошла со мной в дом.

– *Иси ги ни*?[20] — спросила она и засмеялась снова. — Ты странный человек.

Для «странный» она использовала слово, редко звучащее в языке старых отцов, на котором говорят в Умуахии, но он часто слышал его на большом рынке в Энугу.

— Ты из Энугу?

— Да! Как ты догадался?

---

[20] Примечания: 20
Что ты сказал? (*игбо*)

— Откуда в Энугу?

— Оболо-Афор.

Он отрицательно покачал головой.

Она быстро от него отвернулась, сложила руки.

— Ты и вправду странный, — сказала она. — Ты даже не знаешь, есть у меня бойфренд или нет.

Но он ничего не сказал. Он поставил ее поднос на обеденный стол, на краю которого остался засохший птичий помет. Когда он обнял ее и прижал к себе, она прошептала:

— Так, значит, вот что тебе нужно на самом деле?

Он сказал — да, это, а она легонько ударила его по руке и рассмеялась, когда он расстегнул на ней блузочку.

Чукву, я к тому времени уже много лет знал моего хозяина. Но в тот день я его не узнавал. Он вел себя как одержимый, он сам себя не узнавал. Где он — затворник, который редко чего просил у мира, — набрался мужества просить у женщины лечь с ним в постель? Где он — который почти не думал о женщинах, пока его дядюшка не сказал ему, что он должен обзавестись женщиной, — нашел в себе мужество раздеть женщину, которую только что увидел в первый раз? Я не знал. Я знал

только, что он с этой нехарактерной для него бравадой снял с женщины платье.

Она крепко ухватила его руку и долго удерживала, другой рукой закрывала свой рот, безмолвно смеялась про себя. Они вошли в его комнату, а когда он закрыл за ними дверь, его сердце забилось сильнее. Она сказала:

— Слушай, я грязная.

Но он почти и не слышал ее слов. Он сосредоточился на своих собственных слегка дрожащих руках, которые стаскивали с нее трусики. Закончив, он сказал:

— Это не имеет значения, мамочка.

Потом он уложил ее на кровать, на которой умер его отец, его снедала страсть, близкая к неистовству. Эта страсть проявила себя в забавных изменениях, которые претерпевало лицо женщины: то наслаждение, то боль, заставлявшая ее сжимать зубы, то восторг, прорывавшийся смешками, то потрясение, придававшее ее рту удивленное очертание буквы «О», то беспокойное умиротворение, когда ее глаза закрывались словно в приятном изнеможении сна. Эти выражения сменялись на ее лице одно за другим до самого последнего мгновения, когда его вдруг начало корчить. Он едва услышал ее слова: «Пожалуй-

ста, выйди», — после чего рухнул рядом с ней, исчерпав себя.

Сам по себе этот акт трудно описать. Они не говорили никаких слов, но стонали, охали, вздыхали, скрежетали зубами. Вместо них говорили вещи в комнате: кровать издавала скорбный крик и простыни, казалось, начали произносить медленную, взвешенную речь, как ребенок, декламирующий стишок. Все это произошло с праздничным изяществом — так быстро, так неожиданно, так неистово и в то же время так нежно. И в конце после всех выражений, побывавших на ее лице, осталась только радость. Он лежал рядом, прикасался к ее губам, гладил ее по голове, пока она не начала смеяться. Страхи, обитавшие в его сердце, в этот миг исчезли. Он сел, капелька пота медленно сползла по его спине, и он никак не мог в полной мере передать, что чувствует. Он видел в ее поведении какое-то подобие благодарности: она теперь взяла его руку и крепко сжала, так сильно сжала, что он молча поморщился. Потом она начала говорить. Она говорила о нем с неожиданной глубиной мысли, она словно знала его долгое время. Она сказала, что, хотя он и вел себя странно, что-то в ее душе заверило ее, что он «добрый» человек. Добрый

человек, снова и снова подчеркивала она.

— Таких, как ты, не много в этом мире, — сказала она, и, хотя он теперь был выжат как лимон, обессиленный и полусонный, он почувствовал в ее голосе безропотность.

Потом она, казалось, подняла голову и посмотрела на его член, который, хотя уже давно опорожнил себя на простыни, все еще оставался крепким. Она охнула:

— У тебя еще стоит? *Анвуо ну му о*![21]

Он попытался ответить, но только пробормотал что-то невнятное.

— Я вижу, ты так быстро засыпаешь, — сказала она.

Он кивнул, смущенный своей внезапной сонливостью.

— Я ухожу, так что можешь спать.

Она взяла бюстгальтер, начала надевать его, почтенные матери никогда бы не воспользовались такой вещью, потому что они либо закрывали груди материей, завязывая ее сзади, либо оставляли их обнаженными, а иногда просто наносили

---

[21] Примечания: 21
А я как мертвая! (*игбо*)

на них *ули*[22].

— Хорошо, но, пожалуйста, приходи завтра, — сказал он.

Она повернулась к нему:

— Зачем? Ты даже не знаешь и не спрашиваешь, есть ли у меня бойфренд.

Эта мысль разбудила его разум, но веки оставались тяжелыми. Он пробормотал неразборчиво слова, которых она не могла расслышать, но я их услышал — это было ошеломительное заявление:

— Если ты пришла, приходи снова.

— Видишь, ты говорить даже не можешь. Я ухожу. Но скажи хотя бы, как тебя зовут?

— Чинонсо, — ответил он.

— Чи-нон-со. Хорошее имя. Меня зовут Моту. Слышишь? — Она хлопнула в ладоши. — Я твоя новая девушка. Я вернусь завтра приблизительно в это же время. Спокойной ночи.

Он в своем полупробуждении услышал звук закрывающейся двери, когда она вышла из дома и унесла с собой свой отчетливый запах, частичка которого осталась на его руках и в его голове.

---

[22] Примечания: 22

Название растительной краски индиго, используемой для нанесения рисунков на тело.

Агбатта-Алумалу, отцы в старину говорили, что без света человек не может отбрасывать тень. Эта женщина пришла как чужой, неожиданный свет, и от него повсюду повыпрыгивали тени. Он влюбился в нее. По прошествии времени стало казаться, что она одним взмахом руки заставила замолчать его скорбь — эту бешеную собаку, которая лаяла без конца в ранней ночи его жизни. Их связь была настолько сильна, что он исцелился. Даже мои с ним отношения улучшились, потому что человек может по-настоящему общаться со своим чи, только когда он в мире с самим собой. Когда я говорил, он слышал мой голос, и в его воле стали мелькать тени моей. Если бы он жил во времена старых отцов, то они сказали бы о его состоянии, что он укрепился, и я, его чи, тоже укрепился, поскольку совершенно верно, что *оние кве, чи йа е кве*[23].

Ни один человек, переживший такие мгновения, никогда не захочет, чтобы они закончились. Но, как это ни печально, *ин ува*[24] дела идут не всегда в соответствии с ожиданиями человека. Я видел это много раз. И потому я ничуть не удивил-

---

[23] Примечания: 23
Если что-то укрепляется, то укрепляется и его чи (*игбо*).

[24] Примечания: 24
В мире (*игбо*).

ся тому, что в тот день, когда все это закончилось, он проснулся с мыслями об этой женщине, с которой предавался наслаждениям четыре рыночные недели (три недели по календарю Белого Человека). То утро казалось ему таким же обыденным, как и все остальные на протяжении этих недель, потому что человек не обладает способностью предвидения. Я пришел к убеждению, что это самая большая слабость человека. Если бы он видел, что его ждет впереди, так же ясно, как я, или если бы он только мог видеть спрятанное так же, как то, что открыто, если бы только он мог слышать то, что не сказано, как то, что сказано, это спасло бы его от многих потрясений. И вообще, что бы тогда могло его уничтожить?

Мой хозяин провел эту субботу в ожидании любовницы. Он не знал, что никто не пройдет в тот день по тропинке между двумя грядками, которые тянулись почти два километра до самой дороги. Он с раннего утра сидел на крыльце, глядя на дорожку, а когда день стал клониться к закату, из пропасти выпрыгнули вопросы, которыми он никогда не задавался, и устроили ему суд. Он так и не спросил адреса Моту. Он не знал, где она живет. Когда спросил как-то раз, предлагая подвезти ее домой, она сказала, что ее

«тетушка» жестоко накажет ее, если узнает, что Моту обзавелась бойфрендом. Дальше этого его знания не простирались — она была девушкой из деревни в Оболло-Афор, служила в городе у своей «тетушки», знакомой, не связанной с нею кровью. Телефона у нее не было. Больше он ничего не знал.

И этот день тоже прошел, принесся другой, как издающая громкие гудки здоровенная, тяжелая коляска с величественно вышагивающим конем. Он бросился коляске навстречу, чуть не дрожа под грузом ожиданий. Но когда распахнул дверь, крыльцо оказалось пустым. Он увидел только старую ржавую коляску на дороге, услышал скрежет несмазанных осей. Следующий день пришел в одеяниях цветов знакомого неба, напомнившего о том дне, когда он с Моту занимался на кухне любовью, и он тогда впервые услышал, как воздух выходит из вагины. Тот день был также первым, когда она приняла ванну в его доме и надела купленное им платье — из сверкающей блестками голубой ткани анкара, она его потом постирала в ведерке в его ванной и повесила во дворе для сушки на веревочку, натянутую между гуавой и палкой, наполовину скрытой в заборе. Потом они занимались сексом, и она задавала ему

вопросы о курах. Он вдруг услышал, как рассказывает ей о своей жизни в таких подробностях, что ему самому стало ясно, словно в озарении, насколько тяжела была его история. К заходу он понял, что она не придет. Он весь день лежал, пустой, одинокий и ошарашенный, слушал, как дождь капает в ведро и лупит по земле, словно барабанным боем.

Осебурува, я сам разволновался. Чи тяжело видеть, как его хозяин находит счастье, а потом теряет его. Я внимательно слушал, что говорила эта женщина, а иногда, пока он работал на ферме или в птичнике, я выходил из его тела и стоял на крыльце, смотрел — может быть, она пройдет мимо компаунда, а я бы тогда осенил этим его голову. Но и я тоже нигде не видел ни малейшего ее следа. Ничтожные духи в ту ночь издевались над ним снами про нее, и на следующее утро он проснулся взбудораженный. Ему снилось, что они находились где-то в храме или старой церкви, разглядывали настенные росписи и изображения святых. Он смотрел на одно изображение — человека на дереве, внимательно смотрел, а когда развернулся, не увидел ее. Вместо нее сидел сокол. Смотрел на него желтыми глазами, клюв у него был полуоткрыт, огромные когти впились

в край скамейки. Он поначалу молчал, потому что знал: это она. Эгбуну, ты знаешь, что в мире снов никто не ищет знания — там ты просто знаешь. Так он увидел, что та, которую он ждал, превратилась в птицу. Он хотел было взять ее, но проснулся.

К концу второй недели, когда голова его была наполнена гипотезами в таком количестве, будто некий древний рот без перерыва наплевывал их ему в голову, он понял: что-то случилось и он, вероятно, больше никогда не увидит Моту. Гаганаогву, это было пробуждением, осознанием того, что мужчина может найти женщину, которая принимает и любит его, и что в один прекрасный день она может исчезнуть без всякой причины. Груз этого знания сломал бы его, если бы вселенная в тот день не протянула ему руку помощи. Потому что один из способов избавления от страданий — это сделать что-то из ряда вон выходящее, что-то такое, что запомнится навсегда. Такое запоминающееся действие останавливает кровотечение из раны и помогает страдальцу подняться на ноги.

В тот день он сидел на полу в кухне, смотрел на цыплят браун, на всех петушков, которые выхаживали по двору рядом с курочками и покле-

вывали зернышки, рассыпанные на холстине. Из окна он увидел ястреба, парящего над птицами, выжидающего удобного момента для нападения. Мой хозяин быстро снял рогатку с гвоздя на стене, набрал камней из небольшой корзинки из рафии у окна, стряс и сдул маленьких красных муравьев с камней. Потом, закрыв один глаз и стоя в дверях близ порога, чтобы его не было видно, он сунул камушек в резиновое седло рогатки и замер, не сводя глаз с ястреба. Птица в какой-то момент повисла в воздухе, спустя несколько мгновений поднялась выше, чтобы куры ее не видели. Потом она раскинула крылья еще шире и через секунду с ошеломительной скоростью спикировала на компаунд. Он следил за ястребом и, когда тот попытался схватить петушка, кормящегося у забора, выпустил камень.

Да, он был мастером стрельбы из рогатки, еще в детстве освоил это искусство, но понять, как он сумел попасть ястребу в голову, довольно трудно. В этом было что-то инстинктивное, что-то данное божеством. Ощущение, Чукву, возникало такое, будто он много лет назад отрепетировал это действо, еще до своего рождения, прежде чем ты назначил меня его духом-хранителем. Именно с этого действа и началось его новое исцеление.

Потому что казалось, будто он совершает акт мщения по отношению к какой-то первобытной силе, с которой должен свести счеты, с той невидимой рукой, которая отбирает у него все, чем он владеет. С тем голосом, который, кажется, говорит: «Смотрите-ка, он уже столько времени счастлив, пришло время отправить его назад — в то темное место, откуда он родом». И с конца той второй недели он начал жить заново.

В те дни дождь шел с такой безжалостностью, что мой хозяин вспомнил времена своего детства, когда еще была жива его мать, и дождь уничтожил дом соседа, и его семья нашла крышу над головой в родительском доме моего хозяина. В те дождливые дни его курам было трудно выходить из птичника во двор. И он, как и куры, воздерживался от большинства вещей, ушел в тот одинокий мир, к которому привык. Чукву, он прожил так следующие три месяца после исчезновения Моту, он даже, насколько это было в его возможностях, избегал и Элочукву.

Иджанго-иджанго, великие отцы часто говорят: ребенок не умирает оттого, что в груди его матери нет молока. Это стало верно и в отношении моего хозяина. Он вскоре смирился с утратой Моту и начал выходить из дому, выполнять

свои повседневные обязанности. И потому в тот день, которым заканчивались три месяца после исчезновения Моту, он без всяких ожиданий вышел из дома и отправился на бензозаправку, предполагая вернуться домой тем же путем. Он встал в длинную очередь и наконец добрался до колонки. Вышел из машины, чтобы открыть крышку бака для заправщицы, и тут увидел руку, машущую ему из одной из машин в очереди. Поначалу он не видел, кто ему машет, потому что ему нужно было сказать заправщице, которая сунула заправочный пистолет в бак, что он хочет купить бензина на шестьсот найра.

— Все, восемь литров. Без сдачи. Семьдесят пять, семьдесят пять найра.

— Хорошо, мадам.

Женщина нажала какие-то кнопки на колонке, замелькали и стали обнуляться цифры, и тогда он повернулся и увидел, что это машет ему женщина с моста. Каким образом, Чукву, мог он знать, что в такой не предвещавший ничего хорошего и ничем не примечательный день предмет его долгих поисков возникнет снова, неожиданно явит себя ему по собственному разумению? Хотя он внимательно следил за колонкой, опасаясь, что его могут провести, поскольку наслышался о

том, как жульничают на бензозаправках, потрясение от этой встречи прилепилось к одной из ветвей его разума, как гадюка. Со смесью спешки и тревоги он отъехал в сторону от колонки, остановился у водостока, который спускался на улицу внизу. Независимо от того, какую систему отсчета он использовал — систему ли отцов, в которой неделя состоит из четырех дней, а месяц из двадцати восьми, а год из тринадцати месяцев, или систему Белого Человека, которой теперь широко пользуются дети великих отцов, — с того дня, когда он принес в жертву двух птиц, чтобы испугом отвадить ту, с кем он столкнулся на мосту, от мысли покончить с собой, прошло ровно столько, сколько нужно женщине, чтобы выносить ребенка. Он ждал ее, вспоминая обо всем, что случилось с ним после их встречи. Когда она припарковалась рядом с его машиной и вышла к нему, он почувствовал, как вожделение, которое, казалось, давно оставило его, снова дало о себе знать, словно все это время просто пряталось в заднем кармане его сердца, как старая монетка.

4. Гусенок

Анунгхарингаобиалили, когда человек встречает что-то, напоминающее ему о неприятном происшествии в прошлом, он замирает у дверей нового опыта, тщательно взвешивает, войти ему или нет. Если он уже вошел, он может выйти и подумать еще раз, стоит ли ему входить снова. Каждый человек, как и мой хозяин, неразрывно связан с прошлым и всегда может бояться его возвращения. И потому, поскольку воспоминания о Моту были все еще свежи в его памяти, мой хозяин с осторожностью отнесся к своему желанию владеть этой женщиной. Он увидел, что она сильно изменилась, словно это была совсем не та женщина, что увязла в горе на мосту в день их первой встречи. Она оказалась выше, чем он запомнил по их короткому знакомству. Над ее глазами красовались изящные дуги бровей, кожа лба сияла, оттянутая завязанными сзади в пучок завитыми волосами.

Она явилась ему вновь еще красивее, чем тот образ, который он так долго хранил в памяти. Заправив свою машину, она подъехала к нему, протянула руку и на языке Белого Человека, как

и на мосту, представилась как Ндали Обиалор. Он назвал свое имя. Она показалась ему потрясающей и поразила его не только внешностью, но еще и безукоризненным владением этим языком, которым сам он пользовался редко. Ему было любопытно, как это она смогла его узнать.

— Ваша машина, надпись на ней ФЕРМА ОЛИСА, — сказала она, рассмеявшись. — Я запомнила. Я видела вас месяц или около того назад у развязки Оби. Но вы очень быстро ехали. И я уверилась, что встречу вас еще раз. — Раздался автомобильный гудок, и она посторонилась, пропуская машину. Когда машина проехала, она сказала: — Я вас искала, чтобы поблагодарить за тот вечер. Спасибо вам от всего сердца.

— И вам спасибо, я тоже вас искал, — сказал он.

Пока она говорила, у нее были закрыты глаза, а теперь она их открыла.

— Я сейчас еду на занятия. Вы можете прийти к «Мистеру Биггсу»?

Она показала на кафе на другой стороне дороге.

— Можете приехать туда сегодня в шесть часов?

Он кивнул.

— Хорошо, Чинонсо. Пока-пока. Рада была снова вас видеть.

Она направилась к своей машине, и он провожал ее взглядом, думая: а ведь, может быть, все то время, что он искал ее, он и сталкивался с ней, сам того не зная.

Он увидел что-то в глазах этой женщины — что-то, не поддающееся определению. Случается, мужчина не может в полной мере понять свои чувства, как не может это сделать и его чи. Его чи в такой ситуации часто пребывает в недоумении. Но мне и ему было ясно одно: она не похожа ни на одну из тех, кого он встречал прежде. Она говорила с произношением, свойственным тем, кто пожил в зарубежных странах белых людей. И в ее манерах, и во внешности был какой-то шик, не имеющий ничего общего с задрипанным видом Моту или странной смесью хладнокровия и живости мисс Джей. И, Эгбуну, когда человек встречает кого-то, кого он считает гораздо выше себя, он становится взвешенным в своих действиях, он сдерживает себя, он пытается подать себя так, чтобы выглядеть достойно. Я видел это много раз.

И потому, приехав домой, он разложил на земле два пустых мешка, насыпал на них пшенку и

кукурузу, потом открыл курятники со взрослой птицей. Куры припустили со всех ног и заслонили собой мешки. Он быстро наполнил водой лотки и затолкал их в каждую клетку. Потом достал один из костюмов, доставшихся ему в наследство от отца. Губкой, которую он вырезал пару дней назад из мешка под зерно, он стер с костюма пятно. Потом повесил его сушиться на ветке дерева во дворе. Он вымылся и хотел уже занести костюм в дом, когда ему пришло в голову, что он зарос. Он не стригся три месяца с того дня, когда Моту убедила его, что сделает это сама, подстригла его ножницами, а он после этого в исступлении подметал двор, опасаясь, что какая-нибудь из птиц склюет прядь его волос. Он в спешке отправился в салон на Нигер-роуд, куда ходил со времени своего детства. С владельцем салона случился удар, и теперь клиентов стриг его старший сын Санди. Когда подошла очередь моего хозяина и Санди начал подстригать его волосы, машинка вдруг перестала работать. Поняв, что в сети нет тока, Санди выбежал во двор, чтобы включить генератор, но тот не заводился. Мой хозяин посмотрел на себя в зеркало: половина его головы была чисто выстрижена, а на другой торчали клочья спутанных, кустистых волос. Он

огляделся, поднялся с крутящегося кресла, снова сел. Внутри его все пребывало в движении, он волновался, потому что двигающаяся стрелка часов — странного, таинственного предмета, с помощью которого дети отцов теперь измеряли время, — показывала, что близок час, когда он должен встретиться с этой женщиной.

Немного спустя появился Санди, руки его были черны после попыток завести генератор, рубашка пропиталась потом, брюки испачкались.

— Прошу прощения, — сказал он. — Генератор вышел из строя.

У моего хозяина упало сердце:

— Бензин кончился?

— Нет, с бензином все в порядке, — сказал ему Санди. — Это зажигание. Зажигание. Нужно отдать в перемотку. Мне очень-очень жаль, Нонсо, мы закончим стрижку, как только НЭПА даст электричество. Или завтра, когда я отремонтирую генератор. *Бико эвеливе, Иваннем, о?*[25]

Мой хозяин кивнул и сказал на языке Белого Человека:

— Нет проблем.

Он посмотрел в темное зеркало, уставился на

---

[25] Примечания: 25
Пожалуйста, не сердись, братишка, лады? (*игбо*)

свою стриженную с одной стороны голову. Санди снял одну из множества шапочек с крючка на стене и дал ему. Он надел ее и отправился в ресторан.

Эгбуну, одно из самых поразительных различий между традициями старых отцов и их детей состоит в том, что последние переняли у Белого Человека представление о времени. Белый Человек давным-давно решил, что время божественно — некая сущность, которой должна подчиниться воля человека. Следуя предписанному ходу часов, человек приходит в определенное место в уверенности, что некое событие начнется в назначенное время. Они, казалось, говорят: «Братья, перст божества среди нас, он указал на двенадцать сорок, потому мы должны подчиниться его диктату». Если что-то происходит, Белый Человек считает своим долгом объяснять это временем: «В сей день, двадцатого июля 1985 года, случилось то-то и то-то». А для блаженных отцов время являло собой нечто и духовное, и человеческое. Отчасти оно было за пределами их сферы влияния и подчинялось той же силе, которая вызвала к жизни вселенную. Когда они хотели разглядеть начало сезона, или понять возраст дня, или измерить длину года, они смотрели на природу. Солнце

встало? Если встало, то уже, наверно, день. Луна полная? Если да, то мы должны надеть наши лучшие одежды, опустошить наши сараи и подготовиться к празднованию Нового года! Если же мы слышим удары грома, то наверняка кончился сезон засухи и надвигается сезон дождей. Но, кроме того, мудрые отцы верили, что есть такая часть времени, которая может быть послушна человеку, средство, с помощью которого человек может подчинить время своей воле. Для них время не божественно; оно для них стихия, как воздух, которым можно воспользоваться. Они могут использовать воздух, чтобы гасить пожары, выдувать насекомых из человеческих глаз или даже заставлять флейты играть музыку. Точно так же время может подчиняться воле людей, когда какая-нибудь группа отцов говорит, например: «Мы, старейшины Амаокпу, встречаемся на заходе солнца». Это время подвижно. Оно может относиться к началу захода, к его середине или концу. Но даже и это не имеет значения. Имеет значение то, что они знают, сколько людей придет на собрание. Те, кто придет раньше других, будут ждать, разговаривать, смеяться, пока не соберутся все, и вот тогда начнется собрание.

И вот, следуя предписанному ходу времени,

она появилась перед ним. Выглядела она даже еще лучше, чем раньше: накрасила губы сочной красной помадой, чем напомнила ему мисс Джей, надела платье леопардовой расцветки.

Когда он сел и поправил на себе шапочку, чтобы она закрывала всю голову, женщина сказала:

— Послушайте, Нонсо, я хотела спросить у вас, как вы оказались на мосту именно в тот момент и почему остановились? — Он начал было отвечать, но она подняла руку и закрыла глаза: — Мне это очень надо знать. Очень. Как вы там оказались именно в это время?

Он поднял глаза в потолок, чтобы не встречаться с ней взглядом.

— Не знаю, мамочка, — сказал он. Он тщательно подбирал слова, потому что ему редко приходилось говорить на языке Белого Человека. — Что-то меня толкнуло туда. Я возвращался из Энугу, и тут я увидел вас. И я сказал себе: я должен остановиться.

Он посмотрел в окно, задержал взгляд на ребенке, катящем палкой мотоциклетную покрышку по дороге, за ним следом бежали другие мальчишки.

— Вы в тот день спасли мою жизнь. Вы никогда не…

Зазвонил ее телефон, и она умолкла на полуслове. Она вытащила его из платка в сумочке и, посмотрев на экран, сказала:

— Ой, я должна была поехать кое-куда с моими родителями. Но я забыла. Извините, но я должна уйти.

— Хорошо, хорошо…

— Где ваши птицы? Я бы хотела их увидеть. Где вы живете?

— Дом двенадцать по Амаузунку, это у Нигерроуд.

— О'кей, дайте мне ваш телефон. — Он подался к ней и назвал номер. — Я приеду к вам на днях. Позвоню вам попозже, чтобы мы могли встретиться снова.

Поскольку я увидел, как в моем хозяине начинается рост того великого семени, которое пускает сильные корни в глубь человеческой души и рождает плод привязанности, а он затем становится любовью, — я вышел из него и последовал за женщиной. Я хотел знать, что она будет делать, останется ли или исчезнет, как предыдущая. Я последовал за ней в машину, увидел выражение радости на ее лице. Услышал ее слова: «Чинонсо, забавный человек». Потом она рассмеялась. Я наблюдал за ней, смотрел

с любопытством, увидел, как из нее выплыло нечто, словно поднялось облако густого пара. Я и глазом не успел моргнуть, как то, что появилось рядом со мной, превратилось в духа, чье лицо и внешний вид точно повторяли черты женщины, вот только тело у нее было светящееся, покрытое символами, нарисованными краской *ули*, а ее конечности украшали бусинки и нитки с ракушками. Это была ее чи. Хотя мне в пещере духов много раз говорили, что духи-хранители женщин человечества имеют бóльшую силу восприятия, я удивился тому, что ее чи смогла разглядеть меня, еще находясь в теле хозяйки.

«Сын духов, что тебе нужно от моей хозяйки?» — сказала чи голосом тонким, как у девушек, что живут на дороге в Аландиичие.

«Дочь Алы, я пришел с миром, я пришел не со смутой», — сказал я.

Чукву, я видел, что чи, с кожей цвета бронзы, в который ты облачаешь духов-хранителей человеческих дочерей, посмотрела на меня глазами чистого огня. Она начала говорить, когда ее хозяйка нажала кнопку гудка и резко остановилась с криком:

— Господи Иисусе! Что ты делаешь, *ога*? Ты водить не знаешь как?

Машина, выехавшая ей навстречу, свернула на другую улицу, а она, громко вздохнув, поехала дальше. Видимо, уверовав, что с ее хозяйкой все порядке, чи обратилась ко мне и заговорила эзотерическим языком Бенмуо:

«Моя хозяйка воздвигла фигурку в святилище своего сердца. Ее намерения чисты, как воды семи рек Осимири, а ее желания столь же искренни, как чистая соль под водами Ийи-оча».

«Я верю тебе, Нвайибуифе, дух-хранительница света восхода, дочь Огвугву, и Ала, и Комосу. И пришел только для того, чтобы убедиться, что она тоже желает его. Я вернусь с твоим посланием, чтобы утешить моего хозяина. Пусть их воссоединение принесет им блаженство в этом цикле жизни, а также в седьмом и восьмом циклах жизни — *Ува ха асаа, ува ха асато*!»

«Поняла тебя!» — сказала она и, не задерживаясь больше ни на мгновение, вернулась в свою хозяйку.

Осебурува, я был в высшей степени удовлетворен консультацией с чи женщины. И с этой уверенностью я вернулся в моего хозяина и осенил его мыслью, что женщина любит его.

Аквааквуру, даже с мыслями о ее любви к нему, которыми я осенял его голову, он продолжал

бояться. Я не мог ему сказать, что сделал. Чи не может общаться со своим хозяином напрямую. И человек даже не понял бы меня, поступи я так. Мы можем только осенять их мыслями, и если хозяин сочтет их разумными, то может в них поверить. И вот я смотрел беспомощно, как он идет с часто бьющимся сердцем и боится, что она исчезнет, как Моту. Дня три он проявлял забавное любопытство к своему телефону, ждал ее звонка. Потом на четвертый день, когда он спал на диване в гостиной, раздался звук подъезжающей машины — чей-то автомобиль въехал на его компаунд и остановился у его дома. Солнце село, и тени, которые вырастали днем, уже состарились. Он посмотрел в окно, увидел машину Ндали и вскрикнул: «Чукву!» Он совсем недавно съел ланч, и на табурете рядом с ним все еще стоял пластиковый кувшин с водой, в воде плавал пустой маленький пакетик, в котором прежде были земляные орешки, и пластиковый пакетик с порошковым молоком «Коубелл». Он поставил кувшин в раковину на кухне. Потом побежал в свою комнату и надел брюки, лежавшие на кровати. Быстро посмотрел на себя в зеркало на стене в своей комнате, благодарный Санди за то, что тот двумя днями ранее все-таки подстриг его.

Когда он побежал в гостиную, его взгляд упал на синюю коробку с сахаром-рафинадом, она стояла полузакрытая в середине стола рядом с круглым пятном. Потом он посмотрел на ножку стола, возле которой лежал пластиковый пакет с нитками, иголками и маленьким мешочком с гвоздями. Он бросился убирать все это, а она тем временем постучала в дверь. Он снова вернулся через мгновение и оглядел комнату — не осталось ли еще чего, и когда не нашел ничего такого, что можно было бы быстро исправить, побежал к двери, все еще держась за сердце, пытаясь успокоить его. Наконец он открыл дверь.

— Как вы меня нашли? — спросил он, когда она вошла.

— Вы разве живете на луне, мистер-мэн?

— Нет, но как, мамочка? Дом в глубине, а номера плохо видны.

Она покачала головой, улыбаясь едва заметной улыбкой. Потом произнесла его имя, растягивая звуки, как это делает ребенок, который учится говорить:

— Но-н-со. Вы меня пригласите сесть?

Он снова обшарил глазами комнату и кивнул. Она села на большой диван у окна, а он остался стоять у дверей, словно прикованный к месту.

Потом почти сразу же она поднялась и стала обходить гостиную. А он, глядя на нее, забеспокоился, не уловит ли она запах, висевший в воздухе. Он смотрел на ее нос — не морщит ли она его, не прикрывает ли рукой. Потом он с еще большей тревогой увидел на стене заметное пятно. Он боялся, как бы это пятно не оказалось птичьим пометом. Он двинулся с места, встал, закрывая собой пятно, за улыбкой пряча беспокойство.

— Вы живете один, Нонсо?

— Да, я живу один. Только я. Моя сестра не появляется, разве что дядюшка иногда, — быстро проговорил он.

Ее кивок не означал, что она внимательно слушает: он говорил, а она направилась на кухню. Когда он подумал о состоянии кухни, сердце у него упало. Все четыре стены под потолком были покрыты паутиной, почерневшей от сажи, отчего казалось, что пауки сплели там себе гнезда. В раковине стояла куча грязных тарелок, ни к одной из них не прикасалась губка, вырезанная из плетеного мешка, в сеточке, съежившись, лежал кусок зеленого мыла. Но еще более позорным казалось кое-что, в чем не было его прямой вины: кран на раковине. Он давно вышел из строя и не использовался, верхняя часть была с него

удалена и заменена черным полиэтиленовым пакетом. На черной доске стояла почерневшая от грязи керосиновая плитка, на ней оставались обгоревшие кусочки куриной шкурки, которую он поджаривал, вывернув фитиль на полную, а вокруг по периметру были разбросаны зернышки сухого риса и что-то похожее на засохшие шкурки помидора. Хуже того, в дальнем углу за дверью, которая вела во двор, стоял мусорный бачок, до самого верха заполненный отбросами и издававший гнилостный запах.

Эгбуну, он бы умер от стыда, если бы она задержалась на кухне чуть подольше, после того как включила свет и над грязными тарелкам поднялся рой мух. Он испытал облегчение, когда увидел, как москитная дверь чуть приоткрылась, потом ее пружина уступила нажиму, и она распахнулась в задний двор.

— У вас много кур! — сказала она.

Он подошел к ней. Одна ее нога стояла на пороге, другая — во дворе. Она подалась назад на кухню, к нему.

— У вас много кур, — повторила она, словно удивляясь.

— Да, я фермер-птицевод.

— Ух ты! — воскликнула она.

Выйдя во двор, она принялась во все глаза разглядывать птиц в курятниках. Потом, не сказав ни слова, вернулась в гостиную и снова села на диван рядом со своей сумочкой. Он прошел за ней, и, когда она садилась, расставив ноги, перед его взором на миг мелькнули ее трусики. Он подсел к ней, обеспокоенный тем, что увиденное может отпугнуть ее. Некоторое время она молчала, но продолжала смотреть на него взглядом, от которого он чувствовал себя настолько неловко, что ему хотелось спросить, не презирает ли она его из-за того, в каком состоянии он держит дом, но слова лежали в его рту, как пушечное мясо в ожидании выстрела. Чтобы она не отправилась на еще одну экскурсию по дому, он попытался завязать с ней разговор.

— Что случилось с вами в тот вечер? — спросил он.

— Я собиралась умереть, — сказала она, опустив глаза в пол.

Ее слова смягчили его стыд.

— Почему?

Она без колебаний рассказала ему, как проснулась утром предыдущего дня и обнаружила, что мир, который она с таким трудом строила, обрушился, от него остались одни руины. Ее на

целых два дня сокрушило письмо от человека, с которым она была обручена, он извещал ее, что женился на британке. Она объяснила моему хозяину, почему этот удар так сильно подействовал на нее: она отдала этому человеку пять лет жизни, собирала все, что удавалось сэкономить, даже крала у отца, чтобы помочь ему воплотить в жизнь его мечту — получить степень кинорежиссера-постановщика в Лондоне. Но не прошло и пяти месяцев со дня его отъезда в Лондон, как он женился. Она говорила голосом, полным боли, которую чувствовал даже мой хозяин, объясняла ему, что жизнь никак не подготовила ее к тому удару, который она получила.

— Не за что ухватиться, совершенно не за что… нет ничего. Предыдущим днем, перед тем как я увидела вас на мосту, я была без сил, потому что я пыталась, пыталась, пыталась дозвониться до него, но безрезультатно, Нонсо.

Она отправилась на реку не потому, что у нее были силы или воля убить себя, а потому что она только о реке и могла думать, когда прочла в сотый раз электронное письмо. Она не знала, спрыгнула бы она с моста или нет, если бы не он.

Мой хозяин внимательно слушал ее историю, заговорил только раз — попросил ее не обращать

внимания на кур, которые начали жалобно квохтать.

— То, что случилось с вами, очень больно, — сказал он, хотя всего и не понял.

Она настолько хорошо владела языком Белого Человека, что ее словарь содержал больше слов, чем он мог понять. Например, его разум завис над словом «обстоятельства», как коршун над стайкой цыплят и курочек, не в силах решить, какую из них и как атаковать. Но я понял все, что она сказала, потому что каждый цикл существования чи подразумевает образование, в ходе которого чи приобретает разум и мудрость своих хозяев. Так чи может познать, например, тонкости искусства охоты, потому что когда-то, сотни лет назад, этот чи обитал в хозяине, который был охотником. В моем предыдущем цикле я сопровождал необыкновенно одаренного человека, который читал книги и писал рассказы, Эзике Нкеойе, который был старшим братом матери моего нынешнего хозяина. К тому времени, когда он достиг возраста моего теперешнего хозяина, он знал почти все слова языка Белого Человека. И бóльшую часть того, что я знаю теперь, я приобрел от него. И даже сегодня, когда я свидетельствую от лица моего нынешнего хозяина,

я облачаюсь в его слова с такой же легкостью, как и в свои, смотрю на мир его глазами, так же как и моими, и иногда одно и другое сливается в неразрывное целое.

— Это очень мучительно. Я так говорю, потому что и сам немало страдал. У меня нет ни отца, ни матери. Никакой семьи.

— Ай-ай! Это очень грустно, — сказала она, приложив руку к широко раскрытому рту. — Я вам сочувствую. Очень сочувствую.

— Нет-нет-нет. Я в порядке. В полном порядке, — сказал он, хотя голос его совести и укорял его за то, что он не упомянул сестру Нкиру.

Он смотрел на Ндали, которая наклонилась к столику между ними, переместив центр тяжести на бедра. Ее глаза были закрыты, и он подумал, что она исполнена сочувствия к нему. Он опасался, как бы она не заплакала из-за него.

— Я теперь в порядке, мамочка, — сказал он еще решительнее. — У меня есть сестра, но она в Лагосе.

— Ой, младшая или старшая?

— Младшая, — сказал он.

— О'кей, так вот, я пришла, потому что хотела поблагодарить вас. — Улыбка озарила ее скорбное лицо, когда она подняла сумочку с пола. — Я

верю, Господь послал вас мне.

— О'кей, мамочка.

— Что это за «мамочка» вы все время повторяете? Почему вы это повторяете?

Услышав ее смех, он понял, что тоже смеется собственным диким смехом, и попытался сдержать его, чтобы совсем не осрамиться.

— Нет, правда, это странно!

— Я уже говорил, что у меня нет матери, а потому всякая хорошая женщина для меня мамочка.

— Ах, боже мой, извините!

— Я сейчас, — сказал он и вышел в туалет помочиться.

Когда он вернулся, она спросила:

— Я еще не говорила, что мне нравится ваш смех?

Он посмотрел на нее.

— Правда. Я серьезно говорю. Вы красивый мужчина.

Он торопливо кивнул, когда она встала, собираясь уходить, и на мгновение отпустил в полет собственное сердце при таком совершенно необычном исходе того, что ему представлялось сплошной катастрофой.

— Я вам еще ничего не предложил.

— Нет-нет, не беспокойтесь, — сказала она. — В

другой раз. У меня экзамены.

Он протянул ей руку, она пожала ее, на ее лице появилась широкая улыбка:

— Спасибо.

Духи-хранители человечества, думали ли мы о силе, которую создает страсть в человеческом существе? Спрашивали ли мы себя, почему мужчина может пробежать по горящему полю, чтобы быть рядом с женщиной, которую любит? Думали ли мы о воздействии секса на организм? Учитывали ли мы симметрию этой силы? Учитывали ли мы, какая поэзия разжигает их души, ласки, которые влияют на смягчившееся сердце? Размышляли ли мы о физиогномике любви — о том, что некоторые отношения обречены на неудачу, другие тормозятся и никогда не растут, а третьи оперяются и остаются на всю жизнь любовников?

Я много размышлял над этими вещами и знаю: когда мужчина любит женщину, она изменяет его. Хотя она с готовностью отдается ему, но только с того дня, когда он берет ее в жены, она принадлежит ему. Женщина становится его собственностью, а он становится ее собственностью. Мужчина называет ее *нвуйем*, а она называет его *дим*. Другие говорят о ней как о *его* жене, а о нем

как о *ее* муже. Это таинственнейшая вещь, Эгбуну! Потому что я много раз видел, как люди, после того как их возлюбленные уходят от них, пытаются вернуть их так же, как человек пытается вернуть украденную у него собственность. Разве не то же случилось с Эмеджуиве, который сто тридцать лет назад убил человека, забравшего у него жену? Чукву, когда ты вынес ему свой приговор после моего свидетельства здесь, в Беигве, такого же, как нынешнее мое свидетельство, твой приговор был суров, но справедлив. Теперь, более чем сто лет спустя, когда я увидел, что сердце моего нынешнего хозяина загорелось похожим огнем, мне стало страшно, потому что я знал жар этого огня, знал, насколько он могуч, настолько могуч, что, если разгорится, ничто не в силах его потушить. Он провожал ее к машине, а я боялся, что этот огонь толкнет его в том направлении, откуда мне его будет не вытащить. Я боялся, что, когда любовь полностью завоюет его сердце, он станет слепым и глухим к моим советам. А я уже видел, что любовь овладевает им.

Обасидинелу, ах, какое содержание привносит женщина в жизнь мужчины! В доктрине новой религии, которую приняли дети отцов, сказано, что двое становятся *одной плотью*. Как это верно,

Эгбуну! Но давай заглянем во времена мудрых отцов, какими незаменимыми были тогда великие матери. Хотя они не составляли законов, которыми руководствовалось общество, они были словно чи общества. Они восстанавливали порядок и равновесие, когда порядок нарушался. Если житель деревни совершал духовное преступление и злил Алу и если милосердная богиня — в своем справедливом негодовании — изливала свой гнев в виде болезней, или засухи, или катастрофических смертей, то старые матери отправлялись к *дибиа* и задавали вопросы от имени общества. И Ала слышит их голос лучше всех других. Даже когда шла война — которой я был свидетелем сто семьдесят два года назад, когда Узуаколи сражался против Нкпа и семнадцать обезглавленных человек лежали в лесу, — именно матери с обеих сторон пришли и восстановили мир и умиротворили Алу. Поэтому они и называются *одозиободо*[26]. Если группа женщин может восстановить равновесие в обществе, скатывающемся к бедствию, то насколько же больше одна женщина может сделать для жизни одного мужчины! Как часто, говорят великие отцы, любовь

---

[26] Примечания: 26
Название религиозной секты по имени одной из ее основательниц.

меняет температуру жизни мужчины. Обычно мужчина, чья жизнь была холодной, согревается, и это тепло своей интенсивностью преобразует человека. Оно выращивает малые вещи в его жизни и убирает пятна с ткани его жизни. И то, что человек делал каждый день, теперь он делает весело. Большинство людей за время своей жизни приходят к пониманию того, что с ними произошли какие-то изменения. Им даже и говорить об этом никому не нужно, потому что на их лицах, самой нагой из всех частей человеческого тела, появляется оттенок, который вскоре становится виден всем, кто не слеп. Если, скажем, человек работает в обществе других людей, кто-нибудь из коллег может отвести его в сторону и сказать ему: «У тебя такой счастливый вид». Или: «Что с тобой случилось?» Чем сильнее влечение, тем очевиднее становится она для других, а приязнь моего хозяина к Ндали сдерживалась его страхом: он считал себя недостойным ее. Он решил, что если она когда-нибудь отдастся ему, то он отдаст ей свое сердце целиком.

В случае с моим хозяином не коллеги были свидетелями его метаморфоз, а птицы. Он накормил их от пуза, когда женщина ушла из его дома в тот день. Он нашел больного петушка, у которого

искривился хвост, отнес его на край фермы перед домом, чтобы не видели другие птицы, и там его зарезал. Выпустил кровь в маленькую ямку в земле, потом положил тушку в миску и отнес в холодильник. Помыв руки в ванной, он подмел большие птичьи выгородки, разделенные на две части деревянными стенками. Выгнал в дыру в потолке зеленоголовую ящерицу, каких не терпит птица. Потом он забрался по лестнице и заткнул дыру скомканной тряпкой в пятнах пальмового масла. Закончив с этим, он увидел, что куры перевернули таз с питьевой водой, и тот теперь лежит у соломенной стены, и в нем осталась только капелька воды размером с глаз. В лужице лежала горка осадка — как зрачок, который смотрел на него. По пути к тазу мой хозяин поскользнулся на чем-то, как оказалось, на ости птичьего пера, вонзившегося в разжиженную землю. Он упал на другой пустой таз, тот подскочил в воздух и вывалил свое содержимое — жижу из земли, перьев и пыли — прямо ему на лицо.

Чукву, если бы куры были людьми, они бы рассмеялись при виде того, во что превратилось его лицо: сочные комья земли и грязи на лбу и на носу. Не будь я сам свидетелем, я бы усомнился в том, что увидел в моем хозяине в тот день. Пото-

му что, хотя ему было больно, хотя он все время притрагивался пальцами к ушибленному месту на лбу, а потом смотрел, нет ли на них крови, он чувствовал себя счастливым. Он поднялся, смеясь над собой, вспоминая, как Ндали сидела на диване, как днем раньше назвала его красивым мужчиной. Он посмотрел на то место, где упал, и увидел проплешину на полу — здесь его ботинки соскребли слой грязи, которая и осталась на них. В другой стороне выгородки стояла курица, на которую он чуть не упал. Она истерически отпрыгнула, чтобы он не раздавил ее при падении, бешено замолотила крыльями, подняв пыль и перья. Он узнал ее: одна из двух кур, несущих серые яйца. Она стояла, протестующе кудахча, другие присоединились к ней. Он вышел из выгородки, смыл с себя грязь, а потом, лежа в кровати, предавался воспоминаниям о Ндали.

Когда он уснул, я освободился из вместилища его тела, что часто делаю, когда он погружается в бессознательное состояние сна. Даже не выходя из его тела, я нередко могу видеть то, что мне не видно, пока он бодрствует. Ты знаешь, что создал нас как существ, для которых нет сна. Мы существуем как тени, которые говорят на языке живых. Даже когда наши хозяева спят, мы бодр-

ствуем. Мы охраняем их от сил, которые дышат в ночи. Пока люди спят, бесплотный мир полнится шумом бодрствования и шепота мертвых. Агву, призраки, акалиоголи, духи и ндиичие — все они во время своих коротких посещений земли выползают из слепых глаз ночи и бродят по земле со свободой муравьев, не зная человеческих границ, не чувствуя ни стен, ни заборов. Два спорящих духа могут подраться и ввалиться в семейный дом, упасть на мужа и жену и продолжать бороться среди них. Иногда они просто заходят в обиталища людей и смотрят на них.

Та ночь, как большинство других, была наполнена шумом призраков и медных барабанов подлунного мира, множеством голосов, испускающих крики, вопли, завывания, шумы. Мир, Бенмуо с его коридором Эзинмуо, был пропитан ими. И издалека доносилась захватывающая мелодия флейты, журчащая в воздухе, пульсирующая, как живая. Так оно все оставалось довольно долго, но потом около полуночи что-то с невероятной скоростью ударилось о стену. Оно мгновенно свернулось в светящуюся спираль, имевшую серый оттенок и почти незаметную для глаз. Поначалу казалось, что оно поднимается к крыше, но оно постепенно стало рассеиваться и

удлиняться, как змей, сотканный из теней. Потом оно превратилось в самого страшного агву — с тараканьей головой и тучным человеческим телом. Я тут же бросился вперед и приказал ему исчезнуть. Но он посмотрел на меня глазами, полными ненависти, а потом по большей части он смотрел на бессознательное тело моего хозяина. У него был липкий рот, словно склеенный какими-то вязкими гнойными выделениями. Он все время показывал на моего хозяина, но я потребовал, чтобы он ушел. Но он даже не шелохнулся, и мне стало страшно: я боялся, что это злобное существо повредит моему хозяину. Я начал произносить заклинание, укрепляя себя и призывая тебя вмешаться. Это, казалось, заставило существо замереть на месте. Оно отступило, издало рычание и исчезло.

Я встречал таких духов не раз за время множества моих циклов на земле, и я очень живо вспоминаю, что, когда во время войны моим хозяином был Эджинкеонье, он как-то раз спал в полуразрушенном, заброшенном доме в Умуахии, а когда он спал, вдруг словно ниоткуда с поразительной быстротой возник один дух, я даже вздрогнул от неожиданности. Я увидел, что у него отсутствует голова. Он размахивал рука-

ми, топал ногами и жестикулировал, показывая на обрубок в том месте, где у него прежде была голова. Эгбунду, даже не являясь *акалиоголи*, эти существа, имеющие столь уродливые формы, вызывали ужасный страх у живых духов вроде меня. Потом, используя какую-то трансмутативную способность, он вызвал свою голову, и она повисла в воздухе, стреляя во все стороны глазами. Безголовое существо попыталось взять свою голову, размахивая своими руками, но та отклонялась то в одну, то в другую сторону, пока наконец не уплыла туда, откуда появилась, а дух последовал за ней. На следующий день я узнал посредством глаз моего хозяина, что человек этот был вражеским солдатом, его обезглавили, когда он насиловал беременную женщину, после чего он стал акалиоголи. Мой хозяин Эджинкеонье присутствовал при сожжении тела на следующее утро, даже не подозревая о том, что случилось ночью.

Я тут же подскочил и попытался перехватить духа, узнать, чего он хотел от моего хозяина, но я не мог понять, в каком направлении он исчез. Никаких следов его в равнинах ночи я не нашел — никаких отпечатков ног на воздушных тропинках, ни звука шагов в темных подземных

туннелях. Ночь в основном была заполнена яркими звездами в небесах и множеством духов, которые занимались своими делами неподалеку от фермы моего хозяина. Ни одного человека поблизости не было, даже следов их не просматривалось, только машины проносились по какой-то дороге на непонятном расстоянии. У меня возникло искушение побродить немного, но я подозревал, что агву, попавшийся мне на глаза, был бродячим духом в поисках человеческого сосуда, которым он мог бы завладеть, а значит, он мог вернуться, чтобы попытаться поселиться в моем хозяине. И потому я поспешил на компаунд со всей скоростью, на какую был способен, пронесся через забор на заднем дворе, а потом через стену в комнату, в которой глубоким сном спал мой хозяин.

Аквааквуру, на следующее утро он проснулся от дикого шума, издаваемого его птицами. Одна из них квохтала почти без перерыва, а потом продолжала на более высокой частоте. Он сбросил враппу[27], под которой спал, и уже в дверях понял, что на нем ничего нет. Он надел шорты,

[27] Примечания: 27

Враппа — накидка, покрывало, может использоваться и как одежда у нигерийцев.

помятую рубашку и вышел на задний двор, вытряхнул остаток смеси из мешка в таз и поставил его в центре двора на старую газету. Когда он отпер одну из клеток, птицы сразу же бросились к тазу и в мгновение ока облепили его.

Он отошел в сторону, посмотрел, нет ли вокруг чего-нибудь необычного. Особенно внимательно он смотрел на одну из куриц — на ту, которая напоролась крылом на случайный гвоздь, торчавший из клетки. Птица с таким исступлением пыталась сорваться с гвоздя, что почти разорвала себе крыло. Он на прошлой неделе зашил крыло, и теперь эта курица с опаской участвовала в общей свалке, под крылом виднелась красная нить шва. Он схватил курицу за ноги, проверил ее крылья, проведя пальцами по прожилкам. Только он ее отпустил, как зазвонил его телефон. Он побежал в дом, но, когда перешагнул порог гостиной, звонок смолк. Он увидел, что Ндали прислала ему сообщение. Поначалу он не решался его прочесть, словно опасаясь, что слова, которые он прочтет, навсегда останутся нестираемыми на экране. Вернув телефон на стол, он приложил ладонь ко лбу и заскрежетал зубами. Я видел, что голова у него болит после вчерашнего падения. Он взял упаковку парацетамола с холо-

дильника, выковырял одну из двух оставшихся таблеток, положил ее на язык и запил водой из пластикового стаканчика.

Потом он снова взял телефон и прочел послание от нее: «Нонсо, мне прийти сегодня вечером?» Чукву, он улыбнулся про себя, выкинул кулак в воздух и крикнул: «Да!» Он сунул телефон в карман и уже почти вышел во двор, когда вспомнил, что ответил только в воздух, словно она стояла рядом. Он остановился у москитной двери, ведущей во двор, и набрал «да».

Предвкушая встречу с Ндали, он собрал несколько яиц, разместил их в округлых впадинках пластикового ящика. Потом снова поймал раненую птицу. Она моргала от страха, ее клюв то открывался, то закрывался, когда он протирал ее голову, осматривал крылья, словно чтобы убедиться в ее способности летать. Он очистил поднос и насыпал на него немного смеси, увидел в ней что-то вроде сломанной пополам зубочистки. Он вытащил палочку и бросил за спину. Потом его осенило, что одна из кур может найти и склевать ее. Он поднялся и стал искать палочку, нашел ее у клетки для цыплят. Палочка лежала на сыром краю доски, на которой стояла клетка. Он поднял палочку и перебросил через забор за

пределы своего компаунда. После этого он засунул поднос со смесью в одну из клеток.

Когда он закончил кормить птицу, руки у него стали почти черными от грязи и земли. Черные ободки очерчивали ногти, а кожа на его правом большом пальце была словно усеяна колючками и исполосована рубцами. Одно из взятых им яиц было покрыто затвердевшей корочкой помета, он пытался соскрести его, и теперь помет был у него под ногтями. Он мыл руки в ванной и думал, какая необычная у него работа и какой презренной она должна казаться тому, кто впервые с ней сталкивается. Он опасался, что Ндали, когда узнает, в чем состоит его работа, может не оценить ее, а то и вообще разозлиться.

Чукву, я уже говорил, такого рода мысли часто приходят людям в голову, когда они смущаются в обществе других, к кому питают большое уважение. Они оценивают себя со стороны, зацикливаются на том, как видят их другие люди. В таких ситуациях нет конца самоуничижительным мыслям, которые — какими бы безосновательными они ни были — могут поглотить человека целиком. Но мой хозяин, прогнав эти мысли, принялся спешно готовиться к приходу Ндали. Он подмел в доме и на террасе. Потом

вытряс подушки, смахнул пыль с диванов. Он помыл унитаз, побрызгал в него спреем, вычистил крысиный помет из-за водяного коллектора. Он выбросил одно из пластиковых ведер — ведро из-под краски, потрескавшееся в нескольких местах. Потом прошелся по дому с освежителем воздуха. Он закончил мыться и наносил мазь на кожу, когда увидел в окно ее машину, приближавшуюся к его дому по дорожке между двумя живыми изгородями.

Иджанго-иджанго, мой хозяин почувствовал, как его тело засветилось от восторга при ее появлении в тот вечер. Ее волосы были расчесаны на манер, который показался бы необычным великим матерям, но мой хозяин нашел их глянцевыми и привлекательными. Он посмотрел внимательно на ее аккуратно завитые волосы, на ее часики, браслеты на запястьях, ожерелье с зелеными бусинками, напомнившее ему о жившей в Лагосе сестре матери, Ифемии, с которой он давно потерял связь. Хотя он и до этого чувствовал себя недостойным Ндали из-за своего невежества (он никогда не бывал ни в клубах, ни в театрах), его самооценка стала еще ниже, когда он увидел ее тем вечером. Пусть она и обращалась с ним с бесконечным радушием и приязнью, но он стоял

перед ней, остро ощущая свою ничтожность. И потому он участвовал в разговоре как человек, который оказался там по принуждению, говорил только то, что было необходимо, и то, что подсказывала ситуация.

— Вы всегда хотели быть фермером-птицеводом? — спросила в какой-то момент Ндали. Она спросила об этом раньше, чем он ожидал, а потому его опасения, что она не отдастся ему, усилились.

Он кивнул, когда ему пришло в голову, что он может и солгать. Поэтому он сказал:

— Может быть, нет, мамочка. Это мой отец завел дело, а не я.

— Птицеводство?

— Да.

Она посмотрела на него, на ее лице появилась сдержанная улыбка.

— А как? Как завел? — спросила она.

— Это долгая история, мамочка.

— Бог ты мой! Я хочу ее услышать. Пожалуйста, расскажите.

Он посмотрел на нее и сказал:

— Хорошо, мамочка.

Эбубедике, он стал рассказывать ей про гусенка, начав с того, как его поймали, когда моему хозя-

ину было всего девять лет. Эта встреча изменила его жизнь, и я должен теперь рассказать тебе о ней. Отец взял его как-то из города в деревню, сказал, чтобы он выспался, потому что утром они пойдут в лес Огбути, где около укромного озера в самом сердце леса обитают особые гуси с оперением белым, как хлопок. Большинство охотников избегали этой части леса, потому что боялись смертельно опасных змей и диких зверей. Озеро это прежде было притоком реки Имо. Я видел его много раз. Очень давно, задолго до того, как охотники за рабами аро начали прочесывать эту часть Алаигбо, озеро было рекой. Но землетрясение отрезало этот участок от остальной реки и превратило в застойный водоем, который стал домом для белых гусей. Они обитали там давно, сколько помнили жители девяти деревень вокруг леса.

Мой хозяин и его отец, который взял с собой длинноствольное ружье, дойдя до этого места, остановились за стволом упавшего и гниющего дерева, покрытого травой и дикими грибами. В двух бросках камня от дерева находился застойный водоем, наполовину укрытый листьями. Рядом с ним тянулась прибрежная полоска заросшей кустарником влажной земли, усеянной

щепками. Именно там и собралась стая белых гусей, там она кормилась. Словно испугавшись присутствия людей, бóльшая часть стаи поднялась и, хлопая крыльями, улетела в более густую часть леса, остались только гусыня, ее приплод и еще один крупный гусь. Третий гусь подпрыгнул несколько раз и поплыл по далекой воде, пока не добрался до отмели, после чего исчез в зарослях. Мой хозяин как зачарованный смотрел на гусыню. У нее были богатое оперение и узорчатый книзу хвост, большие глаза и коричневый клюв с ноздрями. Двигаясь, она расправляла крылья и не переставая помахивала ими. Гусенок рядом, с более длинной, словно выщипанной наверху шеей, был не похож на нее. Он ковылял вразвалочку на крохотных ножках за мамой, которая начала удаляться от птенца. Отец моего хозяина уже прицелился и застрелил бы ее, если бы перед ним вдруг не возникло тревожное видение. Гусыня остановилась и замерла на мягкой земле, ее лапки погрузились в жижу, она теперь ждала с широко открытым клювом. Гусенок приблизился к ней, тихонько гогоча, и засунул голову в ожидающий его клюв так, что половина шеи исчезла из виду.

Мой хозяин и его отец смотрели в удивлении,

как голова и шея гусенка копошатся в глотке матери. Пока детеныш кормился, его мать старалась сохранять равновесие. Она закопалась ногами еще глубже в жижу, она неистово взмахивала крыльями, она отступала быстро и уверенно, ее когти то сжимались, то разжимались. Несколько мгновений моему хозяину казалось, что птенец, жадно копающийся в глотке матери, разорвет ее. Движения клюва птенца можно было видеть под бледной кожей материнской шеи. Мой хозяин чуть ли не удивился, когда гусенок отсоединился от матери и понесся прочь, подмахивая крыльями и полный жизни, словно родился заново. Его мать повернула голову, издала крик, и, казалось, ноги под ней подкосились. Потом она поднялась, с нижней половины ее тела капала болотная жижа, но она побежала в том направлении, где затаились, присев, мой хозяин и его отец.

Птица была рядом, когда отец прицелился. Выстрел с грохотом отбросил гусыню, оставив после себя вихрь перьев. Стая гусей сорвалась с места, и лес взорвался истерическим звуком порхающих крыльев. Когда перья улеглись, мой хозяин увидел гусенка, спешащего к телу матери.

— Я сделал это, наконец-то я застрелил гуся Огбути, — сказал отец и, вскочив, побежал к

мертвой гусыне.

Мой хозяин молча, осторожным шагом пошел следом. Его отец в восторге подобрал мертвую гусыню и повернул назад, кровь гусыни капала на землю, оставляя за ним красный след. Отец не заметил, что гусенок семенит следом, издавая пронзительный звук; лишь много лет спустя мой хозяин понял, что это звук птичьего плача. Он стоял, слушая голос отца, тот рассказывал, как давно ему хотелось поймать гуся в лесу Огбути…

— Всегда говорил, никто не знает, где они живут. А кто мог знать? Лишь немногие отваживались заходить так далеко в лес Огбути. Люди видели их только в полете. А ты знаешь, застрелить кого-нибудь в полете очень трудно. Это… — И тут его отец резко повернулся и увидел, что сын остался стоять вдали. — Чинонсо? — сказал отец.

Мой хозяин чуть не плакал, надув губы.

— Сэр, — сказал он на языке Белого Человека.

— Что? Что случилось?

Он показал на гусенка. Отец опустил взгляд и увидел гусенка, который переминался с ноги на ногу в болоте, глядя на двух людей и плача по мертвой матери.

— Слушай, а почему тебе не взять его домой?

Мой хозяин пошел к отцу, остановился, не доходя до птицы.

— Почему тебе его не взять? — снова спросил отец.

Он посмотрел на птицу, потом на отца, потом что-то загорелось в нем:

— Я могу его взять в Умуахию?

— Ну да, — сказал отец, развернулся в ту сторону, откуда они пришли, тело гусыни в его руках наполовину окрасилось красным. — Давай лови его, и идем.

Мой хозяин помедлил, постоял на месте, а потом нырнул вперед и ухватил гусенка за тонкие ноги. Птица жалобно вскрикнула, принялась бить крыльями по нежным рукам, которые ее держали. Но он еще крепче ухватил гусенка за ноги и поднял его с земли. Он посмотрел на отца, который ждал его с мертвой гусыней в руках, кровь капала с тушки.

— Он теперь твой, — сказал отец. — Ты его спас. Возьми его, и идем.

После этого отец развернулся и пошел в направлении деревни, а он двинулся следом.

Потом он рассказал Ндали о том, как любил эту птицу. Гусенок часто впадал в приступы ярости, а затем успокаивался и его настроение улучша-

лось. Иногда он кидался неизвестно куда, может быть, хотел вернуться в тот лес, из которого его забрали. А потом, видя, что шанса бежать нет, возвращался, потерпев поражение. Этот страх более всего проявлялся, когда гусенок в ярости начинал носиться по дому, от стены к стене, пытаясь пробить ее и сбежать. И после каждого такого приступа он возвращался к какому-нибудь стулу или к столу, склонив голову, словно в некой прострации. Гогоча в ярости или печали, он опускал крылья.

— Да, — ответил мой хозяин на вопрос женщины: случалось ли, что птица вела себя спокойно? Он знал, что это в природе земных существ, даже самых обиженных из них, — иногда и в плену погружаться в состояние покоя. В такие времена гусенок спал бок о бок с ним в кровати, словно товарищ по роду человеческому. Когда он только появился в Умуахии с гусенком, все соседские дети собрались посмотреть на птицу. Поначалу он ревниво охранял гусенка, никому не позволял прикасаться к клетке из рафии, в которой держал птицу. Он даже дрался с кем-то из друзей, живших по соседству и игравших с ним в футбол, если те пытались прикоснуться к гусенку без его разрешения. Один из них, Эджике, с которым

он дружил, в особенности был покорен птицей. Эджике более, чем всем остальным, хотелось играть с гусенком, и мой хозяин немного спустя стал разрешать ему. Потом в один из дней Эджике попросил позволить ему взять гусенка домой, чтобы показать его бабушке, при этом он сказал: «На пять минут, всего на пять минут». Осебурува, я видел взгляд этого мальчика, и мне показалось, что в глубине его глаз горит маленькое пламя зависти. Потому что я часто видел такое в глазах человеческих детей: отрицательную сторону восхищения, что становилось причиной многих убийств и темных заговоров. Я осенял моего хозяина мыслью, что он не должен отдавать гусенка. Но он меня не слышал. Он отдал птицу другу, будучи уверен, что с ней не случится ничего плохого.

Эджике забрал гусенка. Когда к заходу солнца он еще не появился, мой хозяин начал волноваться. Он пришел к дому, где жили Эджике и его мать, и постучал в дверь, но никто не вышел к нему. Он много раз звал Эджике по имени, но ему никто не отвечал. Дверь была закрыта изнутри. Но до него доносились гоготание птицы и звук порхающих крыльев, когда гусенок принимался летать, несмотря даже на то, что ноги у него были

спутаны. Он бросился домой и нашел отца. Они вместе пошли к дому Эджике, и хотя на сей раз мать Эджике открыла дверь, она сказала, что никакого гусенка у них не было.

Эта женщина, чей муж умер, как-то раз заманила его отца в дом, и они совокупились. Но отец не хотел, чтобы другая заняла место его любимой жены, о которой он будет скорбеть до конца дней, и отказался продолжать отношения. И это вбило клин между ним и женщиной. Хотя мой хозяин не знал об этом, но я-то знал, потому что слышал, как его отец разговаривает сам с собой, пока мой хозяин спит. А как-то ночью я видел чи его отца — беззаботного чи, который часто, путешествуя по дому, парил с неземной вычурностью, и он сказал мне, что оставил тело своего хозяина, потому что тот собирался заниматься сексом с соседкой. Он сказал, что отец моего хозяина и эта женщина тискаются за домом во дворе. Я довольно близко сошелся с этим духом-хранителем, как часто сходятся духи-хранители членов одной семьи. Загляните в любой дом в полночь, и вы увидите духов-хранителей — обычно мужчин, — они беседуют или просто двигаются по дому, между ними часто образуется связь за время жизни их хозяев. Так я узнал множество духов-хранителей

мужчин и женщин, принадлежащих к роду человеческому.

И вот в тот день, может быть все еще лелея старую обиду, женщина хлопнула дверью перед носом моего хозяина и его отца.

После этого мой хозяин ничего не мог сделать с Эджике и его матерью. Несколько дней он был совсем не в себе и, случалось, впадал в неуправляемую ярость и мчался к дому соседа, но отец окликал его и обещал выпороть, если он еще раз туда пойдет. Он каждую минуту прислушивался, не появится ли гусенок, отказывался есть и по ночам почти не спал. Мне, его духу-хранителю, тяжело было видеть его страдания. Но чи ничем не в силах помочь человеку в таких обстоятельствах, поскольку у нас есть свои границы. Старые отцы в мудрости своей говорят: «*Онье ка нмаду ка чи йа*»[28], и они правы. Человек, который превосходит другого, превосходит и его чи. А потому чи мало что может сделать для человека со сломленным духом.

Эгбуну, Ндали была тронута этой частью его истории. Хотя она и не слушала его молча, задавала вопросы («Он так и сказал?», «И что случилось

---

[28] Примечания: 28
Тот, кто больше человека, больше и его чи (*игбо*).

потом?», «Вы сами это видели?»), я решил не приводить их, поскольку должен сосредоточиться на истории об этом существе, которому мой хозяин когда-то отдал сердце. Но в свете случившегося теперь и той причины, по которой я стою перед тобой и свидетельствую о моем хозяине, я должен передать ее речь в тот момент истории моего хозяина, когда его желание вернуть то, что ему принадлежало, достигло предела, чуть ли не безумия. Устало покачав головой, она сказала:

— Вероятно, это очень грустно, когда птицу, которая принадлежит тебе, ради которой ты страдал, вот так вот отбирают у тебя. Наверно, это мучительно.

Он только кивнул и продолжил. Он сказал ей, что к пятому дню впал в отчаяние. Он забрался на дерево на заднем дворе, откуда ему открывался вид на участок соседа. Он увидел Эджике, тот сидел на табуретке за забором в своем дворе и гладил гусенка. Поначалу моему хозяину показалось, что гусенок мертв, но потом он увидел, как затрепыхались его крылья — гусенок пытался улететь от своего тюремщика, который быстро наступил ногой на красную бечевку, привязанную к ноге птицы. Гусенок сопротивлялся, снова и снова поднимал ногу и хлопал крыльями, но бечевка

не пускала его. И вот, пока мой хозяин смотрел на это, жестокая идея пришла ему в голову.

Чукву, как только я прозрел намерение его сердца, я стал возражать против него. Я осенил его голову мыслью об опустошенности и боли, которые станут его уделом, если он осуществит задуманное. Он задумался на мгновение, даже представил, как кровь вытекает из проделанной камнем дыры в голове птицы, и его это испугало. Но, как ты знаешь, чи не может идти против воли хозяина, как не может и заставить хозяина поступать против его воли. Вот почему старые отцы говорят, что если человек хранит молчание, то и его чи безмолвствует. Это универсальный закон духов-хранителей: человек должен проявить волю, чтобы его чи начал действовать. Я, таким образом, оказался в трудной ситуации — был вынужден беспомощно смотреть, как он делает то, что в конечном счете заставит его страдать. Он вернулся с рогаткой, сел на кривую ветку и спрятался в листве. Оттуда он видел птицу, привязанную к ножке табурета, на котором только что, перед тем как уйти в дом, сидел Эджике.

В этом месте своей истории мой хозяин понял: он не хочет рассказывать Ндали, что способен на серьезное насилие, поэтому прервал рассказ и

солгал ей, сказав, что перестал любить гусенка, поскольку тот больше не принадлежал ему. Он сказал ей, что, поскольку гусенок прилепился к Эджике, он надумал убить птицу, чтобы отомстить ее новому хозяину. Когда Ндали кивнула и сказала: «Я понимаю, продолжайте», — он рассказал ей, как выстрелил в птицу камнем и не промахнулся. Камень попал гусенку в ногу, и он упал с криком, означавшим, вероятно, боль. Мой хозяин спрыгнул с дерева, его сердце превратилось в громкий барабан. Он вбежал в свою комнату, а немного спустя к нему с окровавленной птицей примчался Эджике, он кричал, что гусенок умрет, если его не лечить. Так оно и случилось, несколько дней спустя после того, как мой хозяин вернул себе птицу и принес ее назад в дом, он проснулся утром и увидел, что гусенок лежит в середине комнаты, крылышки его плотно прижаты к телу, голова безжизненно свесилась набок. Ноги его были жесткие и безжизненные, когти загнулись вниз из-за трупного окоченения.

Гаганаогву, смерть птицы стала очень тяжелым ударом для моего хозяина. Он рассказал Ндали, как оплакивал свою утрату, как ругал себя — отец даже был вынужден его наказать. Но это

ничего не изменило. Из школы стали приходить жалобы на его невнимательность, постоянные прогулы. Его отвращение к себе было настолько сильным, что он специально провоцировал наказания и принимал их — в особенности порку — с мазохистским безразличием, вызывая тревогу учителей. Они поставили в известность отца, который к тому времени боялся его наказывать, потому что тот из пухленького мальчишки превратился в щепку. Однажды в отчаянной попытке спасти сына отец взял его на птицеводческую ферму близ города. Мой хозяин подробно описал Ндали эту большую ферму: сотни птиц перед его глазами — одомашненные птицы разных пород. И вот там среди запаха тысячи перьев и кудахтанья сотен голосов его сердце наконец оттаяло и вернулось к жизни. Он с отцом вернулся вместе с клеткой, полной куриц, и с двумя индейками, и так начался их птичий бизнес.

Эбубедике, когда он поведал ей эту историю, они некоторое время молчали. В тишине он перебирал сказанные им слова — не сорвалось ли у него с языка чего-нибудь такого, что выставляло бы его в дурном свете. И она сидела, погрузившись в размышления, может быть, обдумывала его слова. Осмотрительность — вот что лежало в

основе его самооценки. Он должен был сохранять в себе это свойство, потому что оно поддерживало его. А потому для него крайне важно было скрыть бóльшую часть подробностей из его прошлого, а для его языка — сохранять бедность речи даже под давлением. Мучимый тем, что рассказал ей столько, он позволил своим мыслям переключиться на томаты, которые он посадил на прошлой неделе и еще не поливал, когда она вдруг заговорила.

— Прекрасная история, — сказала Ндали после размышлений, показавшихся ему долгими.

Он кивнул:

— Вам понравилось, мамочка?

— Понравилось, — ответила она. — Вы горюете по своей семье? Кстати, а что ваша сестра?

При всей простоте этого вопроса ему потребовалось немало времени, чтобы дать ответ. Я достаточно долго пробыл среди людей, чтобы знать: они хранят информацию о тех, кто их обидел, иначе, чем информацию о других. Эти сведения находятся в плотно закупоренных сосудах, крышки которых нужно открыть, чтобы вспомнить об обидчиках. Или, в худших случаях — таких, как воспоминание об изнасиловании его бабушки солдатами во время войны, — кув-

шин должен быть разбит на кусочки. Поэтому он только сказал:

— Она живет в… гммм… Лагосе. Мы с ней вообще-то не разговариваем. Ее зовут Нкиру.

— Почему?

— Мамочка, она ушла из дома перед смертью папы. Она, понимаете, она… как это сказать? Бросила нас. — Он поднял голову, встретился с ней взглядом. — Она ушла из-за мужчины, хотя никто не хотел, чтобы она выходила за него, потому что он совсем старый, он такой старый, что мог бы ее отцом быть. Да что там, он на пятнадцать лет старше, чем она.

— Ай-ай! И почему она так поступила?

— Не знаю, сестра моя. — Он внимательно посмотрел на нее — как она прореагировала на его новое обращение. Потом сказал: — Не знаю, мамочка.

Эгбуну, хотя больше он ей пока ничего про сестру не сказал, когда человек снимает такую крышку, он видит больше, чем может рассказать. И часто нет способа остановить это. «Почему ребенок бросает родителя?» — спрашивал у него отец, а он отвечал, что не знает. А отец, услышав это, моргал, и по его щекам медленно текли слезы. Его отец покачивал головой, щелкал пальцами. А

потом крепко сжимал зубы, скрежетал ими. «Это выше моего понимания, — говорил отец с еще большей горечью, чем прежде. — Выше понимания любого, живого или мертвого. *Ах, Нкиру. Ада му ох!»*[29]

Поскольку воспоминание из этого кувшина тяжело давило на моего хозяина, ему захотелось сменить тему разговора.

— Я принесу вам что-нибудь выпить, — сказал он и поднялся.

— А что у вас есть? — Она встала рядом с ним.

— Нет, мамочка, вы сядьте. Вы моя гостья. Вы должны сидеть и не мешать мне покормить вас.

Она рассмеялась, и он увидел ее зубы — какими они казались нежными, выстроились в ряд чуть ли не изысканно, как у ребенка.

— О'кей, но моя стоять хотеть, — сказала она.

Он стрельнул в нее взглядом и выгнул бровь.

— Я не знал, что вы говорите на пиджине, — сказал он и рассмеялся.

Она закатила глаза и вздохнула, как это делали великие матери.

Он принес две бутылки фанты, дал ей одну. Он все еще покупал ящиками напитки, которые

---

[29] Примечания: 29
Ах, моя дочь! (*игбо*)

назывались «фанта» и «кола», как покупал его отец для гостей, хотя у него почти никаких гостей и не бывало. Несколько бутылок он держал в холодильнике, а пустые ставил в ящик.

Он показал на обеденный стол с четырьмя стульями вокруг него. На использованной жестянке от «Бурнвиты» стояла свечка, принявшая невообразимую форму от наплывов воска, который образовал у основания слой, напоминающий корявые корни старого дерева. Он поставил жестянку на край стола у стены, а сбоку выдвинул стул для нее. Он увидел, что она смотрит на календарь на стене с изображением *алуси* Белого Человека Джизоса Крайста в терновом венце на голове. Слова, написанные у поднятого пальца Джизоса, пробежали по ее губам, но не стали слышимыми. Он открыл банку, когда она села, а когда собрался убрать открывашку, она ухватила его руку.

Иджанго-иджанго, даже столько лет спустя я не могу в полной мере понять все, что произошло в этот момент. Она, казалось, каким-то таинственным способом сумела прочесть намерения его сердца, которые все время отражались на его лице как сущность. И она сумела с помощью какой-то алхимии понять, что улыбка, которую он

носил все время на лице, была борьбой его тела, попыткой справиться с темной бескомпромиссностью собственного вулканического желания. Они почти час занимались любовью с необыкновенной неистовостью, с очарованием, и их энергии не было конца. Он чувствовал странную смесь неверия и облегчения, а что чувствовала она — я не могу описать. Ты же знаешь, Чукву, ты много раз отправлял меня поселяться в разных людей, жить с ними, становиться ими. Ты знаешь, что я видел многих людей раздетыми. И все же ярость их соединения обеспокоила меня. Возможно, все объяснялось тем, что это был их первый раз и они оба понимали — потому что он и в самом деле так думал, — что между ними есть что-то невыразимо глубокое, и тут я вспомнил слова ее чи: «Моя хозяйка воздвигла фигурку в святилище своего сердца». Может быть поэтому в конце, когда оба они были покрыты по́том и он увидел слезы в ее глазах, он лег рядом с ней, произнося слова, которые — хотя слышать их могли только она, он и я — были слышны и в загробном царстве человека как оглушительные восторги, предназначенные для ушей человека и духов, живых и мертвых, отныне и навсегда: «Я нашел! Я нашел! Я нашел!»

5. Оркестр меньшинств

Гаганаогву, быт любовников часто превращается в рутину, а потому со временем новый день становится неотличим от предыдущего. Любовники носят слова друг друга в своих сердцах и когда они вместе, и когда врозь; они смеются; они разговаривают; они занимаются любовью; они спорят; они едят; они вместе ухаживают за птицей; они смотрят телевизор и мечтают о совместном будущем. Так вот идет время, накапливаются воспоминания, пока их союз не становится суммой всех слов, которые они сказали друг другу, их смеха, их любовных ласк, споров, обедов, их работы в птичнике и всего, что они делали вместе. Если они не вместе, то ночь для них не желанна. Они впадают в отчаяние, когда заходит солнце, и ждут с нетерпением, чтобы ночь, эта космическая завеса, которая разделила их, прошла в лихорадочной спешке.

К третьему месяцу мой хозяин понял, что больше всего ценит то время с Ндали, когда она помогает ему в птичнике. Хотя многие вещи, связанные с содержанием кур, — например, запах в птичниках, то, что птицы почти всюду оставляют

помет, забой тех, что продаются в рестораны в виде мяса, — все еще беспокоили ее, за курами она ухаживала с удовольствием. И хотя она без сетований работала с моим хозяином, его все же беспокоило ее отношение к этой работе. Он часто вспоминал ученого университетского лектора на птичьем рынке в Энугу, который горько негодовал, говоря о привычке птицеводов держать куриц за крылья, называя это жестоким и бездушным. Хотя сама Ндали училась на фармацевта и иногда на фотографиях, которые она ему показывала, была в лабораторном халате, она подобной щепетильностью не страдала. Она с легкостью выдирала переросшие птичьи перья. Она собирала яйца, когда приезжала рано утром или оставалась у него на ночь. Но она занималась не только птицами — она заботилась о нем и о доме. Она засовывала руку в темные и тайные уголки его жизни и перетрагивала там все. А со временем она стала тем, о чем долгие годы тосковала, чуть не плача, его душа.

За прошедшие три месяца эта женщина, с которой он случайно познакомился на мосту и которая стала причиной моего преждевременного свидетельствования этой ночью, перевернула его жизнь. Ндали без предупреждения приехала

как-то днем с новым четырнадцатидюймовым телевизором и утюгом. Несколько недель перед этим она смеялась над ним, называя его единственным человеком среди ее знакомых, кто не смотрит телевизор. Он не сказал ей, что у него до недавнего времени был родительский телевизор, всего за несколько недель до его повторной встречи с ней, когда он в ярости после исчезновения Моту разбил его в мелкие дребезги. Позднее, поняв, что сделал, он отнес телевизор в мастерскую по соседству. Повозившись немного с телевизором, мастер сказал, страдальчески качая головой, что ему лучше купить новый. Стоимость сломанных запчастей, нуждающихся в замене, равна стоимости нового телевизора. Он оставил старый телевизор у мастера в его маленькой мастерской на оживленном шоссе, в окружении зиккуратов всевозможной электроники в разных состояниях неработоспособности.

Помимо того что Ндали приносила ему новые вещи, она еще и поддерживала порядок в доме. Постоянно подметала пол в ванной, а когда после сильного ливня через сливную трубу запрыгнула лягушка, она вызвала водопроводчика, чтобы поставил сетку на выходе из трубы. Она отскребла от грязи плитку в ванной, которую не чистили

много месяцев. Она купила ему новые полотенца и повесила их не на дверь — «потому что на двери наверняка пыль» — и не на согнутый гвоздь внутри двери — «потому что гвоздь заржавел и оставляет пятна на полотенце», — а на пластиковые плечики. Время шло, она, казалось, каждый день улучшала что-то в его жизни, и даже Элочукву, которому хозяин теперь почти не уделял внимания, теперь не уставал удивляться огромной перемене, произошедшей с ним.

Хотя мой хозяин ценил ее покупки, он особо о них не задумывался до конца третьего месяца, когда Ндали отправилась со своими родителями в Британию, на землю Белого Человека. Причина этого состоит в том, что люди не видят ясно вещи у них перед глазами, пока не посмотрят на них с расстояния. Один человек, будучи обижен другим, может ненавидеть обидчика, но по прошествии значительного времени его сердце начинает оттаивать по отношению к этой личности. Вот почему мудрые отцы говорят, что человек яснее слышит послание барабана уду с расстояния. Я видел это много раз. И вот во время ее отсутствия все, что она ему говорила, стало отчетливее, он ощутил все перемены в своей жизни, понял, что его прошлое до ее появления

представляется теперь совсем другой эпохой, не похожей на настоящую. И в течение этих дней в одиночестве, когда он размышлял обо всем, к нему пришло желание, подкрепленное всей сокрушительной силой убежденности: он хочет жениться на Ндали. Он встал на ноги и прокричал:

— Я хочу жениться на тебе, Ндали!

Иджанго-иджанго, не могу описать радости, которую я видел в моем хозяине тем вечером. Никакая поэзия, никакой язык не могут адекватно описать это. Я задолго до приезда его дядюшки, который сказал, чтобы он искал себе жену, понимал, что он жаждет этого со времени смерти его матери. Я, его чи, целиком и полностью поддерживал его. Я видел эту женщину, одобрял ее заботу о нем и даже получил подтверждение ее чи в том, что она любит его. И я был убежден, что жена восстановит мир, который он потерял после смерти матери, потому что ранние отцы в своей милосерднейшей мудрости говорят, что, когда человек строит дом и компаунд, даже духи ожидают, что он вступит в брак.

Два дня спустя после принятия им этого решения Ндали вернулась в Нигерию. Она позвонила ему, прилетев с семьей в Абуджу, разговаривала

с ним шепотом. Вдруг он услышал звук открывающейся двери там, где находилась Ндали, и в этот момент разговор оборвался. Во время этого звонка он собирал яйца и засыпал пол опилками в главном курятнике. Когда она позднее в тот день добралась до Умуахии и позвонила ему, разговор опять прервался посредине. В этот раз он только-только закончил есть в ресторане, куда поставлял яйца и куриное мясо и где ел время от времени. Они начали говорить, но она вдруг резко оборвала разговор при звуке открывающейся двери.

Мой хозяин положил телефон и ополоснул руки в пластиковой миске, куда набросал кости рыбы бонга, поданной с супом эгузи. Он заплатил дочери ресторатора, чья манера носить шарф, сложенный наподобие птичьего хвоста, часто напоминала ему Моту. Он взял зубочистку из пластмассовой вазочки и вышел на солнце. Он помахал уличному продавцу, который предлагал воду в маленьких запаянных пакетиках, выкрикивая свой призыв: «Покупайте «Чистую воду», покупайте «Чистую воду!» Агуджиегбе, эта покупка и продажа воды всегда меня поражала. Старые отцы даже во времена засухи и представить себе не могли, что воду — самое изобильное преду-

смотрение самой великой богини земли — можно продавать так, как охотники продают дикобразов! Он купил одну упаковку «Чистой воды» и засовывал в карман десять найра сдачи, когда телефон зазвонил снова. Он вытащил телефон из кармана, хотел было раскрыть его и ответить на звонок, но засунул назад в карман. Он выплюнул зубочистку, открыл упаковку с водой, выпил все содержимое и бросил ее в ближайший куст.

Мой хозяин злился. Но злость в такой ситуации нередко становится плодовитой кошкой, которая приносит пометы один за другим, и злость уже заронила в него ревность и сомнение. Потому что, возвращаясь к фургону, он не уставал спрашивать себя, зачем ему отдавать себя женщине, которая, кажется, ничуть его не любит. Я осенил его мыслью, что ему нет нужды раздражаться на нее, и предложил подождать, пока он не услышит ее объяснения и не узнает всю историю.

Он не ответил на мое предложение, а просто вошел в фургон и, все еще пребывая в ярости, поехал по Бенд-роуд мимо большой колонны, на которой было написано название города. Он выехал на трудный перекресток, где между его фургоном и другой машиной вклинился трехколесный автомобиль, и если бы он не ударил по

тормозам, то врезался бы в трехколесный кеке напеп[30]. Водитель маленькой машины выругал моего хозяина, съехавшего на обочину.

— Дьявол! — крикнул мой хозяин этому человеку. — Вот так вы и помирай. Твой ехай обычный кеке напеп, но твой ехай как грузовик.

Пока он кричал, зазвонил его телефон, но он не стал его доставать. Он проехал мимо собора Матери Божьей, где давно не был, потом по маленькой улочке до своей фермы. Он заглушил двигатель, достал телефон и набрал ее номер.

— Что ты делаешь? — закричала она в телефон. — Что?

— Я не… — сказал он, тяжело дыша в телефон. — Я не хочу говорить с тобой по телефону.

— Нет, ты должен со мной говорить. Что я тебе сделала?

Он отер пот со лба, опустил окно.

— Я рассердился, что ты сделала это снова.

— Что я сделала снова, Нонсо?

— Ты меня стыдишься. Ты прервала разговор, потому что кто-то вошел в комнату. — Он слышал, что его голос возвышается, что он говорит громче, впадает в неистовство, говорит тоном,

---

[30] Примечания: 30
Название популярной трехколесной машины в Нигерии.

который она часто называла грубым. Но он уже не мог остановиться. — Скажи мне, кто открыл дверь, когда ты отсоединилась?

— Нонсо…

— Ответь мне.

— О'кей. Моя мать.

— Ну, ты видишь? Ты отказываешься от меня. Ты не хочешь, чтобы твоя семья знала обо мне. Ты не хочешь, чтобы они знали, что я твой парень. Ты же видишь, ты отказываешься от меня перед лицом твоей родни, Ндали.

Она пыталась возразить, но он все говорил и говорил, не давая ей вставить и слово. Теперь он ждал, когда она ответит, волновался еще сильнее, не потому, что тон выдавал его, но и потому, что назвал ее по имени, а делал он это, только когда очень на нее сердился.

— Ты здесь? — спросил он.

— Да, — ответила она после паузы.

— Тогда давай говори.

— Где ты сейчас? — спросила она.

— Дома.

— Тогда сейчас буду.

Он сунул телефон в карман, и безмолвная радость наполнила его. Было очевидно, что она не собиралась приезжать к нему, разве что через

несколько дней, но он хотел, чтобы она приехала как можно скорее. Потому что он тосковал без нее и злился отчасти и из-за этого. Еще он злился из-за тревоги, которая поселилась в нем, пока Ндали не было, и стала еще навязчивей, когда он решил жениться на ней. Как это часто случалось с ним — и с большинством людей, — сомнительная идея достигла степени убежденности. Поначалу люди верят таким мыслям, но спустя какое-то время их взгляд становится острее, проницательнее, они начинают видеть ущербность своих планов. Вот почему несколько часов спустя он понял — словно это было долго скрыто от него, — что он не богат, не очень красив, а по уровню образования не выше средней школы. Она же, по контрасту, в ближайшем будущем должна была окончить университет и стать врачом (хотя, Эгбуну, она много раз говорила ему, что будет фармакологом, а не врачом). Ему было необходимо, чтобы она успокоила его каким-то образом, сказала, что он ошибается, что он не ниже ее, а такой же, как она, ровня ей. И что она любит его. Согласившись приехать, именно она и настроила его на такой лад, хотя сама и не знала этого.

Он вышел из фургона и отправился на маленькую ферму, остановился на полпути между

рядами растущих томатов, чтобы посмотреть на колосья кукурузы за ними. Наверное, он спугнул зайца, который припустил в кукурузное поле быстрыми, громадными прыжками, размахивая хвостом. Сделав несколько прыжков, заяц остановился, поднял голову, огляделся, побежал дальше. Мой хозяин увидел чью-то майку — может быть, ее занесло туда ветром с какого-нибудь компаунда, — она лежала на одном из растений, наклоняла его. Он поднял майку. Она была испачкана землей, по ней ползла черная, с сетчатым рисунком, тысяченожка. Он стряхнул тысяченожку и пошел с майкой, чтобы выбросить ее в мусорный бачок за кирпичной оградой, когда появилась Ндали.

Эзеува, мудрые отцы в своей осторожной мудрости говорят, что, в какую бы позицию ни становился танцор, флейта будет сопровождать его. Мой хозяин в тот вечер получил то, что хотел: она пришла к нему. Но он получил это за счет протеста и диктовал мелодию флейтисту. И когда он вошел в дом, она вскочила на ноги и закрыла усталое лицо рукой. Она отвернулась, как только он вошел, и, опустив глаза, сказала:

— Я приехала не спорить, а поговорить спокойно, Нонсо.

Опасаясь, что ее слова потребуют от него длительной сосредоточенности, он сказал, что сначала должен покормить птицу. Он поспешил во двор, ему хотелось как можно скорее вернуться к ней. Он открыл сделанную из дерева и сетки дверь клетки. Куры повалили наружу, издавая воодушевленное кудахтанье. Они на всех парах, исполненные лучших ожиданий, бросились к гуаве, где он расстелил мешки, хотя корм еще не насыпал. Когда они начали клевать, он пошел в дом и вставил клин между дверью и косяком, так чтобы закрытой осталась только москитная сетка. Он зачерпнул еще одну большую, последнюю чашку с пшенкой и завязал почти пустой мешок, который держал в одном из кухонных шкафов, чтобы птицы не склевали остатки пшенки. Затем вернулся во двор и высыпал корм на мешки у ствола дерева, стая голодных птиц тут же набросилась на еду.

Когда он вернулся в гостиную, Ндали сидела и разглядывала камеру, которую привезла из страны Белого Человека, она называла ее «поляроидная камера». Ее сумочка все еще была у нее под боком, а туфли, которые она называла просто «каблуки», оставались на ней, словно она собиралась вскоре уходить. Эгбуну, если о

состоянии разума человека часто можно судить по выражению его лица, то теперь по дочерям великих матерей трудно судить, что у них в голове. Это потому, что они украшают себя не так, как матери. Они теперь избегают ули, хитроумных косичек, ношения бус и раковин каури. И теперь женщина вольна сама себе покрыть лицо самыми разными красками с помощью одной кисточки, а если какая в горе-несчастье, то она может нанести на лицо столько краски, что даже и счастливой покажется. Вот такой Ндали и выглядела в тот день.

— Так скажи мне, — сразу же начала она, когда мой хозяин сел. — Ты хочешь познакомиться с моей семьей?

Он обосновался на самом просевшем из диванов, так что его тело опустилось низко и он едва видел всю ее целиком, хотя и сидел прямо перед ней.

Чувствуя злость в ее голосе, он сказал:

— Так оно, если мы хотим пожениться…

— Значит, ты хочешь жениться на мне, Нонсо?

— Так оно, мамочка.

Она закрыла глаза, когда говорила, а теперь открыла, и ему показалось, что они покраснели. Она изменила свое положение на диване так, что

ее ноги чуть не упирались в его.

— Ты и вправду этого хочешь?

Он посмотрел на нее снизу вверх:

— Так оно.

— Тогда ты познакомишься с моей семьей. Если ты говоришь, что хочешь жениться на мне.

Эгбуну, она сказала это так, словно произносить эти слова ей было больно. И тут стало ясно, для этого и ясновидца не требовалось, что на сердце у нее лежит какая-то тяжесть, спрятана в темном уголке ее разума и она не будет ее раскрывать. Мой хозяин тоже увидел это, а потому перетащил ее на свой большой диван, усадил рядом и спросил, почему она не хочет, чтобы он познакомился с ее родней. Вместо ответа она отстранилась от него и отвернулась. И тут он понял, что она боится. Он понял это, хотя она и отвернулась, и он видел только ее большие, свисавшие чуть не до плеч сережки в виде колец, в которые вполне могли войти два его пальца. Потому что страх — одна из эмоций, которая выражает первобытную наготу лица человека, и каждый раз, когда страх являет себя, любой смотрящий узнает его, как бы ни было разукрашено лицо.

— Почему это тебя печалит, мамочка?

— Меня это не печалит, — сказала она, когда он

еще даже не договорил.

— Тогда почему ты боишься?

— Потому что ничего хорошего из этого не получится.

— Почему? Почему я не могу познакомиться с семьей моей подружки?

Она посмотрела на него немигающим твердым взглядом в ответ на его такой же твердый взгляд:

— Ты познакомишься с ними, я тебе обещаю. Но я знаю моих родителей. И моего брата. Я их знаю. — Она опять покачала головой: — Они гордые люди. Ничего хорошего из этого не получится. Но ты с ними познакомишься.

Он молчал, ошеломленный услышанным. Ему хотелось узнать больше, но он был не из тех, кто задает слишком много вопросов.

— Когда я вернусь домой, я скажу им про тебя. — Она нервно постукивала ногой по полу. — Сегодня вечером, я скажу им про тебя сегодня вечером. А потом посмотрим, когда я смогу тебя пригласить.

Сказав это, она словно огромную тяжесть сбросила с плеч и теперь прижалась к нему, глубоко вздохнула. Но ее слова застряли в его сознании. Потому что те слова, которые она произнесла — «Ничего хорошего из этого не получится»,

«Значит, ты хочешь жениться на мне?», «Ты познакомишься с ними, я тебе обещаю», «А потом посмотрим, когда я смогу тебя пригласить», — нелегко выбросить из головы. В них нужно разбираться медленно, по одному. Он переваривал их, когда услышал со двора отчетливый звук, напугавший его.

Он вскочил на ноги и в одно мгновение оказался на кухне, взял рогатку с подоконника и открыл москитную дверь. Но было слишком поздно. Когда он выскочил во двор, ястреб уже оседлал восходящий поток, он бешено хлопал крыльями в устремляющихся вверх струях воздуха, а в когтях держал одного из желто-белых цыплят. Поднимаясь, он задел крыльями веревку с бельем, та завибрировала, и два стираных предмета одежды упали на землю. Мой хозяин выстрелил в птицу из рогатки, но камень пролетел мимо. Он вставил другой камень, но понял, что все это бесполезно. Ястреб поймал слишком высокий поток и начал набирать скорость, глаза его уже не смотрели вниз, а были устремлены вперед, в бесцветную бесконечность неба.

Чукву, ястреб — опасная птица, она такой же убийца, как леопард. Ястреб не желает ничего другого, кроме мяса, и всю жизнь проводит в охо-

те. Он — несказанная тайна среди птиц небесных. Он — парящее божество с быстрыми крыльями и безжалостными когтями. Великие отцы изучали ястреба и коршуна, его брата, они сочинили притчи, объясняющие его природу, одна из таких притч передает то, что случилось с курами моего хозяина: перед каждой атакой ястреб говорит курице: «Держи цыплят поближе к груди, потому что мои когти пропитаны кровью».

Мой хозяин, исполненный ярости, провожал глазами улетающего ястреба, когда Ндали открыла москитную дверь и вышла во двор.

— Что случилось? Почему ты вдруг выбежал?

— Ястреб, — сказал он, не глядя на нее.

Он указал вдаль, но солнце заставило его прищуриться. Он поднял руку, закрывая глаза от солнца и глядя туда, куда улетела птица. Но сцена нападения все еще стояла перед его глазами так ясно, так живо, что ему казалось, будто она продолжается. Он уже ничего не мог сделать, чтобы спасти одного из своих подопечных от растерзания. Он один знал, сколько трудов стоило ему вырастить этих птиц, а теперь одну из них забрали у него, как забирали и прежде, а он *не смог ее защитить*.

Он огляделся и увидел, что остальные птицы

— за исключением курицы, цыпленка которой похитили, — укрылись в безопасном птичнике. Скорбящая курица расхаживала по двору шаткой походкой, кудахтала, и он знал, что она говорит на птичьем языке боли. Он молча указал направление на пустом небе.

— Я ничего не вижу. — Она приложила ко лбу ладонь козырьком и снова обратилась к нему: — Ястреб унес цыпленка?

Мой хозяин кивнул.

— Боже мой!

Он посмотрел на последствия нападения: кровь и перья на земле.

— И скольких он унес? Как он…

– *Офу*, — сказал он, потом, напомнив себе, что говорит с человеком, который предпочитает не изъясняться на игбо, добавил: — Всего одного.

Он положил рогатку на скамью и бросился за причитающей курицей. Ей удалось ускользнуть от него. Тогда он предпринял вторую попытку — кинулся на нее, выставив вперед обе руки, ухватил за крыло близко к левому плечу, прижал к ограде. Потом поднял ее ногу, осторожно избегая шпоры. Курица замолчала, подняла хвост.

— И как это случилось? — спросила Ндали, собирая упавшую одежду.

— Просто налетел… — Он замолчал, погладил мочку уха курицы. — Просто упал на них и схватил одного из цыплят этой мамы-курицы, ее Ада зовут. Одного из ее новеньких.

Он отнес курицу Аду назад в клетку и медленно закрыл дверь.

— Очень грустно, *обим*[31].

Он потер ладони одна о другую и пошел в дом.

— Такое часто случается? — спросила она, когда он вернулся в гостиную, помыв руки в ванной.

— Нет. Нет-нет, не часто.

Он хотел на этом закончить, но, Чукву, я его стал подначивать, чтобы он выложил все, что у него накипело. Я знал его. Я знал, что рассказ о прошлой победе — один из способов, каким человек, потерпевший поражение, может исцелить свое сердце. Это затягивает рану, нанесенную поражением, наполняет его предчувствием грядущей победы. И вот я осенил его мыслью о том, что ястребы обычно здесь не появляются. Я предложил ему сказать ей, что это случается нечасто. И он на сей редкий раз проявил уступчивость, послушался меня.

— Нет, это случается редко, — сказал он. — Это

---

[31] Примечания: 31
Дорогóй, дорогая (*игбо*).

не может случаться часто. *Мба ну!*[32]

— Почему? — спросила она.

— Я этого не допускаю. Да что говорить, не так давно один ястреб попытался напасть на моих птиц, — сказал он, удивленный ее неожиданным переходом на искаженную[33] форму языка Белого Человека, на какой говорили его соотечественники.

Но именно на этом языке он рассказал ей историю о своей недавней победе, а она слушала его как зачарованная. Он начал свой рассказ с того, что не так давно выпустил во двор всех птиц, кроме тех, что занимали одну из клеток для бройлеров, а сам начал чистить батат в кухонной раковине, время от времени поглядывая во двор, и вот в какой-то момент он увидел ястреба, парящего в небе над его птицами. Он открыл решетчатые жалюзи на окне, схватил рогатку, камень с подоконника, подул на камень, чтобы сдуть с него красных муравьев. Потом он вытащил одну из дощечек решетки, освободив

---

[32] Примечания: 32

Нет! (*игбо*)

[33] Примечания: 33

Здесь имеется в виду не то, что Ндали говорит на корявом английском, а то, что нигерийский английский представляет собой искаженную форму английского.

пространство для руки, и вывернул регулировочные рукоятки так, чтобы дощечки стояли строго горизонтально. Потом он стал ждать атаки ястреба.

Ястреб, как он сообщил ей, вероятно, одна из самых бдительных птиц, он может часами парить в воздухе, выслеживая цель, прикладывая все силы, чтобы максимально точно нанести удар — чтобы хватило одной атаки. И мой хозяин, зная эту ястребиную повадку, тоже выжидал. Он ни на секунду не оторвал глаз от парящей в небе птицы. Поэтому ему и удалось поймать ее в тот самый момент, когда она совершила свой отважный нырок во двор, схватила маленького петушка и уже пыталась оседлать восходящий поток воздуха. Снаряд припечатал хищника к ограде, вынудив его отпустить цыпленка. Ястреб соскользнул по ограде на землю, грохнулся с глухим звуком. Потом он приподнялся, его голова на мгновение потерялась в раскинутых крыльях. Хищник был оглушен.

Мой хозяин поспешил во двор, увидел, что ястреб пытается встать на ноги, и прижал его к стене, не испугавшись его бешено молотящих воздух крыльев и воинственных криков. Он потащил птицу за крылья к ореховому дереву

в конце компаунда рядом с мусорным бачком. У него даже, подчеркивал он, не хватает слов, чтобы описать гнев, который охватил его. И в этой своей бешеной ярости он связал крылья ястреба, кровь из головы птицы напитала прочные волокна шнура. Привязывая ястреба к дереву, он обращался к нему и всей его родне — ко всем, кто крал то, что люди вроде него растили, тратя на это свои время, труд и деньги. Он вошел в дом, а потом вернулся, неся несколько гвоздей, по его спине и шее стекали ручьи пота. Когда он снова появился во дворе, ястреб закричал в странной ярости, пронзительным и уродливым голосом. Мой хозяин взял большой камень, лежащий за деревом, прижал шею птицы к дереву. Потом забил гвоздь в его шею камнем, и гвоздь, выйдя с другой стороны, расщепил ствол, сорвал старую кору. Он вытянул одно крыло птицы — его рука и камень покрылись кровью — и тоже прибил, глубоко вколотив гвоздь в ствол дерева. Хотя он и понимал, что совершил нечто крайне жестокое и необычное, ярость так переполняла его, что он был исполнен решимости воплотить в жизнь то заслуженное наказание, которое родилось в его голове: распятие. Поэтому он связал покрытые перьями ноги мертвой птицы и тоже прибил их

к дереву. На этом он закончил.

Он откинулся на спинку стула, завершив историю, упоенный созданным им видением. Хотя он, рассказывая, все время смотрел на нее, ему показалось, что с начала их отношений только теперь он увидел ее в первый раз. Он чувствовал весь груз того, что выложил ей. И теперь опасался, что она может счесть его жестоким человеком. Он быстро перевел на нее взгляд, но сказать, что у нее на уме, не смог.

— Я поражена, Нонсо, — произнесла она вдруг.

— Чем? — спросил он, чувствуя, как часто забилось его сердце.

— Этой историей.

И все? — подумал он. Неужели теперь она будет так и смотреть на него? Неисправимо жестокий человек, распинатель птиц?

— И что тебя в ней поразило? — спросил он вместо этого.

— Не знаю. Но правда я не знаю. Может, то, как ты рассказал. Но… я просто вижу тебя, человека, который так любит птиц. Так сильно.

Эбубедике, мысли моего хозяина закружились, как в водовороте. *Любовь*, подумал он. Как любовь может быть тем, о чем она думает в данный момент, после того как он рассказал о себе как о

человеке, способном на такую жестокость?

— Ты их любишь, — снова сказала она, теперь с закрытыми глазами. — Если бы ты не любил их, ты бы не действовал так, как рассказал мне в своей истории. И сегодня тоже. Ты по-настоящему их любишь, Нонсо.

Он кивнул, сам не понимая почему.

— Я думаю, ты по-настоящему хороший пастырь.

Он посмотрел на нее и спросил:

— Что?

— Я назвала тебя пастырем.

— Что это?

— Это тот, кто содержит овец. Ты не помнишь из Библии?

Его несколько встревожили ее слова, потому что он не особо задумывался над этим, как люди не особо задумываются над вещами, которыми занимаются каждый день, над вещами, которые для них — рутина. Он никогда не думал, что мир надломил его. Птицы были очагом, на котором горело его сердце, и — в то же время — они были пеплом, который собирают, когда сгорит дерево. Он любил их, при всем их разнообразии, тогда как его отличительными чертами были однообразие и простота. Да, как и все, кто любит, он

желал взаимности. И поскольку он не мог сказать, отвечал ли ему когда-нибудь взаимностью его единственный гусенок, со временем любовь моего хозяина деформировалась, превратилась в нечто, непонятное ни ему, ни мне, его чи.

— Но я держу кур, не овец, — сказал он.

— Это не имеет значение, пусть ты держишь птиц.

Он отрицательно покачал головой.

— Это очень верно, — сказал она, подвигаясь поближе к нему. — Ты пастырь, и ты любишь свою стаю. Ты заботишься о них так же, как Иисус с огромной любовью заботился о своих овцах.

Хотя ее слова вызвали у него недоумение, он сказал:

— Так оно, мамочка.

Агбатта-Алумалу, потом они в этот день занимались любовью, ели рис и тушенку, потом снова занимались любовью, но моего хозяина настолько ошеломили слова Ндали, что, когда она уже заснула, он еще долго сидел на кровати, слушал треск кузнечиков на ферме и на дворе. Его мысли, словно птицы, пойманные на птичий клей, прилипли к загадочным словам, сказанным ею о семье. Он сидел, вперившись в стену прямо перед собой, он не смотрел ни на что конкретное,

когда его напугал ее голос:

— Ты почему не спишь, Нонсо?

Он посмотрел на нее, лег рядом.

— Сейчас усну, мамочка. Почему ты проснулась?

Она шевельнулась, и он увидел очертания ее грудей в темноте.

— Не знаю, просто я вдруг проснулась. Я не спала — так, дремала, — сказала она тем же слабым голосом. — Я вот что, Нонсо, я весь день думала: что это за звук производили птицы, когда ястреб забрал цыпленка? Они как бы все собрались… вместе. — Она закашлялась, поперхнувшись слюной. — Они словно все говорили одно, производили тот же звук. — Он начал было отвечать, но она продолжила: — Это было странно. Ты обратил внимание, *обим*?

— Да, мамочка, — сказал он.

— Скажи мне, что это? Они плачут?

Он вдохнул полной грудью. Ему трудно было говорить об этом явлении, потому что оно часто его трогало. Потому что он ценил это свойство домашней птицы — их хрупкость, то, что они полагались в основном на него: он защитит, он накормит, он сделает все, что им нужно. Это отличало их от диких птиц.

— Это правда, мамочка, они плачут, — сказал он.

— Правда?

— Так оно, мамочка.

— Боже мой, Нонсо! Неудивительно! Из-за цыпленка…

— Так оно.

— …которого унес ястреб?

— Так оно, мамочка.

— Это очень грустно, Нонсо, — сказала она мгновение спустя. — Но как ты узнал, что это плач?

— Мне отец так сказал. Он всегда говорил, это что-то вроде похоронной песни по тому, кого они потеряли. Он называл это Эгву *уму-оберe-ихе*. Ты понимаешь. Я не знаю, как по-английски сказать *уму-оберe-ихе*.

— Маленькие штучки, — сказала она. — Нет, меньшинства.

— Да-да, так оно. О таком переводе мне и отец говорил. Именно так и сказал по-английски: меньшинства. Он всегда говорил, это будто их орхестр.

— Оркестр, — сказала она. — О-р-к-е-с-т-р.

— Так оно, именно так он и произносил, мамочка. Он всегда говорил: курицы знают, что ничего

другого они не могут, только плакать и издавать звук кудах-тах-тах! Кудах-тах-тах!

Позднее, когда она опять уплыла в сон, он лежал рядом с ней, думал о нападении ястреба и ее наблюдениях за птицами. Потом, по мере того как ночь становилась все глубже, его мысли вернулись к тому, что́ она говорила про семью, и страх снова прокрался в его душу, на этот раз в маске злого духа.

Иджанго-иджанго, *ндиичие* говорят, что если в стене нет дыры, то ящерица в дом не проберется. Даже если человек встревожен, но не падает духом, он может выстоять. Хотя покой моего хозяина и был нарушен, он беззаботно занимался своими делами. Доставил девяносто девять яиц в ресторан на своей улице, съездил в Энугу, чтобы продать семь цыплят и купить еще несколько кур браун и шесть мешков корма. Он купил всего один мешок смеси, когда увидел человека, играющего на *уджа*, флейте духов. Флейтист шел за другим человеком, торс которого был разрисован *нзу*, и *ули*, и *бафией*[34], а в зубах он держал полоску молодого пальмового листа. Следом за двумя этими людьми шли ряженые. Собравшаяся

[34] Примечания: 34
Разновидности ритуальных красок народа игбо.

словно на *иру-нмо*[35] группа людей в рогатых масках, разукрашенных шрамированием в виде узкоглазого *ичие*, танцевала под древнюю флейту, сопровождаемую звоном сдвоенного гонга. Как тебе известно, Эгбуну, если кто-то встречается с духом предка — телесным проявлением одного или двух великих отцов, — он не может противиться. Гаганаогву, я не смог сдержаться! Потому что я жил в дни великих отцов, когда ряженые были частым зрелищем. Я не мог противиться искушению послушать мистическую мелодию *уджа*, флейты, созданной лучшими из людей, живущих на земле. Я выбежал из моего хозяина в беснующуюся толпу духов всех видов и стран, которые собрались вокруг этого места и производили оглушительный шум, их ноги ступали по мягкой земле Эзинмуо. Но еще сильнее меня удивило то, что я увидел над другой частью кишащего людьми рынка. Группа маленьких духов в виде людей — детей, умерших при родах, или в чреве матери, или близнецов, убитых давно, — играла, стоя на возвышении в четыре сотни метров, расстоянии, на котором становится возможна *экили*, таинственная транспортная

[35] Примечания: 35
Маскарад (*игбо*).

система астральной проекции и полета птицы. Эта группа духов удерживалась над человеческой толпой силой, находящейся за пределами знания человека (кроме *дибиа* и посвященных), отчего казалось, что они стоят на земле. Они топали, подпрыгивали, щелкали пальцами, играя в древнюю игру *окве-ала*. Их смех звучал громко и весело, отдавался глухим вкраплением древнего языка, давно потерянного среди людей. Чукву, я хотя и видел уже такое прежде, меня опять озадачил тот факт, что, несмотря на игру дюжины или около того детских духов, рынок внизу под ними работал без перебоев. Рынок продолжал кишеть торгующимися женщинами, людьми, приезжающими на машинах, ряжеными, гуляющими по этому месту под музыку *уджа* и звуки *экве*. Никто из них не осознавал, что́ находится над ними, а те, кто находился наверху, не обращали никакого внимания на тех, кто внизу.

Меня так увлекли кривляющиеся духи, что я задержался, а когда вернулся в моего хозяина, маскарад со свитой уже прошел. Из-за текучести времени в царстве духов то, что может показаться человеку часами, на самом деле длится не дольше щелчка пальцами. Вот почему к тому времени, когда я вернулся в него, он уже сидел в

своем фургоне на пути в Умуахию. Из-за задержки я не смог присутствовать при всем, что делал на рынке мой хозяин, и за это я прошу у тебя прощения, Обасидинелу.

Незадолго до прибытия в Умуахию мой хозяин получил послание от Ндали, она сообщала, что этим вечером заглянет лишь ненадолго, потому что у нее экзамены на следующий день. Когда она пришла этим вечером в лабораторном халате, он смотрел «Кто хочет быть миллионером» — ее любимое телешоу, к которому она и его приобщила.

Она сняла халат, осталась в зеленой рубашке и джинсах, в которых она стала похожа на девочку-подростка.

— Я прямо из лаборатории, — сказала она. — Пожалуйста, выключи телевизор, мы должны поговорить о твоем приезде завтра в дом моих родителей.

— Телевизор? — переспросил он.

— Да, выключи его!

— Да? Не сердись, мамочка.

Он медленно поднялся, чтобы выключить телевизор, но остановился, услышав какой-то особенный звук, громкость которого все нарастала. Он замер, снова наблюдая.

— И знаешь, выйдем-ка во двор, тут душно, —

предложила она.

Он последовал за ней во двор, где в воздухе стоял густой птичий запах. Они сели на скамейку, и она уже собиралась заговорить, когда увидела длинное черное перо, словно приклеенное к стене.

— Смотри-ка, Нонсо! — сказала она, и тогда он тоже увидел перо. Он отодрал его от стены, понюхал.

— Это от того дурацкого ястреба, — сказал он, покачав головой.

— А как оно попало туда?

— Не знаю.

Он смял его, перебросил через забор, его ярость закипела, подпитываемая воспоминаниями вчерашнего дня.

Она глубоко вздохнула и, заставляя себя, заговорила так, словно обдумала заранее каждое слово, словно каждое слово давно было взвешено и спланировано:

— Чинонсо Соломон Олиса, ты был великим человеком, посланным мне богом. Посмотри на меня, я прошла через ад. Ты встретил меня в худшем из мест. Ты встретил меня, когда я была на мосту. Я приехала на тот мост, потому что — почему? — потому что я устала от дурного ко мне

отношения. Потому что я устала от того, что меня дурачат и обманывают. Но Господь! Он послал тебя в мою жизнь в точно назначенное время. И посмотри на меня теперь. — Она раскинула руки, чтобы он лучше увидел ее. — Посмотри на меня, посмотри, как я изменилась. Если бы кто-нибудь сказал мне или даже моей матери, что ее дочь будет работать птичницей, прикасаться к курицам на ферме, кто бы в это поверил? Никто. Нонсо, ты даже не знаешь, кто я и откуда.

Она словно улыбалась, но он видел, что это не улыбка. Просто ее лицо делало что-то такое, что помогало скрыть трудные эмоции, кипевшие в ней.

— Так что я говорю? Почему я говорю так? Я говорю, что моя семья — мои мать, и отец, и даже мой брат — может не принять тебя. Я знаю, это трудно понять, Нонсо, но дело в том, что мой отец — вождь. Онье Нзе. Они скажут, что фермер для меня не годится. Вот так оно и есть — они именно это скажут…

Эгбуну, мой хозяин слушал, а она повторяла одно и то же снова и снова, чтобы попытаться нейтрализовать воздействие сказанного. Его потрясли ее слова, потому что он боялся таких дел. Он уже подмечал знаки. Он видел их в тот

день в часовом магазине на Финбаррс-стрит, когда она сказала, что родилась в другой стране, «в Соединенном Королевстве». Ее родители и ее старший брат учились там, и только она одна решила получить образование в Нигерии. «Но, — добавила она, — я буду защищать степень магистра за границей». Он вспомнил и другой случай. Они ехали по старой части города, попали в штормовой ветер, который налетел на город, она тогда спросила у него, учился ли он в университете. Его поразил ее вопрос, его сердце забилось быстрее. «Нет», — ответил он словно мертвым языком. Но Ндали только сказала в ответ: «Да, я понимаю». Он вспомнил, как потом она показала куда-то за многоэтажные дома, стоящие один к другому вдоль дороги вокруг Комплекса Агуийи-Иронси[36], над одним из которых торчал новый уличный фонарь на солнечной батарее, и сказала: «Мы живем где-то там, среди этих зданий».

— Я не хочу тебя напугать, — сказала она сейчас. — Никто не может решать, за кого мне выходить замуж. Я решаю сама. И я уже не ребенок.

---

[36] Примечания: 36

Джонсон Томас Умуннакве Агуийи-Иронси (1924–1966) — нигерийский генерал, игбо, родившийся в Умуахии (столице штата Абиа), пришел к власти в результате военного переворота 15 января 1966 года, через полгода был убит в ходе нового переворота.

Он кивнул.

– *Обим, игхо та го?*[37] — спросила она, наклонив голову, выражение ее лица словно застыло на перепутье между улыбкой и слезами.

— Я понимаю, мамочка, — ответил он на языке Белого Человека, удивленный ее переходом на язык старых отцов.

Хотя он и слышал, как она говорит на этом языке по телефону с родителями, с ним она почти всегда говорила по-английски. Она сказала, что не любит говорить на игбо, разве что с родителями, потому что она прожила несколько лет за границей и не считала, что владеет игбо свободно.

– *Да'алу*[38], — сказала она и поцеловала его в щеку. Потом поднялась и вышла в кухню.

Потом, когда они ели, она спросила:

— Нонсо, ты и вправду любишь меня? — Он начал было отвечать, но она прервала его: — Иначе зачем бы тебе хотеть жениться на мне? — Он пробормотал какие-то слова, которые немедленно растворились в воздухе, потому что она быстро добавила: — Наверное, потому, что ты любишь

---

[37] Примечания: 37
Дорогой, ты понимаешь? (*игбо*)

[38] Примечания: 38
Спасибо (*игбо*).

меня.

Он подождал несколько мгновений, потом сказал:

— Да.

Он предполагал, что она добавит еще что-то, но она отправилась на кухню мыть посуду и забрала с собой единственную керосиновую лампу в доме. Ему пришло в голову включить аккумуляторный фонарь, но он остался сидеть и обдумывал все ее слова, когда она вернулась в гостиную.

— Нонсо, я еще раз спрашиваю: ты меня любишь?

В почти полной темноте он, хотя и не смотрел на нее, мог сказать, что она закрыла глаза и ждет его ответа. Она часто закрывала глаза, когда ждала ответа на свой вопрос, словно боялась услышать какие-то обидные слова. Потом, выслушав его ответ, она попыталась осмыслить его слова.

— Ты говоришь «да», Нонсо, но правда ли это?

— Оно так, мамочка.

Она вернулась в комнату с лампой, поставила ее на табуретку рядом с собой, уменьшила фитилек, отчего их тени, обозначенные наступающей темнотой, стали огромными.

— Ты вправду любишь меня?

— Оно так, мамочка.

— Чинонсо, ты всегда говоришь, что любишь меня. Но знаешь ли ты, что, прежде чем связывать свою жизнь с человеком, его нужно по-настоящему полюбить? Ты знаешь, что такое любовь? — Он начал было отвечать. — Нет, скажи мне сначала, ты знаешь, что такое любовь?

— Знаю, мамочка.

— Это правда? Нет, на самом деле, это правда?

— Оно так, мамочка.

— Тогда, Нонсо, скажи, что такое любовь.

— Я знаю. Я ее чувствую, — сказал он. Он открыл рот, собираясь продолжить, но произнес только: — Мммм, — а потом снова замолчал, так как боялся ответить неправильно.

— Нонсо? Ты меня слышишь?

— Да. Я чувствую любовь, но не могу лгать, будто знаю все о ней, во всех подробностях.

— Нет, Нонсо. Нет. Ты сказал, что любишь меня, значит, ты должен знать, что такое любовь. Ты должен это знать. — Она вздохнула и цокнула языком. — Ты должен знать, Нонсо.

Гаганаогву, эти ее слова встревожили моего хозяина. Хотя я, как и всякий хороший чи, позволяю моему хозяину пользоваться талантом, который я выбрал для него из зала талантов, сведя свое

вмешательство в его принятие решений к минимуму, тут мне захотелось вмешаться. Но меня остановил его выбор, а выбрал он эффективный инструмент молчания. Потому что мне уже было известно: когда спокойствие человеческой души оказывается под угрозой, она часто поначалу отвечает кротким молчанием, словно оглушенная губительным ударом, последствиям которого нужно дать рассеяться. А когда это рассеяние завершилось, он пробормотал:

— О'кей.

Он откинулся на спинку стула и вспомнил, что она говорила ему об одной из своих подружек, посмеявшейся над человеком, который после первой встречи сказал, что любит ее. Он тогда задумался, почему она и Лидия, ее подруга, сочли это совершенно нелепым, заслуживающим осмеяния. Это напомнило ему о том случае, когда мисс Джей смеялась над ним в ответ на его признание в любви. Тогда, как и сейчас, его это удивило. Он посмотрел на ее силуэт, и ему впервые пришло в голову, что он толком не дал себе труда задуматься о том, что повлечет за собой женитьба. Ей придется переехать к нему в компаунд. Она будет ездить с ним в фургоне — развозить яйца в пекарню на Финбарр-стрит и мясо по ресторанам,

куда он время от времени поставляет птицу. Всё, что когда-то перешло в его собственность, теперь станет и ее собственностью, — всё. Правильно ли он услышал себя? Всё! А если со временем она понесет его семя, то ребенок, который родится, — даже этот ребенок будет принадлежать им обоим! Ее собственность, ее машина — он извлечет выгоду из ее учебы в университете, из ее семьи, из ее сердца, и всё, что было ее, что принадлежало ей, всё, что будет принадлежать, будет и его собственностью. Вот что подразумевает брак.

В свете этого нового понимания он проговорил:

— Вообще-то я не знаю, я не могу сказать…

Она, вероятно, произнесла «О'кей», открыв глаза.

— Но ты… — начала было она, но замолчала.

— Что? Что? — спросил он в отчаянной попытке не дать ей утаить то, что она хотела сказать, потому что она часто так поступала: замолкала на полуслове, потом возвращала все сказанное в кувшин мыслей и запечатывала там, чтобы выпустить позднее, а иногда и не выпускать вовсе.

— Не волнуйся, — ответила она чуть ли не шепотом. — Значит, ты будешь у меня в доме в следующее воскресенье. И познакомишься с

моей семьей.

Осебурува, ты знаешь, что чи — это сосуд памяти, пополняющееся знание многих циклов существования. Каждое событие, каждая деталь стоит, как дерево, выставленное в яркой тьме вечности. И в то же время чи не помнит всех событий, а только те, которые заметно повлияли на хозяина. Должен сказать тебе, что решение моего хозяина в тот вечер я запомню навсегда. Поначалу он ждал, что она скажет те слова, которых он боялся: «ничего хорошего из этого не получится». Но она молчала. И тогда он, запинаясь, проговорил:

— Так оно, мамочка. Я познакомлюсь с твоей семьей в следующее воскресенье.

6. «Благородный гость»

Обасидинелу, ты отправлял меня жить на земле с людьми на много циклов бытия, и я видел много всего, и я знаю обычаи человеческие. Но человеческого сердца я так полностью и не знаю. Каждый человек живет, словно разрываясь между двумя царствами, не в состоянии закрепиться ни в одном. Это странно. Возьмем, например, связь между страхом и тревогой. Страх существует из-за присутствия тревоги, а тревога появляется из-за того, что люди не видят будущего. Но если бы только человек мог видеть будущее, он бы в большей мере был спокоен. Потому что тот, кто собирается в путь на другой день, может сказать своему компаньону: «Если мы отправимся в Абу завтра, то встретим грабителей на шоссе и нас ограбят, отнимут машину и все, что у нас есть». Другой на это может сказать: «Мы, конечно, не поедем завтра в Абу».

Или, предположим, молодая женщина собирается замуж. Если бы она видела будущее, она могла бы сказать отцу накануне свадьбы: «Отец мой, я не хочу разочаровать весь наш клан и замарать наше имя. Но мне стало известно, что,

если я выйду за этого человека, он будет бить меня каждый день и относиться ко мне хуже, чем к собаке». Ты можешь себе представить, какой страх это вызвало бы у ее любимого отца, если бы он верил, что ее видение истинно? Отец щелкнул бы пальцами над головой и вскрикнул: «*Туфия! Йа буру огву йе эре ква ла!* Кто бы ни напустил эти чары, да не принесут они плодов! Ты должна немедленно покинуть его, дочка. Где выкуп за невесту, который он заплатил? Где молодая коза? Где три клубня батата? Где бутылка шнапса и ящик с минеральной водой? Вернуть это все ему немедленно! Упаси бог, чтобы моя дочь вышла за такого человека!» Но, Чукву, они этого никогда не сделают, потому что ни один из них не знает будущего. И потому, не ведая, что будет завтра, торговцы отправляются в путь в назначенный день, а их грабят и убивают. Молодая женщина выходит замуж за человека, который будет обращаться с ней хуже, чем с рабыней.

Я видел это много раз.

И вот мой хозяин, в таком же положении, не зная, что готовит ему будущее, вел в то воскресенье свой фургон к дому Ндали. Он был не в силах ни приблизить этот день, ни остановить его приближение, он с тревогой ждал его прихо-

да. Время — не живое существо, которое может услышать мольбы, и оно не человек, который может опоздать. День наступит, как он наступал с самого начала времен, и человеку остается только одно: ждать. Ожидание в состоянии такой тревоги — дело обременительное. Хотя кто-то и может находить умиротворение в ожидании, умиротворение это обманчиво, оно из тех, что может затмить взор человека, и бушующий на море шторм покажется тому штилем.

До этого воскресенья он не видел ее два дня и тосковал по ней. Он въехал на ее улицу, пытаясь представить себе ее семью, ее дом. Электрические столбы на этой улице были ниже, чем в большинстве других районов Умуахии, и они, казалось, стояли здесь ближе друг к другу, и провода висели один подле другого, как веревки для сушки белья. Маленькие ласточки сидели на толстом проводе, выходящем из трансформаторной будки на другой стороне дороги, словно все птицы заключили какое-то соглашение оставаться на кабеле. Пастырь, — подумал он вдруг. Это благороднее? Пастырь птиц? Не назвать ли ему себя так, когда он будет представляться? Может быть, это все уладит, приведет все к счастливому концу.

Он приехал на место и увидел их дом, возвы-

шавшийся над дорогой в величии, заявлявшем о своей исключительности. Он приехал в эту часть города, называвшуюся «Комплекс», по наитию. Дорога была покрыта ровным асфальтом, и по обе стороны улицы, вдоль которой стояли жилые дома, имелись тротуары. Ему был нужен семьдесят первый дом, расположившийся в конце Комплекса, где улица заканчивалась тупиком. Стены компаунда были желтые, не такие высокие, как на некоторых других участках, но по верху обнесены тонкими кольцами колючей проволоки. Словно для демонстрации того, что может случиться с грабителем, настолько уверенным в себе, что он предпримет здесь попытку пробраться в дом, на одной из колючек проволоки завис черный полиэтиленовый пакет. Утренний ветер неустанно теребил этот пакет, так что он зацепился за колючки провода одной своей ручкой и со свистом раздувался от каждого порыва ветра

Осебурува, мой хозяин не знал, почему так долго разглядывает этот пакет — эта вещь зацепилась за что-то и не могла сорваться, как ни старалась. Это задело его любопытство. Он остановился перед гигантскими воротами и выключил двигатель. Посмотрел на себя в зеркало заднего вида. Предыдущим днем он успешно

подстригся. Он завязал перед зеркалом галстук, под цвет своей рубашки. Рубашку он выгладил утюгом, купленным Ндали, прибегнув к этому странному способу: прижимая поверхность разогретого предмета к материи. Он понюхал костюм и задался вопросом, следует ли его надевать. Днем ранее он его постирал и повесил на бельевую веревку. Собирался его снять попозже, но уснул. Услышав дождь, я бросился во двор, но ничего не мог сделать. Чи не может влиять на хозяина, который пребывает в бессознательном состоянии. И поэтому я смотрел беспомощно, как вода льется на постиранный костюм. Наконец барабанный бой по асбестовой крыше разбудил моего хозяина. Я мгновенно осенил его мыслью о костюме, и он выбежал из дома, но костюм к тому времени уже весь промок. Он принес его в дом и повесил на стул в гостиной. И хотя костюм был уже сухим, когда он его надевал, ткань пропиталась каким-то затхлым запахом. Мой хозяин снял пиджак, перекинул его через руку — вдруг Ндали все-таки захочет, чтобы он его надел.

Прежде чем снова завести машину, он осмотрел металлическую композицию, прикрепленную к воротам. Это был Джизос Крайст, который несет деревянную штуку на двух вытянутых руках.

Он разглядывал композицию, когда открылась маленькая калитка в больших воротах. Оттуда вышел человек в униформе из выцветшей синей материи и в черном берете. Брючины у человека имели разную длину: одна заканчивалась выше колена, другая ниже.

– *Ога*, что ты хочешь? — спросил человек.

— Я гость Ндали.

— Гость, мм, — сказал человек, и его лицо слегка помрачнело. Он окинул взглядом фургон, словно и не слышал его ответа. — Откуда ты знаешь мадам, *ога*? — спросил он на языке Белого Человека.

— Что?

— Я спросил, откуда ты знаешь мою хозяйку?

Человек подошел к фургону, положил обе руки на его крышу, наклонил голову, глядя на единственного человека внутри.

— Я ее бойфренд. Меня зовут Чинонсо.

— О'кей, сэр, — сказал человек. Он отошел от фургона. — Значит, вы тот, кого они ждут?

— Да, это я.

— Добро пожаловать, сэр. Добро пожаловать.

Человек поспешил в маленькую калитку, и мой хозяин услышал скрежет металла и щеколды. Одна из двух больших створок заскрипела

и открылась. Хотя он и знал, что отец Ндали титулованный вождь, а потому богат, но не предполагал, что их богатство имеет такие размеры. Он никак не предполагал увидеть скульптуру зловещего льва в натуральную величину, с одной поднятой лапой, а другой лапой он упирался в основание фонтана. Из его широко раскрытых глаз и рта струилась в бетонную чашу равномерным потоком вода. Моему хозяину потребовалось несколько мгновений, чтобы вспомнить: она рассказывала что-то о фигуре, фотографию которой ее отец сделал во время поездки во Францию, поклявшись себе поставить ее копию в своем особняке в Умуахии. Он порылся в памяти тщательнее — не рассказывала ли она ему что-то о баскетбольном кольце? Не говорила ли о числе машин, которыми они владеют, или о том, что их машины стоят под цинковой крышей? Он не мог вспомнить. Он начал считать: черный джип — один, белый джип — два, машина неизвестной ему марки — три, седаны «Ауди» Ндали — четыре, пять, шесть. Ой, и еще одна, почти невидимая за большими колесами, — семь! И еще одна — «Мерседес-Бенц», рядом с которым он поставил свою машину, — восемь. Он оглянулся — все ли посчитал. Восемь машин.

Он вышел из машины и только теперь заметил, что привратник следовал за ним и стоял у его машины в ожидании, когда он выйдет.

— Я могу вам помочь нести, если что-то есть, *ога*.

Он понял, что забыл подарок, который привез. Остановился, развернулся, бросился назад к машине. И хотя воспоминание о том, как он кладет пакет с вином на скамейку во дворе, стояло, как флаг, перед его мысленным взором, он как сумасшедший обыскал фургон, задние сиденья, передние.

Эгбуну, я должен сказать, что это был один из немногих случаев, когда я хотел напомнить ему, что он забывает подарки. Но я не сделал этого, потому что помнил твой совет: пусть человек остается человеком. Роль чи сводится к тому, чтобы заниматься делами высокими, вещами, которые, благодаря их значимости, могут важным или значительным образом повлиять на хозяина. Чи должен также заниматься вещами сверхъестественными, с которыми человек ввиду своих ограничений не может разобраться. Но это упущение, когда я оглядываюсь назад на то, что вышло из этого визита, пронзает меня уколами раскаяния, и я начинаю жалеть, что не

напомнил ему.

– *Ога, ога,* надеюсь, никаких проблем? — несколько раз спросил его привратник.

— Нет, никаких проблем, — сказал он слегка дрожащим голосом.

Он задумался на мгновение, не рвануть ли ему за подарком домой, но потом вспомнил, как она умоляла его не опаздывать. В его памяти мелькнуло слово «пунктуальность». Он вспомнил, как она произнесла: «Мой отец любит пунктуальность». Я с облегчением увидел, Чукву, как он поспешил к дому.

Эчетаобиезике, к тому времени, когда он со всем семейством уселся за стол, уверенность, которую он привез в себе, как яйцо в тыквенной бутыли, уже треснула. Ндали встретила его у двери и лихорадочным шепотом сообщила ему, что он опоздал.

— Пятнадцать минут!

Потом она протянула руку и сняла что-то у него со спины — кто бы мог подумать, что у него там перо? Даже я его не видел. Он чуть не разрыдался, когда она смяла перо в руке и подтолкнула его к столовой.

— Это все? — спросил он. Она шепотом спросила, почему у него пиджак в руке, и он поднес его

к ее носу — мол, понюхай.

— Господи Иисусе! — сказала она. — Не надевай эту вонючку. *Ньямаа*[39]. Дай его мне. — Она выхватила пиджак из его рук, потом вернула ему: — Все время держи его в руке, ты меня понял?

Величие гостиной убило его наповал. Ему и не снилось, что такой свет может где-то быть. Он не знал, что у кого-то в доме может стоять статуя мадонны, что у кого-то бывает мраморный пол, расписанный потолок — все это было настолько прекрасно, что словами не передать. Тут были люстры и каминные полки, предметы, которые я видел в домах, когда мой прежний хозяин оказался в Вирджинии, в стране жестокого Белого Человека. Если уж дом внушил моему хозяину такой трепет, то люди, владеющие этим богатством, нанесут еще более сильный удар по его самообладанию, в этом он не сомневался. И поэтому, когда он увидел ее отца, тот показался ему огромным. У него была светлая кожа, а лицо усыпано красноватыми пятнышками, и он напомнил моему хозяину музыканта Брайта Чимезие. Некоторое утешение он испытал, увидев

---

[39] Примечания: 39
Восклицание, выражающее возмущение.

ее мать, потому что ее лицо было точной копией лица Ндали. Но когда по лестнице спустился ее брат, он пожалел, что пришел. Брат был похож на черного американского музыканта — с аккуратно подстриженными бакенбардами до самого подбородка, густыми усами и бородой и широким розовогубым ртом. Мой хозяин произнес «добрый день, брат мой», но тот только ухмыльнулся в ответ.

Они сели за стол, горничные принесли разную еду на подносах. С каждым мгновением мой хозяин замечал что-то новое, еще сильнее колебавшее его уверенность в себе, и к тому времени, когда вся еда была подана и они принялись есть, он был уничтожен полностью. Когда прозвучал первый вопрос, он с трудом подбирал слова для ответа и смутился так, что вместо него ответила Ндали:

— У Нонсо птичья ферма размером с весь компаунд, и он там управляется один, — сказала она. — У него много кур — породистой птицы, — и он продает их на рынке.

— Простите меня, джентльмен, — снова сказал ее отец, словно не слыша ее. — Чем, вы говорите, вы занимаетесь?

Он начал рассказывать, запинаясь, потому что по-настоящему испугался, потом замолчал. Он

посмотрел на Ндали, и она встретила его взгляд.

— Папа…

— Пусть он ответит на вопрос, — сказал ее отец; он смотрел на дочь, не скрывая раздражения. — Я задал вопрос ему, а не тебе. У него есть рот или нет?

Конфронтация Ндали с отцом обескуражила моего хозяина, и он под столом прикоснулся ногой к ее ноге, чтобы она замолчала, но она отодвинула ногу. Короткое молчание прервал его голос:

— Я фермер, у меня птичья ферма, и у меня участок, на котором я выращиваю кукурузу, перец, томаты и окру. — Он посмотрел на Ндали — потому что пришел, готовый использовать тот инструмент, которым она снабдила его, — и сказал: — Я птичий пастырь, сэр.

Ее отец посмотрел на жену взглядом, который показался моему хозяину недоуменным и наполнил его страхом: уж не сказал ли он какой-то глупости, и его чувства в этот момент были чувствами человека, которого связали по рукам и ногам, а потом голого выкинули на центральную площадь деревни, где ему негде спрятаться. Он не хотел этого делать, но поймал себя на том, что поворачивается к ее брату, на чьем лице он

увидел выражение сдерживаемого смеха. Он взбесился. То, что сказала ему Ндали, разве это могло быть неверным? Она сказала, что ее слова звучат необычно, и так оно и было, по крайней мере для его уха.

— Понятно, — сказал ее отец. — Итак, джентльмен — пастырь птиц, какое у вас образование?

— Папа…

— Нет, Нди, нет! — ее отец повысил голос. На его шее сбоку стала заметна напрягшаяся жилка, словно припухлость после удара. — Ты должна позволить ему говорить, или наша встреча закончилась. Ты меня слышишь?

— Да, папа.

— Хорошо. А теперь, джентльмен, *ина ану окву Игбо*?[40]

Он кивнул.

— Может быть, мне тогда говорить на игбо? — спросил ее отец; кусочек шинкованной капусты прилип к его нижней губе.

— В этом нет нужды, сэр. Говорите по-английски.

— Хорошо, — сказал ее отец. — Так какой у вас уровень образования?

---

[40] Примечания: 40
Вы говорите на игбо? (*игбо*)

— Я окончил среднюю школу, сэр.

— Ясно, — сказал ее отец, накалывая на вилку кусочек куриного мяса. — Значит, школьный аттестат у вас есть.

— Так оно. Есть, сэр.

Человек снова посмотрел на жену.

— Джентльмен, я бы не хотел вас смущать, — сказал отец Ндали, опуская свой голос с высот, до которых только что его поднял. — Мы не занимаемся такими делами — не смущаем людей, мы христианская семья.

Он показал на полочку в книжном шкафу со стеклянными дверцами у одной из стен, где мой хозяин увидел несколько картин, изображающих Джизоса Крайста и его учеников.

Мой хозяин, посмотрев на картины, кивнул и сказал:

— Да, сэр…

— Но я должен задать вопрос.

— Да, сэр.

— Вы подумали о том, что моя дочь скоро станет фармакологом?

— Да, сэр.

— Вы подумали о том, что она вскоре получит степень бакалавра по фармакологии, а защищать докторскую степень поедет в Великобританию?

— Да, сэр.

— Вы, молодой человек, подумали о том, какое у вас, необразованного фермера, будет будущее с ней?

— Папа!

— Ндали, помолчи! — прикрикнул на нее отец. — *Мечие ги иону! Ина нум? А си'ъ ги мичие ону*![41]

— Нди, в чем дело? — вмешалась ее мать. — *Ига экве ка* папа *ги кву окву*?[42]

— Я не затыкаю ему рот, мама, но ты слышишь, что он говорит? — сказала Ндали.

— Да, но помолчи, ты меня слышишь?

— Слышу, — сказала Ндали, вздохнув.

Когда ее отец снова начал говорить, его слова снова стали доходить до моего хозяина словно в толпе, давя и отталкивая друг друга.

— Молодой человек, вы хорошо об этом подумали?

— Да, сэр.

— Глубоко обдумали, какая у вас с нею будет жизнь?

— Да, сэр.

---

[41] Примечания: 41
Помолчи! Я тебе говорю: помолчи! (*игбо*)

[42] Примечания: 42
Ты дашь отцу говорить? (*игбо*)

— Я вижу, что обдумали.

— Да, сэр.

— И вы думаете, что со стороны того, кто хочет быть ее мужем, это правильное решение — жениться на такой женщине, которая стоит гораздо выше его?

— Я понимаю, сэр.

— Тогда вы должны подумать об этом еще. Идите и подумайте, заслуживаете ли вы на самом деле моей дочери.

— Да, сэр.

— Мне больше нечего вам сказать.

— Да, сэр.

Ее отец медленно, тяжело поднялся, коснувшись ногами стола, и вышел. Мать через несколько секунд последовала за ним, покачивая головой, на лице ее было выражение, которое мой хозяин позже истолковал как сочувствие к нему. Она направилась в первую очередь на кухню — понесла стопку пустых тарелок. Брат Ндали, который за все это время не произнес ни слова, но заявлял о своем негодовании смехом при каждом ответе моего хозяина, поднялся следом за матерью. Подавляя смех, он задержался на мгновение, чтобы взять зубочистку из коробочки.

— И ты тоже, Чука? — сказала Ндали срываю-

щимся голосом.

— Что? — отозвался Чука. — Ммм… мм… Ты даже имени моего здесь не называй. И ничего мне не говори! Разве это я просил тебя привести к нам в дом нищего фермера? — Он судорожно рассмеялся. — Больше не упоминай моего имени, вот так.

С этими словами он, сжимая в зубах зубочистку и насвистывая какую-то мелодию, последовал за отцом на лестницу.

Иджанго-иджанго, мой хозяин сидел там, чувствуя себя от позора совершенно никчемным. Он сидел, устремив взгляд на тарелку с едой, к которой он едва прикоснулся. Сверху до него донесся голос матери Ндали, которая сказала отцу на языке знатных отцов: «Дим[43], ты был слишком суров с молодым человеком. Ты мог бы сказать то же самое, но не так резко».

Мой хозяин посмотрел на свою любовницу, которая осталась на месте, она сидела, потирая правой рукой левую. Он знал, что ее боль не менее глубока, чем его. Он хотел утешить ее, но не мог произнести ни слова. Потому что в такое состояние входит человек, подвергшийся унижению:

---

[43] Примечания: 43
Муж мой (*игбо*).

состояние, в котором он не способен действовать, состояние оцепенения — его словно накачали транквилизатором. Я видел это много раз.

Его взгляд остановился на большой картине, изображающей человека, легко поднимающегося в небеса над чем-то, похожим на деревню, а люди из деревни смотрят в его сторону и показывают на него. В его мозгу нередко возникали странные представления, и он, сам не зная почему, подумал на мгновение, что этот человек, воспаряющий в небесах, и есть он сам, мой хозяин.

Он поднялся, сделав над собой огромное усилие, прикоснулся к плечу Ндали и шепнул ей в ухо, чтобы она перестала плакать. Он нежно помог ей встать, но она противилась, ее слезы, смешиваясь со слюной, оставляли пятна на платье.

— Оставь меня. Оставь меня, — сказала она. — Дай мне побыть одной. И что же это за семья такая? Что это за семья?

— Все в порядке, мамочка, — ответил он, не шевельнув губами и сам удивляясь, как ему удалось произнести эти слова.

Он положил руки ей на голову и нежно провел пальцами до самой шеи. Потом склонился к ней и поцеловал в губы. Прежде чем они вышли из дома, он в последний раз бросил взгляд на кар-

тину и заметил то, что прежде ускользнуло от его внимания: люди в нижней части картины восторженно подбадривали человека, вознося-щегося в небеса.

Чукву, я своими глазами видел, что может позор сделать с человеком. Как это нередко про-исходит, стыд наполнил моего хозяина гнетущим страхом, страхом перед тем, что он может поте-рять Ндали, как уже потерял бóльшую часть того, что имел раньше. Его страх нарастал в последу-ющие дни, когда она предпринимала тщетные попытки переубедить свою семью. Эти дни рас-тянулись в недели, и к третьей неделе стало ясно, что переубедить их не удастся. Когда Ндали вернулась после ссоры с родителями, он принял решение: он должен сам изменить ситуацию и предпринять что-нибудь. Все утро шел дождь, но к полудню появилось солнце. Она, исполненная горечи, приехала прямо с занятий в Утуру. Он работал на своей маленькой ферме, когда она заехала на дорожку, по обеим сторонам которой располагались угодья. Он находился в самом дальнем конце фермы, где его отец поставил забор, частично разрушившийся после сильных дождей, в год, обозначаемый Белым Человеком как 2003-й. В двух футах от забора проходила

длинная водосточная труба, которая шла вдоль улицы, а за ней располагалась длинная главная дорога. Он, глядя, как она вышла из машины и двинулась к дому, понял, что она его не видит. Он бросил мотыгу и клубень батата, для которого копал ямку, и побежал в дом.

Он вошел в дом все еще в грязном козырьке и испачканных рубашке, брюках и фермерских шлепанцах, покрытых глиной и всякими выполотыми им сорняками.

Она стояла, закрыв лицо руками, повернувшись к стене.

— Мамочка, *кеди ихе мере ну*?[44] — спросил он, потому что в минуты напряжения переходил на язык, к которому был более привычен. — Почему ты плачешь, почему ты плачешь, мамочка? Что случилось?

Она повернулась, хотела его обнять, но он сделал шаг назад, потому что был в грязной одежде. Она остановилась в дюйме от него, посмотрела на него красными глазами.

— Почему они так поступают со мной, *обим*? Почему?

— Что случилось? Скажи мне, что случилось?

---

[44] Примечания: 44
Что случилось? (*игбо*)

Она рассказала: ее отец спрашивал, встречается ли она все еще с ним, и угрожал ей. Вмешалась мать, сказала, что он слишком строг, но отец продолжал, словно и не слышал ее.

— Все в порядке, — проговорил он. — Все будет в порядке в конце концов.

— Нет, Нонсо, нет! — возразила она, снова хлопнув ладонью по стене. — Ничего не будет в порядке. Как оно может быть в порядке? Я больше не вернусь в этот дом. Не вернусь. Лучше умереть. И что же это за семья такая?

Он видел ее ярость, и сердце переворачивалось у него в груди. Он не знал, что делать. Старые отцы в своей щедрой мудрости говорят, что человек, спасая других, спасает себя. Если ее невозможно спасти из той ситуации, которая связала их, как невидимые веревки, то невозможно спасти и его. И ничто на самом деле не будет в порядке. Он смотрел на нее — она сделала несколько шагов к двери, остановилась, прижала руки к груди. Потом повернулась к нему:

— Я привезла… привезла некоторые свои вещи, и я остаюсь здесь. Я остаюсь здесь.

Она открыла дверь и вышла из дома. Он вышел за ней на крыльцо, смотрел, как она открыла багажник и вернулась со светлой сумкой с надпи-

сью «Гана-должна-уйти». Потом с заднего сиденья она достала пару туфель и нейлоновую сумку. Он смотрел на нее с радостью, внутренне счастливый оттого, что он наконец будет не один.

Но бóльшую часть той недели ее телефон все звонил и звонил, иногда долго звонил. И каждый раз Ндали смотрела на экран и говорила моему хозяину: «Это отец» или «Это мама». И он каждый раз просил ее ответить на звонок, но она не отвечала. Потому что у нее была сила воли, как у великих матерей. Она просто шипела в ответ на просьбу моего хозяина и переключала свое внимание на что-то другое, как человек, стоящий выше всяких укоров или выше страха перед укорами. Мой хозяин восхищался этим ее качеством. Каждый раз, когда она делала это, он вспоминал о похожей черте у своей матери.

В середине второй недели родители приехали к ней в университет и ждали ее у выхода из аудитории, но она проигнорировала их и ушла со своей подружкой Лидией. Когда она рассказала ему об этом, у него появилось опасение, что она начинает отвергать свою семью из-за него. Хотя он со временем стал прикладывать все больше усилий спасти ситуацию, но не мог отрицать, что ее любовь к нему, казалось, только окрепла за

эти дни. Потому что у него возникло такое ощущение, будто она отобрала свою любовь у всех остальных и всю ее отдала ему. И в эти дни она дважды плакала, когда они занимались любовью. И в эти дни она испекла ему сладкий пирог, написала ему стихотворение и пела для него. А один раз, когда он спал, она сняла рогатку со стены, выбежала с ней во двор и, испугав летавшего над фермой стервятника, прогнала его. И часть его хотела бы продлить эти дни, потому что, хотя они и не были женаты, ему казалось, что они муж и жена. Он хотел занять центральное место в ее жизни, обойти границы и запечатать все выходы. Он всегда боялся, что не сможет заполучить эту женщину, но теперь она принадлежала ему, и он не мог себе позволить потерять ее. Но с его страхом перед тем, что она делает, расцветала и его привязанность к ней, и ее привязанность к нему.

Именно в этот период она побывала с ним в Энугу. В то памятное утро его жизни он проснулся рано и увидел, что она уже одета, на ней платье из ткани анкара и ситцевый шарфик, она просматривает журнал учета птичьего поголовья, помешивая чай в чашке.

— Ты куда-то собралась, мамочка?

— Доброе утро, дорогой.

— Доброе утро, — сказал он.

— Нет, я тоже еду в Энугу.

— Что? Мамочка…

— Я хочу поехать, Нонсо. Я тут ничего не делаю. Я хочу знать о тебе все. И о птицах тоже. Мне это нравится.

Он был настолько поражен, что не мог найти слов. Он посмотрел на обеденный стол и увидел на нем одну из пластиковых емкостей, почти во всех двенадцати ее углублениях были яйца.

— Эти от бройлеров?

Она кивнула:

— Я их собрала около шести часов. Они еще продолжают нестись.

Он улыбнулся: больше всего в уходе за птицами ей нравилась сборка яиц. Этот феномен — откладывание яиц — и то, как часто это происходит у кур, очаровывали ее.

— Хорошо, мамочка, но рынок Огбете…

— Все в порядке, Нонсо. Все в порядке. Я не яйцо. Я тебе сказала — мне не нравится, когда ты обращаешься со мной как с яйцом. Я такая же, как ты. Я хочу поехать.

Он вперил взгляд в ее лицо, и в ее глазах он увидел, что она ничуть не кривит душой. Он кивнул.

— О'кей, тогда позволь мне принять душ, — сказал он и поспешил в ванную.

Позднее они завезли яйца в ресторан по соседству, и он сказал, что заедет за оплатой на обратном пути из Энугу. Они выехали на шоссе, и он понял, что никогда еще не испытывал такой радости в поездке. На мосту через реку Амату она рассказала ему, как ей было плохо в тот вечер, когда он впервые увидел ее на этом мосту. Она поехала в Лагос, провела два месяца у дядюшки и там часто думала о нем. И каждый раз, вспоминая его, она смеялась — он показался ей таким странным. А он в свою очередь рассказал ей, как вернулся на реку и стал искать птиц, но не нашел, и как он злился на себя.

— Я на днях думала, — сказала она, — как может человек, который любит птиц, как ты, сделать то, что ты сделал. Почему ты это сделал?

Он посмотрел на нее:

— Не знаю, мамочка.

Как только он произнес эти слова, ему пришло в голову, что он, вероятно, знает, почему она любит его: потому что он спас ее от чего-то. И взял ее под свое крыло, как взял когда-то гусенка. Эта мысль так громко заявила о себе в его голове, что он посмотрел на Ндали — не услышала ли и она.

Но ее взгляд был устремлен в окно, она смотрела на другую сторону дороги, где густой лес уступил место редким деревенским строениям.

На рынке в Энугу он представил ее как свою невесту, и его знакомые встретили это сообщение радостными криками. Эзекобия, продавец кормов, налил им пальмового вина, *напитка богов*. Некоторые пожимали ей руку, обнимали ее. На лице моего хозяина все время светилась яркая улыбка, потому что глухая стена будущего вдруг окрасилась в теплые тона. Когда они покинули с покупками рынок, солнце почти достигло зенита.

Близ заправки, где они припарковали машину, он купил *угбу* у придорожного торговца, а мокрая от пота Ндали — бутылку «Ла Касера». Она заставила его попробовать, вкус был сладкий, но описать его он не смог. Она посмеялась над ним:

— Дикарь. Это же яблочный вкус. Ты наверняка никогда не ел яблок.

Он отрицательно покачал головой. Они загрузили в машину новую клетку, два мешка корма для бройлеров, полмешка пшенки и сели в фургон, собираясь возвращаться в Умуахию.

— Я не *ойибо*[45]. Я буду есть мою *угбу*, как настоящий африканец.

Он развернул еду и начал засовывать куски в рот руками и пережевывать так, чтобы рассмешить ее, и она рассмеялась.

— Я тебе говорила, чтобы ты не жевал, как козел — ням-ням-ням. *Туфия!*[46] — сказал она, щелкнув пальцами, и расхохоталась.

Но он продолжал есть, покачивая головой и облизывая губы.

— Что ж, может быть, мы с тобой как-нибудь отправимся вместе за границу.

— За границу? Зачем?

— Чтобы ты посмотрел, как устроен мир, и перестал дикарствовать.

— О'кей, мамочка.

Он завел двигатель, и они отправились в путь. Они едва выехали из города, как ему стало не по себе. Его желудок уступил дикому напору, и он пукнул.

---

[45] Примечания: 45

В некоторых нигерийских языках, включая и игбо, так называют белого человека.

[46] Примечания: 46

Туфия — непереводимое восклицание на игбо.

— Господи! *Ньямма*![47] — вскрикнула она. — Нонсо!

— Извини, мамочка, но я…

Следующий выхлоп заставил его замолчать. Он спешно съехал на обочину.

— Мамочка, мой желудок, — выдохнул он.

— Что?

— У тебя есть бумага? Туалетная?

— Да, да.

Она схватила сумочку, но не успела достать бумагу — он вытащил платок из кармана под дверной ручкой со своей стороны фургона и бросился в кусты. Чукву, он почти разорвал на себе брюки, когда отбежал на значительное расстояние в лес, а когда он их все же опустил, его испражнения ударили по траве с убийственной силой. Я встревожился, потому что с ним ничего подобного со времени детства не случалось.

Когда он поднялся, испытывая облегчение, его лоб покрылся влагой, словно после дождя. Ндали вышла из фургона, она стояла у входа в кустарник, держа рулон бумаги, от которого оставалась половина.

— Что случилось?

---

[47] Примечания: 47
Ньямма — непереводимое восклицание на игбо.

— Мне вдруг понадобилось посрать, — сказал он.

— Боже мой! Нонсо!

Она снова рассмеялась.

— Ты почему смеешься?

Она с трудом проговорила:

— Посмотри на свое лицо — ты весь в поту.

Они не проехали и пятнадцати минут, когда он снова бросился в кусты. На сей раз бумага была при нем, и испражнился он с такой силой, что полностью обессилел. Он закончил и через некоторое время опустился на колени и уцепился за дерево. Я никогда не видел, чтобы подобное случалось с ним прежде. И поскольку я давно научился смотреть на отходы его жизнедеятельности, я не видел в них ничего необычного, хотя он был убежден, что у него понос.

— У меня настоящий понос, — сказал он Ндали, вернувшись в фургон.

Ндали рассмеялась еще громче, он присоединился к ней.

— Наверно, это из-за *угбы*. Не знаю, что они напихали внутрь.

— Конечно, ты не знаешь. — Она рассмеялась еще сильнее. — Вот почему я не ем где попало и что попало. Ты ведешь себя как настоящий

африканец.

— У меня какая-то усталость.

— Выпей воды и моей «Ла Касеры» и отдохни. Я поведу.

— Ты поведешь мой фургон?

— Да. А что в этом такого?

Он, хотя и удивился, позволил ей сесть за руль и долгое время после этого не чувствовал позывов. Но когда это случилось в очередной раз, он забарабанил кулаками по приборному щитку, она остановилась, он выпрыгнул в дверь и упал, зацепившись за какое-то ползучее растение. Потом поднялся и понесся в кусты, словно с цепи сорвался. Он вернулся в фургон весь в поту, она с трудом сдерживала смех. Он выпил большую бутылку воды «Раголис», зажал пустую в руках. Рассказал ей историю, которую рассказывал ему однажды отец, — как один человек остановился вот так же на шоссе, чтобы посрать в кустарнике, и пока он занимался этим делом, его проглотил питон. Его отец напевал кем-то сочиненную на эту тему песенку. «*Эке а Тува лам уджо*».

— Кажется, я слышала эту песенку. Но я боюсь любых змей — питонов, кобр, гремучих. Всех боюсь.

— Так оно, мамочка.

— Как ты себя чувствуешь?

— Отлично, — сказал он. У него к этому моменту уже довольно долго не было позывов — времени хватило бы, чтобы расколоть пять орешков колы в четырех местах[48], и они почти приехали в Умахию. — Почти полчаса, и ничего. Я думаю, оно кончилось.

— Да, согласна. Но я тоже все силы из себя высмеяла.

Они некоторое время без приключений ехали через густой лес по обеим сторонам. И вдруг его опять схватило с напором фонтана, и он бросился в кусты.

Осебурува, она ухаживала за ним, пока он полностью не выздоровел. На следующий день она поехала в университет. А когда вернулась, подсела к нему на скамейке во дворе, где он ощипывал больную курицу, чтобы у нее «кожа дышала». Между ними стоял старый поднос, полный перьев. Работая, он держал курицу за одну ногу. Ндали занималась тем же — ничего более странного она за всю жизнь не делала — со странной смесью невозмутимости и желания рассмеяться.

---

[48] Примечания: 48

Традиция народа игбо: орешек колы раскалывается и съедается, когда хозяин приветствует гостя в своем доме, является мощным символом взаимного уважения.

Они работали, и он заставлял себя говорить о своей семье, о том, как тоскует по родным, и о том, что она должна помириться со своими. Он говорил очень осторожно, словно священнодействовал языком в храме рта. И тогда она сказала ему, что ее родители в этот день опять приезжали в университет.

— Нонсо, я не хочу их видеть. Просто не хочу.

— Ты хорошо подумала? Ты понимаешь, что сейчас это даже ухудшает ситуацию?

Она начала выкручивать перо из ноги птицы, когда он сказал эти слова.

— Каким образом?

— Таким, мамочка, что это все я. Из-за меня это происходит.

Курица подняла свою освобожденную ногу и выпустила струйку помета на коврик.

— Боже мой!

Они долго смеялись, наконец он отпустил курицу, и она понеслась к клетке, жалобно кудахча. Эгбуну, наверное, смех смягчил ее сердце, и когда он объяснил ей наконец, что ее действия могут привести к тому, что ее семья лишь будет сильнее его ненавидеть, так как все это происходит по его вине, она не нашла слов возражения. А позднее, когда они улеглись спать, она вдруг сказала под

дребезжание потолочного вентилятора, что он прав. Она вернется домой.

Как наполненный водой калебас, отправленный с посыльным в стан взбешенного врага, она на следующий день поехала домой, но вернулась — как калебас, горящий медленным огнем. Ее отец разослал множество приглашений на празднование своего скорого шестидесятилетия, но моего хозяина пригласить не пожелал. Ее отец сказал, что он не отвечает требованиям, предъявляемым к гостям. Она ушла из дома, исполненная решимости не возвращаться. Она сказала об этом с дикой яростью, топая и крича:

— Как, нет, как он может так поступать? Как? И если они отказываются приглашать тебя — я клянусь Господом, который меня сотворил… — Она придавила указательным пальцем кончик языка… — Клянусь Господом, который меня сотворил, меня там тоже не будет. Не будет.

Он ничего не сказал, задумавшись о том мягком бремени, которое она возложила на него. Он сидел за обеденным столом, выбирал грязь и камушки из миски белого горошка. Долгоносики побежали, когда он открыл упаковку горошка, и теперь сидели на столе или устроились на соседней стене. Закончив перебирать горошек, он

высыпал его в кастрюлю и поставил ее на плитку. Потом взял кичливое приглашение со стула, куда она его бросила прежде, и начал читать про себя.

«Настоящим мистер _____ и миссис _____ и их родственники приглашаются на день рождения вождя. Доктора. Луке Околи Обиалора королевства Умуахия-Ибеку нигерийского штата Абиа. Празднование состоится в компаунде Обиалор 14 июля в Комплексе Агуийи-Иронси…»

Она ушла в его старую спальню, где стена была увешана детскими рисунками, изображающими в основном бога и ангелов Белого Человека, а еще сестру моего хозяина и его гусенка. Она устроила в этой комнате свой кабинет, там она читала книги, когда находилась в доме, а спала она с ним в комнате, которая прежде была родительской спальней. Он прочел приглашение вслух из гостиной, чтобы она могла слышать:

— «В доме четырнадцать на Лагос-стрит 14 июля 2007 года. Будет обильная еда и музыка в исполнении Его Превосходительства короля музыки огене, вождя Оливера де Кока. Празднование будет продолжаться с четырех часов дня до девяти вечера».

— Теперь моя очередь, теперь мне будет все равно.

— Конферансом церемонии будет не кто иной, как сам бесценный Нкем Овох, Осуофия.

— Мне все равно. Я не пойду.

— Придет один, придут и все.

Иджанго-иджанго, ранние отцы, умудренные в делах человеческих, говорили, что жизнь человека закреплена на оси. Ось может вращаться в одну сторону, в другую, и жизнь человеческая может круто меняться в одно мгновение. И глазом не успеешь моргнуть, как мир, который стоял, может лечь, а то, что мгновение назад было распростерто на земле, вдруг начинает стоять торчком. Я видел это много раз. Я увидел это еще раз, когда мой хозяин вернулся как-то после поездки по делам несколько дней спустя. Он уехал вскоре после их совместного ланча, уехал, чтобы отвезти четырех больших петухов в ресторан в центре города, а Ндали осталась дома заниматься. Его все больше тревожила собирающаяся над ним гроза, ему снова казалось, будто что-то наблюдает за ним, ждет времени, когда он будет вполне счастлив, чтобы в этот момент и нанести ему удар, украсть радость, заменить ее на горе. Этот страх поселился в нем после смерти гусенка. Этот страх — а такое нередко случается, когда он завладевает человеком, — убедил его со

всей силой основательности, что Ндали в конечном счете заставят уйти от него. И сколько бы я ни осенял его мыслью прогнать этот страх, тот крепко держал его. Его не оставлял страх, что со временем она бросит его, предпочтя свою семью. Этот страх так сильно донимал его, когда он возвращался домой из ресторана, что ему пришлось поставить музыку Оливера Де Кока в кассетнике в фургоне, чтобы отчаяние не поглотило его целиком. В машине работал только один динамик, и иногда за уличными шумами музыка была совсем не слышна. И в те моменты, когда баритон Оливера пропадал, тяжелые мысли давили на моего хозяина особенно сильно.

Когда он вернулся домой, Ндали сидела во дворе, поглядывала, как кормятся птицы — клюют зерно, которое она насыпала им на разложенный на земле мешок, — читала учебник на скамейке под деревом в свете аккумуляторной лампы. Она переоделась в блузочку и шорты, подчеркивающие форму ее ягодиц, намазала волосы лосьоном и повязала сверху бандану. Услышав звук открывающейся москитной двери, она встала.

— Догадайся, догадайся, догадайся, *обим*, — сказала она.

Она обняла его, чуть не наступила на курицу,

которая испуганно бросилась наутек, распахнув крылья и кудахча.

— Что? — спросил мой хозяин, удивленный не меньше меня.

— Они сказали, что ты можешь прийти. — Она обняла его за шею. — Мой отец, они сказали, что ты можешь прийти.

Он вовсе не ожидал этого, а потому с облегчением и в недоумении промычал:

— Вот здорово!

— Ты пойдешь, *обим*?

Он не мог смотреть на нее, а потому и не смотрел. Но она прижалась к нему, взяла его за подбородок, подняла его голову так, что теперь они смотрели в глаза друг другу.

— Нонсо, Нонсо.

— Да, мамочка?

— Я знаю, они некрасиво с тобой поступили. Унизили. Но, понимаешь, такое случается. Мы живем в Нигерии. Это Алаигбо. Бедный человек есть бедный человек. *Онье огбенье*[49], его не уважают в обществе. И опять же — взять моего отца и брата. Они гордые люди. Даже моя мама, даже она не очень поддерживает в этом отца.

---

[49] Примечания: 49
Бедняк (*игбо*).

Он молчал.

— Может быть, они стыдятся тебя, а я — нет. Я не могу быть… — Она держала его подбородок и смотрела ему в глаза: — Нонсо, что такое? Почему ты ничего не говоришь?

— Ерунда, мамочка. Я пойду.

Она обняла его. И он в тишине услышал звуки ночных насекомых, льющиеся в ухо ночи.

— Я пойду с тобой на празднование ради тебя, — снова сказал он.

Он говорил, глядя на нее, а она стояла с закрытыми глазами и открыла их, только когда он закончил.

7. Унижение

Эгбуну, старые отцы говорят, что мышка не бежит в пустую мышеловку при свете дня, если ее не привлечет туда что-то такое, от чего она не в силах отказаться. Эгбуну, будет ли рыба клевать на пустой металлический крючок, висящий в воде? Как она будет клевать, если на крючке нет чего-нибудь соблазнительного? Не так ли и человека завлекают в ситуацию, в которой он не хотел бы оказаться? Мой хозяин, например, не согласился бы пойти на торжество в доме отца Ндали, если бы они не демонстрировали раскаяния и ее отец не написал бы в пригласительной карточке его имя: «Мистер Чинонсо Олиса». Но я должен признать, что, хотя отчасти его убедили и собственная решимость сделать Ндали счастливой любой ценой, и желание увидеть Оливера Де Кока своими глазами, он до самого конца испытывал сомнение. Он решил пойти на празднество, но разрывался на две части: одна только настроилась на это, а другую, протестующую, приходилось тащить за уши. И я, его чи, был не в силах решить, надо ему идти или нет. Я знал природу человеческую и знал, что чувство, какое

они продемонстрировали по отношению к нему — отвращение, — легко не рассеивается. Но я видел то исцеление и упорядоченность, которые эта женщина принесла в его жизнь, и хотел, чтобы это продолжалось. Потому что недопустимо для чи стоять на пути у собственного хозяина. Когда человек принимает решение, а чи не хочет этого, он может только одно: разубедить хозяина. Но если хозяин отказывается, то чи не должен пытаться заставить хозяина поступать против его хозяйской воли, чи должен согласиться. И опять же потому мудрые отцы и говорят, что если человек решается на что-то, то и его чи должен решиться. Вторая причина моих метаний состояла в том, что я не сомневался в любви к нему Ндали, в основном после встречи с ее чи, и был уверен, что если он женится на ней, то станет человеком в полной мере, ведь, по словам старых отцов, мужчина не может быть человеком в полной мере, пока не женится на женщине.

В день перед празднованием они отправились купить поздравительные карточки ее отцу в супермаркете близ заправки «Оандо». В придорожном магазине одежды на Гроутер-стрит он

купил рубашку *исиагу*[50]. Хотя Ндали говорила, что лучше купить исиагу с изображением черных львов, ему больше нравились красные, почему он отдал предпочтение им — он не смог бы объяснить. Они вышли из магазина и направились к торговому центру. Откуда-то с верхних этажей торгового центра доносились громкие голоса, и вдруг он увидел Моту перед открытыми воротами автомобильной мастерской. Она стояла возле груды покрышек, рядом механик в синем комбинезоне и в больших темных очках воспламенял стержень с помощью какой-то штуки, испускавшей яркие искры красного пламени. На ней было свободное платье, красное с зелеными листьями, которое мой хозяин несколько раз снимал с нее, чтобы заняться любовью. Она только что продала порцию земляных орешков одному из стоявших здесь мужчин и теперь из отрезка материи складывала *аджу*, чтобы положить на голову, прежде чем установить на нее поднос. Несколько мгновений казалось, Эгбуну, что он выскользнул из рук существующего мира, словно рыба, смазанная маслом. Он стоял там в нерешительности, не зная,

[50] Примечания: 50

Рубашка исиагу — верхняя одежда народа игбо, похожая на популярные африканские рубашки дашики, обычно их надевают в торжественных случаях.

что делать, недоумевая, почему она его бросила. Но Моту даже не повернулась. Она поставила поднос себе на голову и пошла в другом направлении — к заполненному людьми рынку. Он хотел было окликнуть ее, но подумал, что она не услышит за сильным ревом сварочной машины. Сердце его учащенно билось, когда он повернулся к Ндали, которая продолжала идти, не зная, что он не идет следом. Он не отдавал себе отчета в том, что, глядя на Моту, смотрит и на огонь из сварочного аппарата. А когда отвернулся, перед глазами у него все расплывалось, и на мгновение ему показалось, будто мир и все в нем покрылось плотной шелковой вуалью желтого цвета.

Чукву, Ндали не вернулась с ним в тот день домой. Она отправилась помогать родителям готовиться к большому празднику. Если не считать лечения больной курицы, у которой из клюва стала выделяться перламутрового цвета жидкость — он протирал ее клюв чистым полотенцем, обмакнув его сначала в теплую воду, — он весь остаток дня думал о Моту. Он не мог понять, что случилось, чья рука протянулась и убрала ее из его дома, украла у него. Будь он один, он бы поговорил с нею. Он долго думал, почему она ушла от него без предупреждения, без всякого повода,

когда ему казалось, что она любит его и он надежно поселился в ее сердце. Дети человеческие, знайте: нельзя полагаться на другого. Никто ни от чего не гарантирован, любого может увести куда-то в сторону. Никто! Я видел это много раз. Он все еще был погружен в эти мысли, когда его телефон выдал трель. Он взял его, открыл входящие сообщения, прочел. «Они и в самом деле хотят, чтобы ты пришел, *Обим*!!! Даже мой брат. Я тебя люблю, спок. ночи».

Он приехал в дом к ее родителям на следующий день и обнаружил, что он — первый из гостей. Ндали вышла его встречать, попросила пройти с ней в дом. Но он и слышать об этом не хотел. Он сидел на пластиковом стуле в одном из двух брезентовых шатров, возведенных для гостей. Еще один шатер стоял чуть поодаль от этих двух на мостках, покрытых красным ковром. Этот шатер назывался Высоким Столом и предназначался для хозяев и почетных гостей. Там возле сцены стоял длинный стол, покрытый вышитой скатертью, и много стульев за ним. Группа людей, обливающихся потом, устанавливала рядом со столом громкоговорители, а две женщины в одинаковых блузках и юбках украшали большие торты литыми статуэтками отца Ндали с посохом

в руке.

Мой хозяин взял экземпляр программки со своего стула и начал читать, когда стул под ним задрожал. Прежде чем он понял, что происходит, или успел оглянуться, чья-то рука похлопала его по плечу и над ним склонилась голова.

— Значит, ты все же пришел, — сказала голова.

Все происходило так быстро, что леденящий кровь приступ внезапного страха лишил его способности думать и действовать.

— Пришел-таки, — повторил человек, в котором он узнал Чуку. Чука говорил на языке Белого Человека с иностранным произношением, сходным с произношением Ндали. — У некоторых людей, у некоторых людей нет стыда. Нет стыда. Как ты можешь — после всего, что сказал тебе мой отец в тот день, — приходить сюда?

Чука положил руку на плечо моего хозяина и подтащил поближе к себе. Голос в голове моего хозяина прокричал: «Разве я и без того недостаточно близко?» Звук откуда-то сверху, с расстояния, заставил его поднять голову — он увидел Ндали. Она стояла, вероятно, на балконе своей комнаты.

— Помаши ей, скажи, что все в порядке, — ска-

зал Чука. — Помаши ей!

Она говорила что-то, слов мой хозяин не слышал, но, как понял я, она спрашивала, все ли в порядке. Он подчинился приказу Чуки, и она помахала ему в ответ, послала воздушный поцелуй. Он думал, ее брат прячется за ним, но Чука прокричал:

— Болтаем накоротке с твоим парнем!

В этот момент моему хозяину показалось, что он увидел что-то вроде мимолетной улыбки на лице своей любовницы, безошибочный знак того, что она поверила брату.

— Хорошо. Спасибо, Чука! — крикнула она в ответ.

С сестрой Чука говорил на языке Белого Человека, но теперь он продолжил расправу на языке отцов:

— Я *бу отобо; отобо ки ибу*. Я настоящий, настоящий *отобо*. Какими словами и как можно втемяшить в голову такого отобо, как ты, очень простую мысль? Как? Я в полном недоумении.

Он сжал плечо моего хозяина с такой силой, что тот вскрикнул.

— А теперь слушай, церковная крыса, мой отец сказал, чтобы я тебе передал, что если мы услышим хотя бы один писк от тебя или вообще

какой-нибудь шум, то у тебя будут серьезные неприятности. Ты понимаешь, что играешь с огнем? Ты разжигаешь огонь, который тебя сожрет. Ты играешь в любовь с дочерью тигра, *Нва-агу.*

Чука глубоко вздохнул и отпустил его шею.

— Ты оделся как приличный человек, церковная крыса, — сказал Чука, захватив и потянув на себя исиагу на плече моего хозяина. — *Выглядит замечательно, сэр. Отобо*. Позволь, я передам тебе послание: ничего не говорить, ничего не делать. Не пищать. И не вздумай присоединиться к семье на танцевальной площадке — это будет серьезная ошибка с твоей стороны. И вообще ничего такого. Что бы тебе ни говорила моя сестра! Повторяю: что бы тебе ни говорила моя сестра. Ты меня слышишь?

Гаганаогву, я к тому времени знал моего хозяина двадцать пять лет и три месяца, и я ни разу не видел его в таком смятении. Он был ранен, словно Чука не слова ему говорил, а исхлестал кнутом. Но больше всего мучило его то, что он не мог ответить. Мальчишкой он не боялся драк, напротив, боялись его, потому что хотя он драк и не искал, но, если его вынуждали, кулак его превращался в камень. Но в этой ситуации он был бессилен, у него были связаны руки. А потому,

хотя и уязвленный, он просто кивнул в ответ.

— Хорошо, церковная крыса, добро пожаловать.

По какой-то причине он навсегда запомнил эти последние слова, смесь языка отцов и Белого Человека: «*Одинма*, церковная крыса, *ибиа во*».

Ранние отцы часто говорят, что ожидаемая война даже калеку не застанет врасплох. Но неожиданная война, которую никто не предвидел, может победить даже самую сильную армию. Вот почему они еще говорят в своей остерегающей мудрости, что если ты проснулся утром и обнаружил нечто безобидное, например бегущую на тебя курицу, то тебе следует спасаться, потому что ты не знаешь, не отросли ли у курицы за ночь клыки и когти. Потерпев такое поражение, мой хозяин просидел ошарашенный до конца празднества.

Гости стали появляться вскоре после того, как Чука отошел от него. В приглашении было указано, что событие будет длиться с четырех часов дня до девяти вечера. Но первые гости появились в четверть шестого. Ндали заранее с грустью предсказывала, что это случится: «Ты увидишь, они придут по нигерийскому времени. Вот почему я ненавижу такие праздники. Если бы не отец,

я бы сказала: давайте без меня». Он смотрел, как места вокруг него заполняются гостями в разных одеяниях, большинство мужчин — в свободных традиционных одеждах, а их жены — в не менее сверкающих блузах, враппах, обвязанных вокруг талии, с затейливыми сумочками в руках. Дети сидели в двух последних рядах на пластмассовых стульях с высокими подлокотниками. К тому времени, когда большинство мест было занято, в воздухе пахло потом и парфюмерией.

Человек, который сидел слева от моего хозяина, завязал с ним разговор. Мой хозяин ни о чем его не спрашивал, но тот сам сказал, что его жена — одна из тех, кто готовит «там, во дворце», он показал на дом Обиалоров.

— И моя жена тоже, — ответил мой хозяин, предполагая, что это заставит замолчать его соседа.

Но человек принялся говорить о большом числе гостей, потом о жаркой погоде. Мой хозяин слушал с холодным безразличием, на которое со временем, кажется, и обратил внимание его сосед. А когда места с другой стороны от него заняла супружеская пара, он оставил моего хозяина и обратился к ним.

Радуясь тому, что его оставили в покое, мой

хозяин оценил произошедшее: появилась чья-то рука, потянула его назад с такой силой, что он чуть не упал со стула. Потом чей-то рот спросил его, почему он пришел, назвал его дураком, поиздевался над его одеждой, посмеялся над его любовью к Ндали и нанес смертельный удар: церковная крыса. Если бы места были заполнены, как сейчас, ничего этого, вероятно, не случилось бы. Все эти люди пришли слишком поздно. Они пришли так поздно, что торжественный выход Оливера Де Кока — его любимого музыканта, великой певчей птицы Игболенда, *Оку-на-ачана-абали*, вождя музыки «хай-лайф» — не имел никакого значения. Он сидел, словно в оцепенении, когда остальные гости поднялись, чтобы приветствовать певца. Кровь побежала бы быстрее по его жилам, когда конферанс на празднестве, знаменитый актер домашнего видео Осуофия, представил Оливера Де Кока. Но эти слова прозвучали как слова заурядного болтуна. Он бы смеялся шуткам Осуофии, например той, что он взял прямо из своего знаменитого кинофильма «Осуофия в Лондоне», — шутке о том, как белые люди искорежили его имя и называли Оса-опия. Но эта шутка прозвучала как детская тарабарщина, и мой хозяин даже удивился, чему

это люди смеются. Этот крупный жирный человек перед ним — как он может так смеяться? Женщина рядом с этим мужчиной, почему она так раскачивается на стуле? Он никак не реагировал на постоянные выкрики Осуофии «Квену!», на которые люди отвечали «Йаа!». А потом, вскоре после представления и приглашения некоторых персон к Высокому Столу и после того, как Оливер Де Кок поднялся на сцену под мелодию «Народного клуба», мой хозяин сидел как чурбан. Даже Де Кок появился слишком поздно.

К его немалому раздражению, человек, который сидел слева от моего хозяина, приплясывал на стуле и вскоре вспомнил про него. И принялся время от времени наклоняться к нему и отпускать комментарии о собрании, о музыке, о гении Оливера Де Кока, обо всем. Но чурбан только кивал и бормотал что-то себе под нос. И даже эти слова он произносил, наступая себе на горло. Его сосед за столом не знал, что ему было приказано не производить ни звука, ни писка. Теперь он понял, что приказ этот исходил от виновника торжества, от самого хозяина дома, от отца Ндали. В разгар этих мыслей он почувствовал какой-то удар по спинке своего стула. Сердце чуть не выскочило у него из груди. Он повернулся и увидел,

что виновник — мальчик, сидевший прямо за ним. Мальчик задел его стул ногой.

Эзеува, бывают времена, когда кажется, будто вселенная, словно обретя непроницаемое лицо, потешается над человеком. Словно человек — игрушка, забава для капризов вселенной. Сядь, кажется, говорит она ему в какой-то момент, а когда человек садится, она приказывает ему встать. Она одной рукой дает человеку еду, а другой — вызывает у него рвоту. Я провел на земле много жизненных циклов и много раз видел таинственные явления. Как, например, можно объяснить, что вскоре после того, как мой хозяин испугался мальчика (всего лишь мальчика!) и снова обратил взгляд на великого музыканта, его по плечу сзади похлопала чья-то рука, и прежде чем он успел пошевелиться, раздался голос: «*Обим, обим*, скоро нас позовут. Вставай и идем. Вставай и идем»? Видимо, действовать он начал моментально, потому что даже подумать не успел. И поскольку она в присутствии других назвала его «дорогой», высоко подняв его тем самым в глазах тех, кто это слышал, он встал и последовал за ней в величии момента. Его самого поразила ее красота — одета она была исключительно. На шее у нее висела длинная нитка *джигида*, несколько

бусинок были у нее и на запястьях. Разве не было бы наихудшим бесчестьем на глазах у всех этих людей остаться сидеть? И он под громкие одобрительные крики последовал за ней.

То, что говорили люди, когда он уходил с ней, звучало для него как нелепая шутка судьбы. «Посмотрите на него, достойный человек, заслуживший такую женщину!» — сказал один. «*Нвокеома*!» — похвалил его другой. «*Энйи-квонва*!» — воскликнула какая-то женщина. Человек в штатском, стоящий у высокого напольного вентилятора в конце ряда, встретил его приветствием вождей, протянув руку. Мой хозяин, потрясенный, с неохотой три раза стукнул тыльной стороной своей руки по тыльной стороне руки этого человека. «Поздравления!» — прошептал человек. Мой хозяин кивнул, и его рука, словно вдруг обретя собственный мозг, потрепала человека по плечу. Ему пришло в голову, что события развиваются слишком быстро, словно части его тела подняли мятеж против него и образовали дерзкий союз, не подчиняющийся ему.

С каждым шагом Ндали, зажав его руку в своей, все ближе и ближе подводила его к роковой черте. Но он ничего не мог поделать, потому что на него теперь смотрели все гости в просторном

переднем дворе компаунда, и сам Оливер Де Кок прервал музыку, чтобы поприветствовать их на ходу: «Встречайте будущую ориаку и ее мужчину, идущих широкими шагами». Ндали в ответ на это помахала рукой — и он тоже помахал — толпе важных персон, богатых мужчин и женщин, вождям, докторам, юристам, трем мужчинам, прилетевшим из двух стран белых людей — Германии и Соединенных Штатов (один из них с белой женщиной с желтыми волосами), Чувуэмека Ике, сенатору из Абуджи, представителю губернатора штата, Орджи Калу. Он, церковная крыса — человек, который зарабатывал на жизнь, поставляя домашнюю птицу, который выращивал томаты, зерно, кассаву и перец, убивал красных муравьев и разгребал палочками куриный помет во дворе в поисках глистов, — махал всем этим высоким лицам.

На пути в дом они прошли мимо множества людей, среди которых были две женщины, смотревшиеся в зеркало, пудрившиеся; мужчина (один из тех, что из-за океана) в ослепительной белой *бариге* и красной шапочке *озо*, покуривавший трубку; полицейский с «АК-47», державший оружие стволом вверх; две девочки пубертатного возраста в свободных платьях, искавшие что-то в

телефоне в тени огромной веранды с римскими колоннами; мальчик в галстуке-бабочке и в рубашке, облитой фантой.

Когда они вошли в дом, Ндали прижала губы к его потной щеке. Так она целовала его вместо страстного поцелуя в губы, когда ее губы были накрашены помадой темных оттенков розового или красного.

— Тебе нравится? — спросила она и, прежде чем он успел открыть рот, сказала: — Ты опять потеешь! Ты взял с собой платок?

— Нет, — ответил он. Хотел сказать еще что-то, но она направилась в дом, и он пошел следом. В доме посреди лестничного пролета стоял Чука, который явно удивился, увидев его. Слова оторопело застряли на его губах, когда они проходили мимо Чуки.

— Что такое, *обим*? Нонсо? — спросила она, когда они прошли мимо Чуки и остановились еще раз, теперь в маленькой комнате, где книжные шкафы разделяли комнату на четыре ряда.

— Ничего, — ответил он. — Попить, ты можешь дать мне попить?

— Попить? Сейчас принесу. — На пороге она остановилась и сказала: — Мой брат — он тебе что-нибудь говорил?

— Мне? Нет… ммм… нет, не говорил.

Она на мгновение задержала на нем взгляд, словно не веря ему, потом вышла из комнаты. Когда она ушла, он чуть не расплакался. Он, не отдавая себе отчета в том, что делает, сел в небольшое вращающееся кресло с изменяющимся углом наклона и быстро повернулся к окну. Отсюда он видел празднество, словно с высоты птичьего полета. Осуофия танцевал, время от времени прерывая Оливера Де Кока. Чукву, вот так иногда происходит с людьми: человек начинает бояться быть опозоренным публично или чего-то в таком роде, и его страх становится причиной его гибели. Потому что состояние тревоги — состояние семяносное. При каждом случае страха происходит опыление, при каждом действии зарождается семя. Когда используется слово, которое может вызвать нездоровую реакцию, и к тому же в присутствии других людей, человек может потерять самообладание, его руки могут задрожать. И потому он на каждом своем шагу, движимый растревоженным состоянием своего мозга, совершает поступки, которые только усугубляют ситуацию, вместо того чтобы исправлять ее. Он наказывает сам себя, он словно участвует в бесконечном действе непреднамеренного само-

бичевания. Я видел это много раз.

И теперь, пребывая в тисках волнения, он настолько глубоко погрузился в свои мысли, что шаги Ндали напугали его. Он взял чашку и выпил ее до дна.

— О'кей, *обим*, теперь идем. Скоро они нас позовут.

— Ндали, Ндали! — позвала ее мать, и из гостиной донеслись звуки шагов.

Сердце у него упало. Я почувствовал необходимость сделать что-то и осенил его мыслью не бояться. «Делай все, что в твоих силах, чтобы не дать этим людям сломить тебя». В ответ на это он твердо встал на ноги, и голос в его голове сказал: «Я не буду бояться».

Пока я общался с моим хозяином, Ндали говорила матери:

— Мама, мамочка! Я уже иду.

На это женщина ответила ей:

– *Нгва, нгва,* быстро. — Ее голос был едва слышен за голосом Осуофии, раздававшимся из всех громкоговорителей в доме.

— Идем, — сказала Ндали и взяла его за руку. — Теперь наша очередь посидеть за Высоким Столом.

Он хотел ответить, но смог выдавить из себя

только приглушенное «ооо». Он вдруг, словно влекомый какой-то неведомой силой, оказался в гостиной лицом к лицу с вождем Обиалором, облаченным в великолепные регалии — длинную свободную исиагу красного цвета, — и со слоновьим бивнем в руке. В его красную шапочку были вставлены два пера коршуна с двух сторон, на манер, принятый у старых отцов. Потому что они считали, что птица — символ жизни, а человек, добившийся успехов в этом мире, приобрел перья, а в переносном смысле — стал птицей. Жена, которая шла рядом с ним, имела такие же рисунки на теле и бусы на шее, как у великих матерей. В руке она держала веер, а браслетов на ее запястье было не счесть.

Когда Ндали и мой хозяин подошли к ее родителям, он поклонился им обоим, а Ндали опустилась на колени. Ее родители улыбнулись в ответ, ее отец поднял бивень, а мать помахала веером. Чукву, после всего, что случилось потом, мой хозяин будет всегда помнить, как ее родители, казалось, не проявили никаких признаков неудовольствия, увидев его в этот момент.

Мой хозяин в состоянии внутреннего смятения двинулся вместе с процессией, медленно зашагавшей к входной двери особняка, словно его

тащили на невидимых канатах. Он шел рядом с человеком из Германии, страны белых людей, и его белой женой, одетой, как дочери великих матерей. Рядом с ними шел дядя Ндали, знаменитый доктор, который пришивал оторванные конечности во время гражданской войны, он размахивал своим посохом, на навершии которого красовалась фигурка слона. Снаружи Осуофия закричал в микрофон, а его голос усилили громкоговорители:

— И вот они идут, они идут — виновник торжества и его семья!

Мой хозяин шел за ними, не чувствуя ног, нес свое тело так, словно это был мешок с гноем, а жизнь в нем поддерживала только рука Ндали, сжимавшая его руку, и наконец они под громкие крики и аплодисменты толпы вышли на площадку. Он чуть подтанцовывал вместе со всеми, хотя Чука с презрительным выражением на лице неотступно шел в одном-двух дюймах от него. Вдруг его страх загорелся ярким пламенем, и он не захотел идти дальше. Поэтому он отпустил руку Ндали, когда все начали рассаживаться в первом ряду под навесом, где за Высоким Столом сидели важные персоны, и прошептал в ухо Ндали:

— Нет, я не могу, не могу, нет.

Она шла дальше, никак не реагируя на его слова, но, когда Осуофия начал выкликать ее имя, она оставила его и села в самом первом ряду с членами своей семьи и высокопоставленными гостями.

Эгбуну, оскорбленный человек — это тот, кто чувствует себя уязвленным кем-то, стоящим ниже его. Такой человек вследствие счастливой случайности, или работы до седьмого пота, или благодаря неуступчивости его чи получил хороший шанс или влияние. И теперь, соразмеряя свое богатство или влияние с таковыми других людей, он считает, что любое возражение со стороны тех, чье богатство меньше, оскорбляет его и он должен ответить на такое оскорбление. Потому что вызов со стороны человека менее богатого нарушает равновесие в его голове и поражает его душу. Он должен немедленно восстановить баланс! Нанести удар по тому, что этот баланс нарушило. Такой должна быть его реакция. Хотя подобные люди во времена отцов встречались довольно редко — главным образом потому, что они боялись гнева Алы, — среди их детей я таких встречал немало. Я видел признаки такого умственного состояния в Чуке, а потому

не удивился, когда к моему хозяину, который только-только сел за стол, подошел один из охранников и прошептал ему на ухо:

— Братишка, Ока Чука говорит, ты за мной ходи.

Прежде чем мой хозяин успел осознать его слова, человек пошел прочь, словно и сомнений никаких не было, что мой хозяин должен подчиниться. Уже одно это хлестнуло его по спине плетью страха. Если посланник передал сообщение с такой уверенностью, не сомневаясь в подчинении приказу, то какой же властью должен обладать его хозяин? Как неукротима должна быть его ярость? Он поднялся и пошел за человеком со всей быстротой, на какую был способен, думая, что все, вероятно, поняли: он чужой за Высоким Столом и теперь должен расплатиться за свое дерзкое преступление. Он быстро миновал группу потных людей, выгружающих из фургона ящики с напитками. Потом мой хозяин и его проводник прошли через маленькую калитку, рядом с которой стояла будка охранника — маленькое помещение. Человек повернулся и показал на будку:

— Сюда, братишка.

Именно в таких обстоятельствах я часто жалею,

что чи не наделен большей властью и не может защитить своего хозяина какими-нибудь сверхъестественными средствами. В такие времена я также жалею, что мой хозяин не наделен мудростью и знанием *агбара* и *афа,* как *дибиа,* который был моим хозяином более трехсот лет назад. Этот человек, Эсуруонье из Нноби, достиг вершины человеческих суперспособностей. Он был так силен, так точен в своих предвидениях, что его считали *окала-ммаду, окала-ммуо*. Эсуруонье мог снимать с себя свою плоть и становиться нематериальным существом. Я два раза видел, как он вызывал мистического *экили* и воспарял в астральный план, таким образом он в мгновение ока преодолевал огромные расстояния, на которые у него ушли бы две рыночные недели, если бы он шел пешком, и полный день, если бы он ехал на машине. Но мой нынешний хозяин, как и остальные из его поколения, в таких ситуациях был беспомощен, беспомощен, как петушок под взглядом ястреба. Он просто вошел в будку с тем таинственным человеком, который передавал ему приказания.

В будке стоял другой человек, сложенный как борец, с мрачным выражением на лице. На нем была голубая безрукавка, украшенная изображе-

нием взрывчатки в действии, цветные искорки взрыва, словно пятна краски, разлетались по всей рубашке.

— Это он пришел праздник *ога* плохо делай? — сказал дюжий парень на ломаном языке Белого Человека.

— Он-он, — ответил охранник. — Но *ога* говорить его трогать нет. Работа маленький дать.

— Нет проблем, — проговорил дюжий. Он показал на голубую рубашку и брюки вроде тех, что мой хозяин видел на привратнике: — Надеть нада.

— Мне? — спросил мой хозяин, чье сердце колотилось как бешеное.

— Да, тут разве есть кто еще? Слушай… ммм, *нвокем*[51], у меня нет время для вопрос, ясно? Сильно прошу, надень и давай ходи-ходи.

Иджанго-иджанго, в такие моменты голова моего хозяина никогда не находила правильного ответа на вопросы. Возразить ли ему этому человеку? Явно нет: он расколет пополам его голову. Убежать? Явно нет. Он, вероятно, не может бегать так быстро, как этот тип. Но даже если он убежит, то, возможно, опять окажется на празднестве и

---

[51] Примечания: 51
Парень, чувак (*игбо*).

подвергнется новым унижениям. Лучше всего подчиниться приказу этой странной личности, которая без всякого предупреждения захватила власть над ним. И он, подчинившись, снял собственную рубашку и новые простые брюки и облачился в одеяния привратника.

Громила, удовлетворенный, сказал:

— Иди за мной.

Но он имел в виду «иди передо мной». Кнут, который он взял, — это для чего? Неужели кнут обрушится на его спину? Страх перед такой возможностью переполнил моего хозяина. Он и этот человек прошли назад весь тот путь, который он проделал немногим ранее с охранником, только теперь одет он был по-другому: лишен облачения достойного человека и носил одежду прислуги, понижен до своего истинного статуса. Выражение «знай свое место» пришло ему в голову с такой вескостью, что он уверовал: кто-то шепнул ему эти слова в ухо в то мгновение. Он на ходу увидел, что еду перекладывают в пластиковые пакеты и фургон уезжает. Он услышал безошибочно узнаваемый голос Ндали в громкоговорителях, когда они проходили под навесом, скрытые за спинами людей, которые стояли у края шатра. Наконец они дошли до ворот.

— Присоединяйся к привратнику, — сказал громила с кнутом, показывая на ворота. — Вот твоя работа.

Агуджиегбе, здесь позднее и нашла его Ндали: весь в поту, он направлял машины, приезжавшие и уезжавшие, находил места для парковки, улаживал споры и помогал разгружать и уносить в дом подарки некоторых гостей (мешок с рисом, клубни батата, ящики с дорогим вином, телевизор в упаковке…), а один раз, когда ленточки, обвязанные вокруг статуи льва, порвались, он с коллегами повязал на статую новые.

Когда она увидела его, он не нашел, что ей сказать, потому что такое дело выскабливает из нутра человека все слова, оставляет его пустым. Он даже не мог ответить на ее вопросы: «Кто это сделал с тобой? Где твоя одежда? Где?.. Что случилось?» Он смог только сказать голосом, по которому можно было подумать, что он постарел за то время, что провел в привратниках:

— Пожалуйста, отвези меня домой, умоляю тебя именем всемогущего Господа.

Празднество было в полном разгаре, и Оливер Де Кок производил неразборчивые звуки, сродни тем, что производят термиты, ползущие по мертвому дереву, и гости ревели, как бес-

толковые овцы. Все это, все они исчезли, когда фургон выехал за ворота. Совершенно хаотичные воспоминания, мгновения прошлого — словно надуваемые каким-то управляемым ветром — наполнили его мозг и вытеснили и гостей, и все случившееся. Он не обращал внимания на Ндали, которая плакала всю дорогу, пока он медленно вел машину по шумным улицам Умуахии. Но даже в своем могильном молчании он, насколько я мог видеть, прекрасно осознавал, что она, как и он, тяжело ранена.

Чукву, то, что сделали с ним, было так мучительно — он ни одной подробности не мог прогнать из головы. Воспоминания о случившемся налетали на него, как насекомые на комок тростникового сахара, заползали в каждую извилинку его мозга, наполняли его своим черным ароматом. И Ндали проплакала бóльшую часть вечера, пока он не утешил ее любовью, после чего дремота одолела ее. Темнота сгустилась, он лежал рядом с ней на кровати. В тусклом свете керосиновой лампы он смотрел на нее и видел, что даже во сне можно разглядеть знаки злости и сочувствия — эмоций, которые редко проявлялись на ее лице. Его отец как-то сказал ему, что истинное содержание человека в данный момент можно

узнать по тому, что остается на его лице, когда он погружается в бессознательное состояние.

Ранее этим днем, когда он исполнял обязанности привратника во время празднования, он думал о том, как ему отомстить ее брату за то, что он сделал с ним. Но понял, что ничего у него не получится. Что он мог сделать? Избить его? Но как человек может избить брата женщины, которую любит так сильно? И опять ему пришло в голову, что при его встрече с Чукой события могут развиваться лишь по одному сценарию. Избитым будет только он — потому что не сможет нанести ответный удар. Семейство Ндали, словно трусливые кузнецы, выковало оружие из его желания, из его сердца, а против этого оружия он был бессилен.

И все же, Эгбуну, он знал, что единственное возможное решение — покинуть ее и покончить со всем этим — лежит в центре его мыслей, уставилось на него, обратив к нему свое мрачное лицо с жестокими глазами. Но он продолжал смотреть мимо этого решения, словно его там и не было. А оно не уходило. Тогда он начал размышлять над другим возможным вариантом развития событий, страх перед которым регулярно возвращался к нему: страх перед тем, что Ндали в конечном

счете устанет от него и уйдет. Сама Ндали и заговорила об этом чуть-чуть раньше, перед тем как уснуть.

— Нонсо, я боюсь, — сказала она вдруг.

— Чего, мамочка?

— Я боюсь, что они в конечном счете добьются своего и вынудят тебя уйти от меня. Ты уйдешь от меня, Нонсо?

— Нет, — ответил он гораздо громче, чем ему хотелось бы, страстно. — Я от тебя не уйду. *Никогда*.

— Я только надеюсь, что ты не уйдешь от меня из-за них, потому что я никому не позволю выбирать за меня, за кого мне выходить замуж. Я не ребенок.

Он больше ничего не сказал, только вспомнил тот момент, когда регулировал потоки машин у ворот, и тот человек, который раньше сидел рядом с ним в тени шатра, увидел его теперь, покидая празднество, и изумился. Он опустил тонированное стекло своего «Мерседес-Бенца», наклонил голову:

— Вы сидели со мной раньше? — У него не хватало слов. — Вы кто? Привратник?

Он отрицательно покачал головой, но человек рассмеялся и сказал что-то, чего мой хозяин не

разобрал, потом поднял окно и уехал.

— Ты уверен, Нонсо? — взволнованным голосом спросила Ндали.

— Уверен, мамочка. Ничего они не добьются. Не смогут, — сказал он, и его сердце забилось чаще от ярости, прозвучавшей в его голосе. Он не знал, Эгбуну, что судьба — это странный язык, которому ни жизнь человека, ни его чи никогда не могут научиться. Он снова поднял глаза на Ндали и увидел слезу, стекающую по ее лицу. — Никто не сможет заставить меня уйти от тебя, — повторил он. — Никто.

8. Помощник

Осебурува, я стою здесь, свидетельствуя перед тобой и прекрасно зная, что ты разбираешься в нравах людей, твоих творений, разбираешься лучше, чем сам человек. А потому тебе известно, что человеческий стыд — он как хамелеон. Поначалу он является в личине добронравного духа, допуская отдохновение во всякое время, когда униженный не находится в обществе тех, ради кого или кем он подвергся оскорблениям, — тех, от кого он должен прятать лицо. Опозоренный может забывать свой стыд, пока он не встретится с теми, кто был свидетелем его позора. И только тогда позор скидывает с себя маску сомнительного добронравия и предстает в своем истинном обличии злонравия. Да, мой хозяин мог спрятаться от всех остальных, от всех людей Умуахии, даже от всего мира, и тогда все случившееся с ним переставало существовать. Нищий может выдать себя за короля в таком месте, где о его нищете никто не знает, и там его будут принимать как короля. А потому особенности затруднительного положения, в котором оказался мой хозяин, состояли в том, что свидетелем его унижения была

Ндали. Она видела его в одеянии вечернего сторожа, мокрого от пота, регулирующего движение. Это был удар, от которого он не мог оправиться. Такой человек, как он, человек, знающий границы своих возможностей, объективно оценивающий свои способности, — такой человек легко падает духом. Потому что гордость воздвигает стену вокруг внутреннего «я» человека, а позор пронзает эту стену и поражает внутреннее «я» прямо в сердце.

И все же я достаточно долго прожил с людьми и знаю: когда человек начинает падать духом, он пытается сделать что-нибудь, чтобы как можно скорее спасти ситуацию. Вот почему ндиичие в своей древней мудрости говорят, что лучше всего искать черную козу днем, пока не опустится тьма, в которой найти ее будет затруднительно. Так что даже еще до того, когда он принес клятву Ндали, что никогда ее не покинет, он уже начал искать решение. Но ничего, что бы казалось достойным, ему не приходило в голову, и он дни напролет ходил без дела, как покалеченный червь в грязи отчаяния. В четвертый день следующей недели он позвонил дяде попросить у него совета, но слышимость была такая плохая, что мой хозяин почти ничего не понимал. И ему пришлось

напрягаться изо всех сил, чтобы, невзирая на негодную связь и заикание старика, разобрать, что лучше всего ему оставить Ндали. «Ты вс-все еще мальчик. Вс-всего двадцать шесть, да. За-забудь об этой жен-жен-щине сей-час. Их мно-го, мно-го вокруг. Ты ме-меня по-понимаешь? Ты их н-н-никогда не убе-бедишь принять т-тебя».

Иджанго-иджанго, я был счастлив, что его дядюшка дал ему такой совет. Я тоже думал об этом, после того как с ним так обошлись в доме Ндали. Мудрые отцы часто говорят, что, если кто подвергся оскорблению, это распространяется и на его чи. Семейство Ндали унизило и меня. Но я знал, что она к этому не причастна и найдет способ выйти из кризиса. Поэтому я не стал настаивать на предложении его дядюшки. Кроме того, мне пришло в голову, что мой хозяин — один из тех на земле, кому везет в жизни и кто всегда добивается своего. До его рождения, пока он еще пребывал в Беигве в виде *оньеувы* и мы путешествовали вместе, чтобы начать слияние плоти и духа для образования его человеческого компонента (отчет о котором я представлю во всех подробностях в ходе моего свидетельства), мы совершили традиционное путешествие в великий сад Чиокике. Мы шли сияющими тро-

пами между светящихся деревьев, на которых изысканнейшим образом висели шлейфы изумрудных облаков. Между ними летали желтые птицы Бенмуо, они появлялись из открытого туннеля Эзинмио, имели размер со взрослого человека и двигались по своим зигзагообразным траекториям. Травяной ковер покрывал края дороги, ведущей к воротам в *ува*. Там находился большой сад, куда часто заходят *оньеува*, чтобы найти какой-нибудь из даров, возвращенных туда теми невезучими, которые умерли либо при рождении, либо во младенчестве, либо еще в утробе матери. Хотя сад был заполнен сотнями чи и их потенциальными хозяевами, которые прочесывали непроходимые заросли, мой хозяин все же нашел маленькую косточку. Некоторые духи поспешили собраться вокруг и сообщили, что это кость какого-то животного, которое обитает главным образом в великом лесу Бенмуо, где жил когда-то сам Амандиоха в облике белого барана. Они сказали нам, что находка кости означает: мой хозяин всегда будет получать от жизни то, что хочет, если будет упорен. Они сказали, это объясняется тем, что животное, кость которого он нашел, обитает исключительно в Беигве и никогда не имеет недостатка в еде, поскольку

живет в лесу.

Гаганаогву, я могу назвать многочисленные подтверждения этого дара удачи в жизни моего хозяина, но не хочу уходить слишком далеко от свидетельствования. В то время я не сомневался: белая косточка ему пригодится. А потому я был доволен, когда он решил, что лучше всего ему попытаться завоевать поддержку ее семьи. И поскольку он опасался, как бы ее длящееся отсутствие в семье из-за него не привело лишь к эскалации кризиса, он попросил ее вернуться.

— Ты не понимаешь, Нонсо, не понимаешь. Ты думаешь, что просто не понравился им, да? О'кей, ты можешь мне сказать почему? Ты мне можешь дать хоть одно объяснение, почему ты им не нравишься? Ты мне можешь сказать, почему они так обошлись с тобой в прошлое воскресенье? Или ты забыл, что они с тобой сделали? Это же случилось всего шесть дней назад. Ты что, забыл, Нонсо?

Он молчал.

— Нет ответа? Можешь мне сказать почему?

— Потому что я бедный, — сказал он.

— Да, но это не единственная причина. Папа может дать тебе денег. Они могут открыть для тебя крупный бизнес, даже помочь в расширении твоей птицефермы. Нет, дело не только в этом.

Он не думал о таких возможностях, Эгбуну. Ее слова привлекли его внимание, и теперь он смотрел на нее, а она говорила:

— Дело не в том, что ты бедный. Нет. А в том, что у тебя нет большой ученой степени. Ты понимаешь, Нонсо, понимаешь? Они своими большими головами не допускают, что люди могут потерять родителей. А Нигерия — жестокая страна! Сколько людей, лишившихся родителей, могут поступить в университет? Да хотя бы даже в среднюю школу. Где тебе взять деньги на взятку, даже если твои экзаменационные баллы Совместной комиссии по допуску и зачислению — три сотни? Да ты мне скажи, где тебе деньги взять хотя бы на оплату школьного обучения?

Он смотрел на нее, потеряв дар речи.

— Но они мне говорят это все время: «Ндали, ты собираешься выйти замуж за безграмотного», «Ндали, ты нас позоришь», «Ндали, пожалуйста, я надеюсь, ты не собираешься выходить за это отребье». Это очень плохо. То, что они делают, это очень плохо.

Потом, когда она ушла заниматься в его прежнюю спальню, он, встревоженный тем, что она сказала много такого, о чем он и не думал, сел и погрузился в себя, свернулся, словно мокрый лист

колоказии. Почему он не думал о возможности возвращения в школу, о том, что это может быть решением? Чукву, он ругал себя за недомыслие. Он не понимал, что вырос в невзгодах и свыкся с этим. Вынужден был жить жизнью, непохожей на жизнь большинства его сверстников, уединенной, провинциальной жизнью, которая развивала в человеке естественную предрасположенность к терпению в невзгодах, неспешности, размеренности. Действовать он начинал только под напором внешних обстоятельств. Его достижения, если только таковые были, произрастали из медлительной лености, а мечты свои он не торопил. Вот почему его дядюшке пришлось разбудить в нем страсть к женщинам, а теперь Ндали разожгла в нем желание вернуться в школу. И он начал воспринимать свою леность как слабость. Попозже, когда она улеглась спать, он сидел один в гостиной, погрузившись в мысли. Он может записаться в Абиясский государственный университет и получить диплом. А может пройти обучение по сокращенной программе. Теперь, когда в нем открылась любовь к птицам и поглотила его давнее желание поступить в университет, он мог бы даже изучать сельское хозяйство.

В этих мыслях было столько надежды, что радость закипела в его сердце. Они, его мысли, означали: надежда есть, у него есть путь к женитьбе на Ндали. Он прошел на кухню, набрал воду из синей бочки, и его мечты пресеклись мыслью о том, что у них кончается питьевая вода. В этой бочке, в последней из трех, вода еще оставалась. Семья, которая владела двумя большими емкостями и продавала воду на улице, отсутствовала уже две недели, и многие его соседи ездили за водой куда-то в другое место или пили дождевую, которую собирали в кастрюли, канистры или барабаны во время дождя. Вода у него во рту имела дурной вкус, но он выпил еще одну чашку.

Он сидел в гостиной, думал, и мысль о том, чтобы покинуть Ндали, напомнила ему о его бабушке, *нне* Агбасо, о том, как она сидела в старом кресле, стоявшем в конце гостиной — где теперь собирали пыль у стены видеомагнитофон и двухкассетник, — и рассказывала ему истории. Он вообразил, что видит ее теперь, как она сглатывает и как моргает, рассказывая, словно слова — это горькие таблетки у нее во рту. Эта привычка развилась у нее в старости, а только в этом возрасте он ее и знал. После того как она упала и сломала

бедро, она уже не могла работать на земле и даже ходить без палки, а потому приехала из деревни жить к ним. В тот период она снова и снова рассказывала ему одну и ту же историю, но каждый раз, когда он садился рядом с ней, она говорила: «Я тебе рассказывала про твоих великих предков Оменкару и Нкпоту?», на что он отвечал либо «да», либо «нет». Но даже если он отвечал «да», она только вздыхала, потом моргала и начинала рассказывать ему, как Оменкара пресек попытки Белого Человека забрать у него жену и был за это повешен на деревенской площади районным приставом. (Чукву, я подтверждаю это жестокое событие и его воздействие на людей в то время.)

Теперь он думал, что многочисленными повторами этой истории бабушка, возможно, пыталась донести до него, что он не должен сдаваться ни перед какими трудностями. Теперь он думал, что мог выбрать покорность перед лицом неприкрытых угроз и таким образом потерять Ндали.

— Нет, — произнес он вслух, когда перед его мысленным взглядом возникло убийственное видение: другой мужчина осыпает поцелуями груди Ндали. Его пробрала дрожь при одном только приближении такой мысли к коридору его разума. Он бросил учебу, не сдав экзамены на ди-

плом об окончании средней школы, хотя по трем предметам и прошел аттестацию: по истории, основам христианства и сельскому хозяйству. Ни по математике, ни по английскому аттестован он не был. Выпускные школьные экзамены закончились для него еще более сокрушительным поражением. Он сдавал экзамены, когда состояние его отца ухудшалось и растущие обязанности по птицеферме ему приходилось исполнять одному. Агуджиегбе, ты знаешь: все, о чем я говорил сейчас, — это образование, принятое цивилизацией Белого Человека. Как и большинство людей его поколения, он не знал ничего об образовании его народа, игбо, и о цивилизации ученых отцов.

И вот после этих последовательных неудач он сказал отцу, что оставит попытки. Он может обеспечить себя и будущую семью птичником и маленькой агрофермой, а если удастся, то и укрупниться или даже расшириться — заняться розничными продажами. Но отец настаивал на его возвращении в школу. «Нигерия с каждым днем все тверже и тверже встает на ноги, — говорил отец, перекашивая рот, что он начал делать на ранней стадии своей болезни, закончившейся смертью. — Пройдет немного времени, и человек со степенью бакалавра станет никому не нужен,

потому что такая степень будет у всех. А что ты будешь делать, если у тебя и бакалавра не будет? Я тебе говорю: образование понадобится всем — фермерам, сапожникам, рыбакам, плотникам. Это путь, по которому идет Нигерия, я тебе говорю».

Такие разговоры, а также тот факт, что я часто осенял его мыслями, акцентирующими необходимость слушаться отца — а мысли эти я нередко подкреплял пословицей: «То, что видит старик, сидя на корточках, юнец не увидит даже с верхушки дерева», — все это вместе подвигло его на сдачу экстерном экзаменов на ССО — свидетельство о среднем образовании. Он занимался и посещал уроки в здании на Камерон-стрит, где четыре молодых студента университета готовили учеников к экзаменам. И во время экзаменов подготовительный центр на несколько недель превратился в центр чудес. Учителя один за другим, за несколько дней до экзамена по их предмету, приносили на занятия вопросы из утекших экзаменационных билетов. Когда экзамены закончились и месяц спустя объявили результаты, выяснилось, что мой хозяин прошел по шести из восьми предметов, даже получил оценку «А» по биологии — предмету, по которо-

му он был подготовлен хуже, чем по другим. В большинстве центров Абии результаты одного из экзаменов — по экономике — были отменены из-за «широко распространившейся порочной практики», как это сформулировала экзаменационная комиссия. Это отвечало действительности. Экзаменационное задание было у него на руках почти за три недели до дня экзамена, и если бы результаты были объявлены, то он и по экономике получил бы «А». В это время он бы вернулся в школу, если бы, проснувшись как-то утром в тот месяц, не обнаружил, что его сестра исчезла и это погрузило его отца в изнурительную депрессию. В один миг улетучилась атмосфера покоя, воцарившаяся было в доме, после того как отец, несколько лет скорбевший по жене, вернулся к нормальной жизни. Скорбь вернулась, как армия старых муравьев, заползающих в знакомые щели в мягкой земле жизни его отца, и несколько месяцев спустя он умер. Со смертью отца и все мысли о школе были похоронены.

Обасидинелу, шли дни, Ндали продолжала игнорировать своих родителей, даже говорить с ними отказывалась, а страхи моего хозяина все росли. Но он молчал, боясь, что, заговорив, растревожит ее, а потому защищал ее от сумятицы

мыслей в его голове. Но так как страх не проходит, пока его не прогонишь, он, словно старая змея, лежал, свернувшись, вокруг трепещущих ветвей его сердца. Страх никуда не делся и в то утро, когда мой хозяин проводил ее на автобусную станцию — она уезжала в Лагос на конференцию. За минуту до отправки автобуса он прижался лбом к ее лбу и сказал:

— Надеюсь, что я не исчезну до твоего возвращения, мамочка.

— Что такое, *обим*?

— Твоя родня — надеюсь, они не похитят меня, пока тебя нет.

— Брось ты — с чего это тебе пришли такие мысли в голову? Как ты можешь думать, что они пойдут на такое? *О гини ди*?[52] Они же не дьяволы.

Ярость, которую вызвали у нее его слова, ошеломила его. Заставила посмотреть внутрь себя, задуматься, не переоценивал ли он ситуацию, не была ли долгая ночь страха на самом деле всего лишь неприятным мгновением в долгой счастливой жизни.

— Да я пошутил, — сказал он. — Просто по-

---

[52] Примечания: 52
Что такое ты говоришь? (*игбо*)

шутил.

— Ну ладно. Только я не люблю таких шуток. Они не дьяволы. Никто с тобой ничего не сделает, так?

— Так оно, мамочка.

Он пытался не думать о вещах, которые вызывали у него страх. Вместо этого он прополол маленький огород и убрался в своей комнате. Потом он занялся лечением одного из петушков, который повредил ногу. Он нашел его предыдущим вечером на другой стороне дороги. Петушок запрыгнул на высокий забор и упал в кусты по другую сторону, наступил, видимо, на битое стекло. Это напомнило ему про гусенка, которого он как-то раз упустил, и тот выбрался из дома и уселся на заборе. Он выбежал из дома, увидел гусенка на заборе — тот в возбуждении крутил головой в разные стороны. Он принялся слезно умолять гусенка вернуться в дом, сердце моего хозяина колотилось, он боялся, что гусенок улетит и никогда не вернется. Стояло утро, и его отец чистил зубы (не жевательной палочкой, как это делали старые отцы, а щеткой), когда услышал тревожные крики сына. Отец с зубной щеткой в руке бросился из дома, зубная паста капала с его бороды. Он увидел взволнованного сына. Посмотрел

на забор, на мальчика, покачал головой. «Ничего не поделаешь, сынок, — сказал он. — Он боится. А подойдешь поближе — улетит». Я тоже наблюдал за всем этим, и меня посетил тот же страх, что и его отца, и я тоже послал эту мысль в голову моего хозяина. И тогда он перестал кричать и голосом едва ли громче шепота начал звать гусенка: «Пожалуйста, пожалуйста, не улетай от меня никогда, я тебя спас, я твой сокольничий». И чудесным образом — а может, потому, что птица увидела что-то по другую сторону забора, может, соседскую собаку, — гусенок ощетинился, присел и вспорхнул, раскинув крылья. А потом вернулся с восходящим потоком во двор, назад к моему хозяину.

Он едва успел вернуть петушка с поврежденной ногой в курятник, как появился Элочукву. Он отправил Элочукву послание этим утром, и Элочукву ответил, что получение образования — отличная мысль. «Если ты вернешься и закончишь образование, они тебя наверняка примут», — сказал ему Элочукву. А теперь он спрыгнул со своего мотоцикла и встал рядом с моим хозяином на крыльце, выходящем на ферму. Мой хозяин рассказал Элочукву вкратце, что было на празднестве и как семья Ндали унизила

его. И когда он закончил, Элочукву покачал головой и сказал:

— Все в порядке, брат мой.

И мой хозяин, посмотрев на друга, согласно кивнул. Эгбуну, это выражение, распространенное между детьми великих отцов и произносимое в основном на языке Белого Человека, часто вызывало у меня недоумение. Человек в ситуации, когда сама его жизнь находится под угрозой, только что рассказал другу о своих трудностях, а его друг — человек, в котором он видит утешителя, — отвечает просто: «Все в порядке». Это выражение мгновенно погружает обоих в молчание. Потому что это особенная фраза, всеохватывающая по своей сути. Мать, у которой только что умер ребенок, в ответ на вопрос, как у нее дела, отвечает просто: «Все в порядке». Все-в-порядке возникает из взаимодействия страха и любопытства. Эта фраза обозначает переходное состояние и, хотя неудачник и переживает неприятный период, выражает надежду, что вскоре все выправится. Большинство людей в стране детей великих отцов всегда пребывают в этом состоянии. Ты надеешься вылечиться от болезни? Все в порядке. У тебя что-то украли? Все в порядке! А когда человек выходит из этого состояния «все в порядке»

и двигается к более удовлетворительному состоянию, он немедленно обнаруживает себя в новой ситуации «все в порядке».

Элочукву снова покачал головой, повторил это выражение, похлопал моего хозяина по плечу, дал ему пакет с книгами и сказал:

— Спешу, едем на митинг.

Прежде чем Элочукву ушел, мой хозяин посетовал, что не сможет получить степень еще минимум пять лет, да и то пять — только в том случае, если не будет забастовок, которые могут увеличить этот срок, вероятно, даже до семи.

— Ты спеши начать, — сказал Элочукву, садясь на свой мотоцикл. — Когда ты начать, они сразу понять, что ты серьезный чувак. — Элочукву, который сам почти закончил учебу и был в шаге от получения степени по химии, за словом в карман не лез, закончил он тему так: — А если из этого ничего не получится, забудь об этой девчонке. Нет в мире ничего такого, что заставило бы глаз, который это увидит, проливать кровь, а не слезы.

Вскоре после отъезда его друга начался дождь. Он шел с утра до самого вечера. Неумолимый, непредсказуемый дождь щедро заливал Умуахию водой, а мой хозяин лежал в гостиной и изучал

пособие по подготовке к экзаменам на получение аттестата для поступления в университет — книгу, которую дал ему Элочукву.

Небо затянуло тучами, и он долго читал в этом тусклом естественном свете, проникавшем в комнату через раздвинутые шторы, и наконец глаза его начали смыкаться. Он почти спал, застряв, как принесенный ветром лист, на пороге между сном и бодрствованием, когда услышал стук в дверь. Поначалу он принял этот стук за дробь дождя по двери, но потом услышал знакомый голос, говорящий самым решительным тоном:

— Ну, ты уже отопрешь эту дверь наконец?

И снова стук. Он вскочил и в окне увидел Чуку и двух человек в плащах на крыльце.

Гаганаогву, появление этих людей чуть ли не парализовало его. За все годы, что я провел с ним, я не видел ничего хотя бы отдаленно похожего на то, что произошло с ним сейчас. Странным казалось, что еще совсем недавно он шутил о чем-то, выдумывал какую-то бредовую нереалистичную шутку. И вот при свете дня его шутка материализовалась и на его пороге появился ее брат с бандитами. Он впустил их, отступил в ужасе, чувствуя, как сердце барабанит в груди.

— Чука… — сказал он, когда они вошли.

— Заткнись! — оборвал его один из них, тот громила, который заставил моего хозяина прислуживать у ворот во время торжества. Даже теперь он пришел в готовности — с тем же кнутом.

— Я не могу заткнуться. Нет. — Мой хозяин отступал, а они надвигались на него, он зашел за самый большой диван. — Я не могу заткнуться, потому что это мой дом.

Человек с кнутом бросился вперед, но Чука поднял руку и произнес:

— Нет! Я уже говорил, никто никого не трогает.

— Прошу прощения, сэр, — сказал человек и отступил за Чуку, тот теперь вышел в середину комнаты.

Мой хозяин смотрел на Чуку, который сбросил капюшон и покачал головой. Потом Чука оглядел комнату, потом сел в плаще, с которого стекала вода, на кушетку. Его люди стояли рядом с кушеткой и хмуро смотрели на моего хозяина.

— Я пришел попросить тебя отправить мою сестру назад, — сказал Чука таким же спокойным голосом, каким говорил раньше, и на языке Белого Человека. — Мы не заинтересованы ни в каких скандалах. Ничуть. Мои родители, ее родители

беспокоятся.

Чука наклонил голову к полу, словно задумавшись, и в короткой безмолвной паузе мой хозяин услышал мягкие звуки капель, падающие с его плаща на ковер.

— Когда она вернется из Лагоса, мы просим тебя сделать так, чтобы она через два дня вернулась домой, — продолжал Чука, по-прежнему глядя в пол. — Через два дня. Два.

Они ушли тем же путем, что и пришли, хлопнув дверью. Хотя все еще стоял день, дождевые тучи настолько замутили горизонт, что им пришлось ехать с включенными фарами. Он смотрел, как машина отъезжала от фермы задним ходом, словно два диска желтого солнца таяли вдали. Когда они уехали, он опустился на колени и без всякой причины, за которую мог бы зацепиться его мозг, разрыдался и долго не мог остановиться.

Эгбуну, если в грудь беззащитному человеку направить стрелу, то этот человек должен будет делать то, что ему велят. Делать что-либо иное перед лицом неизбежной смерти просто глупо. Доблестные отцы говорят, что на руины дома храбреца мы смотрим из дома труса. Поэтому беззащитный человек должен говорить мягким языком, словами, которые могут подействовать

на человека со стрелой: «Ты хочешь, чтобы я встал там?» И если человек, который ему угрожает, отвечает «да», ему следует делать то, что ему приказали, пока не минует насущная опасность. После ухода брата Ндали мой хозяин решил делать то, что ему сказали. Он убедит ее вернуться домой, а пока ее не будет, он найдет решение своей несостоятельности, главному источнику всех проблем. Он вернется в школу, получит образование и работу, станет подходящим для нее. Чукву, я понял: если человек подвергается унижениям, то его действия определяет позор, а его желания — отчаяние. То, что раньше было важно для этого человека, становится незначительным. Он, например, может стоять во дворе и смотреть на свой птичник, на то, что он построил для себя, на эти восемь курятников и почти семьдесят птиц и понимать, какой это мелкий и презренный бизнес. Вид перьев, который обычно доставлял ему удовольствие, восторг, теперь для него не лучше вида помета. И чем же он занят теперь, может спросить человек со стороны. Что ж, Чукву, он реагирует. Его ум готовится к перемене. Он взвесил все на весах и решил, что возвращение в одиночество и особенно потеря Ндали — это хуже, чем что бы то ни было. Она

была как самое яркое, не имеющее цены сокровище в магазине, полном драгоценностей. Птица, курицы — они весили меньше на этих весах. От них можно избавиться в случае необходимости, чтобы получить ее. В конце-то концов, он видел, как люди продают свою землю, чтобы послать ребенка в заграничную школу. Что делает такой человек? Он решает, что в будущем лучше иметь ребенка, который может стать доктором, чем сохранить землю. Такой человек убедил себя, что, имея богатого сына, сможет вернуть землю. Или что такой сын может купить ему даже больше земли, чем у него было прежде.

И вот два дня спустя после прихода Чуки мой хозяин закончил это непрерывное пережевывание одного и того же, и с утра он, даже не покормив птицу и не собрав свежие яйца, отправился в «Юнион Банк» неподалеку на улице, где купил бланки для подачи заявки на сдачу выпускных экзаменов. Он долго стоял в очереди на улице, с трудом протиснулся внутрь. Из банка он ушел усталый и мокрый от пота.

Иджанго-иджанго, я обязательно должен во всех подробностях рассказать тебе о его пути домой, потому что именно тогда черное семя краха дало корни в его жизни. Выйдя из банка,

он некоторое время шел вровень со школьным автобусом, который застрял в пробке. Он смотрел на детей в школьной форме, они все пребывали в разной степени дремоты. Некоторые сидели, откинув головы назад, затылком в подголовник, другие — склонив голову набок, третьи — уронив голову на руки, другие — прижав голову к стеклу. Один или двое, казалось, не спят: смотревшая на него пустым взглядом девочка-альбиноска с волосами песочного цвета и болячкой на лиловатой нижней губе и мальчик с гладко выбритой головой. Мой хозяин шел не спеша, держа папку с бланками под мышкой, шел мимо навесов и столов, с которых продавалась всякая всячина, продавцы зазывали его купить их товар. Одна из них, женщина, продававшая одежду, сложенную на джутовом мешке, окликнула его: «Красивый мужчина, купи красивую рубашку, красивые джинсы. Подходи, подберу твой размер». Он прошел мимо женщины, когда что-то забилось в кармане его брюк. Он вытащил телефон — звонил Элочукву.

— Эй, Эло, Эло…

– *Кай, нванне*[53], я тебе звонил! — сказал Эло-

[53] Примечания: 53
Брат (*игбо*).

чукву — часть на языке великих отцов, часть на языке Белого Человека.

— Я был в банке, отключил звук.

— О'кей, не вопрос. Ты где теперь, где? Мы у твоего дома, да. Я и Джамике. Джамике Нваорджи.

— Эй, Чукву! *Изи ги ни*?[54] Джамике? Неудивительно, что ты говоришь по-английски.

Он услышал голос на заднем плане, и Элочукву спросил своего спутника на ломаном языке Белого Человека, не хочет ли он поговорить с моим хозяином.

— Бобо Соло! — сказал голос в телефоне.

— Джисос! Джа-ми-ке!

— Давай, ходи-ходи, мы тебя ждем. Ходи-ходи.

— Я почти пришел, — сказал он. — Иду-иду.

Он вернул телефон в карман и прибавил шагу, мысли его метались. Он давно не видел и не слышал этого человека. И вот, пожалуйста, Джамике, его одноклассник в средней школе Ибеку, пришел к нему домой.

Он перешел на другую сторону, прошел между бедных домов нижней улицы, где овраг вгрызся в желтую землю и поглотил глину во многих обкусанных местах. Он припустил бегом с папкой

---

[54] Примечания: 54
Что ты сказал? (*игбо*)

в руке и вскоре уже был у своего дома. У входа он поднял голову и увидел на крыльце Элочукву и их одноклассника. У крыльца на откидной подножке стоял мотоцикл «Ямаха» Элочукву. Он подошел к ним по гравийной дорожке, по обеим сторонам которой лежали земли его маленькой агрофермы. Когда он приблизился к ним, ему пришлось подавить чуть не вырвавшийся из груди крик. Поначалу он не узнал этого человека с широким лицом и усами. Но потом вдруг обнаружил, что не может сдержаться, и прокричал:

— Джамике Нваорджи!

Человек в красной шапочке с рельефным изображением головы белого быка, в белой рубашке и джинсах подошел поближе и ударил своей рукой по его поднятой руке.

— Глазам своим не верю, чувак! — сказал человек.

Мой хозяин сразу же узнал некий иностранный акцент в голосе человека, произношение тех, кто живет за пределами мира Черного Человека, произношение его любовницы и ее семьи.

— Тут вот Эло мне говорит, что ты живешь за океаном, — сказал он на языке Белого Человека, как они делали в школе, когда говорить на «африканском языке» считалось наказуемым

преступлением. И потому со всеми в школе, за исключением Элочукву, он общался на языке Белого Человека, хотя почти все они знали язык блаженных отцов.

— Ага, братишка, — сказал этот Джамике. — Я живу за границей уже много-много лет, старина.

— Так я, того, Нонсо, ухожу, — раздался голос Элочукву. Он сдвинул на затылок свою черную шапочку, которую стал носить со времени поступления в ДВСГБ. — Я ждал, когда ты вернешься, потому что, когда увидел его, вспомнил про твою проблему. Джамике тебе поможет.

— Так ты уходишь?

— Да, надо сделать кое-чего для моей красотки.

Джамике, от которого пахло дорогим парфюмом, обнял Элочукву, и тот запрыгнул на свой мотоцикл, два раза ударил по кик-стартеру, и в воздух вырвалась струя дыма.

— Позвоню, — сказал он и уехал.

— Пока-пока, — крикнул мой хозяин вслед Элочукву, потом повернулся к человеку, оставшемуся с ним: — *На ва о*[55], сам Джамике!

— Да-да, Бобо Соло! — сказал Джамике.

Они снова пожали друг другу руки.

---

[55] Примечания: 55
Просто здорово (*игбо*).

— Давай в дом, ага? Идем-идем.

Мой хозяин провел гостя в дом. Когда они вошли, к нему вдруг вернулось воспоминание о том, как два дня назад Чука сидел на диване, на который теперь сел Джамике, и его плащ придавал ему вид какого-то киношного негодяя, и это неожиданное воспоминание о Чуке было для моего хозяина не менее угрожающим, чем его присутствие.

— У тебя большой компаунд, чувак. Только ты тут живешь? — спросил Джамике.

Мой хозяин улыбнулся. Он раздвинул шторы на окнах, чтобы впустить в дом больше света, и сел напротив гостя.

— Да, мои родители умерли, а сестренка моя — ты ее знаешь, она тогда маленькая была?

— Ммм… ммм…

— Нкиру ее зовут, она замужем. Так что только я и живу тут теперь. И еще моя подружка. Эй, а ты где теперь живешь?

Джамике улыбнулся:

— Кипр — знаешь такое место?

— Нет, — ответил он.

— Я знаю, что ты нет. Это остров в Европе. Очень небольшая страна. Очень небольшая, но очень красивая, очень красивая, чувак.

Мой хозяин кивнул:

— Так оно, братишка.

— О-хо-ха. Ты помнишь нашего однокашника Джонатана Обиору? Он прежде жил здесь, — сказал Джамике, показывая на старый дом в окне. Он снял шапочку, надел ее на колено. — Бобо, хочешь пойти выпить пивка и поболтать немного?

— Да, да, братишка, — ответил он.

Эгбуну, когда два человека встречаются в подобном месте и оба выползли из прошлого друг друга, они нередко приостанавливают настоящее и пытаются перетащить в него все то, что случилось, пока они не виделись. И это происходит потому, что они в некоторой степени связаны тем местом, в котором оба находились, или одинаковой формой, которую носили. Им обоим приходит в голову, что иногда трудно сказать, сколько времени прошло, пока из того периода в прошлом не появится снова что-то или кто-то в пообтрепавшейся за долгий путь одежде. Что касается моего хозяина, то Джамике отметил, насколько тот стал выше, хотя и остался таким же долговязым. Мой хозяин со своей стороны удивлялся тому, что видел перед собой: вместо маленького тела и гладко выбритой головы — мощную фигуру, всего на полдюйма ниже его собственной, и лицо

в окладистой бороде. Отметив эти изменения, они переходят к разговору о том, где побывали со времени их последней встречи, какую дорогу выбрали, как пришли к той точке, в которой сегодня нашли друг друга. Иногда эти двое могут завязать новые отношения и стать друзьями. Я видел это много раз.

Наконец они оставили ферму и пошли в «Перечный суп» на соседней улице, где сели за один из столиков на земляном полу. Солнце стало печь еще сильнее, и, дойдя до ресторана, они вспотели. Они сели под одним из потолочных вентиляторов рядом со стерео, из которого лилась тихая музыка. Мой хозяин никак не мог дождаться, когда они уже наконец сядут, потому что за время их короткого пути Джамике нарисовал то место, где живет, — Кипр, там, по его словам, все было в порядке. Электричество давали без перебоев, еда была дешевая, больницы в изобилии и бесплатные для студентов, а работы — «сколько воды, столько и работы». Студент мог купить себе джип или «Мерседес» Е-класса. Да что говорить, сказал Джамике, он сейчас вернулся в Нигерию на спортивной тачке, которую подарил родителям. По пути в ресторан мой хозяин отметил, что Джамике идет какой-то торжественной походкой,

выставляя напоказ свое мощное тело, словно актер в театре, зрители которого — всё, что может его увидеть: припаркованный фургон, старый паб, дерево кешью, автомастерская, механик, работающий под грузовичком на другой стороне улицы, даже пустые небеса. Джамике говорил с уже знакомыми моему хозяину модуляциями, с некоторым самодовольством в голосе, отчего каждое сказанное им слово глубоко проникало в мозг слушателя.

Их разговор прекратился на некоторое время; мой хозяин проникался тем, что сказал ему Джамике, а тот отправлял кому-то сообщение по телефону. Он остановил взгляд на календаре с рекламой пива «Стар» на стене рядом с тем местом, где они сели, на постере с известными ему американскими борцами, чьи имена мелькали в его голове, пока он смотрел: Халк Хоган, Последний Воин, Скала, Гробовщик, Бродяги.

— Ну, так Эло сказал, ты хочешь учиться? Он сказал, у тебя кое-какие проблемы, и, может, в моих силах тебе помочь.

Мой хозяин воспарил в мыслях, словно некая чудовищная рука подбросила его вверх.

— Да, Джамике, братишка. У меня проблема.

— Расскажи мне, Бобо Соло.

Он хотел начать, но напоминание об имени, которым называла его мать, заставило его задержаться на мгновение, потому что в дальней стране ушедших в небытие лет он вдруг увидел себя в своей комнате: он смеется, она тоже смеется и хлопает в ладоши, напевая «Бобо, бобо, Соло. Бобо, бобо, Соло».

Он взял бутылку пива, отпил, чтобы успокоиться. Хотя вкус пива показался ему странным — потому что пил он редко, — он чувствовал себя обязанным пить. Когда ты принимаешь гостя, ты ешь и пьешь то же, что ест и пьет он. И тут слова полились из него, как вино из откупоренной бутылки, в которой целая смесь эмоций — страх, тревога, стыд, грусть и отчаяние. Захлебываясь словами, он рассказал Джамике все, что случилось с ним за два предыдущих дня, когда ему угрожали в его же доме.

— Вот почему я сказал Элочукву, что должен как можно скорее вернуться в школу. У меня просто нет выбора. Я очень люблю Ндали, братишка. Я ее очень, очень, очень люблю. С того дня, как она вошла в мою жизнь, я стал другим. Все изменилось, Джамике, я тебе точно говорю, все изменилось. Каждая мелочь, все целиком и полностью изменилось.

— Да, это серьезная проблема, чувак, — сказал Джамике, распрямляясь на своем стуле.

Он кивнул и отхлебнул еще пива.

— Чувак, а почему бы тебе не бросить ее? — спросил Джамике. — Не проще ли будет, вместо всех этих заморочек?

Эгбуну, мой хозяин, услышав это, погрузился в молчание. Потому что в этот миг он вспомнил совет дяди и даже отчасти совет Элочукву. Он знал, потому что слышал где-то, только забыл где, что человек может изменить свой взгляд на происходящее, если все вокруг говорят то, что противоречит его позиции. И часть его — та его часть, которая, казалось, спряталась в тени, — захотела подчиниться, согласиться с тем, что единственный выход — уйти от нее. Но другая его часть определенно противилась этому, и именно эта часть наполняла его яростью, которую он не мог сдержать. И я, его чи, я находился посредине, желая, чтобы он оставался с ней, но опасаясь последствий. И я пришел к пониманию, что, когда чи не может решить, на какой путь лучше всего вывести хозяина, ему лучше всего помолчать. Потому что в молчании чи полностью подчиняется воле хозяина. Чи позволяет ему быть самим собой. И это лучше, гораздо лучше, чем чи, кото-

рый ведет своего хозяина по пути разрушения. Потому что сожаление — яд для духа-хранителя.

Он положил руки на стол и сказал:

— Нет, не так, братишка. Я могу уйти, если захочу, но я ее очень люблю. Джамике, я готов сделать что угодно, лишь бы жениться на ней.

Гаганаогву, во времена суровых несчастий, выпавших впоследствии на долю моего хозяина, я часто оглядывался назад и думал, не из этих ли слов вылупилось все то, что случилось потом. По лицу Джамике прошла судорога, когда мой хозяин сказал это, и Джамике не смог отреагировать сразу же. Он сначала оглядел зал ресторана, кивнул, пригубил пива, наконец сказал:

— А-а, любовь! Ты не слышал песню Д'банджа — «Не допусти, чтобы я влюбился»?

— Не, не слышал, — сказал мой хозяин и быстро продолжил, чтобы Джамике не стал углубляться в обсуждение какой-то неуместной песни, тогда как ему хотелось облегчить душу. — Я ее так люблю, на все готов ради нее, — повторил он, на сей раз сдерживая эмоции, словно ему трудно было произнести эти слова. — Я хочу теперь вернуться в школу, потому что отец, перед тем как умереть, болел и я бросил школу, чтобы помочь ему с бизнесом. Вот почему я и в университет не

поступил.

— Понятно, — сказал Джамике. — Я знаю, ты бросил школу не потому, что ума не хватало. Ума тебе вполне хватало, чувак. Иначе как бы ты был вторым, третьим в классе после Чиомы Онвунели?

— Так оно, — отозвался мой хозяин, вспоминая давно ушедшие дни. Но теперь ему нужно было думать о настоящем и будущем. — У меня есть аттестат о неполном среднем. Если они не сочтут меня безграмотным, как прежде, то наверняка примут, когда я подам документы. Я в это сильно верю.

— Это очень верно, Бобо Соло, — согласился Джамике. Его глаза увлажнились, и он моргнул. — Очень верно.

— Так оно, братишка, — проговорил он. Он впервые за несколько недель почувствовал какое-то облегчение, словно решил свои проблемы, просто перечислив их. — И если ты говоришь, что на Кипре учиться можно быстро и легко, если я там получу степень за три года, то я хочу туда поехать, — с облегчением произнес он, так как ему пришло в голову: он сказал все то, что сказал, потому что ему просто хотелось поделиться с Джамике всем этим.

— Отлично, Бобо Соло! Отлично, чувак! — Джамике мгновенно поднялся и хлопнул в ладоши: — Давай пять, *нвокем*! — Потом Джамике сел, посмотрел на свою ладонь, на линии на ней, словно видел перед собой чужую руку. — Это пот?

— Так оно, — сказал он.

— Ай-ай-ай, Бобо! Ты все еще потеешь, как рождественский козел?

Он рассмеялся:

— Да, братишка Джамике. Ладони у меня все еще потеют.

— Бобо *нва*.

— Нда, — сказал он.

— Ты нашел решение, чувак! — воскликнул Джамике, грозя пальцем. — Ты его нашел. Теперь можешь идти и ложиться спать. — Он рассмеялся. — Кипр — вот решение.

Иджанго-иджанго, так оно и есть, как говорили великие *дибиа* среди отцов: что в этом мире, созданным тобой, если человек чего-то сильно захочет, если его руки не могут отказаться от владения этим, то оно в конечном счете будет принадлежать ему. В то время я, как и мой хозяин, думал, что встреча со старым приятелем, однокашником — это предложение ему со стороны вселенной того, что он хочет. Потому что позднее

в этот день, когда он возвращался домой, его слегка покачивало от выпивки, которую разделил с другом, но в своем сердце он нес полный улей меда. Он лег спать, слыша кудахтанье птиц из птичника, и начал переваривать то, что узнал за сегодня: остров в Средиземном море, прекрасный, как Древняя Греция в книгах, которые он читал в детстве. Легкость поступления в университеты. «Никакого СКДЗ! — снова и снова повторял Джамике. — Тебе требуется только ССО, только ССО». По времени все точно отвечало его планам. Он может начать в сентябре, через четыре или пять недель. Невероятность этой возможности угрожала превратить все в нереальность. Ведь как это было доступно: «Дешевле, чем в любом нигерийском частном университете, — хвастался Джамике. — Эти наши дурацкие университеты: «Мадонна», «Ковеннант» — да на Кипре какой университет ни возьми, он будет лучше, чем все они, вместе взятые». А что еще? Ему придется заплатить только за первый год обучения и за проживание в кампусе, а когда он перейдет на второй курс — а фактически даже во втором семестре, — он, подрабатывая неполный день, накопит достаточно, чтобы заплатить за следующий срок и жилье.

Даже сейчас, медленно уплывая в сон, он видел Джамике, танцующего со своими словами, исполняющего ритуальный танец, имеющий гипнотическое воздействие. Он позволил своим мыслям задержаться на привлекательном предположении Джамике, что для его отношений с Ндали будет хорошо и здоровее, если он на первые пару лет их брака уедет за границу. Джамике убедительно настаивал на том, что этим он заслужит еще большее уважение ее родителей. Потом он задумался о последних словах Джамике об этой стране, которые только укрепили его надежды: «Ты можешь легко отправиться в любую другую часть Европы. Или в Штаты. На корабле. Очень дешево. Через два часа! Турция, Испания, много-много стран. Это будет не только наилучшая возможность угодить Ндиме… — Мой хозяин поправил его. — Ой, извини, Ндали. Это еще и возможность тебе пожить хорошей жизнью. Слушай, я бы на твоем месте подготовился, ничего ей не говоря. Ты посмотри, сколько у тебя земли, какой большой дом в наследство от отца. У тебя все получится, чувак. Удиви ее!» Джамике говорил это чуть ли не со злобным выражением на лице, словно собственные слова бесили его. «Удиви ее, чувак, и ты сам увидишь. Увидишь,

что ты этим не только заслужишь ее уважение, но я тебе говорю, — Джамике облизнул большой палец и крякнул, — клянусь тебе всемогущим богом, Ндали будет любить тебя до смерти!»

Эти последние слова Джамике произнес с такой уверенностью и определенностью, что мой хозяин с облегчением рассмеялся. Рассмеялся он и еще раз, теперь, вспомнив слова Джамике, рассмеялся и встал. Он взял джинсы, которые лежали на стуле у кровати, вытащил лист бумаги, на котором Джамике делал заметки, достал ручку и блокнот из заднего кармана — блокнот сложился пополам по центру, потому что он сидел на нем. С бездумной улыбкой он вырвал листик из блокнота и сказал: «Я человек практичный, займусь-ка я практическими делами», после чего начал записывать все, что было сказано.

Плата за 2 семестра обучения = 3000
1 год проживания = 1500
Содержание = 2000

_____

6500 евро

_____

Гаганаогву, покой, сошедший на моего хозяина в ту ночь, был подобен чистым, незагрязненным

водам Омамбалы. Тысячу раз проведя взглядом по бумажке, он сложил ее, выключил свет и подошел к окну, чувствуя, как бешено колотится его сердце. Он мало что видел снаружи, хотя луна вроде бы светила ярко. Несколько мгновений казалось, что дом по другую сторону дороги охвачен огнем, а его крыша обрела багряный цвет и из нее поднимается дым. Но он быстро понял, что это свет уличного фонаря падает на дом, а дым поднимается от кухонной плиты.

9. Пересечь порог

Агбарадике, великие отцы в своей бесконечной мудрости говорят, что семена, посаженные втайне, всегда приносят самый жизнестойкий плод. И вот мой хозяин в дни, последовавшие за его встречей со старым школьным приятелем, отгородился от мира цветами радости, которые произрастали по краям его сердца. Его планы росли втайне, неизвестные Ндали, вернувшейся из недельной поездки в Лагос через три дня после его встречи с Джамике. Он спрятал под кроватью старый портфель отца, в который уложил собранные документы. Он сердцем прикипел к этому портфелю, словно в нем хранилось все, что принадлежало ему, сама его жизнь.

Рост содержимого его портфеля сопровождался другими радостными событиями. Ему не понадобилось убеждать Ндали жить у родителей. Она вернулась сама, обманутая Чукой, который сказал ей, что заболела мать. Это освободило моего хозяина от страха перед всякими неожиданностями, которыми грозил Чука (встречу с Чукой он утаил от нее, не желая накалять обстановку в ее семье), если ему не удастся убедить ее вернуться.

Когда она приехала повидаться с ним ровно две недели спустя, после того как он начал строить планы с Джамике, ее настроение полностью изменилось. Она в тот день приехала к нему из церкви, счастливая.

— Я просто поверить не могу, *обим*, — проговорила она, игриво похлопывая ладошками. Она уселась к нему на колени. — Ты можешь себе представить, что сказал папа?

— Что, мамочка?

— Я им сказала, что ты купил бланки СКДЗ, чтобы заняться учебой. И они сказали, что возвращение к учебе будет хорошим первым шагом. Он будет свидетельствовать о серьезности твоих намерений выбиться в люди.

Эгбуну, он был поражен ее словами. Ему казалось, что кто-то невидимый заглянул через его плечо в горшочек с его тайнами. Потому что, решив не говорить ей о своих планах, как это советовал сделать Джамике, чтобы она не пыталась его остановить, он сообщил ей только о том, что купил бланк. Но он знал, что слишком долго скрывать свои планы от нее не сможет. И вот, предпринимая каждый день все новые шаги в выбранном направлении, он заверял себя, что все расскажет ей. Но к концу дня отодвигал разговор с

нею, словно какую-то вещь на колесах, в будущее, говорил себе: не сегодня — завтра. Но если завтра Ндали приходила домой усталая после долгого дня в университете, он говорил себе: «Завтра она весь день проведет дома, и тогда будет проще». Но, увы, наступало завтра, и начиналось оно звонком от нее, она сообщала, например, что у ее дяди случился удар. «На выходных», — решал голос в его голове, может быть, в воскресенье после церкви. И вдруг словно в результате каких-то алхимических манипуляций оказывалось, что сегодня и есть тот самый выходной. И теперь, когда она сообщила ему нечто, затрагивавшее саму суть того, что он скрывал от нее, он решил признаться.

— Мамочка, считай, что дело уже сделано! — сказал он.

— Ты о чем, *обим*?

— Я говорю: считай, что дело сделано, — повторил он еще громче. Он заставил ее встать и сам поднялся, его слегка покачивало. — Я уже побывал в университете и вернулся.

Она рассмеялась:

— Каким образом? Духом *аби*[56] во сне?

---

[56] Примечания: 56
Или (*игбо*).

— Ты посмотри.

Он вошел в прежнюю спальню сестры, достал портфель из-под кровати. Сдул паука, который обосновался на выцветающем гербе, изображенном на кожаной поверхности, и понес портфель в гостиную. Положил его на середину стола.

— Что там? — спросила она.

— Абракадабра — сейчас увидишь.

Он взмахнул руками над портфелем, и она затряслась от смеха. Затем он открыл портфель и передал ей документы. Они лежали у него в порядке, начиная от самого дешевого, а потому, когда она начала с последнего, он сказал:

— Нет-нет, мамочка, начни отсюда.

— Отсюда?

— Да, с этого.

Он сел и стал наблюдать за тем, как она просматривает документы, его сердце отбивало нервный ритм.

Она прочла вслух заголовок на бланке.

— Уведомление о зачислении. — Переведя взгляд на моего хозяина, она сказала: — Ух ты, Нонсо, так тебя зачислили! — Она встала.

Он кивнул:

— Ты читай дальше.

Она продолжила чтение:

— Международный кипрский университет, Леф… леф-ко-за?

— Лефкоша.

— Лефкоша. Ух ты! Где это место? Как ты это получил?

— Это сюрприз, мамочка. Ты смотри, смотри дальше.

Он продолжила чтение.

— Ничего себе! Управление бизнесом? Вот это здорово!

— Спасибо.

— Я глазам своим не верю, — сказала Ндали. Она всплеснула руками, сделала пол-оборота, снова посмотрела на него, поцеловала.

— Сначала прочти, мамочка, — сказал он, отстраняясь от нее. — А потом уже мы можем поцеловаться. Читай.

— О'кей, — сказала она и посмотрела на книжицу между папками: — Твой паспорт?

Он кивнул, она пролистала паспорт, ее лицо светилось.

— Где виза?

— На следующей неделе, — ответил он.

— И куда ты поедешь — в Абуджу?

— В Абуджу.

Он увидел, как тень омрачила ее лицо, и на-

прягся.

— Ты читай до конца, мамочка, пожалуйста.

— О'кей, — сказала она. — Гарантия предоставления жилья, — сказала она и посмотрела на него: — Так у тебя уже и жилье есть?

— Да. Так оно. Читай, увидишь, мамочка.

Но она уронила документы на стол.

— Нонсо, значит, ты собираешься уехать из Нигерии и вот теперь сообщаешь мне об этом?

— Я хотел сделать тебе сюрприз. Послушай, мамочка, после твоего отъезда в Лагос сюда приезжал твой брат. Нет-нет, выслушай сначала. Он приехал с громилами, чтобы меня покрепче напугать. У меня просто нет выбора. Я должен что-то делать. Послушай, пожалуйста, сначала. Слушай, мне повезло встретить одноклассника, который учится в этой прекрасной стране — Кипре. И он мне все рассказал. Как там все дешево, плата за обучение, легко найти работу. Степень я смогу получить за три года, если буду слушать курсы летом. Вот почему я сделал это.

— И кто этот твой знакомый?

— Его имя? Джамике Нваорджи. Он недавно улетел обратно на Кипр — всего четыре дня назад. Мы вместе учились в начальной школе, а потом еще в средней.

Она снова взяла документы, как он и надеялся, просмотрела учебные планы, потом вернулась к надписям на более мягкой бумаге.

— Постой, нет, я все же не понимаю.

— Да, мамочка.

— Ты уезжаешь из Нигерии, но ты говорил, что хочешь жениться на мне?

— Не так оно, мамочка.

Он открыл рот, чтобы сказать еще что-то, но не находил слов, потому что уверенность, которую он так мучительно конструировал за прошедшие дни и недели, уверенность, происходящая из результатов взвешивания всего на весах и сделанного им вывода, что ради нее он готов отдать все, внезапно сдулась. Чтобы вернуть себе уверенность, он подошел к Ндали и сел на подлокотник дивана.

— Как же это «не так оно»? Это же университет за границей.

Он взял ее руку:

— Я знаю, что за границей, но это лучший выход. Представь, через два с половиной года у меня будет настоящая, подлинная степень. Представляешь, мамочка? К тому же ты сможешь ко мне приезжать. Ты заканчиваешь в июне следующего года, а я к тому времени уже перейду на второй

курс. Ты сможешь приехать и жить со мной.

— Господи Иисусе! Нонсо, ты говоришь… — Она обхватила руками голову. — Забудь об этом, забудь.

— Нет, мамочка, нет. Почему ты не хочешь мне сказать? Почему?

— Забудь об этом.

— Послушай, *нне*, я делаю это ради тебя, только ради тебя. Откровенно говоря, я никогда не хотел возвращаться к учебе, но другого способа быть с тобой у меня нет. Нет другого способа, мамочка.

Он положил руку ей на плечо и слегка притянул к себе.

— Ты же знаешь, я тебя люблю. Я тебя очень люблю, но ты посмотри, что они со мной делают. Как меня унижают. Они меня сильно унижают, мамочка. И кто знает, может, это только начало. Только начало, и ты не знаешь, и я не знаю. Я еду, мамочка…

Громкое чрезмерное кудахтанье они слышали весь вечер, но теперь оно стало для него слишком невыносимым. Он вышел на кухню, взял рогатку и камень с подоконника, выбежал во двор. Все его куры были в своих курятниках, а когда он подошел к одному из них, к сетке с пронзительным криком подпрыгнул красноватый петушок,

тот, у которого были сильно зубчатый гребень и пышные бородки. Этот петушок с первого дня появления у моего хозяина демонстрировал необычную агрессивность. Мой хозяин открыл дверку курятника и попытался схватить его. Но петух прыгнул на стенку, попытался найти, за что бы ему зацепиться, но не смог. Мой хозяин споткнулся и упал руками на пол, а петушок вспрыгнул и выскочил из курятника вместе с двумя другими из стайки в шесть петухов, включая и задиристый молодняк. Мой хозяин бросился следом, а петух запрыгнул на скамейку под гуавой и, когда мой хозяин попытался его схватить, перепрыгнул на бочку с водой и агрессивно закукарекал. Мой хозяин был в ярости. Он обошел колодец, а потом резким движением схватил петуха.

Он привязывал птицу к дереву конопляной бечевкой, когда во двор вышла Ндали. Ее тень в низком вечернем солнце появилась на стене, тень такая длинная, что вся она не уместилась на стене.

— Нонсо. — Ее голос испугал его.

— Да, мамочка.

— Что ты сделал?

— Ничего, — сказал он.

Он повернулся и обнял ее, сердце в его груди все еще колотилось, но, прижавшись к ней, он почувствовал, что ее сердце колотится гораздо сильнее.

Агбатта-Алумалу, иногда человек не может в полной мере понять, что он сделал, пока не расскажет об этом другому человеку. И тогда его собственные действия становятся понятными ему самому. Я видел это много раз. Хотя мой хозяин последние полчаса провел, объясняя разумность продажи земли и птичника, закончив говорить, он начал видеть изъяны в принятом им решении. И опять, Чукву, ты установил, что главная функция духов-хранителей состоит в том, чтобы наблюдать за нашими хозяевами, делать так, чтобы катастрофы, которые можно предотвратить, не случались с ними и они могли бы полнее исполнить свою судьбу, то, ради чего ты их и создал. Мы никогда не должны побуждать наших хозяев поступать против их воли. И потому, хотя меня и беспокоило его решение продать бóльшую часть его собственности, я позволял ему поступать так, как он хочет, не вмешивался. Я делал так еще и потому, что считал: человек, который пришел помочь ему, был следствием дара счастливой судьбы, полученной моим хозяином

вместе с косточкой из сада Чиокике.

Но теперь, когда он услышал ахи-охи Ндали и увидел испуг на ее лице, он стал опасаться, что принял ошибочное решение. Холодок закрался в его сердце, которое в последние недели грелось теплом радости, порожденным надеждой. Когда он закончил рассказывать обо всем, что делал втайне от нее, Ндали сказала:

— У меня нет слов, Нонсо. Я потеряла дар речи.

Она отправилась в его прежнюю комнату и закрыла дверь, а он остался в гостиной разглядывать документы. Он снова перечитал соглашение о продаже земли и ощутил страх. Когда его отец купил этот дом, ему и девяти лет не было, а его мать носила ребенка. Отец сказал, что им нужен дом побольше, потому что будут еще дети. Мой хозяин забыл этот эпизод из прошлого, который теперь показался ему таким ярким, будто отец сказал эти слова только вчера. Мать держала его за руку, он остановился в пустой комнате, а отец с продавцом пошли по дому. Он тогда вырвался от матери и побежал во двор, остановился под гуавой, зачарованный видом дерева. Он начал забираться на него, но мать, хотя и беременная, прибежала и потребовала, чтобы он спустился. Он услышал ее голос с пугающей четкостью,

словно она стояла в комнате у него за спиной. «Нет, Бобо, нет. Слезай, мне не нравятся люди, которые лазают по деревьям». «Почему?» — спросил он, поворачиваясь к матери спиной, как делал всегда, когда не хотел ее слушаться. «Ни-почему», — сказала она, и он услышал, как она вздохнула — она стала вот так тяжело дышать, когда у нее вырос живот. Потом с покорностью, которую он начал воспринимать как знак окончательного решения, она сказала: «Если ты не слезешь, я тебя перестану любить».

Он вспоминал это, когда появилась Ндали и сказала:

— Нонсо, пойдем в «Искусители», я есть хочу. — В первый момент он не смог различить голоса двух женщин, но Ндали сделала еще шаг в комнату и топнула ногой: — Нонсо, я с тобой говорю!

— Да, мамочка, да-да, идем.

Они шли медленно, и между ними висело молчание, словно какая-то сила, неподвластная воле человека, запретила произносить слова. Их путь лежал по узкой улице между заборами, серыми и покрытыми плесенью, между сточных канав, забитых отходами. По другую сторону дороги, покрытой выбоинами, в комнатах недостроенной многоэтажки, опутанной деревянными лесами,

сидели птицы. Он смотрел на птиц, когда голосом едва ли громче шепота Ндали сказала, что если бы знала, чем все это кончится, то ушла бы от него еще раньше.

— Почему ты это говоришь, мамочка?

— Потому что я не стою этой жертвы. Все это… это уж слишком.

Он молчал, пока они не вошли в ресторан, потому что ее слова растревожили его. В ресторане стоял гул голосов — здесь уже сидели группа мужчин в рубашках из простой ткани, несколько офисных работников и две женщины, из громкоговорителя тихо звучала музыка. Ему хотелось страстно возразить на ее слова, сказать, что она стоит того. Но он промолчал. И хотя теперь жалел о содеянном и соглашался, что действовал поспешно, он понимал: теперь уже зашел слишком далеко и не может повернуть. Он продал землю, доставшуюся ему в наследство от отца, два семестра обучения были теперь оплачены, как и год проживания. И у Джамике, который уже вернулся на Кипр, было еще две тысячи евро, мой хозяин отдал школьному другу эти деньги, чтобы тот открыл для него счет для оплаты «содержания», и моему хозяину не нужно было тащить много денег в кармане. В портфеле у него лежали

еще шесть тысяч евро — бóльшая часть выручки от продажи компаунда. Остаться должны были только сорок две тысячи найра, которые лежали на его счете в банке, в дополнение к тем деньгам, которые он выручит за продажу птицы.

Когда они сели за столик в углу, она повторила недавно сказанные слова.

— Почему ты говоришь это? — спросил он.

— Потому что ты уничтожил себя ради меня, Нонсо! — произнесла она, и в ее голосе моему хозяину послышалась злость. Сказав это, она оглядела зал, так как вроде бы поняла, что не смогла сдержать эмоции и чуть не прокричала эти слова, а потому теперь прошептала: — Ты себя уничтожил, Нонсо.

Чукву, это неожиданное заявление прозвучало для моего хозяина как гром среди ясного неба. Ему показалось, будто что-то раскололо ландшафт его души, расщепило его надвое. С трудом сохраняя спокойствие, он сказал:

— Я не уничтожил себя, я не уничтожил себя.

— Уничтожил, — возразила она. — *И гбу о ле онве ги*[57].

Пораженный ее переходом на игбо, он не мог

---

[57] Примечания: 57
Ты посмотри на себя (*игбо*).

произнести ни слова.

— Как ты можешь продать все, Нонсо?

— Я сделал это, потому что не хочу, чтобы они нас разделили.

— Да, но ты продал все, что у тебя есть, Нонсо, — снова сказала она и посмотрела на него, и он увидел, что она снова плачет. — Ради меня, ради меня, зачем, Нонсо?

Он с трудом проглотил слюну: только теперь подлинная суть содеянного, выраженная словами, предстала перед ним во всей своей мрачной, сокрушительной чудовищности.

— Нет, я все это верну… — сказал он, но увидел, как она отрицательно покачивает головой, а ее глаза наполняются влагой. Он замолчал. Огляделся из опасения, что люди вокруг увидят ее слезы. — Я продал ферму, чтобы учиться, и учиться за границей, где я смогу окончить университет. Я верну себе все это в десятикратном размере. Я устроюсь здесь на работу…

Принесли еду: джолоф[58] для него, а для нее жареный рис и мясной пирог. И во время этого затишья я осенил его мыслью о том, что он должен успокоить ее более сильными словами. Я

---

[58] Примечания: 58
Популярное в Западной Африке блюдо из риса.

напомнил ему обо всем, о чем он думал, прежде чем прийти к такому решению. Я напомнил ему о человеке, который продал свою землю, чтобы послать сына учиться. Я напомнил ему, Эзеува, о мысли, которая присутствовала в его расчетах: когда он вернется со степенью и женится на ней, он сможет воспользоваться влиянием ее отца, чтобы купить новую птицу и построить новый курятник. А дом? Да чего он сто́ит, этот дом? Он не принимал во внимание большие размеры дома, а учитывал лишь только то, что Амаузунку — один из худших районов в Умуахии. Он не мог дождаться, когда уйдет официант, и, когда тот наконец ушел, сказал:

— Я буду платить и за свою жизнь. И за женщину, которую люблю. Если у меня будет степень, я получу хорошую работу, я смогу купить дом в десять раз лучше, мамочка. Ты посмотри на эту грязную улицу. Может быть, мы переедем в место получше, а то и в Энугу. Это лучше, мамочка. Это вправду лучше. Это лучше, чем если бы я позволил им разделить нас.

Она больше ничего не сказала. Она поела немного, вытирая слезы, которые не переставали течь из ее глаз. Ее печаль обеспокоила его, он никак не думал, что она так эмоционально

прореагирует на его решение. Когда они возвращались домой, он держал ее за руку, но, когда они подошли к дому, она высвободила руку.

— У тебя рука опять потеет, — сказала она.

Он отер ладони о брюки, сплюнул в сточную канаву вдоль обочины.

Она пошла дальше одна, на расстоянии от него. Он смотрел, как она идет, как с каждым пружинистым шагом покачиваются ее ягодицы, обтянутые облегающей юбкой, когда вдруг какой-то человек на мотоцикле остановился, окликнул ее:

– *Аса-нва*[59], как поживаешь?

Она зашипела на него, и человек, рассмеявшись, рванул с места под рев двигателя. Мой хозяин с расколотым сердцем поспешил к ней. Она повернулась и взглянула на него, но не сказала ни слова. Он посмотрел вслед исчезающему мотоциклисту, на пустую улицу, и ему показалось, что сам мир вдруг опустел. И он подумал, что это, вероятно, и есть то, чего он боялся больше всего: если он уедет, ее будут домогаться другие мужчины. И тут он пожалел, что эта мысль не пришла ему в голову несколько дней назад, когда он еще не продал дом.

---

[59] Примечания: 59
Красавица (*игбо*).

Они вернулись тем вечером домой, он уже хотел было ее раздеть, но она сунула камеру ему в руку, разделась сама догола и попросила сфотографировать ее. Его рука дрожала, когда он делал первый снимок, распечатка которого тут же появилась из верхней части камеры. Полное изображение ее тела, ее налитые груди, смотрящие в камеру, твердые, крепкие соски. Эти фотографии для него, сказала она. «Чтобы каждый раз, когда тебе захочется заняться этим, ты мог бы посмотреть на фотографии». Потом, когда он лежал рядом с ней в кровати, он думал, не сделала ли она это из-за того мотоциклиста, который ее окликнул. И странный страх обуял его и не отпускал всю ночь.

Чукву, старые отцы говорят, что бог, который создал зуд, также дал человеку и палец, чтобы чесаться. Хотя радость моего хозяина дала течь, реагируя на грусть Ндали, но, когда они тем вечером вернулись домой и она захотела заняться с ним любовью, он почувствовал себя лучше. Она сказала ему, что тоскует главным образом потому, что ей будет не хватать его, а он ее заверил, что будет часто возвращаться, пока она не сможет присоединиться к нему. Он сказал, что степень получит очень скоро и тогда будет

готов. И говорил он все это с таким неистовством, потому что боялся оставлять ее одну на столь долгое время, доступную похотливым взглядам других мужчин. До времени его отъезда в Абуджу на следующей неделе его слова действовали, и она больше не погружалась в печаль. Она отвезла его на автобусную станцию и вернулась к родителям.

В ночь перед его поездкой в Абуджу за визой шел сильный дождь, а к утру из-за грозы перекрыли главную дорогу. В середине дороги образовалась громадная яма, в которой могло утонуть что угодно, размером хоть с люксовый автобус компании «Абиа лайн». Водителю пришлось ехать объездным путем, и в Абуджу они приехали чуть ли не к полуночи. На такси мой хозяин добрался до дешевого отеля близ Кубвы — ему этот отель тоже рекомендовал Джамике. Джамике в отеле знали и называли его Турок.

— Он хороший человек, приятный малый, — сказал моему хозяину кассир, изо рта у него пахло блевотиной.

Мой хозяин настолько проникся словами этого человека, что, неся сумку в свой номер, подумал, а ведь он пока никак не отблагодарил Джамике за его доброту. Только покупал ему пиво четыре

раза, когда они бегали в интернет-кафе, иммиграционный офис, в высокий суд для заверения аффидевита вместо свидетельства о рождения, искали покупателя на дом.

Это его обеспокоило. Он безмолвно ругал себя за такую небрежность, которую можно было истолковать как неблагодарность, а потому решил немедленно позвонить Джамике. Он вставил в телефон сим-карту, купленную у уличного продавца в киоске перед отелем, набрал номер. Джамике не отвечал, потом какой-то голос заговорил на иностранном языке, за этим последовал английский перевод. Мой хозяин рассмеялся, услышав эти слова и то, как они были сказаны. Потом попробовал еще раз, и теперь Джамике ответил:

— Что за идиот телефонит тут по ночам?

Его словно палкой ударили по спине. Он хотел было ничего не говорить, чтобы Джамике никогда не узнал, кто звонил и кто настолько глуп, что не подумал о разных часовых поясах, но он слишком смутился и не контролировал себя так, как ему хотелось бы.

— Эй, я же спрашиваю, кто там?

— Извини, братишка, — сказал он, — это я.

— Ааа, Бобо Соло!

— Да, я. Извини…

— Нет-нет-нет, чувак. Извинять нет чего. Я только пришел. Был…

Голос Джамике исчез за стеной неразборчивых звуков, потом появился снова с нестройным эхом слов на игбо, потом — снова стена.

— Джами, ты меня слышишь? Алло? — сказал он.

— Да, Бобо Соло. А ты меня?

Разговор прервался предупреждением о скором отсоединении. Когда предупреждение закончилось, зазвучал голос Джамике:

— Вот почему я тебе никогда не звоню. Так ты визу получил, Соло?

— Я сейчас в Абудже. Только сегодня.

— Молоток! Бобо Соло — чувак что надо!

— Тут…

Снова пропал звук, и телефон отключился. Мой хозяин положил его на единственный столик в номере, на котором стоял телевизор, лежали Библия, ламинированная карточка, на одной стороне которой перечислялись телевизионные каналы, а на другой — приводилось меню ресторана при отеле. В углу комнаты, у задернутой шторы, за стену цеплялся маленький таракан, закинувший назад усы. Когда мой хозяин раз-

делся, зазвонил телефон. Он посмотрел на экран — звонила Ндали.

— Хотела узнать, как добрался, — сказала она.

— Нормально добрался, *обим*. Но дорога была очень плохая. Очень.

— Вини в этом Орджи Калу, твоего губернатора.

— Он сумасшедший.

Она рассмеялась, и в этот момент он услышал на заднем фоне петушиный крик.

— Ты где?

— В твоем доме.

Он помедлил немного, потом спросил:

— Почему, мамочка? Что ты там делаешь? Я же сказал: покормишь их — и иди домой.

— Нонсо, я не могу оставить их тут одних. Потому что ты путешествуешь. Кто я, ойибо или игбо?

Ее слова больно резанули его по сердцу.

— Я люблю тебя, мамочка, — сказал он. Слова в его голове сливались в единый поток, но он молчал, захваченный врасплох тем, что она сделала. — Ты их кормишь одна?

— Да, — сказала она. — И я собрала яйца.

— Сколько?

— Семь.

— Мамочка, — сказал он, а когда она ответила «Да?», замолчал. Он не понял, почему слезы вдруг подступили к его глазам. — Если ты не хочешь, чтобы я вообще уезжал из дома, я вернусь завтра. Я верну деньги за дом и не буду его продавать. Я попрошу Джамике вернуть мне деньги за обучение. Все, мамочка. В конечном счете, я ведь еще не начал учиться, ты понимаешь?

Слова полились из него с такой скоростью, что он с удивлением подумал: неужели он все это сейчас сказал? Ведь даже пока он говорил, странное умолчание составляло часть его речи. И, закончив говорить, он знал, что сказал все это только ради нее, не имея в виду делать то, о чем говорил. Он ждал ее ответа, и мысли в его голове стали вдруг легкими, как перо цыпленка.

— Я не знаю, что тебе сказать, *обим*, — ответила она после короткой паузы. — Ты хороший человек, очень хороший. Я тебя тоже люблю. Я поддерживаю твое решение… потому что Господь дал мне хорошего человека. — Он услышал ее глубокий вздох: — Езжай.

— Ехать, мамочка? Если ты скажешь «нет», клянусь богом, который меня сотворил, я никуда не поеду.

— Езжай.

— Хорошо, мамочка.

— Ты знаешь, что племенная курочка снова снесла розовое яичко? — сказала она.

— О, Обиагели?

— Да. Я сделала яичницу. Очень вкусно.

Они рассмеялись, а потом, когда разговор закончился и прошло некоторое время, он пожалел о своем решении уехать. Остаток этого дня, та радость, что прежде заполняла сердце моего хозяина, скрылась от него за полупрозрачной пеленой сожаления. Я, его чи, чувствовал, что он принял хорошее решение, и я был убежден, что эта его жертва не уничтожит, а еще больше укрепит любовь Ндали к нему. Чукву, если бы я только мог предвидеть будущее, такая глупая мысль не пришла бы ко мне!

К сумеркам следующего дня, когда он попал в посольство, радость вернулась и так переполнила его сердце, что по пути назад в отель он плакал, глядя на визу в паспорте и билет на рейс «Турецких авиалиний», который он купил там, где ему посоветовал Джамике. Когда он вернулся в отель, ему казалось, что с ним произошло нечто божественное. Его отец перед смертью как-то сказал ему: он уверен, его жена, мать моего хозяина, присматривает за своими детьми. Он вспомнил

теперь, что отец произнес эти слова, после того как мой хозяин чудом не попал в страшную аварию. Однажды, четыре года назад, он уже сел в автобус до Абы, чтобы съездить к дядюшке, но в последнюю минуту вышел. Автобус собирался тронуться, когда появился пассажир с мясом лесной дичи в джутовом мешке. Мой хозяин сказал, что не сможет выносить этот запах так долго. Он вышел из этого автобуса и сел в другой. Он увидел тот автобус, из которого вышел, в вечерних новостях, помятый так, что и не узнать. Только двое из всех девяти пассажиров выжили. Нечто ему неизвестное, нечто такое, что даже я не мог разглядеть, привело человека с мясом в автобус и заставило моего хозяина выйти, и тем самым он избежал преждевременной смерти. Теперь он решил: то же самое нечто свело его с Джамике — рука какого-то доброжелательного бога помогла ему в трудное время. Как я уже говорил, я, его чи, считал это следствием его дара везения, который он получил в саду Чиокике.

Путь назад в отель был долгим, улицы в нескольких местах стояли в пробках. Он закрыл глаза, воображая будущее. Вот они с Ндали вместе в прекрасном доме в другой стране. С большим усилием представил он себе их ребенка с боль-

шим футбольным мячом в руках. Какими бы неоформленными и неотчетливыми ни были эти его фантазии, они ласкали его душу. Долгое время он был потерянным человеком, обитал на обочине жизни, но теперь он обрел щедрую надежду, из которой могло вырасти все что угодно. Из отеля он позвонил Ндали, но она не ответила. Он лег в ожидании ее ответного звонка и задремал.

Ониекеруува, когда он с визой вернулся в Умуахию, его отъезд обрел черты определенности, как тревоги и страхи, им порожденные. Последняя неделя перед отъездом пронеслась со скоростью леопарда, преследующего жертву. Вечером перед его отъездом в Лагос, где он должен был сесть на самолет, он изо всех сил старался утешить Ндали. Потому что ее грусть в эти последние дни выросла, словно колоказия в сезон дождей, до таких размеров, что ему оставалось только удивляться. К этому времени они уже загрузили в фургон последние вещи, которые он не смог продать. Большинство из них принадлежало когда-то его родителям. Элочукву, который присоединился к ним, взял себе красный аккумуляторный фонарь «Бинатон». Мой хозяин отдал ему эту вещь, не требуя денег. Ндали ничего не взяла себе. Она возражала против того, что он продает свои

вещи. Поскольку он перегонял фургон в гараж дядюшки в Абе, она спрашивала, почему и вещи не оставить у дядюшки. И теперь, когда они начали собирать в фургон вещи из последней комнаты, она совсем сломалась.

— Ей тяжело, — сказал Элочукву. — Ты должен это понять. Поэтому она себя так и чувствует.

— Я понимаю, — ответил мой хозяин. — Но я отправляюсь не в Элуигве. Я не покидаю этот мир.

Он прижал ее к себе и поцеловал.

— Я этого и не говорю, — рыдая, сказала она. — Я не о том. Я видела всякие сны в последние дни. Плохие сны. Ты продал все из-за меня и моей семьи.

— Так ты опять не хочешь, чтобы я ехал, мамочка?

— Нет-нет, — ответила она. — Я же сказала — езжай.

— Ну, видишь? — Элочукву всплеснул руками.

— Я скоро вернусь, и мы снова будем вместе, мамочка.

Она только кивнула и вымучила улыбку.

— Вот оно! — воскликнул Элочукву, указуя на ее лицо. — Теперь она счастлива.

Мой хозяин рассмеялся, потом обнял ее и прижался губами к ее губам.

В такие моменты, Эгбуну, когда человек собирается оставить своего спутника на длительный период, они оба все делают в спешке и с удвоенным неистовством. Разум переваривает происходящее и складывает его в отдельный сосуд, чтобы запомнить навсегда. Вот почему мой хозяин всегда, снова и снова будет вспоминать, как она держала голову и говорила ему в лицо, когда они закончили сборы.

Оторвавшись от нее, он со слезами побежал в дом. Там остались одни голые стены. Несколько мгновений он почти не узнавал комнаты. Даже двор перестал быть похожим на прежний. Красноголовая ящерица замерла там, где всего пять дней назад обитали его птицы, к ее лапе прилипло смятое перо. Когда они только начали грузить вещи в фургон, он понял, что жизнь человека в некотором роде может измеряться принадлежащими ему вещами. И он остановился, чтобы подвести итог. Он видел перед собой большой компаунд, существующий уже много лет, имеющий свою историю, постройки, включая его курятник, и все это до сего дня принадлежало ему. Принадлежала ему и небольшая ферма со всеми ее урожаями и плодами. А также вся мебель в доме, старые фотографии — черно-белые

дагерротипы. Все виниловые альбомы, купленные еще его отцом, почти целиком заполнившие джутовый мешок, старый радиоприемник, чемоданы, воздушные змеи — много всего. Он унаследовал даже такую странную вещь, как ржавую дверь от первой машины его отца (той, которая разбилась у Оджи-ривер) 1978 года. Еще были отцовское охотничье ружье, из которого отец застрелил гусыню, мать того гусенка, две керосиновые плитки, холодильник, маленькая полка у обеденного стола, большой оксфордский словарь на табурете у отцовской кровати, барабан икоро, висевший на стене в спальне отца, отцовский отделанный металлом портфель, в котором лежала растерявшая большинство пуговиц биафрская армейская форма с пятнами крови, с многочисленными швами, кривые ножи, отцовская коробка с инструментом, оставшаяся одежда сестры, все еще хранившаяся в шкафу, десятки фарфоровых изделий, деревянные ложки, кухонные пестик и ступка, пластиковые кувшины для воды, старые банки из-под кофе, наполненные пауками и их яйцами, и даже фургон, на котором было написано название фермы и который много лет оставался единственной машиной отца. Он владел участком земли, на котором вырос. Но

ему принадлежали и вещи, не имеющие цены: душевая лейка из листьев гуавы, в сотне мест пропускавших воду во время дождя, воспоминание о воре, который как-то раз перебрался через забор на компаунд, спасаясь от рассерженной толпы, грозившей его линчевать, страх беспорядков, мечты, которые передал ему отец, многочисленные рождественские праздники, воспоминания о множестве поездок по стране, онемевшая надежда, которая не заговорит, ярость, которая не даст себе воли, ход времени, радость жизни, скорбь смерти — все это много лет принадлежало ему.

Он огляделся вокруг, посмотрел на ограду, на гуаву, на все, и ему пришло в голову, что эта земля была его неотъемлемой частью. С этого момента он будет жить в настоящем, но и эта часть останется с ним — так животное тащит за собой свой хвост. Именно эта мысль надломила его сильнее всего и заставила разрыдаться, когда Элочукву, который должен был передать ключи от дома новому хозяину, запер дверь.

Гаганаогву, мой хозяин плакал еще и потому, что человеческий ребенок рождается, не зная, кем он был когда-то в прошлой жизни. Он рождается — вернее, рождается заново — таким же бессодержательным, как поверхность моря. Но по

мере роста он обретает воспоминания. Человек живет благодаря накоплению того, что он узнал. Вот почему, когда он пребывает в одиночестве, когда все остальное отшелушилось от него, человек погружается в мир внутри себя. Когда он пребывает в одиночестве, все это складывается и соединяется в нечто целое. Истинное состояние человека — то состояние, в котором он пребывает, когда один. Так как, когда он один, некая часть всего того, что составляет его существо — глубинные эмоции и глубинные мотивы его сердца, — из пучин его «я» поднимается на поверхность. Вот почему когда человек один, на его лице появляется выражение, не похожее вообще ни на что. Никто другой не увидит и не узнает этого лица. Потому что, когда к нему подойдет кто-нибудь другой, это лицо исчезнет, втянется в себя, как щупалец, а вместо него появится другое, с новым выражением, отвечающим новому лицу. И вот почему, когда мой хозяин в одиночестве во время ночного пути в Лагос погрузился в воспоминания, лицо у него при этом было таким, какое никто никогда не увидит.

Хотя его всю ночь и беспокоил запах человека, сидевшего справа, он много раз засыпал, и его голова прислонялась к одному из стоявших на

полу мешков, доходивших до спинки сиденья. Ему снились яркие сны. В одном из них он и Ндали шли по проходу в церкви. Повсюду горел свет, даже над изображениями святых, Джизоса Крайста и Мадонны на стене за алтарем. Это была церковь Ндали, о которой она часто ему рассказывала. Священник, отец Самсон, стоит со сцепленными руками, с них свисают четки. У небольшой комнатки священника звучат низко-басовые барабаны, по которым барабанит церковный служка с глубоким шрамом на голове. Мой хозяин, улыбаясь и пританцовывая, видит, как семья Ндали выходит вперед. Ее мать в элегантном платье. И ее отец, и Чука, чья борода стала еще длиннее, ее очертания четко виднеются на фоне яркой, светлой кожи. Отец и сын тоже улыбаются, на обоих костюмы. И теперь он смотрит на себя с восторгом: на нем такой же костюм, как и на них! На всех троих. И такой же на Элочукве. Но вот еще один человек: кто это, с жирными щеками, круглой головой, стрижкой в виде острова — вокруг голая кожа, а волосы над ней торчат конусом? Джамике, это же Джамике, человек, который помог ему. На нем тоже такой же синий костюм и черный галстук. Он танцует, замыкая процессию, идет за моим хозяином,

потея под ритм свадебной песни.

Мою жену даровал мне Бог,
Моего мужа даровал мне Бог,
То, что дал мне Бог,
Продлится до конца времен.

Он проснулся, увидел, что автобус едет по шоссе, которое сейчас проходит через лес. Кроме света фар их автобуса и легковушек, грузовиков, фур, проносящихся мимо, другого освещения не было. Он выпрямился на сиденье и подумал о предыдущем вечере, вечере, который нелегко дался Ндали, тьма которого постепенного сгущалась, как дождевая вода, медленно капающая в бутылку. Он видел, как она переживала весь день, изо всех сил пыталась держать в себе свою печаль, а он ей все время говорил, чтобы она не плакала. Но когда наступила ночь, она, хотя и заболела, и начала потеть, как при малярии, попросила его сделать это, потому что больше такой возможности у них не будет. И тогда он медленно стащил с нее трусики, слыша барабанный бой собственного сердца. И вот она снова лежала голая, готовая принять его, с закрытыми глазами, с улыбкой предчувствия и с капельками слез на веках. Он расстегнул свои шорты. А потом

он медленно — нежно держа ее руку, ощущая ее руки на своей шее — любил ее, и она крепко держала его все это время, так крепко, что фонтан его семени ушел в нее, а потом вытек наружу, окропил его ноги.

Когда он снова уснул, я выплыл из него, как делал всегда во время его сна. Но я увидел, что автобус переполнен духами-хранителями и всякими скитающимися существами, и гул стоит невыносимый. Один из них, призрак, *акалиоголи*, который явился в таком прозрачном тумане, что походил на малое пятно на материи ночи, остановился рядом с молодой женщиной, она спала на переднем сиденье, положив голову на плечо человека рядом с ней. Призрак встал перед ней и сказал, рыдая: «Не выходи за Околи, пожалуйста, не выходи за него. Он злой, он меня убил. Он лжет. Не выходи, не выходи, Нгози, или мой призрак никогда не найдет себе покоя. Нгози, пожалуйста, не выходи». Произнеся эти слова, он возопил во всю мочь душераздирающим похоронным голосом. Потом он стал повторять свою мольбу снова и снова. Некоторое время я наблюдал за этим существом, и мне подумалось, что он делает это уже довольно давно, возможно, много лун. Мне стало грустно за него — *оньеува*,

оставленный своим телом и духом-хранителем, он не в состоянии подняться в Аландиичие, не в состоянии реинкарнироваться. Это ужасно!

Остальную часть пути мой хозяин проспал, а проснулся оттого, что автобус ехал по парку Оджота и жуткие, огромные выбоины на дороге внезапно стали кошмаром среди белого дня. Шел небольшой дождь, и уличные торговцы — продававшие хлеб, апельсины, наручные часы, воду — укрылись под навесом из цинковых листов на металлических опорах, на щите красной краской было написано название парка. Некоторые женщины надели на головы черные полиэтиленовые пакеты. Продавец бутилированной воды бросил вызов дождю и, прищурившись, подбежал к остановившемуся автобусу. Мой хозяин быстро вышел — он давно не полоскал рот, и его это беспокоило. Он не забыл: Ндали сказала ему, чтобы он прополоскал рот в аэропорту перед рейсом. А иначе он прилетит на Кипр с дурным запахом во рту.

Он не успел вытащить две большие дорожные сумки из автобуса, как двое мужчин, таксисты, бросились забирать их у него. Он позволил это сделать первому, невысокому костлявому человеку с глазами навыкате. Мужчина извлек сумку

с потрясшей моего хозяина быстротой и уже был на выходе с автобусной стоянки, а мой хозяин еще даже толком понять не успел, что тот делает. Он поспешил за таксистом, прижимая к животу обеими руками свою вторую сумку. Накрапывал дождь, а он следовал за мужчиной в плотном потоке машин, протискивался между гудящими малолитражками и автобусами в наполненном шумами воздухе. Вдалеке высился мост, а за ним лежало водное пространство. Повсюду, казалось, были птицы, много птиц. Мужчина подошел к недостроенному зданию из дырявых кирпичей, на крыльце которого сидели несколько человек. Мужчина остановился перед одним из двух сильно потрепанных такси. Сзади у машины была большая вмятина, одно из боковых зеркал отсутствовало, от него осталась только половина пластмассового держателя. Таксист швырнул сумку моего хозяина в пыльный багажник, взял вторую сумку у него из рук, сунул туда же поверх запаски. Потом, захлопнув крышку багажника, движением руки пригласил моего хозяина садиться. «Аэропорт!» — услышал он голос водителя, обращенный к одному из людей на крыльце. После чего и сам водитель сел в машину.

Вторая
Второе заклинание

Дикенагха, Эквуеме —

Пожалуйста, прими мое второе заклинание на языке Элуигве как подношение…

Прими его как равное *нгоборугу-оджи*, четырехдольчатому орешку колы…

Я должен воздать тебе хвалу за ту привилегию, которую ты даешь нам, духам-хранителям человечества, стоять в сиятельном суде Бечукву и свидетельствовать в защиту наших хозяев…

Отцы говорят, что ребенок, который чисто моет руки, ест со старшими…

Эгбуну, руки моего хозяина чисты, разреши ему есть со старшими…

Эзеува, позволь орлу сесть на ветку, позволь ястребу сесть на ветку, а кто говорит, что другой не должен садиться, и да сломаются его крылья!..

И вот, когда мой хозяин покидает землю предков, его история изменяется, так как то, что случается на берегу реки, никогда не подобно тому, что происходит в комнате…

Горящее полено, переданное в руки ребенка

матерью, никогда не обожжет его…

Если дерево вдруг захочет жениться на женщине, оно должно сначала отрастить мошонку…

Змея должна родить что-нибудь такое же длинное, как она сама…

Пусть твои уши остаются на земле и слышат мое свидетельство в защиту моего хозяина, мою просьбу к тебе не допустить, чтобы Ала наказывала его…

Гаганаогву, если и в самом деле верно то, что, как говорят мне мои опасения, случилось, то путь оно считается преступлением ошибки, заслуживающим снисхождения…

Пусть мой отчет убедит вас в том, что у моего хозяина не было злого умысла по отношению к той женщине, которой он причинил вред…

Эгбуну, сейчас ночь на земле людей, и мой хозяин спит, лишний раз тем самым доказывая, что это — если оно и в самом деле случилось — есть преступление невиновности…

Потому что никто не ловит рыбу в пересохшем озере и не купается в огне…

И теперь, Агуджиегбе, я бесстрашно приступаю к моему отчету!

10. Ощипанная птица

Окаааоме, до меня доходят голоса давно умерших и пребывающих в Аландиичие отцов, которые не могут понять, почему их дети отказались от их образа жизни. Я видел, как они скорбят о нынешнем состоянии вещей. Я слышал *ндиичие-нне*, великих матерей, которые сетуют по поводу того, что их дочери не носят более свои тела так, как это делали их матери. Великие, царственные матери спрашивают, почему *ули* — а матери носили их на своих телах с гордостью — теперь не носит почти никто из их дочерей. Почему *нзу*, этого чистого мела земли, больше не увидеть на них? Почему каури[60] расцветают и хоронят себя в водах Осимири нетронутыми? Почему, плачут они, сыновья отцов больше не хранят *икенга*?[61] Из своего мира, далеко за пределами земли, преданные отцы обводят взглядом вдоль и поперек те края, в которых когда-то они оби-

[60] Примечания: 60

Вид раковин, использовавшийся прежде в качестве денег.

[61] Примечания: 61

Икенга (в буквальном переводе с игбо «сила движения») — рогатое алуси (божество) народа игбо (и его фигурки), популярное в Юго-Восточной Нигерии.

тали, от Мбози и Нкпа, от Нкану до Игберре, и считают святилища, построенные людьми для своих духов-хранителей и своих *икенга*, — такие святилища можно перечесть по пальцам одной руки. Почему алтари чи, святилища *эзи*, теперь забыты? Почему дети переняли образ жизни тех, кто сам не знает своего образа жизни? Почему они отравили кровь своего потомства и поместили богов своих отцов во внешней темноте? Почему Алу лишили ее богатых перьев молодой *океокпа*[62], а Озала — Сухое-Мясо-Которое-Наполняет-Рот — остался без своей черепахи? Почему, спрашивают терпеливые отцы в своем скорбном негодовании, алтари Амандиохи сухи, как горла скелетов, а овцы пасутся сами по себе? Почему, никак не могут понять они, Белый Человек очаровал их детей изделиями колдовских наук? Но почтенные отцы и матери забывают, что все это началось еще при их жизни.

Я обитал в одном хозяине более трех сотен лет назад, когда Белый Человек принес зеркала в Нноби, землю людей столь же храбрых и мудрых, как божества в других местах. Но они были настолько очарованы зеркалами, а их жен-

---

[62] Примечания: 62
Курица (*игбо*).

щины так благодарны за них, что этот предмет принес им немалые страдания. Но я должен сказать, что даже тогда на протяжении более чем ста лет люди не отказывались от образа жизни предков. Они взяли эти вещи — зеркала, ружья, табак, — но не уничтожили святилища своих чи. Но их дети решили, что магия Белого Человека куда как сильнее. И они стали искать его силы и мудрости. Они стали хотеть того, что имел он, например летающую машину, в которую вошел мой хозяин вечером того дня, когда он приехал в Лагос. Дети старых отцов нередко разевают рты, когда видят его. Они спрашивают: что это такое сотворил человек? Почему Белый Человек настолько могуч? Как могут люди летать в небесах, в тверди небесной, даже выше птиц? Я таких вещей не понимаю. Много циклов назад я обитал в великом человеке, которого связали, как жертвенное животное, и отвезли в землю Белого Человека. Он, его пленители и другие пленники уплыли по великой Осимири, мы видим, как она течет бесконечно по всему миру даже отсюда, из Бечукву. Путешествие через океан длилось несколько недель, так долго, что я устал смотреть на воду. Но даже тогда я сильно удивлялся, как это целый корабль плывет и не тонет, тогда как

один человек не может стоять в воде.

Представь, Эгбуну, что могли чувствовать дети отцов, когда они столкнулись с этой пословицей мудрых отцов: «Как бы высоко ни прыгал человек, летать он не может». Они должны хорошо подумать, почему отцы сказали это, а не качать головой, считая, что мудрые отцы — невежды. Почему же? Потому что человек не птица. Но дети видят что-нибудь вроде самолета и поражаются тому, как мудрость отцов опровергается колдовством Белого Человека. Люди летают каждый день в разных машинах. Мы видим их на пути в Элуигве, они заполняют небеса в серебристых птицах. Люди даже воюют с небес! В одном из моих многих земных циклов мой тогдашний хозяин Эджинкеоние Исигади чуть не был убит таким оружием с воздуха в Умуахии в год, который Белый Человек называет 1969-й. Но более того, старые отцы говорят, что человек не может общаться с другим, находящимся в далекой стране. Чепуха! Их дети должны возрадоваться, потому что теперь они общаются издалека, словно лежат в одной кровати рядом друг с другом. Но даже и это еще не все.

Добавьте к этому очарование религии Белого Человека, его изобретения, его оружие (то, на-

пример, как он умеет создавать кратеры в земле и разрывать на части деревья и человека), и вы поймете, почему дети оставили образ жизни своих знаменитых отцов. Дети отцов не понимают, что образ жизни благородных отцов просто отличался от образа жизни Белого Человека. Старые отцы смотрели в прошлое, чтобы двигаться вперед. Они полагались не на то, что видели сами, а на то, что видели их отцы. Он считали: все, что нужно знать о вселенной, было открыто давным-давно. А потому среди них было бы невозможно, чтобы человек, живущий в тот момент, говорил: я обнаружил вот это, я открыл то. Величайшим высокомерием считалось заявлять, что все, кто существовал до человека, были пустяшными или легкомысленными и никто до *сих пор* этого не замечал. И потому, если бы вы спросили у одного из знаменитых отцов, почему батат сажают в холмик, а не как семя, он бы ответил: так меня научил отец. Если бы человек сказал, что не может пожать руку старшего левой рукой, и вы спросили бы у него, почему так, он бы ответил: потому что так диктует *оменала*[63]. Цивилизация отцов основывалась на сохранении того, что уже есть,

[63] Примечания: 63
Традиция (*игбо*).

а не на открытии нового.

Старейшины Аландиичие, старые отцы Алаигбо, черных народов дождевого леса, хранители мудрости Черного Человека, услышьте меня: эти колдовские творения Белого Человека и есть те причины, из-за которых вы сетуете на своих детей, из-за которых плачете и рыдаете о них, как птица после нападения ястреба. Это Белый Человек растоптал ваши традиции. Это он соблазнил души предков и переспал с ними. Это ему боги вашей земли принесли свои головы, а он обрил их до самой кожи их скальпов. Он исхлестал плетью высоких жрецов и повесил ваших правителей. Он приручил животных ваших тотемов и заточил души ваших племен. Он плюнул в лицо ваших мудростей, и ваши доблестные мифологии смолкли перед ним.

Иджанго-иджанго, почему я таким влажным языком говорю о предках? А все потому, что тот предмет, который поднял в небеса моего хозяина и других, был неописуемо прекрасен. На протяжении всего полета даже мой хозяин — любитель птиц — пытался понять, как он летит. Ему казалось, что самолет двигается вперед благодаря крыльям. Он воспарил над облаками и бесконечными водными просторами, которые в

конце сезона дождей обрели цвет небес. Это была Осимири, великое водное тело, раскинувшееся на весь мир. Это была вода, содержащая соль, *озимири-нну*. Твои священные слезы, Чукву.

Я из любопытства вышел из тела моего хозяина и выплыл из самолета. И тут же оказался в пустыне звуков и тел духов. До самого горизонта видел я бесплотные существа — *оньеувов*, духов-хранителей и других, — спешащих куда-то, опускающихся или поднимающихся с огромной скоростью. Вдали серая масса существ наползала на светящийся шар, который был солнцем. Я старался не смотреть на них, а разглядывать самолет, крылья которого не двигались в отличие от птичьих. Я парил над ним, летел с необычной, неземной скоростью несущегося самолета. Я никогда не видел ничего подобного и был ужасно напуган. Я немедленно вернулся в тело моего хозяина. Он все еще продолжал восторженно изучать самолет, потому что тут были люди, телевизоры, туалеты, еда, кресла и все, что можно увидеть в домах людей на земле. Но по большей части думал он о Ндали.

Вскоре он уснул, а когда проснулся, в самолете происходило много чего. Люди хлопали в ладоши и издавали восторженные крики, хотя в звуко-

вые решетки вернулся голос. Самолет недавно ударился обо что-то и теперь несся вперед, но мой хозяин почувствовал, что уже не по воздуху, потому что он ощущал вибрации от касания с землей. В самолете теперь было светло как от дневного света, так и от созданного человеком внутри. Мой хозяин сдвинул шторку на окне и понял причину веселья. Радость переполнила и его. Он подумал, как бы гордились им его отец и мать, если бы были живы. Он подумал о Нкиру в Лагосе. Он спрашивал себя, чем она занимается теперь. Он с легкой грустью думал о том, что, может быть, у нее теперь есть ребенок от этого человека гораздо старше ее. Когда человеческие дети думают о вещах неприятных, их способ мышления отличается от того, к которому они прибегают, раздумывая над вещами приятными. Вот почему его разум лишний раз подчеркивал возраст ее мужа. Он позвонит ей из Стамбула: может, тогда она отнесется к нему иначе. Может, это возродит ее веру в него как в брата и единственного оставшегося в живых члена семьи. Но как ему сделать это? У него нет ни ее номера, ни номера телефона ее мужа. Только она сама и звонила ему из таксофонов по особым случаям: Рождество, Новый год, иногда Пасха, а один раз в

годовщину смерти отца. Она плакала по телефону в тот день, так плакала, что потрясла его и дала ему надежду на возобновление отношений. Но это не имело значения. Когда она на обычный манер закончила разговор: «Я только хотела узнать, как ты поживаешь», — он понял, что пропасть опять поглотит ее.

Из полузабытья его вырвал неожиданный взрыв аплодисментов и голосов. На лицах пассажиров появились улыбки, люди начали снимать сумки сверху, надевать рюкзаки. Причины радости у каждого были свои, но по хлопкам и крикам сзади — «Хвала Господу» и «Аллилуйя» — он понял, что главным образом люди радуются безопасной посадке. Он подумал, что это, вероятно, объясняется целым рядом недавних происшествий с нигерийскими самолетами. Не так давно потерпел катастрофу самолет с важными персонами, включая султана Сокото и сына бывшего президента, погибли почти все, кто был на борту. И менее года назад потерпел катастрофу еще один самолет, на нем погибла знаменитая женщина-пастор Бимбо Одукойя. Но он подумал, что, наверно, еще больше эти люди радуются тому, что перенеслись из страны, где они страдали, в эту новую страну. Самолет

улетел из страны нужды, где люди проходят мимо, где худшие твои враги — члены твоей семьи, из страны похитителей детей, ритуальных убийств, полицейских, которые стращают тех, кого встречают на дороге, и стреляют в тех, кто не дает им взяток, из страны вождей, которые с презрением относятся к тем, над кем властвуют, обкрадывают их, лишая земных благ, обрекая на частые беспорядки и кризисы, на долгосрочные забастовки, на нехватку бензина, безработицу, на засоренные очистные канавы, на разбитые дороги, мосты, которые обрушаются ни с того ни с сего, на замусоренные улицы, на жизнь в убожестве и вечно отключаемое электричество.

Олисабинигве, великие отцы говорят, что, когда человек попадает на незнакомую землю, он возвращается в состояние ребенка. Он должен полагаться на чужих людей — без них его вопросы останутся без ответа, он не будет знать, куда ему идти. И вот поэтому мой хозяин, сойдя с самолета, не знал, что ему делать. Место, где он оказался, называлось аэропорт, это было обширное пространство, заполненное до предела людьми всякого рода, и мой хозяин прежде всего подумал о своих здоровенных сумках, в которых находилась большая часть тех вещей, которые

он не продал, не сжег, не оставил у дядюшки, но потом он вспомнил, как ему многократно повторяли, что он заберет свои вещи на Кипре. При нем теперь была только сумка, которую дала ему Ндали, а в сумке — уведомление о зачислении, ее письмо, фотографии, все важные документы, которые он должен был предъявить в университете в новой стране. Другие его чернокожие земляки, вышедшие в этот хаос, исчезли в потоке людей. Они появлялись на мгновения в толпе то справа, то слева, то сзади. Мой хозяин вышел в центр бескрайнего зала, где с потолка свешивались большие часы, остановился за парой китайцев, которые разглядывали эти часы, словно тело человека, повешенного на дереве. Сзади к нему подъехал маленький автомобиль и бибикнул. Он отошел в сторону, автомобиль проехал, он часто останавливался и бибикал, чтобы расступились плотные толпы людей, наводнявших помещения, словно это рынок в Умуахии, в котором, правда, время от времени в гулком, просторном зале сообщают о посадках и вылетах. Мой хозяин развернулся и пошел в том же направлении, куда, как он видел, двигались многие его соотечественники.

Отягощенный своими мыслями, он прошел

почти полкилометра мимо всяких диковинок, когда увидел человека с длинной бородой и в темных очках. Он спросил у человека, что ему делать. Человек спросил, где его посадочный талон. Он вытащил клочок бумаги, который ему вручили в аэропорту.

— Твой самолет улетит на Кипр в семь часов. Сейчас только три, так что тебе придется ждать. Я сам туда. Так что отдыхай, да?

Он поблагодарил этого человека, и тот пошел прочь, слегка пританцовывая. «Отдыхай», — сказал ему человек. Это означало — жди. А еще это означало, что есть много чего, что не зависит от тебя. Есть силы, которые должны собраться, обстоятельства, которые должны сложиться, есть согласованная мера времени и некий принятый код, который в конце концов должен материализоваться в нечто такое, что обусловит движение. И здесь он столкнулся с примером этого. Чтобы покинуть это место, он должен собраться с другими людьми, которые тоже заплатили деньги, чтобы отправиться в то место, куда нужно и ему. Когда они все соберутся, то сядут в самолет. Их там будут ждать те люди, которые поведут самолет. Но не будем забывать, Эгбуну, что это случится, когда тикающая стрелка часов коснется семи.

Вот это должно стать сигналом для него и всех этих людей. В дни отцов это был голос городского или деревенского глашатая и звук его гонга. Как я уже говорил, цивилизация Белого Человека построена на этом. Забери у них часы, и ничто в этом мире не будет возможно.

Что он должен делать, ожидая, когда стрелка коснется семи? Расслабляться. Но я, его чи, не мог расслабиться, потому что чувствовал: в мире духов что-то пошло не так, только не мог сказать, что именно. Вскоре мой хозяин нашел свободное кресло около той прозрачной будки, где люди собирались, выпивали и курили сигареты. Он сел и уставился на курильщика в будке: тот походил на призрак в клубах дыма и двигался так, будто в него вселились бесы. Это напомнило ему о том, как у него отросла борода после смерти отца, как он не брился несколько недель, а потом в один из дней посмотрел на себя в зеркало и долго смеялся над собой — так долго, что начал думать, уж не сошел ли он с ума.

Рядом с ним спала белая женщина, ее веки подергивались, как у ребенка. Он несколько минут наблюдал за ней, разглядывал зеленоватую сеточку вен на ее шее, длинные синие ногти. Она напомнила ему мисс Джей, и он подумал, занима-

ется ли та все еще проституцией. Пока он сидел там, Чукву, я на короткое время вышел из него. Я должен был посмотреть, что представляет мир духов в таком месте, как это, но у меня ничего не получилось из-за неустойчивого состояния разума моего хозяина. И вот, стоило мне только выйти, как я увидел, что это место просто битком набито духами, у некоторых из них такие карикатурные формы и размеры, что они навсегда отпечатались в моей памяти. Один был облачен в полупрозрачную одежду древних богов и нематериальных существ, бледнее я никого в жизни не видел. Он стоял за высохшим белым человеком, который сидел в кресле-каталке и смотрел перед собой бессмысленным взглядом. Призрак сидел сам по себе на полу аэропорта, никак не реагируя на людей, которые проходили сквозь него. Ребенок ударил по мячу, и мяч пролетел через бестелесное туловище призрака, но тот даже не шелохнулся. Он все время покачивал головой, жестикулировал и, роняя слюну, быстро произносил что-то на иностранном языке.

К тому времени, когда я вернулся в моего хозяина, он поднялся со своего места. Он долго бродил по залу, пока не увидел двух нигерийцев, которые в самолете сидели прямо перед ним. Они

только что вышли из очень ярко освещенного магазина, один из них нес цветастый пакет, какие были в руках у многих людей в аэропорту. Из обрывков разговоров этой пары, подслушанных им в самолете, и по тому, как один из них держал себя, мой хозяин понял, что этот человек какое-то время провел на Кипре. На этом мужчине были надеты простой пиджак и джинсы, а в ушах затычки. На другом, мужчине такого же роста, как и мой хозяин, был кардиган. Этот человек имел неухоженный вид, в уголке одного глаза у него засохла слизь. И, глядя на него, казалось, что этот человек переживает внутренние мучения. Мой хозяин поспешил к ним, чтобы узнать, что ему делать дальше.

— Простите, братья, — обратился он к этой паре.

Когда он подошел к ним, мужчина в пиджаке перебросил сумку с одного плеча на другое и вытянул перед собой руку, словно только и ждал моего хозяина.

— Пожалуйста, вы из Нигерии? — спросил мой хозяин.

— Да-да, — ответил он.

— И вы дальше на Кипр?

— Да, — сказал мужчина, а его приятель кивнул

и спросил:

— Ты там уже был?

— Нет, никогда, — сказал мой хозяин.

Мужчина в пиджаке посмотрел на своего приятеля, а тот ответил ему взглядом, полным некой забавной пристальности; тем временем мимо проходили другие пассажиры самолета, на котором они прилетели.

— И я тоже никогда. И я тебе скажу, мне жалко, что никто меня не предупредил, пока я еще был в Нигерии.

— Почему? — спросил мой хозяин.

— Почему? — Мужчина показал на того, что в пиджаке: — Ти Ти уже бывал здесь, и он сказал, нехорошее это место.

Мой хозяин посмотрел на Ти Ти — тот закивал.

— Я нет понимать, — сказал мой хозяин. — Что ты имеешь в виду — нехорошее место?

Мужчина в ответ издал смешок, покачивая головой, как человек, который изрек некую универсальную истину, но увидел, что она не дошла до его слушателя.

— Пусть Ти Ти сам тебе скажет. Я там никогда не бывал, я только сидел с ним рядом в самолете из Лагоса, и он мне много чего рассказал.

Ти Ти рассказал моему хозяину о Кипре. И то,

что он рассказал, было ужасно. Ти Ти говорил и говорил, делая паузы, только когда мой хозяин задавал вопросы: «Ты хочешь сказать, вообще никакой работы?»; «Нет, ты серьезно?»; «Но разве это не Европа?»; «Нет посольства Англии или Штатов?»; «Тебя посадили в тюрьму?»; «Как же это случилось?». Но даже когда человек закончил рассказывать, мой хозяин многому не поверил.

— Ты понимаешь, я в жопе. Ой, мама, — сказал другой мужчина, которого Ти Ти назвал во время своего рассказа Линусом. Потом он обхватил голову руками.

Мой хозяин отвернулся от этих людей, пробормотав себе под нос, что это невозможно, потому что услышанное сильно его встревожило. Как это может быть, чтобы в стране за границей, где живут белые люди, не было работы? Может быть, приезжающие туда нигерийские студенты ленивы? Если то место, о котором рассказывал Ти Ти, настолько плохо, то зачем сам Ти Ти туда едет? Услышанное им сейчас входило в противоречие со всем, что говорил ему об этом месте его друг Джамике. А Джамике заверил моего хозяина, что его жизнь изменится к лучшему, как только он попадет на Кипр. Джамике заверял его, что он вполне сможет приобрести дом вскоре по

приезде, а из Европы будет легко эмигрировать куда угодно.

Пока этот человек, Ти Ти, продолжал рассказывать о многих людях, которых обманом завлекли на Кипр, мой хозяин слушал его одним ухом, а его другое ухо сражалось с голосом, звучавшим в его собственной голове. Чукву, я осенил его мыслью, что он принял правильное решение. В конечном счете он решил, что лучше всего ему позвонить Джамике и поговорить с ним об этих вещах, а не ждать, когда он приедет за ним в аэропорт Кипра. К тому же, когда последняя мысль утвердилась в нем, он вспомнил, что Джамике особо просил его позвонить, когда он доберется до Стамбула. Хотя Ти Ти все еще продолжал — теперь он рассказывал про человека, который, добравшись до Кипра, обнаружил, что его обманули, и теперь бродит по городу, как сумасшедший в обносках, — мой хозяин переступил с ноги на ногу, давая понять, что хочет уйти. Как только Ти Ти сделал паузу, он сказал:

— Хочу мой друг позвонить. Он просил ему позвонить, да.

Два его соотечественника покачали головами, Ти Ти с едва заметной удивленной улыбкой на лице. Мой хозяин прошел в телефонную будку,

исполненный решимости получить у Джамике подтверждение того, что все услышанное им от Ти Ти либо неправда, либо попытка запугать его спутника. Может быть, он пытается надуть другого человека и эта ложная информация — часть его плана. Следует с опаской относиться к этим людям. Я был в восторге от его логики, потому что достаточно долго прожил среди людей и знал: любая встреча двух человек, которые прежде не знали друг друга, нередко проходит под знаком неопределенности и в меньшей степени — подозрительности. Если это человек, с которым ты познакомился на рынке и совершил ту или иную сделку, то у тебя возникает страх. Не проведет ли он меня? Сто́ит ли это зерно, эта чашка молока, эти ручные часы на цепочке столько, сколько он запросил? Если же ты встретил привлекательную женщину, то начинаешь думать: понравлюсь ли я ей? Захочет ли она, если такое возможно, выпить со мной?

Точно такие мысли и одолевали теперь моего хозяина. В том расстроенном состоянии, когда вопросы проносились в его голове потоком, словно кровь из оторванной конечности, он поспешил в другой конец аэропорта к телефонной будке. Он встал за двумя белыми мужчинами в белых

мантиях ко второй из трех телефонных будок. От мужчин исходил запах дорогого парфюма. У них обоих были в руках те самые полиэтиленовые сумки с надписью DUTY FREE (значение этих слов было неведомо моему хозяину), которые он видел почти у всех в аэропорту. Когда мужчины в мантиях закончили свой разговор, он зашел в будку, достал лист бумаги, на котором записал номер телефона Джамике, и, следуя указаниям, написанным на телефонном аппарате, набрал номер. Но в ответ он услышал только многократный треск помех и затем голос, который сообщил, что набран неправильный номер, а потом перешел на какой-то другой незнакомый язык. Мой хозяин повторил набор, но с тем же результатом.

Эзеува, ни разу с тех пор, как я был с ним, ничто не потрясало его так сильно. Он поставил сумку, висевшую у него на плече, на пол и еще раз набрал номер — тот самый номер, с которого Джамике звонил ему всего лишь на прошлой неделе. Он собрался позвонить еще раз, но, повернувшись, увидел, что за ним уже собралась очередь, люди стоят с нетерпеливыми и недовольными лицами. Он положил трубку и, не сводя глаз с листка бумаги, двинулся по заполненному людьми аэропорту. Когда он добрался до того места,

где недавно сидели два его соотечественника, их и след простыл. Вместо них он увидел белого человека с окладистой бородой и слезящимися глазами, стоически смотрящими на мир так, словно его кто-то поджег. Эбубедике, только тогда посетило меня прозрение относительно всего, что грядет.

Обасидинелу, в то время я не знал, что́ увидел, как не знал и мой хозяин. Я знал только — и он знал тоже, — что произошла какая-то ошибка, но это еще не причина для паники. В мире часто происходят ошибки. В большинстве планов. И тот факт, что случилась какая-то ошибка, не всегда означал наступление катастрофы. Вот почему старые отцы говорят: если у многоножки больше ста ног, это еще не означает, что она хорошая бегунья. Что-то в планах может не складываться; может нарастать темнота, закрывать свет дня, но это не всегда означает, что наступила ночь. И потому я не стал поднимать тревогу. Я позволил ему отправиться на поиски тех двоих, и он нашел их за час до следующего рейса: они стояли у фонтана и разглядывали что-то на экране компьютера. Он помчался к ним с такой скоростью, будто его преследовал леопард. Добежав до них, он не мог отдышаться.

— Мы ходили туда поесть, — объяснил Ти Ти, показывая на дверь с вывеской на языке Белого Человека, гласившей: РЕСТОРАННЫЙ ДВОРИК. — Дозвонился до твоего друга?

Мой хозяин отрицательно покачал головой:

— Я старался и старался, но не проходит. Совсем не проходит.

— Почему? Покажи мне номер. У тебя правильно записано? Я про код спрашиваю. Там должно быть одиннадцать.

Мой хозяин показал номер, и Ти Ти сосредоточенно уставился на листок бумаги.

— Это его номер?

— Да, братишка.

Ти Ти отрицательно покачал головой:

— Но это не кипрский номер. — Он помахал бумажкой: — Это вовсе не кипрский номер, вовсе не кипрский, уж ты мне поверь.

— Не понимаю.

Ти Ти придвинулся к нему поближе, показывая пальцем на цифры на бумажке:

— На Кипре турецкие номера. ТРСК. Это будет плюс девять ноль. А тут плюс три четыре. Совсем не кипрский номер.

Мой хозяин стоял неподвижно, как птица, захваченная восходящим потоком.

— Но он мне звонил несколько раз, — сказал он.

— С этого телефона? Поверь мне, это не кипрский номер, — сказал Ти Ти. — Он тебе дал адрес, где его искать?

Мой хозяин отрицательно покачал головой.

— Не оставил адреса. Так, хорошо. Письмо он тебе какое-нибудь дал? Как ты получил визу?

— Он прислал уведомление о зачислении, — ответил мой хозяин. — Я его носил в посольство.

Он открыл маленькую сумочку и в спешке достал оттуда бумагу, передал Ти Ти, и тот вместе с Линусом принялся ее разглядывать.

— Это да, он обращался в университет. Это настоящее письмо зачисления. — Мой хозяин начал было что-то говорить, но Ти Ти продолжил: — Он заплатил за обучение, потому что это безусловное подтверждение зачисления. Я спрашиваю, потому что знаю много случаев, когда парни просто морочили людям головы. Делают вид, будто они университетские агенты, и берут деньги. Но ничего не платят. А деньги просто проедают.

Иджанго-иджанго, мой хозяин был ошеломлен. Он пытался сказать что-то, расплести клубок мыслей, запутавшихся в его голове, но клубок не желал распутываться. Он, не говоря ни слова,

взял у Ти Ти бумагу.

— И все же я думаю, что этот Джамике мошенник, — сказал Ти Ти, покачивая головой. — Братишка, я подозреваю, он тебя обманул.

— Как? — спросил мой хозяин.

— Ты напрямую связывался с университетом?

Мой хозяин хотел ответить, что не связывался, но язык не слушался его, и он только отрицательно покачал головой. В ответ на лице Ти Ти появилась едва заметная улыбка:

— Значит, не связывался?

— Так оно, — сказал он. — У меня уведомление о зачислении со штампом и все такое. Я даже видел его студенческий билет. Мы в интернет-кафе вместе по интернету нашли университет. Джамике там студент.

Ти Ти в ответ промолчал, а рядом с ним стоял Линус, смотрел, приоткрыв рот. Мой хозяин, чуть ли не дрожа, переводил взгляд с одного на другого.

— Ммм, — сказал Ти Ти.

— Он заплатил за обучение, потому что университет принимает только чеки турецких банков или международный банковский перевод. Они не принимают переводы из нигерийского банка, — сказал мой хозяин. Он увидел женщину,

которую раньше видел спящей, она прошла мимо них, волоча за собой сумку. — Поскольку он возвращался туда, я поменял мои найра и все деньги отдал ему.

Он продолжал, но увидел, что рот Ти Ти широко раскрылся от удивления, и даже его приятель покачал головой и сказал:

— Ты за так отдать он все деньга.

Ти Ти показал на стойку регистрации вдалеке, где начали выстраиваться в очередь многие из тех, кто летел в самолете из Нигерии, и сказал:

— Нам пора на посадку.

Ти Ти поднял свой рюкзак, повесил его на спину. Мой хозяин смотрел, как Линус взял свои вещи. И непонятно почему он вспомнил своего гусенка, как тот — в те времена, когда он, казалось, помнил свою маму и место появления на свет, — поднимался и бежал к окну, двери, к любому выходу, который попадался ему на глаза. Как один раз, пытаясь бежать, он решил, что дерево, которое он видел в окно, означает, что он может выйти наружу. И тогда он, набрав бешеную скорость, ударился в окно. И свалился, словно мертвый.

— Так ты идешь? — спросил Ти Ти.

Мой хозяин поднял взгляд и увидел лежащего у

стены гусенка с вывернутой шеей и распластанными по полу крыльями.

Он моргнул, закрыл глаза, а когда открыл, увидел Ти Ти, окруженного мириадами огней и мониторов.

— Я иду, — сказал он, кивнув, и пошел за ними.

— Может, ты увидишь Джамике в Эркане. В аэропорту, — сказал Ти Ти. — Не боись, харе? Не боись.

Его приятель тоже кивнул:

— Тебя не дрожи, ничего плохой нет случилось. Не боись, не боись давай!

Он еще раз кивнул и сказал, словно верил в то, что говорит:

— Я вот не боись.

Аквааквуру, великие отцы часто говорят, что, если у жабы полон рот воды, она и муравья не проглотит. Я знаю, что они имели в виду: они говорили о человеческом разуме, который впадает в ступор перед лицом опасности. Так оно и произошло с моим хозяином. Потому что на протяжении всего полета его разум был занят словами двух людей, которые теперь сидели в хвосте самолета. Он сидел ближе к носовой части в окружении большего числа белых людей, чем было

в предыдущем, более вместительном самолете. В основном это были молодые парни и девушки, которые, как он предположил, тоже студенты. Даже сидевшая рядом с ним женщина с длинными каштановыми волосами тоже вроде бы была студенткой. И она на протяжении всего полета избегала встречаться с ним глазами, то смотрела в телефон, то листала глянцевый журнал. Но пока он сидел там, страх в его мозгу перевоплотился в крысу, которая рыскала в его голове, многократно пережевывала все случившееся. И когда самолет уже подлетал к стране и мой хозяин посмотрел в круглое окно — увиденное, казалось, подтвердило мрачные слова земляков, с которыми он познакомился в аэропорту. Потому что он увидел не высокие здания и длинные мосты над морем, какие предстали его взгляду, когда они приземлялись в Стамбуле, — теперь внизу лежали высохшие клочки заброшенной земли, горы и море. Когда он вместе с другими пассажирами спускался по трапу с самолета в тусклый мир заходящего солнца, подробности, открывшиеся его глазам, расцвели откровенным ужасом.

Аэропорт показался ему слишком маленьким. Во многом он походил на нигерийский аэропорт, правда, здесь было больше порядка и чище. Но

он не увидел здесь ни красоты, ни изысканности Стамбула. Аэропорт выглядел дешевым, не излучал ни света, ни приветливости, целиком и полностью отвечая тому описанию, которое дал ему Ти Ти. Увидев тех, чьи слова мучили его во время полета, мой хозяин подошел к ним. С ними теперь был и еще один, назвавшийся Джеем, он рассказывал о времени, проведенном в Германии. Они стояли там, где собралось большинство пассажиров, и смотрели, как из черной дыры выползают их сумки. Две сумки моего хозяина появились с нетронутыми замками. Кто-то говорил ему, что грузчики в аэропорту Нигерии иногда залезают в сумки пассажиров и воруют оттуда вещи во время погрузки в самолет. С ним этого не случилось. Он снял свои сумки, поволок ту, что на колесиках, по полу, другую понес за ручки и присоединился к тем двоим. Они все еще продолжали говорить, теперь об отношении женщин к африканцам в обеих странах — в этой, которую Ти Ти постоянно называл ТРСК или «этот остров», и в Германии Джея. Мой хозяин слушал, а его мысли постоянно возвращались к телефонной будке в аэропорту Стамбула.

Когда они вышли из аэропорта, на город с гибкой грациозностью опустилась темнота, и в

воздухе повис необычный запах. Их встречали автомобили, стоящие перед аэропортом. Его подзывали мужчины, говорившие по-турецки, приглашали во всевозможные черные «Мерседес-Бенцы» или мини-автобусы.

— Это таксисты, — сказал Ти Ти.

Он надел шапочку на голову, а на лицо — радостное выражение человека, вернувшегося домой. Ничто в нем не говорило о бедственном положении здесь, о котором он рассказывал с такими мучительными подробностями. Все с той же забавной улыбкой на лице Ти Ти заговорил с одним из этих людей, белым мужчиной необычного вида, ничуть не похожим ни на кого из тех, что мой хозяин видел раньше хотя бы по телевизору. Лицо у этого человека было обильно испещрено морщинами, цвет его кожи, хотя и белой, казалось, имел темный оттенок. Половина волос на его голове была черного цвета, но на висках у корней волосы были седые.

— Вот наш автобус! — сказал Ти Ти, отходя от таксиста и показывая на большой автобус, ярко освещенный внутри. Автобус медленно направлялся к ним с другого конца парковки. На его боку было написано: БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, а ниже — то же самое по-турец-

ки.

— Мы ехать уже, — сказал Ти Ти. — Это наш автобус.

Мой хозяин кивнул, посмотрев на автобус.

— Не боись, братишка. Жди здесь своего друга. Он точно-точно придет.

— Оно так. Придет. Спасибо, Ти Ти. Благословит тебя Господь.

— Нет проблем. Ты жди здесь. А если он нет приходить, садись на следующий автобус КМУ. Твой университетский автобус. Он здесь приходить, позже потом. Кипрский международный университет. Сядешь, письмо покажи — где оно?

Ум моего хозяина заработал четко и быстро, он достал бумаги из маленькой сумочки, но, когда доставал, выпал лист, на котором Джамике записал расходы и все, что это будет ему стоить, а еще и номер своего телефона.

— Бывай, — сказал Ти Ти, подняв этот лист. — Всего лучшего. Может, еще увидимся. Запиши мой телефон.

Мой хозяин вытащил свой телефон из кармана, чтобы ввести номер, но тот не включился.

— Батарейка села, — сказал он.

— Нет проблем. Ну, мы ехай-ехай. Пока.

Гаганаогву, к этому времени мой хозяин начал

верить, что Ти Ти говорил ему правду. Он остался ждать, но появление Джамике считал маловероятным. Хотя чи и видит мозг хозяина изнутри, иногда все же трудно определить, откуда берутся те или иные идеи. Так оно случилось и с этой идеей. Наверно, она появилась как следствие всего того, что он увидел: качество здешнего аэропорта, поведение водителей, заброшенность земли и проблемы со связью. Все это подтверждало его озабоченность. Я подал ему мысль: пока еще рано терять надежду. Я попытался внедрить в его мозг лозунг его отца — *Всегда вперед, никогда назад*, — но лозунг уткнулся в дверь, которую его разум воздвиг вокруг его страхов, и отскочил прочь. Он вместо этого принялся думать о Ндали, о том, что она, вероятно, делает. Он вспомнил, как ему было больно продавать птицу — как у него чуть не перехватило дыхание, когда он поставил клетку с бройлерами браун перед одним из покупателей. Он посмотрел на две свои тяжелые сумки, в которых лежало все, что у него осталось теперь, что он не продал и не подарил Ндали или Элочукве, не отдал на благотворительность, не выбросил. И эти вещи укрепили его страх: что-то пошло не так.

Он отбивался от таксистов, которые все время

предлагали ему свои услуги. Они подходили к нему, заговаривали на трескучем языке, которого он не понимал, их голоса звучали ритмически, с каким-то прицокиванием. Становилось все темнее, эти люди подходили к нему один за другим, пока большинство машин не покинуло парковку. Но Джамике так и не появился. Мой хозяин прождал почти два часа, а потом вспомнил, что, по словам Джамике, ему должны бесплатно предоставить комнату на две первые ночи, пока он не подберет себе жилье в кампусе. Джамике сообщил ему это в то время, когда воды были спокойны, а теперь эти слова пришли ему в голову, когда воды бушевали, когда его мучил страх, а надежды умирали.

Чукву, дорога из аэропорта в город показалась ему такой же долгой, как путь из Умуахии до Абы, правда, она была ровной, без выбоин. Во время поездки он смотрел в окно, разглядывал эту землю, так не похожую на его страну. По мере того как он впитывал в себя все различимые приметы, каждую подробность из того, о чем ему рассказали двое попутчиков, он чувствовал себя как птица, у которой выдергивают перо за пером, а потому, когда появилась пустыня, он смотрел на нее глазами полностью ощипанной птицы.

И теперь он, ощипанный и слабый, скакал по долинам страха. Такси двигалось по кольцевой развязке, когда он вспомнил какие-то слова Джамике об отсутствии деревьев, и его поразило, что пока еще он не видел ни одного дерева. Он видел холмы, один из которых был украшен подсвеченными очертаниями громадного флага. Ему пришло в голову, что он видел этот флаг прежде, хотя и не мог припомнить где, возможно, в турецком посольстве в Абудже.

— Окул, бурда. Школа, школа, — сказал таксист, когда они приехали к комплексу зданий, перед которым тянулась невысокая, но длинная кирпичная стена с названием университета.

Он увидел университет — несколько своеобразных строений, соединенных друг с другом, темнота обтекала их, как спокойная река. Повсюду вокруг висел странный запах, который он приметил еще в аэропорту. Таксист подъехал к одному из зданий в четыре этажа, перед входом стоял стол, за которым сидели три человека. За ними находилась панель с картой мира — рисунком, демонстрирующим знание Белого Человека о мире. Он заплатил водителю двадцать евро. Человек дал ему сдачи — несколько турецких лир и монеток — и выгрузил его сумки. К нему

подошел один из сидевших за столом, человек с копной седых волос. Он выглядел как житель одной страны, далекой от земли отцов, страны, которая называется Индия. Мой прежний хозяин, Эзике Нкеойе, когда-то знал такого человека как учителя. Индиец представился Атифом.

— Чинонсо, — сказал мой хозяин, обмениваясь с человеком рукопожатием.

— Чи-нон-со, — повторил человек. — А английское имя у вас есть?

— Соломон, называйте меня Соломон.

— Так мне удобнее, — сказал человек и улыбнулся такой улыбкой, каких мой хозяин не видел никогда прежде, потому что ему показалось, что Атиф полностью закрыл глаза. — Вы просили, чтобы вас забрали из аэропорта?

— Нет, я ждал моего друга, Джамике Нваорджи, он ваш студент, он учится в МКИ, он должен был забрать меня в аэропорту.

— Понятно. И где он?

— Он не пришел.

— Почему?

— Я вообще-то и не знаю, я не знаю. Вы не знаете, где он? Можете его найти для меня?

— Найти его? — сказал человек и повернулся, чтобы ответить на какой-то вопрос, заданный

одним из сидящих за столом — худенькой белой девушкой, которая сказала ему что-то на местном языке. Атиф снова обратился к моему хозяину: — Извините, Соломон, как, вы сказали, имя вашего приятеля? Если он учится здесь, я, возможно, его знаю. В университете учатся девять студентов из Африки, и восемь из них нигерийцы.

— Джамике Нваорджи, — ответил мой хозяин. — Он учится на управлении бизнесом, на факультете бизнеса.

— Джамике? А другое имя у него есть?

— Нет. Вы его не знаете? Джамике. Д-ж-а-м-и-к-е. А фамилия Нваорджи. Н-в-о-, нет, простите Н-в-а-о-р-д-ж-и.

Атиф отрицательно покачал головой и снова повернулся к столу. Мой хозяин опустил сумку на землю, его сердце колотилось в ожидании, когда уже турецкая девушка закончит свою речь. Третий человек, дородный мужчина с большой бородой, открыл банку с каким-то напитком. Напиток, шипя и пенясь, пролился ему на руку, а с руки на землю. Человек прокричал что-то, прозвучавшее как «Олах», и начал смеяться. На мгновение они, казалось, напрочь забыли о моем хозяине.

— Его зовут Джамике Нваорджи, — тихо прого-

ворил он, стараясь как можно четче произнести эти два слова.

— О'кей, — сказала девушка. — Мы просматриваем список, но не находим этого человека, вашего друга.

— Насколько мне известно, такого человека здесь нет. И вот я сейчас просмотрел список студентов на факультете бизнеса, там всего один нигериец, его зовут Пейшнс. Пейшнс Отима.

— И никого похожего на Джамике Нваорджи? — спросил мой хозяин. Он оглядел двух людей, от которых, как ему казалось в этот момент, зависела его жизнь. Но по их лицам, по тому, как они смотрели на него, он видел, что не найдет здесь помощи. — Джамике Нваорджи, никого похожего? — повторил он, и на этот раз слова ворочались у него во рту, исковерканные слабыми выхлопами, источник которых, казалось, находится где-то в его желудке. Он положил руки на живот.

— Нет, — проговорил человек. — Можно посмотреть ваше уведомление о зачислении?

Эгбуну, его руки дрожали, когда он вытаскивал эту бумагу из сумки, которую не выпускал из рук почти два дня, с того момента, как выехал из Умуахии. Он смотрел, как человек разглядывает слегка уже помятую бумагу, замечал каждое

крохотное движение мышц на его лице, просчитывал каждое изменение, приходя в ужас от каждого его жеста.

— Это настоящее, я вижу, вы внесли плату за обучение. — Он заглянул моему хозяину в глаза, потом почесал голову сбоку. — Позвольте мне задать вам еще один вопрос: вы заплатили за размещение в кампусе?

— Да, — коротко ответил мой хозяин, почувствовав некоторое облегчение. Потом он добавил, что отправил Джамике деньги за размещение на два семестра. Он достал лист бумаги, на котором Джамике написал, сколько и за что было уплачено, и, показывая на разные цифры, сказал: — Я заплатил тысячу пятьсот евро за жилье в течение года. Потом еще три тысячи за год обучения и еще две тысячи за содержание.

Что-то в его словах удивило Атифа. Тот раскрыл какую-то папку, принялся лихорадочно искать его имя в списке. К нему присоединилась девушка и даже третий человек с банкой. Они все заглядывали через плечо Атифа. К ним медленно подъехало и остановилось такси вроде того, что привезло хозяина. Атиф поднял голову и сообщил моему хозяину, что в этом списке нет никого с такой фамилией. И в следующем списке тоже

— списке на проживание в кампусе, где останавливалось большинство африканцев, потому что им не нравилась турецкая еда, а никакой другой в общежитии не подавали, — его тоже не обнаружилось. Не было его и в списке проживающих по университетским субсидиям.

Просмотрев все списки и не найдя там моего хозяина, Атиф взглянул на него и сказал — ничего, мол, все будет хорошо. Эгбуну, он сказал эти слова человеку, который — как птица — был ощипан и теперь голым стоял перед всем миром. Атиф продолжал говорить это, ведя его по кампусу к четырехэтажному зданию, похожему на то, перед фасадом которого они поставили свой стол. Атиф сказал ему, что это здание предназначено для временного размещения и что мой хозяин может оставаться там пять дней. Потом Атиф пожал руку человеку, которому был нанесен сокрушающий удар, и сказал без тени сомнения, что все будет в порядке. И, как это часто происходит среди людей, этот человек — ощипанный, в агонии, в отчаянии — кивнул и поблагодарил того, кто сказал ему эти слова, как делали это многие до него. Потом человек сказал ему:

— Успокойтесь и ложитесь спать. Доброй ночи.

И мой хозяин, решив, что ничего лучшего в его

ситуации не придумаешь, кивнул и сказал:

— И вам доброй ночи. До завтра.

11. Странник в чужой земле

Эзечитаоке, ранние отцы в своей философской мудрости говорят, что свой язык никогда не труден. И потому, поскольку мой хозяин прибыл в место, мне неизвестное, я должен здесь пересказать всё, каждую подробность нескольких следующих дней, каждую деталь, чтобы мое сегодняшнее свидетельство имело вес. Я прошу терпения твоих ушей, пока ты будешь слушать меня.

Агуджиегбе, я уже говорил о нищете предвкушения и пустоты надежд на будущее. А теперь я хочу спросить: а каков завтрашний день человека? Не следует ли его уподобить животному в опасности, которому удалось бежать от преследователя, и теперь оно находится у входа в пещеру, глубина или длина которой ему неизвестны, и внутри оно ничего не может разглядеть? Оно не знает, не усыпана ли земля внутри колючками. Оно не знает, не может увидеть, обитает ли в пещере еще более злобное животное. И тем не менее оно должно войти внутрь, у него нет выбора. Потому что не войти означает перестать

существовать, а для человека не войти в дверь завтрашнего дня означает смерть. Каковы возможные последствия невхождения в неизвестное завтра? Множество вероятностей, Чукву, столько, что и не сочтешь! Кто-то может проснуться в радостном настроении, потому что ему сказали, что в это утро его повысят на работе. Он обнимает жену и уходит на службу. Садится в машину и не видит школьника, в испуге выскочившего на дорогу. В один миг, не успев и глазом моргнуть, этот человек убивает подававшего надежды ребенка! Мир мгновенно возлагает на него тяжелую ношу. И это не обычная ноша, потому что он не может избавиться от нее по собственному желанию. Она останется на нем до конца его дней. Я видел это много раз. Но разве случившееся и не есть то самое завтра?

Мой хозяин проснулся на следующее утро после своего прибытия в новую страну, зная только, что жизнь здесь другая, но не ведая, что его ждет в этот новый день. Он знал, что здесь электричество подается без перебоев, и включил зарядное устройство, чтобы телефон всю ночь заряжался. И за ночь он ни разу не слышал петушиного крика, хотя большую часть ночи не спал. В стране, из которой он прилетел, шум, казалось,

не прекращается никогда: постоянный скрежет каких-то машин, постоянные крики играющих детей, плач, гудение автомобилей, приветственные возгласы, бой церковных барабанов и пение, крики муэдзинов в мегафоны на мечетях, громкая музыка какой-нибудь вечеринки в полном разгаре, и источники постоянного живого звука безграничны и неисчислимы. Казалось, что мир его страны ненавидит покой. Но здесь было царство покоя. Даже тишины. Словно повсюду, в каждом доме, в каждое мгновение шли похороны, на которых позволяется только приглушенно вздыхать. Несмотря на эту тишину, спал он очень мало, так мало, что даже сейчас, с восходом, он испытывал потребность поспать. Ночью его мозг превратился в праздничную ярмарку, на которой плясали желанные и нежеланные мысли. И пока этот праздник продолжался, он не мог уснуть.

Когда он вышел из комнаты, день преподнес ему подарок в виде чернокожего человека, голого по пояс, человек стоял перед раковиной и мыл руки.

— Меня зовут Тобе. Я из Энугу. Специальность — компьютерная техника, докторская степень, — сказал человек и отошел от солнечных лучей, которые врывались внутрь через незанавешен-

ные окна.

— Чинонсо Соломон Олиса. Управление бизнесом, — представился он.

Они обменялись рукопожатиями.

— Я видел тебя вчера, когда Атиф тебя привел, но не хотел беспокоить. Я был в другом доме со старыми студентами. Вот он — номер пять. — Человек показал в окно на здание с желтыми стенами, с колоннами из красного кирпича и широкими фасадами на четырехэтажном фасаде. На красном металлическом балконе этого здания стоял, прислонившись к стене, и курил чернокожий парень с огромной копной волос и засунутым в них гребнем. — Там живут три нигерийца, и все они приехали в прошлом семестре. Они и есть старые студенты.

Мой хозяин взволнованно посмотрел в ту сторону, потому что в нем загорелась искорка надежды.

— Ты знаешь их имена, все их имена? — спросил он.

— Да. А что случилось?

— Ты можешь…

— Одного — вот этого — зовут Бенджи. Бенджамин. Другого Димеджи — Ди. Он здесь раньше многих появился. А третий — Джон. Он тоже

игбо.

— А никого по имени Джамике? Джамике Нваорджи?

— Нет-нет, никакого Джамике, — сказал человек. — Что это еще за имя, а?

— Я не знаю, — тихо ответил мой хозяин, выставленный за двери надежды, куда на короткий миг забрело его сердце. Но он продолжал смотреть на этот дом и увидел, что стоявший на балконе Бенджи ушел внутрь, а на балкон вышел другой человек, и с ним чернокожая женщина.

— Ты можешь меня с ними познакомить? Я хочу спросить, не знает ли кто из них Джамике.

— А что случилось? Ты чего хочешь? Мне можешь сказать.

Он посмотрел на этого лохматого человека с голым торсом, с глубоко посаженными глазами за очками в большой оправе, решая для себя, следует ли ему быть откровенным или нет. Но я и шевельнуться не успел, как голос в его голове посоветовал ему выложить всю историю: может быть, этот человек сумеет ему помочь. Сначала он говорил на языке Белого Человека, но посреди истории спросил, говорит ли его слушатель на игбо, тот подтвердил, словно раздраженный этим вопросом. И теперь, имея более надежную основу

для своего рассказа, он стал повествовать во всех мучительных подробностях, а когда закончил, человек сказал ему, что его почти наверняка провели.

— Я уверен, — произнес Тобе, а потом принялся рассказывать о многочисленных мошенничествах, о которых слышал, сравнивать — что между ними общего.

— Постой, а когда ты ему позвонил, ты понял, что номер фейковый? — спросил Тобе.

— Так оно.

— И в аэропорт он наверняка не приехал?

— Оно так, братишка.

— Так ты понимаешь, что я тебе говорю? Что он наверняка мошенник. Но послушай, давай с самого начала, давай попытаемся его найти. Может, он не то, что мы думаем. Может, напился и забыл приехать в аэропорт — на этом острове люди часто устраивают вечеринки! Давай купим тебе симку, чтобы ты мог ему звонить, пока он не снимет трубку. Пошли.

Новая страна, представшая перед ним, когда они вышли из здания, потрясла моего хозяина. Земля была вымощена чем-то похожим на кирпичи, вдавленные в нее. В вазах росли цветы, и на улицах была уйма цветов, даже на балконах

домов. Дома казались другими, не похожими на нигерийские, даже на здания в Абудже. В их отделке было некое изящество, какого он не видел прежде. Его внимание привлекло сооружение вдали, сделанное полностью из стекла, длинное и прямоугольное.

— Английское здание, — сказал Тобе. — Там все мы будем учить турецкий.

Пока он говорил, их окликнули два белых парня, тащивших сумки, один с сигаретой во рту.

— Мой друг! Arkadas[64].

— Arkadas. Как поживаешь? — сказал Тобе, а когда они приблизились, обменялся с ними рукопожатиями.

— Нет, только английский, — ответил белый. — Турецкий — нет.

— О'кей, английский. Английский — английский, — сказал Тобе с подчеркнутым акцентом, он изменил голос, подражая языку этих людей.

Мой хозяин наблюдал за ними, думая, что вот так, наверно, тут и живут люди. Неужели ты должен говорить новым голосом, каждый раз встречаясь с одним из этих людей? Когда Тобе присоединился к нему, я думал, он задаст Тобе

---

[64] Примечания: 64
Друг (*турецк.*).

вопросы, попытается найти ответы на вопросы, теснящиеся теперь в его голове, но он ничего не стал спрашивать. Агуджиегбе, это была странная черта в моем хозяине, я с таким редко сталкивался за мои многие циклы на земле.

По пути туда, где продавали телефонные карты, Тобе сказал, что занятия начнутся в понедельник и некоторые студенты уже начали приезжать. Он сказал, через четыре дня, к воскресенью, кампус будет заполнен.

Они подошли к зданию с двумя стеклянными дверями и множеством всяких киосков внутри, мой хозяин решил, что это какая-то разновидность большого супермаркета. Они вошли, и Тобе сказал ему:

— Это «Лемар», тут мы купим сим-карту. Ты по ней еще раз позвонишь Джамике.

Иджанго-иджанго, Тобе говорил с моим хозяином так авторитетно, словно тот был ребенком, за которым Тобе поручили присматривать. Я думал, что этого человека послало ему в трудное время само провидение. Потому что таковы правила вселенной: когда человек доходит до грани срыва, вселенная протягивает ему руку, обычно в лице другого человека. Вот почему просвещенные отцы часто говорят, что один человек может

стать чи для другого. Тобе, теперь человеческое чи моего хозяина, отвел его туда, где продавались сим-карты, сам вытащил карту из упаковки, посмотрел на нее пристальным взглядом, словно чтобы убедиться, что вытащил не червивое яблоко из корзинки, после чего передал ее малышу, переданному на его попечение, со словами:

— О'кей, рабочая карта, рабочая. А теперь соскреби с нее полоску, как на картах МТН или «Гло».

Мой хозяин соскреб полоску с сим-карты, выйдя из супермаркета близ лоскута дикой земли цвета глины, при виде которой Тобе несколько раз повторил слово «пустыня». Он набрал номер телефона Джамике. Сначала все шло хорошо, и он закрыл глаза, но потом на линии зазвучал быстрый цокающий голос, после которого по-английски сказали: «Набранного вами номера не существует. Пожалуйста, проверьте номер и наберите еще раз». Отведя телефон от уха, он посмотрел на Тобе, который подался поближе и собственным ухом выслушал иностранный голос. Теперь мой хозяин кивнул.

Он ждал, когда Тобе решит, каким должен быть следующий шаг, и Тобе сказал, что им нужно идти в «международный офис».

— И что там?

— Женщина, которую зовут Дехан.

— И что она сделает?

— Она попытается помочь нам найти Джамике.

— Но как? Если этого номера не существует?

— Может, она его знает. Она международный чиновник, отвечающий за всех иностранных студентов. Если он тут учился, она должна его знать.

— Хорошо, тогда пойдем туда.

Чукву, мой хозяин шел в офис следом за Тобе, а его отчаяние нарастало, и я все больше убеждался в том, что с ним случилось то, чего он опасался. Они прошли между двух длинных клумб красиво ухоженных цветов, его глазам открывалась растительность этой незнакомой новой земли, а его сердце втайне плакало. Здесь и там он видел молодых белых людей, среди них много женщин, но он почти не смотрел на них. В том состоянии, в которое он был ввергнут, Ндали витала необычной тенью, освещавшей горизонты его потемневшего — как темнеют стальные вещи — разума. В кабинете, расположенном на цокольном этаже трехэтажного строения с надписью АДМИНИСТРАТИВНОЕ ЗДАНИЕ, их

приняла Дехан, международный чиновник с обезоруживающей улыбкой. Ее голос напомнил ему голос одного певца, имени которого он не смог сразу вспомнить. В ее присутствии Тобе, снова заговоривший с наигранным акцентом, казался смущенным. Они сели на стулья по другую сторону стола. Пока Тобе говорил, Дехан развернулась в своем кресле, потом принялась перебирать бумаги на столе. Наконец она нашла ту, которую искала, и сказала, что заявление о зачислении в университет моего хозяина и в самом деле было подано кем-то, находившимся на острове. Но она общалась с ним только по электронной почте. Она отправила ему электронное письмо, то самое, которое было на руках у моего хозяина, на адрес: Jamike200@yahoo.com. Дехан достала папку с его документами, выложила их на стол. Тобе, который, казалось, был уверен, что найдет то, что ищет, стал просматривать бумаги, называя новые находки по мере их обнаружения: документ о плате за обучение, которая была внесена только частично, при том что мой хозяин думал, что она внесена целиком. Был оплачен только один семестр, а не два. Тысяча пятьсот евро, не три тысячи. Что касается проживания, которое должно было быть оплачено, то, как верно за-

метил Атиф, за размещение не было внесено ни цента. Ничего. Взнос на «содержание» — по словам Джамике, университет требовал, чтобы ты открыл депозит в надежном банке и у тебя было достаточно средств на жизнь на время обучения и не приходилось незаконно подрабатывать, — тоже отсутствовал.

Эта женщина по имени Дехан, казалось, была немного озадачена термином «содержание».

— Никогда прежде такого не слышала, — сказала она, встревоженно посмотрев на них. — Ничего подобного нет в этом университете. Он обманул вас, Соломон. Да. Обманул. Мне очень жаль.

Эгбуну, он с некоторым облегчением воспринял известие о том, что у университета нет никаких денег на открытом для него счете, впрочем, облегчение это принадлежало к разряду труднообъяснимых. После этого они оставили кабинет Дехан, унося с собой, словно знамя мира, ее утешительные слова: «Вы не волнуйтесь». Такие слова, сказанные человеку в дни крайней нужды, часто успокаивают его, пусть хотя бы и на минуту. Человек поблагодарит того, кто оказал ему поддержку, как это сделали мой хозяин и его друг, а потом уйдет с выражением на лице, которое говорит утешителю, что его слова достигли цели.

Теперь у моего хозяина была папочка с оригиналом его свидетельства о зачислении, а также письма о безусловном зачислении, а также чек, подтверждающий произведенную им оплату за обучение, — единственный документ, на котором стояли имя Джамике и дата: 6 августа 2007 года.

Пока они отдыхали в тени какого-то дома, Тобе показал ему здание, в котором размещался его факультет по управлению бизнесом, он вспомнил день, предшествовавший указанному дню оплаты, — пятое августа. Он не мог сказать, почему он его вспомнил, потому что не всегда мыслил датами по календарю Белого Человека, а днями и периодами, как это делали старые отцы. Но эта дата почему-то отпечаталась в его мозгу, словно выжженная клеймом. В этот день он получил всю сумму за свой компаунд: один миллион двести тысяч найра. Человек, который купил у него компаунд, принес деньги в черном нейлоновом пакете. Они с Элочукву, выпучив глаза, трясущимися руками пересчитывали деньги, его голос срывался от безвозвратности того, что он сейчас сделал. Он вспомнил и то, что после ухода Элочукве и покупателя ему позвонил Джамике и сообщил, что внес плату за обучение, а теперь Нонсо должен срочно вернуть ему эти деньги, а

также выслать плату за содержание.

Осебурува, будучи его духом-хранителем, без устали оберегающим его, я тут же погружаюсь в сожаления, когда думаю о его сношениях с этим человеком и обо всем последовавшем за этим. Еще больше меня беспокоит факт отсутствия у меня каких бы то ни было подозрений. И если и возникали хоть малейшие дурные предчувствия касательно Джамике, то его громадная щедрость тут же их гасила. Мой хозяин — и я с ним — думал, что Джамике не всерьез обещает заплатить за обучение своими деньгами, чтобы мой хозяин не спешил с продажей дома и птицы, а дождался хорошего покупателя. И поэтому он с недоверием ехал в интернет-кафе на Джос-стрит, где получил документ, который, по словам Джамике, ему требовался для получения визы: «письмо о безусловном зачислении», этот документ был прислан ему с помощью изобретения, которое умеет красиво располагать слова на экране. Письмо, как он увидел, было отправлено ему той самой женщиной, с которой они только что разговаривали, — Дехан.

И теперь, проходя мимо группы играющих на поле белых студенток и курящих белых мужчин, он вспомнил, как служащий кафе распечатал

для него письмо, а он отправился прямо в банк с деньгами и попросил перевести эквивалент 6500 евро Джамике Нваорджи — Джамике Нваорджи на Кипр. Он дождался, когда деньги перевели, вернулся домой с чеком, свидетельствующим, что банк конвертировал его найра в евро по курсу 127 найра за каждый евро. Он посмотрел на цифры, которые служащая банка подчеркнула как итоговые: 901 700 и остаток от суммы, за которую он продал свой компаунд, — 198 300. Он вспомнил теперь, что, когда ехал из банка, его мысли раздваивались между благодарностью Джамике и тревогой в связи с расставанием с Ндали, а еще было беспокойство из-за ощущения, что он, может быть, предал родителей.

Если теперь в глубине души мой хозяин с осторожностью и подозрительностью относился к мотивациям других людей, то в Тобе он видел искреннее желание помочь ему. И опять, Чукву, он решил вознаградить этого человека, позволив ему встать у руля. Такие люди, как Тобе, часто за свои труды довольствуются ощущением собственной значимости, которое они получают, ведя в атаку армию численностью в одного человека, серьезно покалеченную, разоруженную, деморализованную. Такие люди, как Тобе, неред-

ко не требуют никакой платы за свои труды, им достаточно чувства удовлетворения, которое они получают, ведя за собой свою — серьезно потрепанную, разоруженную, упавшую духом — пехоту численностью в одного бойца. Я видел это много раз.

Теперь, сказал Тобе, они должны пойти в «ТиСи Зираат Банкаси», и он знает, где находится этот банк — в центре Лефкоши, рядом со старой мечетью.

— И что мы там будем делать? — спросил мой хозяин.

— Спросим насчет денег.

— Каких денег?

— Денег за содержание, которые Джамике, этот глупый вор, должен был положить на счет, открытый на твое имя.

— Хорошо, тогда пойдем. Спасибо, братишка.

И они сели в автобус до центра города, такой же автобус, который днем ранее приезжал в аэропорт, чтобы забрать студентов, пока он ждал Джамике. В автобусе сидели несколько человек — турок, или турок-киприот, каковыми, как он начал догадываться, здесь были почти все. Женщина сидела, положив розовый пластиковый пакет на колени, рядом с ней — еще одна,

желтоволосая девица в солнцезащитных очках, в другой день он бы с такой глаз не сводил. Двое мужчин в шортах, футболках и шлепанцах стояли за водительским сиденьем, болтали с водителем. Позади моего хозяина и Тобе сидели чернокожие мужчина и женщина. Тобе их знал — они прилетели тем же самолетом, что и он. Мужчину звали Боде, а женщину Ханна, они говорили о том, что в Лагосе в десять раз лучше, чем в Лефкоше. Громкоголосый Тобе присоединился к их разговору. Он не соглашался с ними, говорил, что, помимо всего прочего, на Северном Кипре хорошие дороги и не отключают электричество. И даже валюта у них лучше.

— Сколько стоит доллар на их деньга? Одна целая две десятые турецких лиры за доллар. А наша? Сто двадцать! Вы представляете? Сто двадцать с чем-то найра! За обычный доллар. А как насчет евро — одна и семь. И вы говорите, лучше?

— Но чем же наша деньга хуже? — сказал другой человек. — Они в Нигерии найра просто девальвируют. Если хорошо посмотреть, вот, сам увидишь, пойди поменяй сто найра — получишь один теле, что ты здесь купишь на один

теле?[65] У нашей деньги просто нуль больше. Вот почему турка люди называют один тысяча один миллион.

— Да, это то же самое. Я согласен. Гана сделала то же самое…

— Вот именно!

— Они отменили нули и выпустили новые деньги, — продолжил Тобе.

Чукву, мой хозяин слушал вполуха, он уже запретил себе что-либо говорить. Он решил, что только те, у кого все хорошо, могут вести такие пустые разговоры. А его мысли были далеко. Он теперь обитал в новом мире, куда его, худого и обессиленного, выбросила судьба, как насекомое на влажное бревно. Поэтому он позволял себе оглядывать автобус, и как ослабевшая муха присаживается куда попало, так и взгляд его застревал то на картинках, что красовались на стенах автобуса до самой крыши, то на надписях на незнакомом языке на двери. А потому именно он первый заметил двух турецких девушек, севших в автобус на последней остановке близ чего-то похожего на площадку по продаже автомобилей с жирной надписью ЛЕВАНТ ОТТО. Еще

[65] Примечания: 65

Турецкая лира, образовано от сокращения TL — Turkish lira (турецкая лира).

он заметил, что девицы явно говорят о его соотечественниках и о нем, потому что они смотрели в их, нигерийцев, сторону, а следом за девицами в их сторону стали смотреть и другие пассажиры, понимавшие язык, на котором говорили девицы. Потом одна из них помахала моему хозяину, а другая двинулась к нему. Мой хозяин молча выругался, потому что ни с кем не хотел говорить, не хотел, чтобы его сгоняли с влажного бревна. Но он знал, что уже поздно. Женщины решили, что он будет говорить с ними, подошли к нему и встали в проходе между пустыми креслами. Одна из них, помахивая наманикюренными пальцами, сказала что-то по-турецки.

— Турецки нет, — сказал он, удивляясь тому, как хрипло звучит его голос, ведь он мало говорил в последнее время.

Он глазами показал на Тобе, который тут же повернулся.

— Вы говорите по-турецки? — спросила девица.

— Немного турецки.

Девица рассмеялась. Она сказала что-то, но Тобе из ее речи не понял ни слова.

— О'кей, не турецки. Английски? Ingilizce? — спросил Тобе.

— Ой, простите, англицки только мой подруга, — сказала она, поворачиваясь к подруге, прятавшейся за ее спиной.

— Можно нам sac neder mek ya?

— Волос, — сказала другая.

— Evet! — сказала первая девица. — Можем мы волос?

— Потрогать? — спросил Тобе.

— Evet! Да-да, потрогать. А? Можно потрогать ваш волос? Это мы очень интерес.

— Вы хотите потрогать наши волосы?

— Да!

— Да!

Тобе повернулся к нему. По виду Тобе было ясно, что он не возражает, пусть девушки потрогают его волосы. Он был чернокожий человек с волосами, напоминавшими скудную растительность пустыни, и девицы хотели их потрогать. Для Тобе это не имело значения, и мой хозяин подумал, что и для него это не должно иметь значения. Не должно иметь значения и то, что он все еще не знает, куда делись его полтора миллиона найра, которые он получил за свой компаунд, и остальное — за птицу. Не имело значения и то, что, пытаясь решить одну проблему, он все глубже загонял себя в тупик, тупик, еще

более безвыходный, чем прежде. И теперь две эти женщины, незнакомки, белокожие, говорящие на непонятном ему языке и на исковерканной, драной версии языка Белого Человека, хотели пощупать его волосы, потому что *это казалось им интересным*. Агуджиегбе, когда Тобе наклонил голову, чтобы девицы провели руками по его кудрявым нерасчесанным волосам, мой хозяин и свою голову наклонил так, чтобы им было удобно до нее дотянуться. И белые руки, тонкие пальцы с крашенными в разные цвета ногтями прошлись по головам двух детей старых отцов. Девушки хихикали, их глаза горели, они прикасались к их волосам и задавали вопросы, а Тобе быстро отвечал.

— Да, волосы могут быть длиннее, если не стричься.

— Почему они курчавые?

— Они курчавые, потому что мы их причесываем и мажем кремом, — сказал Тобе.

— Как Боб Марли?

— Да, наши волосы могут стать, как Боб Марли.

Дада. Раста[66]. Если их не стричь, — сказал Тобе.

Теперь они заинтересовались Ханной, девицей из страны отцов.

— А вот эта девушка, у нее свои волосы?

— Нет, дополнительные. Бразильские волосы, — сказал Тобе и посмотрел на Ханну.

— Эти турка люди они сами все ничего знать нет. Скажи ей, такой волос он от природа есть, — сказала Ханна.

— А волос у черный женщин, они… Ммм… длинный?

Тобе рассмеялся:

— Да. Длинный.

— Зачем тогда надевать другой волос?

— Так быстрее. Они не хотят заплетать волосы в африканские косички.

— О'кей, спасибо, нам это очень интересовать.

Онванаэтириоха, я когда-то жил в хозяине, которому не исполнилось и тринадцати, когда в Ихембоси пришли первые белые люди. Отцы смеялись, глядя на них, и целыми днями издевались над глупостью Белого Человека. Иджанго-иджан-

---

[66] Примечания: 66

Дада — отсылка к дадаизму как к авангардистскому течению. Раста — отсылка к растафарианству, христианской религиозной секте. Ямайский певец Боб Марли был растафарианцем и носил в своем сценическом образе дреды до пояса.

го, я живо вспоминаю — потому что моя память не похожа на человеческую — одну из причин, по которой отцы смеялись и думали, что эти люди сумасшедшие, эта причина была — их идея отдавать деньги в банки. Они понять не могли, как человек в здравом уме может взять свои деньги, а иногда и все свое хозяйство, и отдать другим. Эта глупость выходила за все границы. Но теперь дети отцов охотно пользуются банками. И в некотором роде это все еще остается выше моего понимания: когда они приходят, им отдают их деньги назад, а иногда даже больше, чем они оставили!

Мой хозяин с другом и прибыли в такое место — в банк. Перед тем как войти, он вспомнил гусенка; однажды он вернулся из школы и увидел птицу в клетке, глаза гусенка были закрыты, словно опухли. Его отец уехал куда-то, и он остался в доме один. Сначала он очень испугался, потому что редко видел, чтобы эта птица так спала, по крайней мере не раньше, чем он ее покормит термитами и зерном, купленными специально для гусенка. Но не успел он даже прикоснуться к клетке, как птица встала, подняла голову и издала громкий крик. Тогда он отругал себя за то, что перепугался ни с того ни с сего.

И вот он безмятежно сидел в банке, который, с его обильными и изящными украшениями, мало отличался от нигерийских банков. Он приказал себе дождаться и посмотреть, что из этого выйдет, а не пугаться ни с того ни с сего. Он ждал с Тобе около аквариума, в котором то поднимались к поверхности, то опускались до дна с его камушками и искусственными рифами золотые, желтые и розовые рыбки. Когда подошла их очередь, Тобе направился к человеку за стойкой. Тобе объяснил ситуацию словами, которых никогда бы не смог найти мой хозяин.

— Значит, если я понял вас правильно, вы хотите знать, есть ли у вашего друга счет в нашем банке?

Человек говорил бегло и с произношением, напоминавшим то, с которым говорили Ндали и ее брат.

— Да, сэр. И еще мы хотим проверить Джамике Нваорджи, которому мой друг переслал деньги. Видите этот чек? Джамике Нваорджи внес за него плату за обучение.

— Извините, дружище, мы можем проверить только счет вашего друга, а не чей-то другой. Могу я увидеть ваш паспорт?

Тобе протянул ему паспорт моего хозяина. Чело-

век постучал по клавишам, отвлекся на секунду, чтобы перекинуться несколькими словами с женщиной, заглянувшей в его кубикл, и рассмеялся. Гаганаогву, эта женщина была точь-в-точь похожа на Мэри Баклесс, женщину в стране жестокого Белого Человека, которая возжелала, чтобы мой тогдашний хозяин Йагазие возлег с ней двести тридцать три года назад. Семья Мэри Баклесс жила на участке земли у фермы, где Йагазие был рабом у хозяина, который владел и другими рабами. Ее отца убили за несколько лет до этого, и ее странным образом влекло к моему хозяину Йагазие. Она долго пыталась заманить его к себе в постель, завлекала всякими дарами. Но он боялся лечь с ней, потому что в той стране жестокого Белого Человека ему за это грозило повешение. И вот как-то вечером она перешла через горы тяжких трудов, кишевших днем странными отвратительными птицами, которых там называли во́ронами. Четверо других мужчин-пленников делали вид, что спят, а эта странная белая женщина, пренебрегая едким запахом из жалкого жилища рабов и ведомая такой похотью, какой я не встречал никогда раньше, сказала ему, что покончит с собой, если не заполучит его. В ту ночь молодой человек, сын великих отцов, которому

всегда снилась его родная земля, переспал с ней и насладился порочной ненасытностью ее похоти.

И теперь, много лет спустя, я, казалось, видел два ее серых глаза, разглядывавших ее коллегу, видел, как она надкусывает яблоко, в котором потом остался след ее зубов.

— Сэр, в «ТиСи Зираат» нет такого счета, — сообщил человек.

Он вернул паспорт и повернулся к двойнику Мэри Баклесс, собираясь сказать ей что-то.

— Но, извините, не могли бы вы проверить счет того другого человека? — спросил Тобе.

— Нет, к сожалению. Мы банк, а не полиция, — ответил человек раздраженным голосом. Он постучал себя по голове, а женщина, еще раз вгрызшись зубами в яблоко, исчезла из виду. — Понимаете меня? Здесь банк, а не полицейский участок.

Тобе собрался было сказать что-то, но человек отвернулся и последовал за женщиной.

Мой хозяин и его друг молча вышли из банка в центр города, как люди, получившие мрачное предупреждение о новой стране, в которую они приехали. Словно отчаявшаяся старая дева, новая страна набросилась на моего хозяина, щеголяя своими дешевыми украшениями. Он смотрел на

нее глазами лунатика, отчего высокие здания, старые деревья, голуби, наводнявшие улицы, сверкающие стеклянные сооружения — всё казалось ему миражами, мутными изображениями, какие видишь сквозь хриплый дождь. Люди этой страны смотрели на них: дети, показывавшие на них пальцами, старики с сигаретами, сидящие на стульях, женщины, казавшиеся безразличными. Его спутника Тобе привлекли голуби, расхаживавшие по площадям. Молодые люди шли мимо магазинов, банков, салонов сотовой связи, аптек, древних руин и старых колониальных зданий с флагами, похожими на те, что висят в зданиях белых людей, которые пришли в землю великих отцов. Мой хозяин чувствовал себя так, будто часть его проколота гвоздем и он, истекая кровью, оставляет кровавый след на своем пути. Почти перед каждым зданием стоял кто-нибудь с сигаретой, пуская дым в воздух. Они остановились где-то, и Тобе заказал им еду, завернутую во что-то — хлеб, по его словам, — и колу. Они взмокли от пота, и мой хозяин проголодался. Он молчал. Эгбуну, молчание иногда — это крепость, в которую отступают сломленные люди, потому что здесь они могут пообщаться со своим разумом, своей душой, своим чи.

Но внутри себя он молился; голос в его голове молился о том, чтобы Джамике нашелся. Он мысленно перенесся к Ндали. Не следовало ему покидать ее. Теперь они с Тобе зашли куда-то, где на обозрение были выставлены туфли — на тарелках и на столешницах, и его глаза узрели надпись на стеклянной двери магазина: ИНДИРИМ. Мысль о человеке, который теперь владел его землей, снова заползла ему в голову. Он вообразил себе этого человека и его семью — вот они ходят там, выгружают вещи из своего фургона, тащат сумки и мебель в его опустевший дом. Перед отъездом он осмотрел комнату отца: без мебели, на стенах отметины и маленькие трещинки. Солнце освещало восточную стену, изголовьем к которой стояла кровать, и он в щели жалюзи разглядел колодец во дворе. Та комната, где он однажды увидел, как его родители, забыв запереть дверь, занимались любовью, была теперь настолько пуста, что у него возникло чувство, сходное с тем, которое захлестывало его, когда умерла мать, а потом отец.

Гаганаогву, еду принесли, когда он все еще думал о том, как в последний раз занимался любовью с Ндали, как, когда она отпустила его, его семя омочило их ноги, и она начала плакать,

говорила, какой он жестокий — хочет покинуть ее сейчас — «сейчас, когда ты стал частью меня». Его мысли переключились на еду, но, Чукву, я описываю то, что случилось потом, когда они закончили заниматься любовью. Я не вспоминал об этом, потому что только теперь понял важность случившегося тогда. Ты знаешь, если бы мы должны были собрать все, что делают наши хозяева, в одном свидетельстве, оно бы никогда не кончилось. А потому свидетель должен подходить избирательно к событиям и передавать тебе только то, что важно, что должно добавить плоть, кости и кровь тому существу, которое и создает свидетель: истории жизни его хозяина. Но теперь, в этот момент, я думаю, что должен вспомнить тот эпизод. Тем вечером в пустой комнате, которая была его спальней, он прислонил голову к стене, и слезы побежали по его плечам на грудь, и он сказал, что это к лучшему. «Мамочка, верь в меня. Поверь, все будет хорошо. Я не хочу терять тебя». — «Но ты и не должен меня терять, Нонсо. Не должен. Что они могут сделать со мной? Гордые люди?» Он обнял ее, его сердце колотилось, он прижался губами к ее губам, приник к ее рту, как к флейте, так что ее пробрала дрожь и она больше не смогла говорить.

Агуджиегбе, то, что он сейчас ел — Тобе назвал эту еду «кебаб», — им подал стройный высокий белый человек, который, раскладывая еду с торчащими из нее зелеными перцами на маленькие тарелки, сказал что-то, и среди его слов прозвучало «Окоча». Тобе радостно сказал, что человек знает про Джей-Джея Окочу, нигерийского футболиста. Но мой хозяин, хотя сам и хранил молчание, опасался, что эта реакция привлечет других людей, которые все до одного походили на этого человека. Они были белыми, но казалось, будто их подкоптило нещадное солнце, а оно жгло здесь безжалостно, мой хозяин даже в Умуахии не помнил такой жары. Он избегал их взглядов, поедая кебаб, который хоть и нравился ему, но имел какой-то непривычный вкус. Казалось, думал мой хозяин с насмешкой, будто они предпочитают все продукты в сыром виде — помой и ешь. Лук? Да просто нарежь его и добавь в свое кушанье. Томаты? Конечно, собери их у себя на огороде, протри от пыли, помой в воде, нарежь и подавай на тарелке с едой. Посолить? Можно еще поперчить и добавить пряностей, а готовка на огне — только потеря времени, а время нужно беречь для других дел — покурить, попить чаек из крохотной чашечки, посмотреть футбол.

Хотя эти люди и переговаривались с Тобе, мой хозяин только смотрел в окно на проезжающие машины. Они двигались медленно, нарочито останавливались, чтобы пропустить людей, переходящих на другую сторону улицы. Никто не гудел. Люди шли быстро, и почти каждую проходящую женщину, казалось, сопровождал мужчина, державший ее за руку. Мысли моего хозяина вернулись к Ндали. Он ни разу не позвонил ей, покинув Лагос. С тех пор прошло уже два полных дня и третий перевалил за середину. Он мучительно осознавал, что нарушил данное ей на заре его искушения обещание. Он пытался представить, что она сейчас делает, где находится, и видел ее в комнате с книгами, где он сидел до его унижения на торжестве. Потом ему пришло в голову, что все это, Кипр за далекими морями, было новой неожиданной мечтой, неким предметом желаний, какие возникают у детей, — импульсивным, инстинктивным, преходящим, почти без участия мысли. Ребенок, идущий с родителем, может увидеть мага, развлекающего толпу в переулке. Он может увидеть человека на мостках, ударяющего кулаком по воздуху, выкрикивающего лживые обещания в мегафон, подбадриваемого толпой, держащей знамена.

— Папа, кто это?

— Он политик.

— И что он делает?

— Он обычный человек, который хочет стать губернатором штата Абия.

— Папа, я хочу стать политиком!

Моему хозяину подумалось, что происходящее с ним — всего лишь искушение, которое непременно оказывается на пути человека, преследующего любую благую цель. И оно оказалось на его пути только для того, чтобы вернуть его в прошлое. Но он был исполнен решимости не допустить этого. Он объявил об этом самому себе с таким неистовством, что это мгновенно оказало на него физическое воздействие. Кусочки мяса того кушанья, которое он ел, вывалились изо рта на стол.

— Который теперь час в Нигерии? — спросил он, чтобы отвлечь внимание от своей неловкости.

— Здесь три пятнадцать, — сказал Тобе, глядя на настенные часы за спиной моего хозяина. — Значит, в Нигерии должно сейчас быть пять пятнадцать. Они на два часа впереди.

Он подумал, что даже Тобе, вероятно, удивился. И это все? Время в Нигерии? Тобе не знал, что сло-

ва стали мучительны теперь, когда мой хозяин пытался переварить то, что, вероятно, случилось с ним на самом деле. Он все еще не мог поверить, что Джамике все спланировал. Как такое могло быть? Разве он не сам принимал решения, когда Элочукву сказал ему, что он может найти помощь у человека, которому он и отдал все, что у него было? Как Джамике мог составить план так быстро? Откуда Джамике мог знать, что он продаст дом и птицу? Почему Джамике замыслил все это, когда он сам никогда ничего плохого Джамике не делал, по крайней мере он не помнил, чтобы делал что-то такое?

Он едва успел осознать все это, как голос в его голове привел ему пример, когда он сделал кое-что плохое Джамике. Он перенесся в 1992 год, в класс: столы, стулья, старые календари висят на грубых стенах. Ему всего десять, он сидит с Ромулусом и Чинвубой. Они обсуждали футбольный матч между командой их улицы и соседней, когда вдруг Чинвуба топнул ногой, хлопнул в ладоши и показал в окно на мальчика, идущего к зданию, в руках у него что-то вроде сложенной рубашки, на спине рюкзачок. «Нваагбо, ого, Нваагбо идет!» Мой хозяин и другие присоединились, они обзывали мальчика за окном девчонкой,

внимательным взглядом отмечая женские черты парня: широкие бедра, большие ягодицы, широко расставленные зубы, мясистую грудь, напоминающую маленький женский бюст, его жирное тело. Мальчик вскоре вошел в класс, и все трое в голос закричали: «Добро пожаловать, Нваагбо!» Теперь мой хозяин вспомнил, как этот очкарик был ошарашен их агрессивностью, как он прошел неуклюжей походкой и сел на свое место, прижав одну руку к лицу, к очкам, словно пряча непрошеные слезы.

Он внимательно вгляделся в образ юного Джамике, плачущего, потому что он, Нонсо, терроризировал его, и подумал, не отомстил ли ему теперь Джамике за тот случай в прошлом. Не прилетел ли это камень, брошенный из прошлого, чтобы сокрушить его в настоящем?

— Соломон, — вдруг позвал его Тобе.

— А?

— Ты сказал, что Джамике Нваорджи к тебе привел друг?

Агбатта-Алумалу, по причине, не сразу очевидной, сердце моего хозяина забилось при этом вопросе. Он наклонился над столом и сказал:

— Так оно. А что?

— Ничего, ничего. Просто мне пришла в голову

одна мысль, — сказал Тобе. — Ты звонил своему другу? Ты не знаешь — Джамике сейчас не в Нигерии? Он знает дом отца Джамике? Он…

Эта мысль поразила моего хозяина словно молния. Он выхватил из кармана телефон, пока Тобе еще продолжал говорить, и начал неистово набирать номер. Тобе помолчал, но, видя следствие своей мудрости, продолжил:

— Да, давай позвоним ему, узнаем, здесь ли Джамике. Ты мой брат, и я тебя не знаю, но мы не дома. Мы в чужой земле. Я не могу оставить моего брата в беде. Давай позвоним ему.

— Спасибо, Тобе. Да благословит тебя всемогущий Господь за то, что ты делаешь для меня, — сказал он. — Так ты говоришь, что я снова должен набрать нигерийский номер?

— Добавь нуль, нуль, потом плюс, потом два, три, четыре, пропусти нуль, а потом набери остальной номер.

— О'кей, — ответил он.

— Ой, извини-извини, добавь только плюс. Ноль, ноль — другой вариант, который можно попробовать.

— О'кей.

Чукву, он позвонил Элочукву, и тот был потрясен, когда услышал все. Элочукву был рядом со

зданием, где работал генератор, а потому мой хозяин едва его слышал. Но из той малости, что все же услышал, он понял: да, Джамике снова улетел за море. Он знает магазин сестры Джамике, она там продает школьные сумки и сандалии. Он сходит туда и узнает, где Джамике.

После этого он отключил телефон, испытывая некоторое облегчение, но еще и удивляясь тому, что сам не догадался позвонить Элочукву, пока Тобе ему не подсказал. Он не вполне понимал, как работает голова человека, попавшего в беду. Он не знал, что такому человеку лучше некоторое время вообще не думать. Потому что голова человека, пребывающего в отчаянии, может родить такой плод, который, хотя сверху и блестит, внутри кишит червями. Потому что такая голова, поврежденная до неспособности производить простые расчеты, нередко начинает соображать, только когда последствия уже наступают.

Эгбуну, последствия — это такая вещь, которая доставляет мало удовольствия. В последствиях почти ничего не происходит, если не говорить о переливании из пустого в порожнее. Событие уже произошло и завершилось, изменить его невозможно. Идеи, которые приходят в голову человеку, переживающему последствия, не

оставляют следов на коже времени. Мозг человека, пребывающего в отчаянии, снова и снова пережевывает случившееся, он не в состоянии двигаться дальше.

Тобе, явно удовлетворенный звонком моего хозяина, утвердительно кивнул:

— Мы узнаем, мы теперь выясним. Может, он все еще в Нигерии и лжет тебе. — Мой хозяин кивнул. — Пока ты звонил, я подумал, что нам следует сходить в полицию, прежде чем возвращаться в университет. Давай сообщим им про Джамике, может быть, они его найдут. Может, он в этой стране, но в другом городе. Они знают всех, кто здесь находится, значит, они смогут его найти.

Моего хозяина, смотревшего на этого человека, на его спасителя, переполняло чувство благодарности.

— Оно так, Тобе, — сказал он. — Идем.

12. Конфликтующие тени

Осимириатаата, и вправду, как говорили отцы в старину, стухшую рыбу узнаешь по запаху от ее головы. К этому времени я начал понимать: то, чего мы с моим хозяином боялись больше всего, и случилось с ним. Но в тот момент я не мог этого знать, потому что мы, как и наши хозяева, не знаем будущего. Духи-хранители должны защищать своих хозяев, оберегать их даже перед лицом неудачи, и мы должны заверять их, что все будет хорошо. Мы должны заверять их, Эгбуну: сломанное будет починено. И потому я пытался помочь ему, а не себе, ведь он к этому времени был разломан на части. Это стало следствием ответного звонка Элочукву. Элочукву побывал в магазине у сестры Джамике. Он не сказал сестре Джамике, что случилось. Он вместо этого солгал, сказав, что Джамике заключил с ним один договор и он теперь хочет проинформировать Джамике, насколько продвинулся с этим договором. Но женщина ответила ему, что Джамике уехал. Тогда Элочукву спросил его новый номер. «К моему потрясению, — сообщил Элочукву моему хозяину, — Джами запретил ей давать кому-нибудь его

новый номер. Я ушам своим не поверил, Нонсо. Поэтому я попросил ее позвонить ему. К моему потрясению, он ответил на звонок и что-то ей наговорил. Она подозрительно посмотрела на меня, а потом сказала, что он занят». Элочукву замолчал, слыша, как тяжело дышит в дрожащую в его руке трубку мой хозяин. «Мне очень жаль, Нонсо, это больно. Но, похоже, Джамике обманул нас».

Агбатта-Алумалу, перед тем как идти в полицию, Тобе, который во время разговора несколько раз покачал головой, слыша слова Элочукву, предложил моему хозяину поменять остававшиеся у него евро на турецкие лиры. Не все, но бóльшую часть, из которой немалая доля им понадобится, чтобы снять жилье в городе. Из остававшихся у него пятисот восьмидесяти семи евро он четыреста передал Тобе, и тот вошел в стеклянное здание с написанным на дверях светящимися буквами словом DOVIZ и вскоре вернулся с пачкой турецких лир. У полицейского участка они встретили двух африканских студенток, одну из них в слезах. Что случилось? Женщина в отчаянии искала человека по имени Джеймс, который действовал как ее агент в другом университете в Лефкоше и должен был встретить ее в аэропорту, но так и не появился. Ее подруга, женщина со

светлой кожей, напомнившая моему хозяину мать Ндали, подтвердила сказанное. Он хотел спросить, не может ли этот Джеймс быть Джамике, на самом ли деле у него иностранное имя или оно выдуманное, но женщины, совершенно раздавленные, поспешили прочь. Когда они ушли, Тобе посмотрел на него взглядом, полным глубокого смысла, но ничего не сказал.

Он вошел в полицейский участок торопливой походкой, чувствуя бурление в животе. Этот участок не походил на те, что он видел в Нигерии, где жестокие и голодные, наказанные нуждой люди с обветренными лицами и закаленными телами не проявляли ни малейшего милосердия и уважения по отношению к другим. Здесь он увидел три стойки, как в банке. Люди сидели на стульях и ждали, когда их пригласят к стойке. Полицейские — по два за каждой стойкой — разговаривали с людьми. На стене за ними, как и в банке, висели два больших портрета, на одном из них был изображен лысый человек, на другом — человек с суровым лицом. Тобе увидел, куда смотрит мой хозяин, и пояснил:

— Премьер-министр ТРСК Талат и премьер-министр Турции Эрдоган.

Мой хозяин кивнул.

Когда подошла их очередь, говорил Тобе. В этом состояла еще одна причина, по которой бразды правления нужно было передать Тобе: он умел подать себя, а потому возникало впечатление, будто он уже сумел сообщить что-то важное, еще даже рта не раскрыв, или будто он говорит громко, хотя его голос звучал не громче шепота. Тобе объяснил все в подробностях. Полицейский протянул им бумагу с папкой-планшетом и ручку, и Тобе все записал.

— Ждите здесь, — сказал полицейский.

Все время ожидания сердце моего хозяина не переставало колотиться, а его желудок, казалось, вспухал со странной периодичностью.

— Я уверен, этот дьявол здесь, на острове, и они его наверняка найдут, — сказал Тобе, покачивая головой. — Но и потом это же недопустимо, вот чтобы просто так. Посмотри на этих невинных девушек. Эти мошенники такие подлые. Вот как они обманывают и обворовывают людей. Мы прежде думали, что они делают это только с белыми людьми по интернету, с лохами, но посмотри, как они губят своих же соплеменников, своих собственных братьев и сестер. Им все одинаковы!

По какой-то непонятной ему самому причине

моему хозяину хотелось, чтобы Тобе продолжал говорить, потому что в его словах было что-то утешительное. Но Тобе вздохнул, фыркнул, встал, подошел к кулеру при входе, взял пластиковый стаканчик, набрал в него воды и выпил. Мой хозяин позавидовал ему. Перед ним был человек, который ничего не потерял, чьи деньги пошли на то, на что надо, человек, который будет изучать компьютерную технику в европейском университете. Тобе был везунчиком — такому как не позавидовать, и поводов для грусти или злости у него не было. Тот крест, который он теперь нес, он нес ради моего хозяина и вскоре, несомненно, сбросит его, может быть, к заходу солнца или не позднее чем завтра. Тобе напоминал ему невинного Симона Киринеянина из мистической книги Белого Человека, который всего лишь случайно проходил по той же дороге, по которой вели приговоренного. Тобе случайно, как и Симон, оказался рядом — в соседней комнате. И его совесть, а не римские солдаты, заставила его нести крест моего хозяина. Но скоро он избавится от креста, и моему хозяину придется нести эту тяжесть одному на собственных плечах. Но не сейчас.

— Ты подумай, как такое поведение, такие дела влияют на нас, — сказал Тобе, вернувшись от ку-

лера. — Посмотри на нашу экономику, посмотри на наши города. Света нет. Работы нет. Чистой воды нет. Безопасности нет. Ничего нет. Всё, цена всего возрастает в два раза. Ничто не работает. Ты идешь в университет и думаешь, они выучат тебя за четыре года, а это затягивается на шесть или семь, если еще господь тебе поможет. А потом, когда ты заканчиваешь учебу, начинаешь искать работу, ищешь-ищешь, пока не поседеешь, а если и найдешь, то будешь работать-работать-работать, платить тебе не будут.

И опять Тобе замолчал, потому что полицейский, занимавшийся их делом, появился у стола с листком бумаги, но тут же снова вышел. Все, что Тобе сказал, чистая правда, думал мой хозяин. Он хотел, чтобы Тобе добавил еще что-нибудь.

— Ты вот знаешь, что меня больше всего беспокоит?

Мой хозяин отрицательно покачал головой, потому что Тобе перевел на него взгляд и без слов просил его ответа.

— Все деньги, что они наворовывают, эти глупые мошенники, уходят в никуда. Эти деньги не приносят им никакой пользы. Таков закон кармы. Возьми того мужика из Лагоса, который совершил ритуал жертвоприношения своей же-

ны, чтобы заработать деньги. Он умер жестокой смертью. И этот Джамике, он тоже понесет наказание. — Тобе щелкнул пальцами. Мой хозяин снова заглянул в глаза Тобе и увидел в них страстный порыв, стремление к кипучей деятельности, свойственные людям с сострадательной душой.

Тобе продолжал бы говорить, если бы не жажда, которая заставила его подняться и еще раз направиться к кулеру. Мой хозяин ожил после всего, что сказал Тобе. Есть ситуации, когда человек прекращает говорить, а его слова долго еще висят в воздухе, их можно потрогать, словно какой-то невидимый джинн повторяет их. «И этот Джамике, он тоже понесет наказание. Вот подожди, ты еще увидишь, что он плохо кончит». В наступившей тишине мой хозяин размышлял над этими словами. Неужели он увидит, как Джамике понесет наказание? И как он это увидит, если даже не знает, где сейчас Джамике и как до него добраться? Или он будет в каком-то месте в определенное время и увидит, как этот самый Джамике несет наказание и платит за то, что так унизил его? Он хотел, чтобы это случилось. Он сделает своей молитвой слова, сказанные Тобе — этим Тобе, который вообще-то носил четки под рубашкой и который сказал, что стал бы священником,

если бы не родители, которые хотели, чтобы он оставил после себя потомство, поскольку он был единственный ребенок мужского пола в семье. Этот несостоявшийся священник в самом деле молился за моего хозяина, не умевшего молиться за себя. И потому он в тайнике своей души громко произнес: «Аминь».

Когда они покинули полицейский участок, солнце клонилось к горам на горизонте, их хребты были видны из любого места в городе. Тобе сказал:

— Ну, видишь, надежда есть. Они еще могут его найти. По крайней мере, теперь, когда они нашли его данные, они знают, кто он. Они будут его искать. И как только этот идиот вернется на остров, они его схватят. И он непременно — клянусь Господом, сотворившим меня, — возвратит твои деньги. Все.

Мой хозяин кивнул, соглашаясь. По крайней мере, обнаружились какие-то следы Джанике. Ответ на вопрос ему дали, хотя и на неразборчивом языке. На данный момент этого было достаточно. Во время засухи и зловонная лужа становится живой водой.

Он снова посмотрел на листок бумаги, на котором Тобе записал информацию, полученную в

полиции, — шесть фактов:

1. Джамике Нваорджи.

2. 27 лет.

3. Студент Ближневосточного университета с 2006 года.

4. Не зарегистрирован для обучения в текущем семестре.

5. В последний раз прибыл в ТРСК 3 августа.

6. Выехал из ТРСК 9 августа.

Тобе заверил его, что этих шести фактов пока достаточно. Они получены из надежного источника. Мой хозяин сам видел, как Тобе задавал вопросы, а полицейский на них отвечал.

— Куда он отправился?

У полиции, у государства нет информации на этот счет.

— Когда он вернется?

Это им тоже неизвестно.

— Известен ли полиции кто-нибудь, друг или кто-то другой, кто точно знает, куда он отправился?

Полиция не занимается такой работой.

— Что сделает полиция, если он вернется?

Они его задержат и допросят.

— Будут ли они его искать, если он не вернется?

Нет, они — полиция Северного Кипра, а не полиция всего мира.

На этом у Тобе и моего хозяина вопросы закончились. Так что этих фактов, записанных Тобе разборчивым почерком на чистом листе бумаги, врученном моему хозяину, пока будет достаточно. Он предоставил Тобе решать, что они будут делать дальше, а сейчас, поскольку шел уже шестой час, им нужно было возвращаться в их временное место проживания. Они сходят в Ближневосточный университет завтра, сказал Тобе, когда он закончит собственную регистрацию на свои лекции и познакомится с консультантом потока. Они видели здание университета издалека, когда раньше направлялись в центр города. В Ближневосточном университете они узнают, нет ли там кого-нибудь из друзей Джамике, и, может быть, получат сведения о том, где его найти. Потом, собрав всю информацию, они поищут вместе жилье в городе, потому что, хотя мой хозяин и суток не пробыл в общежитии, Тобе провел там уже четыре дня, а новым студентам позволялось временное поселение всего на неделю. Тобе предложил также, чтобы они делили одну комнату, пока финансовые проблемы моего хозяина не будут улажены, потому что — подчеркнул Тобе

— он сделает все, чтобы зло не торжествовало, чтобы его брат не оказался без средств к существованию в чужой земле.

Мой хозяин чувствовал, что выбора у него нет — только принять предложение Тобе. Более того, делить стоимость жилья с Тобе, который сказал, что одному студенту дорого снимать для себя целую квартиру, будет некой формой благодарности. Мой хозяин чувствовал себя обязанным этому человеку, который столько сделал для него. Он согласился снимать квартиру на двоих и поблагодарил Тобе.

— Не о чем говорить, — сказал Тобе. — Мы братья.

Эгбуну, как гласит мудрость старых отцов, тот факт, что кто-то видел поблизости тень потерявшейся козы, еще не означает, что он сумеет ее поймать и привести в дом живой. Тот факт, что человеку дали какую-то надежду, еще не означает, что сломанное починено. Поэтому вполне можно понять, что, прежде чем сесть на автобус в обратную сторону, мой хозяин зашел в винный магазин, купил две бутылки крепкого алкоголя и положил их в сумку. При виде неописуемого удивления на лице Тобе он почувствовал необходимость объяснить свою покупку:

— Я не алкоголик. Это просто для спокойствия души. Из-за всего, что случилось.

Тобе закивал сильнее, чем следовало бы:

— Я понимаю, Соломон.

— Спасибо, братишка.

Осеберува, я, естественно, просто расскажу тебе, что сделал и сказал мой хозяин, после того как они вернулись в общежитие в тот день, но спектакль, который они видели в автобусе, и воздействие этого спектакля заслуживают некоторого отступления. Мой хозяин в первые часы своего отчаяния думал о своем компаунде, маленькой ферме, об окре, посаженной Ндали две недели назад и теперь уже, наверно, готовой зацвести, о своих курицах. Он думал о ней, спящей на его старой кровати, о том, как он смотрел на нее как-то вечером, она сидела среди книг и занималась. Он снова думал о том, как получилось, что она выбрала его и отдала себя ему. Он совсем было ушел в эти мысли, но тут Тобе похлопал его по плечу и сказал:

— Соломон, смотри, смотри.

Он посмотрел в окно автобуса и увидел африканца, чернота кожи которого выходила за все мыслимые пределы нормы, он был как двигающаяся, живая скульптура, покрытая смолой.

Человек, с которым Тобе разговаривал перед этим, сказал, что этот странный тип давно уже обитает на острове и стал таким знаменитым, что о нем написали в турецко-кипрской газете «Африка», логотипом которой, подчеркнул студент, является морда обезьяны. Никто не знал настоящего имени этого человека. Но все считали, что он из Нигерии. Он был выдающимся ходоком, который исходил город вдоль и поперек с портфелем, составлявшим, кажется, его единственную собственность и износившимся от времени. Человек этот ни с кем не говорил. Никто не знал, как он питается, как проживает дни. Моему хозяину пришло в голову, что Ти Ти, вероятно, рассказывал ему в аэропорту именно об этом человеке. Эгбуну, он смотрел на этого странного типа, пока тот не исчез вдали, и увиденное сильно потрясло его. Потому что он подумал, что, может быть, этот человек попал в такую же историю, что и он, и потерял разум.

Когда они приехали в кампус, он ушел в свою комнату. Она была пуста, если не считать его сумок на полу, рубашки, в которой он приехал, на одном из двух стульев и полотенца, которым он пользовался утром, повешенном теперь на одну из двух деревянных кроватей. Он понял,

что комната предназначалась для двоих. Он сел на стул и открыл бутылку. Ему пришло в голову, что он не знает, почему купил выпивку, знал только, что должен выпить эту жидкость, своей прозрачностью напоминавшую пальмовые вина — напиток благочестивых отцов. Бутылки обошлись ему в пятнадцать лир, что в пересчете составляло тысячу пятьсот найра. Он встал на стул, посмотрел на шкаф — можно ли положить туда багаж. Там не было ничего, кроме пыли и старой зубной щетки, которая слабо цеплялась за рыхлую, тонкую паутину, ее щетинки истончились и затвердели от долгого пребывания здесь. Он подумал, что совершает какие-то лишенные смысла поступки. Ему как-то сказали (он не мог вспомнить кто): худшее из того, что несчастья могут сделать с человеком, это превратить его в кого-то другого, кем он никогда не был. А это означает, предупредил его тот человек, полное поражение.

Вспомнив это старое предостережение, он поставил прозрачные бутылки на пол и забрался в кровать. На кровати не было белья. Он пытался расплести путаницу мыслей в своей голове, но не смог. Они говорили все одновременно, их голоса оглушали его. Он встал, взял одну бутылку. «Вод-

ка», — беззвучно прошептал он и протер рукой влажную этикетку. Он делал глоток за глотком, пока его глаза не взбунтовались горячими слезами и пока не началась отрыжка. Он поставил бутылку и сел на стул. Слушал, как по пустой комнате ходит Тобе. Вот он включил кран. Вот шлепает ногами по полу. Вот включился еще один кран, за ним раздался звук струйки мочи в туалете. Плевок в раковину. Кашель. Мелодия церковной песни. Опять шаги. Открылась дверь комнаты, тихонько скрипнула кровать. Когда Тобе находился вне пределов слышимости или молчал, мой хозяин перемещал свои мысли туда, куда ему требовалось: на Джамике.

Эбубедике, он столько размышлял об этом человеке поздним вечером, что, когда здешняя темнота почти полностью окутала горизонт, трансформация, о которой его предупреждал забытый голос, завершилась. Он тогда лег полураздетый на голый пол, его разум перекорежило, он превратился в того, кем он не был. Он увидел, как превращается в льва, как охотится в диком лесу, ищет зебру по имени Джамике — животное, которое исчезло со всем, что принадлежало ему, его отцу, его семье. С большим трудом ему удалось представить Джамике, и он принялся

разглядывать его с пристальным любопытством. Кашель перехватил горло, и он расплевал капли выпитого по комнате.

Он вызвал перед своим мысленным взором эпизод, о котором вспоминал раньше, эпизод, случившийся в 1992 году, как называет то время Белый Человек, вспомнил о том, как Джамике позднее на той неделе отомстил ему и его друзьям. Джамике включил их имена в список «крикунов», тогда как на самом деле мой хозяин вообще не говорил. Но на основании ложного доноса Джамике моего хозяина и его друзей выпорол дисциплинарный учитель. Моего хозяина настолько обидела несправедливость наказания, настолько рассердила, что он подстерег Джамике после школы и пытался завязать с ним драку. Но Джамике отказался драться. По традиции нельзя было драться с тем, кто отказывается драться, или ударять того, кто не станет ударять тебя в ответ. И потому тогда мой хозяин мог сделать только одно: объявить себя победителем несостоявшейся драки. «Девчонка, ты отказываешься драться, потому что знаешь: я тебя поколочу», — прокричал он. Тогда все согласились, что победил он. Но теперь, лежа на полу комнаты в этой чужой стране, он страшно жалел, что они не подрались

в тот раз, и если бы он тогда поставил Джамике хоть несколько синяков, это стало бы утешением сегодня, пусть и слабым. Он бы поколотил Джамике, сделал бы ему подножку, извалял в пыли.

Эгбуну, он пребывал в ярости, хотел, чтобы драка состоялась сейчас, в этой стране, и он бы разбил бутылки водки о голову Джамике, смотрел бы, как алкоголь просачивается в его раны. Он закрыл глаза, пытаясь утихомирить сердце, и словно какое-то непрошеное божество услышало его просьбу: перед его мысленным взором возник и замер Джамике, залитый кровью. Куски битого стекла торчали у него из шеи, из груди, даже на животе запекся большой сгусток крови, словно заплатка из дополнительной кожи. Мой хозяин моргнул, но изображение не пропало. Джамике лил слезы от явной мучительной боли, а с его дрожащих губ срывались слова.

Это видение явилось ему с такой яркостью, что его пробрала дрожь. Бутылка выпала из руки, водка пролилась на ковер. Его охватило неожиданное сильное желание не дать Джамике истечь кровью до смерти. Он протянул руки и обратился к страдающему человеку, словно тот и в самом деле находился перед ним, с мольбой прекратить истекать кровью. «Слушай, я совсем

не хотел так вот изранить тебя, правда, — сказал он, закрывая ладонью глаза, чтобы не видеть эту жуткую картину, этого окровавленного с ног до головы человека. — Мои полтора миллиона найра. Прошу тебя, Джамике, пожалуйста. Верни мне их — и я вернусь домой, клянусь богом, который меня сотворил. Только верни мне деньги!»

Он снова посмотрел на своего слушателя, и мерцающая фигура словно в ответ задрожала еще сильнее. Он смотрел в ужасе, видел лужу крови, собирающуюся на полу между ног раненого. Он сел и прогнал этот образ, который хотя и существовал только в его воображении, но при этом, казалось ему, находился в комнате.

— Слушай, я не хочу, чтобы ты умирал, — сказал он. — Я не…

— Соломон, ты не заболел?

Это был голос Тобе из реального мира предметов, плоти и времени, Тобе стучал в его дверь.

— Нет, я здоров, — удивленно ответил мой хозяин: оказывается, он так шумел, что его слышал Тобе.

— Ты по телефону говоришь?

— Да, да, по телефону.

— О'кей. А то я услышал твой голос, не знал, что и думать. Пожалуйста, постарайся уснуть, чтобы

успокоиться.

— Спасибо, братишка.

Когда Тобе ушел, мой хозяин громко сказал: «Да, я тебе позвоню завтра. — Потом помолчал, делая вид, будто слушает ответ, и сказал: — Да, и тебя тоже. Спокойной ночи».

Он огляделся, не увидел никакого Джамике, протер глаза, в которых собрались слезы, пока он умолял призрака. Иджанго-иджанго, в памятный момент жизни, который я не в силах забыть, мой хозяин искал его, проверил кровать, посмотрел за красной занавеской, на потолке, постучал по полу, он шептал, искал враждебную тень Джамике. Куда исчез человек, который истекал кровью? Где тот человек, которому он нанес смертельный удар? Но он никого не нашел.

Перед ним теперь возник образ чернокожего сумасшедшего, и он в страхе забрался в кровать. Но уснуть не мог. Стоило ему закрыть глаза, как он сразу же, словно бешеный кот, выпрыгивал на пустошь этого выжженного дня и рылся в этой благодарной почве, гарцевал посреди мусора, откапывал, выискивал подробность за подробностью — о банке, девице, которая трогала его волосы, о запросе в полиции, о встрече с Дехан, о воспоминании, как он поступил с Джамике мно-

го лет назад, что, по его представлениям, могло стать причиной этой великой ненависти, этого беспримесного злого умысла, вынашиваемого долгие годы. Он разгребал, выискивал, высматривал, пока не извлек всего, пока его мозг не оказался доверху забросанным мусором. И только тогда он уснул. Но ненадолго. Потому что вскоре он проснулся, и этот цикл начал безжалостно повторяться снова и снова.

Акатака, состояние моего хозяина так встревожило меня, я стал так опасаться за его будущее, что в течение того короткого времени, когда он спал, близко к полуночи, я вышел из его тела. Я подождал и, не увидев никаких духов в комнате, перешел в эфир и полетел через скопление духов в долины Эзинмуо. Через какое-то время я был в пещере Нгодо, в обиталище многих тысяч духов-хранителей. Как только мои ноги коснулись светящегося пола, я увидел духа-хранителя, которого знал много лет назад. Он был чи отца одного из моих бывших хозяев. Я спросил, не знает ли он чи живого человека по имени Джамике Нваорджи, но он не знал. Я оставил этого духа, который сидел в одиночестве, играя с серебряным кувшином у водопада. Я спросил у группы духов-хранителей, один из которых не

имел хозяина вот уже двадцать человеческих лет, и он сказал мне, что найти какого-нибудь чи, который знал бы нынешнее местоположение живого хозяина или его чи, будет затруднительно. И в самом деле, я посмотрел на множество духов-хранителей вокруг, которые были лишь малой частью бессчетного множества духов-хранителей на земле, и понял бесплодность моей миссии. Я знал, что не смогу найти Джамике или его чи, если мне неизвестно, где они находятся. Опечаленный, потерпевший поражение, я вознесся со сверхъестественной силой в небеса и вскоре уже был на той единственной эзотерической тропе спуска, что известна только тебе, Чукву, и мне. Потому что это единственный путь, которым я могу вернуться в моего живого хозяина, словно влекомый магнетической силой, из любого места вселенной.

13. Метаморфоза

Обасидинелу, великие отцы в своей природной мудрости говорят, что мышь не может намеренно попасться в мышеловку. Собака не может знать наверняка, что в конце тропы глубокий заиленный пруд, а если бы знала, то не стала бы намеренно нырять в него, чтобы утонуть. Никто, видя огонь, не прыгает в него по собственной воле. Но тот же человек может свалиться в огненную яму, если он не увидел ее. Почему? Потому что зрение человека ограничено, он не может видеть за границами того пространства, куда достигает глаз. Ведь если кто-то придет к человеку в его дом, чтобы разделить пищу с его семьей, то этот человек может сказать: «Дианий, я только что вернулся с большого севера, угву-хауса[67] с двумя коровами, и они стоят столько-то». Он может приправить сказанное словами: «Я пришел к тебе, потому что мой скот особого племени, дает много хорошего молока, его мясо вкусно, как мясо *нчи*, пойманного в лесу Огбути». Возможно, такие

[67] Примечания: 67

Горный хауса *(игбо)*: хауса — один из народов Нигерии и ряда других африканских стран, а также язык этого народа.

слова убедят хозяина дома. Он может решить, что продавец исполнен доброй воли, и поверить всему сказанному, хотя своими глазами он ничего и не видел. Но он не знает, что коров плохо кормят, что они болеют или что они вовсе не племенные. И поскольку он не знает, он покупает коров за названную цену. Я видел это много раз.

Чукву, почему случаются такие дела? Потому что человек не может видеть то, что ему не показано, как не может видеть и то, что от него скрыто. Произнесенное слово считается правдивым, твердым, пока не доказано, что оно ложное. Истина является зафиксированным, неизменным состоянием. Она противится любой лакировке, любым махинациям. Ее нельзя украсить, ее нельзя приправить. Ее не согнуть, не переделать, не передвинуть. Человек не может сказать: «Почему бы нам не сделать этот отчет яснее, добавив к нему такие и такие подробности, тогда слушатель, может быть, лучше поймет». Нет! Такое деяние исказит истину. Человек не может сказать: «Друг мой, если меня спросят в суде, совершил ли мой отец преступление, то я, не желая, чтобы мой отец отправился в тюрьму, отвечу ли, что он не совершал преступления?» Нет, глупый человек. Это будет ложь. Говори только то, что

ты знаешь. Если факты сомнительные, не делай их достоверными. Если факты достоверные, то не отнимай от них ничего, чтобы принизить их. Если факт короток, не растягивай его, чтобы он стал длинным. Истина противится руке, которая творит ее, чтобы не быть связанной этой рукой. Она должна существовать в том состоянии, в котором была сотворена впервые. Вот почему, когда один человек приходит к другому с ложью, он маскирует факты. Может быть, он предлагает гремучую змею в калебасе с едой. Он может облачить разрушение в одежды сострадания, чтобы завлечь в сети того, на кого направлен обман, пока тот не поддастся на уловку, не лишится всего, что имеет, не будет уничтожен. Я видел это много раз.

Осебурува, я говорю это не только из-за того, что случилось с моим хозяином, но и из-за того, что, когда он проснулся в глубокой глотке ночи вскоре после моего возвращения из пещеры духов-хранителей, первая пришедшая ему в голову мысль была: я ведь так еще и не позвонил Ндали, а ведь обещал позвонить. Она заставила его пообещать еще, что он никогда не будет ей лгать. Это случилось за несколько дней до его отъезда в Лагос, они сидели тогда на заднем дворе, смот-

рели на одного из бройлеров, который закончил прихорашиваться и теперь небрежно выклевывал перья вокруг своей шеи. Она посмотрела на моего хозяина, будто вдруг вспомнила что-то, и сказала:

— Нонсо, ты обещаешь?

— Да, — ответил он. — Обещаю.

— Ты знаешь, ложь — это такое зло… Как я могу узнать то, чего я не знаю, если мне об этом не скажут, если мне говорят что-то другое вместо того, что надо?

— Оно так, мамочка.

— Обим, это означает, что ты никогда ни за что не будешь мне лгать?

— Да, ни…

— Никогда, ни за что. Я говорю, невзирая ни на какие обстоятельства? Никогда?

— Никогда, мамочка.

— Обещаешь?

— Всем сердцем.

И тогда она открыла глаза, но, когда увидела его глаза, опять закрыла.

— Нет-нет, Нонсо. Правда, послушай меня.

Он ждал, что она добавит, но она долго молчала. Даже сейчас он не мог объяснить, почему она молчала. Может быть, ей пришла в голову

какая-то мысль, такая большая, что надолго отвлекла ее? Или же ее обуял такой сильный страх, что она взвешивала каждое слово с осмотрительностью, схожей с осмотрительностью человека, которому предстоит определить, принадлежит ли покрытое пока искалеченное тело любимому человеку?

— Ты мне никогда не будешь лгать, Нонсо? — сказала она наконец.

— Я тебе никогда не буду лгать, мамочка.

Ониекеруува, мой хозяин проснулся тем утром, словно его разбудил крик невидимки. Когда он открыл глаза, то услышал вдалеке звук автомобиля, словно скрежетал подъемник или тяжелый грузовик. Некоторое время он прислушивался, чтобы удержать на плаву страх, который пристроился на поверхности его сознания, словно капля масла. Он боролся с этим страхом, думая о том, что́ он лично может сделать, чтобы найти Джамике. Когда свет, проникший в комнату из-за занавесок на окне, коснулся его, он сел и попытался обнаружить Джамике в густой чаще своих мыслей. Когда день сметет ночную тишину, он поднимется и будет бродить по этой новой стране. Он будет заходить во все места, чтобы найти кого-нибудь, кто может знать, куда

девался Джамике или как с ним связаться. Где-то должен обнаружиться друг, который может знать о месте обитания Джамике. Он больше не позволит Тобе нести его крест, теперь он должен нести его один.

Он вымылся, взял сумку с документами и вышел, прежде чем услышал какие-либо звуки из комнаты Тобе. С восходом солнца он прошел по кампусу, мимо тех же мест, где проходили они с Тобе. Сел на скамейке у круглого пруда, где стояла скульптура лягушки, смотрящая на мутноватую воду над черным заиленным дном. На краю скамейки сидели светлокожие парень и девушка, разговаривали по-турецки. Они поднялись, как только он опустился на скамейку, а уходя, все время оглядывались, отчего он проникся убеждением, что они говорят о нем.

Он сидел там, пока часы на его заряженном телефоне не показали 8:14. Тогда он встал, и в это время точно по расписанию в 8:15 подъехал автобус. На пути от скамейки до автобусной остановки из земли, наподобие странного растения, торчал фонтан из какого-то неизвестного ему материала, и из него били живые струи воды. Мой хозяин остановился перед разбрызгивателями, чтобы определить направление струй, и когда

разбрызгиватели развернулись в другую от него сторону, он без опаски прошел мимо и прибавил шагу, чтобы не упустить автобус.

Он вошел в салон, и водитель что-то сказал ему.

— Турецкий нет, — ответил он.

– *Турецкий нет*, — сказал водитель.

— Да, английский, не турецкий.

— Ты нигерийска?

— Да. Я из Нигерии.

Последние слова он произнес рассеянно, после чего сел. Автобус поехал по улице, а по тротуару шли два нигерийца и несли нейлоновые сумки из «Лемара», того супермаркета, где они с Тобе покупали сим-карту. Он не знал, почему встал с сиденья при виде одного из них, потом одернул себя и снова сел. Что-то необъяснимое навело его на мысль, длившуюся всего мгновение, будто один из этих людей — Джамике. Он сел, чувствуя на себе испуганные взгляды пассажиров, решивших, наверное, что он сошел с ума.

Увидев, что автобус приближается к остановке, на которой ему нужно выходить, он шагнул вперед, покидая и то место, где стоял, и дикие заросли своих мыслей. Пошатываясь, он прошел вперед, ухватился за поручень. Водитель увидел его в

зеркале, висевшем перед ним, и усмехнулся:

— Нигерия очень хорош, футбол. Очень, очень хорош. Джей-Джей Окоча, Амокачи, Кану — очень хорош, Нигерия, аллах, клянусь!

Выйдя из автобуса, мой хозяин снова погрузился в воспоминания о том вечере во дворе, словно его вернул туда удар какой-то невидимой дубинки.

— «Мамочка», — сказала она и рассмеялась. — Ты очень необычный человек, Нонсо. Ты меня всегда так будешь называть?

— Оно так, мамочка.

Она снова рассмеялась.

— Тебе нравится?

— Да, но это странно. Я никогда не слышала, чтобы кто-то называл свою подружку «мамочка». Говорят «детка», или «дорогая», или «любимая». Но чтобы «мамочка»? Это что-то ни на что не похожее.

— Я понима…

— Вот, я вспомнила, вспомнила, Нонсо! Сегодня во время службы в церкви мы пели песню, которая очень напомнила мне о тебе, Нонсо. Я не знаю почему, не знаю, но я думаю, что знаю почему. Это из-за слов в песне о том, что ты приходишь ко мне. «И ты приходишь ко мне». Это напоми-

нает мне о тебе, о том, как ты вдруг из ниоткуда пришел ко мне.

— Ты должна это спеть, мамочка.

— Боже мой, Нонсо, я должна? — Она легонько ударила его по руке.

— Ай, ой! Ты меня убьешь, да.

Она рассмеялась.

— Я знаю, мои удары для тебя как перышки. Но ты говоришь, они тяжелые. Но *это же ложь*. Но, понимаешь, это песня, обращенная к богу. Поэтому я не хочу обращать ее к тебе так, словно она любовная.

— Извини, мамочка. Я знаю. Я просто хочу, чтобы ты спела ее. Я хочу услышать, как ты поешь, и еще понять, почему она вспомнила тебе меня.

Он закончил говорить, и теперь она открыла глаза.

— «Напомнила», а не «вспомнила». «Напомнила тебе обо мне».

— Ой, мамочка, ты права. Извини.

— Ну хорошо. Только я стесняюсь. *Ама'им ка е ыш а гу эгву*.

— Хороший игбо, — сказал он и рассмеялся.

— Глупо! — Она снова ударила его. Он поежился и сморщился, словно от боли. Она высунула язык, оттянула вниз кожу под глазами, так что теперь

стали видны целиком ее глазные яблоки до самой сеточки прожилок. — Вот что ты заслуживаешь за твои насмешки надо мной.

— Ну, теперь ты споешь?

— Хорошо, *обим*.

Он смотрел на нее, а она подняла глаза, сплела пальцы и начала петь. Ее голос словно покачивался, мягко и нежно, когда слова слетали с ее губ. Эгбуну, невозможно без волнения наблюдать за силой воздействия музыки на сознание человека. Старые отцы знали об этом. Поэтому они и говорили, что голос великого певца могут услышать и глухие уши, и даже мертвые. Ах, как это верно, Осебурува! Ведь человек может пребывать в состоянии глубокой печали — в этом утробном, погребенном состоянии. Целыми днями он может лежать неподвижно, в слезах, иногда даже отказываясь есть. Соседи приходят и уходят, родня появляется и исчезает из дома со словами «крепись, братишка, все будет хорошо». Но вот все слова сказаны, и он возвращается в свою темницу. Но дайте ему послушать хорошую музыку, спетую красивым голосом или по радио, и вы увидите, как его душа поднимается, медленно поднимается из темницы, выходит через порог на солнце. Я видел это много раз.

Сильные руки последних строк схватили моего хозяина, чей страх потерять Ндали в те дни все нарастал.

Ты мой царь,
Ты мой царь,
И ты идешь ко мне.
Иисус, ты идешь ко мне,
И ты идешь ко мне,
И ты идешь ко мне.

Когда она закончила, он схватил ее руку и поцеловал с такой страстью, что позднее, когда они занимались любовью, она спросила, не от песни ли ей было хорошо, как никогда.

Эта песня звучала в его голове, когда он сошел с автобуса на мощеную аллею, которая выводила на длинную дорогу к Ближневосточному университету. И песня оставалась с ним даже потом, словно навязчивый шум, уловленный ухом вселенной. «И ты идешь ко мне». Впереди и вокруг, повсюду, куда достигал его взгляд, он находил свидетельства того, что говорил ему об этой стране Ти Ти, человек, с которым он познакомился в аэропорту: здесь в основном только пустыня, горы и море, здесь не растет ничего съедобного.

Единственное, что он видел перед собой, — голую землю. Иногда на этой земле лежала большая кипа сухих сорняков, похожая на то, что люди за великим океаном называют сеном. А на обочине дороги стояли большие билборды. Перед самой автобусной остановкой он увидел площадку с разбитыми автомобилями и всевозможным металлоломом. На траве стоял разобранный до самой рамы грузовик с пустыми глазницами фар. Рядом с ним стояла белая спортивная машина, перевернутая и удерживаемая на месте выжженными останками того, что прежде было, видимо, пикапом. Тут же — еще один грузовик, искореженный, со смятой до неузнаваемости кабиной.

Он подумал было позвонить Ти Ти, поскольку Ти Ти учился в Ближневосточном, в том самом университете, название которого Тобе записал на своей бумажке, когда им сказали, что именно там и учится Джамике. Он начал искать свой телефон, но я осенил его мыслью, что он не записал номера Ти Ти. Когда они встретились в аэропорту, телефон моего хозяина разрядился. Он со злостью посмотрел на телефон, потер руку о его ребро. Ему пришло в голову забросить телефон куда подальше и больше никогда его не видеть. Но он поймал себя на том, что просто засовывает телефон в

карман. Теперь он дошел до ограды, за которой находилось что-то похожее на стадион. Перед воротами стояла в ожидании группа людей, среди них он увидел чернокожую девушку. Ее платье из ткани анкара напомнило ему платье, которое когда-то носила его сестра. В ушах у девушки он увидел затычки, и она покачивала головой в такт музыке, принимаемой этими затычками, которые мой хозяин определил в своей голове как «наушники». Он подошел к ней.

— Скажи, пожалуйста, сестра, это Ближневосточный?

— Нет. Ближневосточный еще дальше, — ответила она.

— Вот как. Далеко?

— Да, но нас туда отвезет автобус. А вот и он. Мы в него сядем, и он тебя высадит у кампуса, куда тебе надо.

— Спасибо, сестра.

Этот автобус был аккуратнее, новее, пассажиров в нем было побольше, чем в том, на который он сел у своего университета, и в нем ехало много турецкой молодежи, говорившей на своем языке. Чернокожая девушка прошла назад и, не найдя свободных мест, осталась стоять, держась за поручень, торчавший из штанги под потолком.

Автобус внутри был весь обклеен всевозможными постерами. И ни один из них не был на знакомом ему языке. На одном постере черный студент стоял рядом с белым студентом, оба показывали на здание, высокое, как некоторые из тех, что он днем ранее видел в центре города. Он теперь подумал о том, насколько все другое в этой стране. Там, в земле великих отцов, нищие и люди, продававшие всякие вещи, штурмовали автобусы, чтобы продать свои товары, пытались привлечь внимание пассажиров. Он вспомнил толпы в автобусном парке в Лагосе, как он пытался торговаться с человеком, который продавал дешевую парфюмерию и не давал ему прохода. Ему пришло в голову, что он попал в хорошее место, ему, вероятно, понравилось бы здесь, по крайней мере порядок здешний понравился бы.

Он вышел на первой остановке у университета. Вместе с ним вышли два студента с книгами. Автобус двинулся дальше, издавая громкий жалобный вой, по дороге между двумя полями искусственной, как мне показалось, травы — ничего подобного в стране великих отцов никогда не было. Одно из зданий располагалось у широкой дороги напротив небольшого холма. Он, однако, толком не продумал, куда ему идти. Я

не мог ничем ему помочь, потому что здесь не было ничего мне знакомого, дела обстояли даже хуже, чем с моим прошлым хозяином, увезенным в рабство через могучий океан, через мощные бескрайние водные просторы, которые покрывают бóльшую часть земной поверхности. Там, в Вирджинии, мой прежний хозяин по имени Йагазие оказался среди других пленников из разных чернокожих народов, многие из которых не говорили на языке великих отцов. То место было малонаселенным. Там стояли огромные здания, в строительстве двух из них он принимал участие, и вокруг них жили его поработители. Остальное пространство занимали поля и горы, поля такие же густые, как леса Огбутиукву. Там не было того величия, которое мой нынешний хозяин видел здесь, ни ярких огней на улицах по вечерам, ни всяких штук, которые производят разные звуки. И потому, пока он думал, что делать дальше, я молчал. Эгбуну, в этот момент, когда разум моего хозяина не мог нащупать мысль, решающую проблему, а я, его дух-хранитель, тоже ничем не мог ему помочь, вселенная протянула ему руку: когда он направился к ближайшему зданию, зазвонил его телефон. Он поспешил открыть его и ответил на звонок.

Голос Тобе на другом конце звучал обиженно, с ноткой озабоченности. Мой хозяин ответил:

— Я в Ближневосточном, братишка. Не хотел и дальше заморачивать тебя моими проблемами.

— Понимаю. Ты его нашел?

— Нет. Я только что приехал. Я даже не знаю, что мне делать.

— Ты не был в международном отделе, вроде того что возглавляет Дехан здесь, в МКУ?

— Господи Иисусе! Так оно, братишка. Именно туда я и должен пойти.

— Да-да, — сказал Тобе. — Начни оттуда.

– *Чай, да'алу ну*[68], — сказал он, чуть ли не через слезы, потому что снова не мог понять, как же эта отличная идея не пришла ему в голову.

— Так ты вернешься, чтобы мы могли вместе пойти к жилищному агенту? Ди дал мне адрес. Сегодня мой пятый день в общежитии, осталось еще два.

— Так оно, *нваннем*[69]. Я скоро вернусь. Как только закончу.

До этого момента его подогревала смелость, им двигала решимость самому нести свой крест. Но

---

[68] Примечания: 68
Ай-ай, вот спасибо-то (*игбо*).

[69] Примечания: 69
Брат мой (*игбо*).

теперь смелость покинула его. То ли потому, что он услышал голос Тобе, то ли потому, что добрался до такого места в этой стране, где наверняка бывал Джамике, и не знал, как ему действовать дальше, — мне это неведомо. Ясно стало лишь то, что после разговора в нем произошли какие-то перемены. Он шел походкой кузнечика, выгнанного из своей норки, пока не увидел человека с круглым лицом — в его народе таких называли «китайцы».

— Ха, — выдохнул человек в ответ на вопрос моего хозяина и добавил, что сам только что из международного отдела.

Этот человек подвел его поближе к зданию с фасадом, подобных которому мой хозяин не видел никогда прежде. Рядом на множестве древков висели флаги, среди которых он увидел один с белой полосой посредине и зелеными по бокам — флаг страны, из которой он прибыл.

Эгбуну, перед тем как войти в дверь, мой хозяин принялся в страхе искать духовной помощи. И действовал он при этом так, как действовали верные отцы. Но если отцы обратили бы молитвы к их *икенга*, или *чи*, или *агву*, или даже к иному божеству, то мой хозяин молился алуси Белого Человека, молился, чтобы тот помог ему найти

здесь Джамике, молился впервые за много лет. Потому что он опасался, что за этими дверями — последний источник его надежды.

«Бог Иисус, будь милосерден ко мне. Прости мне все мои грехи, как я прощаю всем тем, кто посягал на меня. Если ты поможешь мне вернуть все мои деньги, если ты не допустишь, чтобы это случилось со мной, я буду служить тебе до конца моих дней. Именем Иисуса я молюсь. Аминь. Аминь».

Акатака, ты должен меня простить. Ты создал нас так, что мы едины с нашими хозяевами. А потому вскоре мы начинаем страдать их страданиями. То, что болит у них, болит и у нас. И вот потому я не хочу описывать, что он пережил в международном отделе, а лучше расскажу тебе о том, какое это оказало на него воздействие, о последствиях. Потому что я не хочу оставаться здесь еще надолго, видеть множество духов-хранителей, ждущих твоей аудиенции. И я скажу: то, что он узнал здесь о человеке, которого искал, сводилось, как и сказали в полиции, к тому, что Джамике и в самом деле числился в этом университете и был широко известен среди иностранных студентов. Еще он узнал, что Джамике пробыл студентом всего один семестр, хотя в

стране провел уже два года. Он перестал ходить на лекции через три недели. Один из сотрудников международного отдела, который назвался Аийеторо и приехал из той же страны, что и мой хозяин, когда тот закончил говорить со старшим международным чиновником, отвел его в сторону в пустом коридоре.

— Омо, ты, возможно, попал в серьезную беду, — сказал ему этот человек.

— Я знаю, — ответил мой хозяин.

— Знаешь? Постой, а ты знал Джами раньше, в Нигерии?

Мой хозяин кивнул:

— Мы вместе учились в начальной школе, брат.

— Что — в Умуахии?

— Так оно.

— А потом ты его знал? Ты знал, что он мошенник?

Мой хозяин отрицательно покачал головой:

— Нет.

— Ай-ай. Он серьезный жулик. Профессиональный мошенник. Сколько он у тебя взял?

Мой хозяин посмотрел на этого человека и на мгновение вспомнил своего гусенка, птицу, которую так любил, первое существо, к которо-

му прилепилось его сердце. Образ, возникший перед ним, был неподвижным, но, Эгбуну, он был гораздо больше, чем неподвижный образ. Он был событием. Это случилось после того, как мой хозяин прочел книги про сокольничих и начал называть себя сокольничим и думал о том, чтобы выпускать свою птицу летать над городом. Он решил купить очень длинный шпагат и очень прочный. И еще он попросил отца купить ему соколиные путы, такие штуки, которыми он обвязал птицу, как ножными браслетами, прежде чем выпустить ее в небо. Поначалу гусенок не хотел лететь. Он предпочитал голосить и печалиться. Но однажды он поднялся очень высоко, гораздо выше гуавы, до предельной длины шпагата, хотя мой хозяин и поднял ввысь руку, только один раз обмотав шпагат вокруг запястья. В тот раз его радость при виде летающего гусенка была так велика, что он расплакался.

— Ты не хочешь мне говорить? — спросил человек. — Я хочу знать, чтобы я знал, как тебе можно помочь, да?

— Очень много, брат. Около семи тысяч евро.

– *Йе парипа*![70] Джисос! О'кей, знаешь что? Не

[70] Примечания: 70
Восклицание, выражающее возмущение.

дрожи, да? Успокойся. Я тебе помогу. Этот тип провел уже немало людей. Я видел его в последний раз в прошлом году, но я знаю ребят, которые снимают с ним квартиру, и они его видели.

Гаганаонву, этот человек дал моему хозяину надежду. Человек, попавший в беду, будет цепляться за что угодно, чтобы выжить. Я видел это много раз. Тонущий человек не просит веревку, когда ему протягивают палку или ветку вместо плота. Он цепляется за все, до чего можно дотянуться. И вот на окраине кампуса, там, где немногим ранее он разговаривал с темнокожей девицей, Аийеторо остановил для него такси и назвал шоферу адрес в каком-то городе, который он назвал Гирне[71]. Мой хозяин поблагодарил Аийеторо, пожал ему руку своими потными ладонями, и тот ответил ему:

— Все в порядке, братишка.

Мой хозяин отбыл в Гирне совершенно разбитый. Долгое время они ехали по равнинной местности, окруженной горами. Он смог внимательнее рассмотреть флаг, нарисованный на склоне, тот флаг, что он видел в подсветке в первый свой вечер здесь. Он разглядывал его

[71] Примечания: 71

Кириния, Кирения (*греч.*), Гирне (*турецк.*) — портовый город на северном побережье острова Кипр.

особенности: алые полумесяц и звезду на белом фоне. Он сообразил, что этот флаг очень похож на турецкий: белый полумесяц на алом фоне. В уюте и покое автомобильного салона его мысли, благодаря песне, которую он вспоминал раньше, снова вернулись к Ндали. Он чуть не расплакался. Он знал: будь у нее его новый номер телефона, она бы попыталась позвонить ему или отправить сообщение. Во внезапном порыве он набрал ее номер, предварив его знаком плюс, но в последний момент испугался и отключил телефон. Но в то же время он опасался, что она беспокоится, недоумевает: что с ним случилось? Он набрал ее номер еще раз и стал ждать, сердце его колотилось, на третий гудок она ответила. Эгбуну, я не берусь описать эмоции, которые овладели им, когда раздался ее голос. Он заерзал, потер руку о сиденье, когда она сказала:

— Алло, алло, кто это? Вы меня слышите? Алло? Алло, вы меня слышите? — Он задержал дыхание, стараясь не издать ни одного звука, который она могла бы опознать. Услышал ее вздох. — Может быть, плохая связь, — сказала она и снова вздохнула. — Может быть, это даже Нонсо, а? — После этого она отключилась.

Он посмотрел на телефон. Ее голос все еще зву-

чал в его ушах, словно пойманный там.

— Мне не нужно… — начал говорить он, но замолчал и снова посмотрел на телефон. — Мне не нужно было приезжать сюда, — сказал он на языке отцов. — Мне не нужно было приезжать. Не нужно было приезжать.

— Что-что? — спросил водитель.

Мой хозяин удивился, осознав, что не думал, а говорил вслух.

— Извините, это я не вам, — сказал он.

Водитель помахал рукой:

— Нет проблем. Для меня нет проблем, arkadas.

И опять меня охватил страх, потому что один из признаков человека в отчаянии — его неспособность делать различия между реальностью и воображением. На протяжении остального пути он держал себя с деликатностью, словно растрескавшийся во многих местах стакан с жидкостью, который все же не распадался на части, удерживался каким-то чудом. Машина ехала дальше, и в этот короткий период передышки он вдруг оценил природную красоту острова. Когда они подъехали к Гирне, ландшафт сменился — ничего подобного он никогда прежде не видел: это было не похоже на землю богатых отцов. За́мки и дома, некоторые с турецким флагом, стояли

на вершинах гор и гранитных обнажений. Его потрясло, что люди могут строить дома на горах и холмах. Последний участок шоссе устремлялся вверх из подобия долины, образованной длинной монолитной скалой с одной стороны и поросшим жидким кустарником полем, усеянным обломками скал и камнями, — с другой. И казалось, скалы медленно надвигаются на уходящую вверх дорогу, откуда глазам открывался вид на весь город: большие и маленькие дома, одни похожи на башни, другие заканчиваются шпилями. А вдали за всем этим — чаша Средиземного моря, его голубая вода, видимая в просветах между тесно стоящими домами. По мере приближения море словно расширялось, и когда они добрались до огромного моста на въезде в Гирне, возникло впечатление, что весь город обнесен и удерживается какой-то невидимой оградой, которая не дает ему упасть в море.

Наконец они приехали, и водитель показал на фасад трехэтажного дома:

— Вот, arkadas.

Мой хозяин вытащил из кармана тридцать две лиры и дал водителю. Потом прошел в металлическую дверь, мучительно вспоминая имя человека, который направил его сюда, — Аийето,

Аийету.

Он постучал в ближайшую квартиру, на двери которой была прибита табличка с номером 1. Рядом висел постер с надписью на турецком, ниже располагалась переведенная версия: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ. Появилась женщина-турчанка, а за ней маленькая девочка с растрепанной куклой в руках.

— Извините, — сказал он.

— Нет проблем. Ищете нигерийцев? — спросила женщина на удивившем его хорошем английском.

— Да, нигерийцев. Где они?

— Квартира пять, — женщина показала наверх.

— Спасибо.

Он поспешил наверх, подгоняемый буйными мыслями, сердце его колотилось, малое семя надежды пустило корень в его мозгу, как выросший на сиденье старой заброшенной машины гриб, который он видел как-то раз. Может быть, он найдет здесь Джамике, который, может быть, тайно, чтобы избежать встречи с полицией, вернулся через прозрачные границы с Южным Кипром и теперь прячется. Может быть, поэтому в полицейских бумагах он числится как выехав-

ший из страны. Эта надежда, дикая, как тот гриб, что вырос без почвы и воды на искореженной и прогнившей арматуре машины, жила в нем и тогда, когда он поднялся до нужного этажа, где начал ощущать аромат нигерийской пищи и слышать громкие мужские голоса, спорящие на языке Белого Человека и его ломаной версии. Он подождал у двери, стоял, приложив руку к груди, потому что ему казалось, что среди других голосов он отчетливо слышит голос Джамике, кричащий в своей кичливой манере, с заметным нигерийским акцентом. Потом он постучал.

Аквааквуру, работа духа-хранителя нередко становится гораздо более трудной, когда сломлен дух нашего хозяина, его неподвластный годам *оньеува*, существующий в теле хозяина только как отражение его разума. Если он сломлен, то хозяин впадает в отчаяние. А отчаяние — это смерть души. А потому очень трудно поддерживать, сколько хватает сил, хозяина, когда он в отчаянии, не давать ему упасть. Вот почему, когда он выходил из того дома, от тех людей, знавших, где находится Джамике, я осенил его веселыми мыслями. Я напомнил ему тот день, когда он съел *угбу*, а после обосрался. Он вспомнил, как орошал говном травку в зарослях. От этих воспоминаний

он должен был бы рассмеяться, но он не смеялся. Я напомнил ему кое о чем, что очаровывало его больше всего: то, как зевал гусенок. Как гусенок открывал клюв и как его серый язык дрожал вместе с перламутровым шаром, раздувавшимся в подъязычье. Его клюв раскрывался в два раза шире любого человеческого рта, забавно растягивая немалую часть его пленочной кожи. В любое другое время мой хозяин рассмеялся бы. Но сейчас он не смеялся. Не мог. Почему? Потому что весь мир вокруг умирает для такого человека, как он, в такое время, как это, а потому все приятные воспоминания, все образы, которые могли бы доставить ему радость, в такие моменты ничего для него не значат. Даже если бы они собрались в его голове во всем своем множестве, они бы лежали там в бездонной тщетности, как золотая монета во рту мертвеца.

И он вышел в город, неся, как подарок на тарелке, то убеждение, которое породил в нем разговор с этими людьми: все кончено, что сделано, то сделано. Они ему ясным языком объяснили, что план был продуман до мелочей. Джамике посвятил своих друзей во все подробности. Он сказал им, что затеял крупное дело, после которого переберется на юг.

— Что они имели в виду, говоря это? — спросил мой хозяин дрожащим голосом.

Это просто, ответили они. Когда-то Северный Кипр и Южный Кипр были одной страной, а потом между ними случилась война, и турки в 1974 году разделили остров. Эта, турецкая, часть является страной-изгоем, а настоящий Кипр — это греческая часть. Две страны разделены колючей проволокой. Если пойти к Киренийским воротам в центре города Лефкоша, то там рядом граница, и европейцы свободно переходят в турецкую часть острова из греческой. Греки в Европейском союзе. Многие нигерийцы платят, чтобы их провели туда, а некоторые пытаются перебраться на ту территорию сами, перелезают через ограду и просят убежища. Джамике тоже заплатил, чтобы его перевели.

— И он никогда не вернется? — спросил после этого мой хозяин, и, хотя в его голосе слышалось что-то вроде всепоглощающей паники, которая даже у палача вызвала бы сочувствие, один из них ответил:

— Не. Он возвращаться нет.

Эгбуну, мой хозяин принял это откровение с мрачной твердостью, как человек, забежавший в каземат, вход в который закрылся за ним и из

которого теперь не было выхода. Слева высилась неприступная каменная стена. Справа — гранитная дверь, против которой и сотня крепких парней будет бессильна. Впереди — то же самое. Сзади — тоже закупорено.

И тогда он спросил у них, что ему делать.

— Не знаю, братишка, — ответил человек, который представился как «лучший друг» Джамике. — Мы говорим нигерийский люди: протри глаза, не будь дурак, потому что люди… ммм, брат… плохой люди. Но некоторый из вас слышать нет. Ты посмотри, как это парень твой кидать.

— Постарайся, чувак, — сказал другой. — Ты мужчина. Вынеси. То, что случилось, то случилось. Тут многие, как ты. Выживают. Даже я. Один тут, агент, меня обманул, сказал, здесь Америка. Я платить, платить, чтобы сюда попасть, и что я вижу? Африка в Европе.

Они все рассмеялись.

— Ни тебе Европа, ни тебе Европейский союз, — сказал первый. — Так-то. Что я сделал? Убил себя? Нашел работа. На стройка. — Он показал моему хозяину ладони. Твердые и жесткие, как бетон, грубые, как поверхность спила на бревне. — Я работал с турецки люди, но посмотри на меня,

мой учиться теперь. А есть вещь и похуже: ихний женщин нас не любить. А нам тут до смерти хочется!

И тут они громко рассмеялись в присутствии смотревшего на них пустым взглядом человека, которого сжигал внутренний огонь.

— Или возвращайся домой, — сказал один из тех, кто говорил прежде. — Некоторые так и сделали. Может, для тебя это и лучше будет. Купи билет на остатки денег и возвращайся домой.

Чукву, если бы я не был его чи, который соединился с ним, еще до того как он появился в этом мире, до того как был зачат, то я бы не поверил, что это он вышел из той квартиры в тот вечер и зашагал под солнцем. Потому что он изменился, в мгновение ока превратился из твердой материи в слабую глину и стал теперь неузнаваемым. Я много чего повидал: я видел, как брали в рабство моего хозяина, заковывали в цепи, не давали еды, били плетью. Я видел, как мои хозяева умирали неожиданно насильственной смертью. Я видел, как мои хозяева страдали от болезней: Ннади Очереоме много-много лет назад, каждый раз садясь, чтобы опорожнить кишечник, истекал кровью, у него была опухоль в анусе, которая так сильно болела, что иногда он и идти не мог. Но

ни разу прежде не видел я такого великого потрясения человеческой души. А ведь я хорошо знаю моего нынешнего хозяина. Как тебе известно, Эгбуну, на самом деле любой человек — загадка для мира. Человек скрыт от других, даже когда у него душа нараспашку. Его не могут полностью увидеть те, кто смотрит на него, к нему не могут полностью прикоснуться те, кто обнимает его. Истинная суть человека скрыта за стеной плоти и крови от всех, включая и его самого. Только его *оньеува* и его чи — если это хороший чи, а не *эфулефу*[72] — могут знать его по-настоящему.

Гаганаогву, этот человек, которым мой хозяин стал в мгновение ока, вышел из квартиры, пересек улицу и зашел в магазин, похожий на тот, где он недавно покупал крепкий алкоголь. Он взял такую же бутылку из холодильника и заплатил спокойному мужчине со слезящимися глазами, наблюдавшему за ним с любопытством, словно за каким-то инопланетянином, появившимся из кроличьей норы и перепачканным землей и грязью. Мир вокруг него, эта незнакомая страна, это пугающее пробуждение ощущались остро и живо, словно закаленная сталь. Он видел на

---

[72] Примечания: 72
Нечто бесполезное (*игбо*).

другой стороне улицы белого мужчину, гулявшего с ребенком. А женщина вдали толкала перед собой тележку, наполненную продуктами, голубь выклевывал что-то в земле у тротуара. Он думал о себе, о том, что голоден. Уже почти наступил полдень, а он ничего не ел. Его удивило, что он не подумал об этом, не подумал, как быстро все может измениться.

Он вышел из магазина, прикладываясь к бутылке, и зашагал, будто под музыку. Он ставил ногу и вдавливал ее в землю, словно чтобы закрепиться и не упасть. Сунул бутылку в свою маленькую сумку и остановил такси. Сел в машину и тут увидел, что не застегнул ширинку, после того как помочился в квартире нигерийских студентов. Он застегнулся, и когда машина начала набирать скорость на пути назад в Лефкошу, мой хозяин закрыл глаза. Мысли в его голове сражались между собой за первоочередность. Они спорили сиплыми голосами, пока их спор не превратился в состязание по перекрикиванию. Он выбрался из их толпы в уединенное пространство, где обитал только Джамике, и начал думать о том дне, когда встретит его. До этого момента мой хозяин жил сам по себе, занимался своими делами. Бóльшую часть жизни он был человеком

замкнутым, не смотрел на мир так, словно может разгадать и понять его, а только поглядывал исподтишка, словно мир был чем-то таким, на что ему смотреть запрещалось. Он не просил от мира многого. Совсем недавно он просил одного: позволить ему быть с женщиной, которую он любит. Но эта просьба явно не была чрезмерной. Да, ее семья встретила его в штыки, но разве не этому его учили? Если тебя встречают в штыки, то у тебя появляются причины для того, чтобы продвинуться вперед и вырасти. Разве он не купил бланки для поступления в нигерийский университет до встречи с Джамике? Что он сделал, чтобы заслужить такую судьбу?

Он глотнул водки и громко рыгнул. Поерзал на сиденье, понаклонял голову в одну, в другую сторону, а машина тем временем выехала на дорогу, по которой его привезли сюда, словно идя по его следам, только на сей раз грузовик со строительными материалами замедлял движение на однополосной дороге. Потом такси обогнало грузовик и поползло за красным пикапом, из окна которого торчала голова белой собаки. Он наблюдал. Внимательно смотрел на собаку, на ее сотрясающуюся голову, словно ею управляет ветер, и удивлялся: как такое обыденное зрелище

— собака, высунувшая голову в окно машины, — может способствовать тому, чтобы человек забыл о пожаре, сжигающем его изнутри.

Они уже были на подъезде к Лефкоше и проехали мимо разрисованного склона у дороги, когда собака убрала голову, и Джамике вернулся к нему, словно его втолкнула энергия автомобиля. Мой хозяин снова глотнул из горлышка бутылки и рыгнул.

— Так нет-нет, мой друг. Нет так делай. Нет так делай, yani[73].

Он не понял, чего от него хотят.

— Алкоголь, нет алкоголь в мой такси. Haram! Anladim mi?[74]

— Вы говорите, я не могу пить? Не могу пить? Почему?

— Да, да, алкоголь нет. Потому что haram, мой друг. Проблем. Cok[75] проблем.

Водитель постучал ладонью по приборному щитку, потом щелкнул пальцами.

— Почему? — спросил мой хозяин, а в душе его

---

[73] Примечания: 73
Вот (*турецк.*).

[74] Примечания: 74
Запрещено. Понимаешь? (*турецк.*)

[75] Примечания: 75
Большой (*турецк.*).

начала закипать незнакомая ярость. — Я могу делать что хочу. А ты веди машину.

— Нет, мой друг. Мой мусульман. Понял? Ты пить алкоголь — проблем. Большой проблем. Я тебя не везти в Лефкоша.

Водитель остановил машину на обочине шоссе неподалеку от Лефкоши.

— Твой теперь уйти мой такси, arkadas.

— Что? Ты меня высаживаешь здесь?

— Твой выйти из мой такси теперь. Я говорить нет алкоголь, ты мне говорить нет. Твой выходи.

— О'кей, но тогда я не заплачу!

— Да, не плати, не плати!

Мой хозяин вышел из машины, а водитель проговорил что-то быстро по-турецки. Машина резко тронулась с места и помчалась в город, оставив моего хозяина посреди дикой долины, где только пустыня, дорога и воздух, а больше ничего, словно голова отделилась от тела и катится по полю — я такое видел однажды.

Акатака, в этом состоянии ярости он пошел к городу, который открывался перед ним своими просторами, своим миром, словно великая космическая тайна. Пустыня, пустыня — он столько раз слышал это слово от Ти Ти, Линуса, Тобе и даже от Джамике, как единственное слово, точно

описывавшее этот ландшафт. Но что такое пустыня? Это пространство имеющейся в изобилии, но сыпучей почвы. В стране отцов почву трудно отделить от основы. Что-то скрепляет их, может быть, частые дожди, которые не позволяют им разделиться. Чтобы убрать почву, нужно скрести или копать. А здесь не так. Стоит ногой ступить, как почва расходится, поднимается пыль. Пройдешь всего ничего, а твоя обувь уже покрыта этой темноватой глиной. А она лежит и простирается почти повсюду, на ней почти ничего не растет, она не дает укорениться почти ничему, не дает стать тем, что оно есть, принести плоды. А потому здесь растет только то, что стойкое, крепкое. Оливковое дерево, например, — этому дереву для роста не нужна вода, кроме той, что оно может взять из глубины, а эта страна сидит на воде. Все остальное, что растет на этой земле, должно сначала подготовить ее для себя. Вероятно, происходит какая-то борьба, космическое сражение, в котором огромные камни (холмы, горы, скалы) прокладывают себе путь сюда или появляются из какого-то бескрайнего пространства, лежащего за пределами знания, и сокрушают врагов земли и праха, и настаивают на своем праве стоять здесь. Так тому и быть. Но я должен сказать, что в этом

они имеют сродство с землей великих отцов, где земля — в ее плодовитости — демонстрирует изобилие, рядом с которым пустыня отдыхает.

Он шел, видимо, еще полчаса пьяноватой походкой, пока не оказался на улице, застроенной домами. Его желание добраться до города было подобно жажде в пустыне. Он хотел прийти сюда, найти ближайшую остановку и дождаться автобуса, который отвез бы его на место. А пока он не спеша вошел в полузакрытую пасть улицы, которая петляла, спускаясь внутрь квартала, подальше от протяженной главной дороги, словно побаиваясь ее. Этот район казался бедным, потому что у домов были низкие и старые крыши, цветоносные растения, укоренившиеся в земле цвета глины, оплетали фасады домов. К стене одного дома была приставлена выломанная из забора калитка. На лестнице, прислоненной к стене другого дома, стоял человек, прибивал что-то. На другой стороне дороги, ведущей к мосту, находился глубокий кратер, тянувшийся на несколько километров, земля поднималась извилистыми террасами к части города, которая казалась более развитой.

Мой хозяин шел по дороге, усталый, взбешенный, шел против желания своего сердца мимо

пустых домов, которые стояли на солнце, как тени, пропитанная по́том ткань на нем прилипала к коже. Он слышал перемещающиеся голоса невидимых людей. Птицы, каких он никогда раньше не видел, пролетали над равниной, парили в неспешном полете. Эгбуну, как только он свернул по дороге, которая возвращалась теперь на главную, его остановили оклики и топот бегущих ног у него за спиной, все это сопровождалось приближающимися криками. Он повернулся и увидел бегущую на него группу детей, появившуюся из все еще покачивающейся калитки в ограде; они кричали что-то вроде «Аби! Аби!»[76], а потом «Рональдино! Рональдино!». Чукву, в мгновение ока оказался он посреди говорящей на незнакомом языке густой толпы, среди шума и толкотни. Чья-то рука дернула сзади его выцветшую спортивную рубашку, и прежде чем он повернулся в том направлении, другая рука потянула за подол. Кто-то закричал ему в ухо, но не успел он попытаться понять, что сказал ему голос, как обнаружил, что тонет в колодце слов.

Агуджиегбе, он топал ногами, махал руками, пытаясь освободиться от вцепившихся в него

---

[76] Примечания: 76
Дядя! Дядя! (*турецк.*)

пальцев, и в момент бестолковой передышки понял, что оказался в гуще любопытствующих ребятишек. Это понимание потрясло моего хозяина, и он закричал, чтобы они оставили его в покое. Он покрепче ухватил свою сумку одной рукой, поднял другую, пытаясь вырваться из их кольца, и замер. Мальчишки сзади отпрянули от него, как испуганные мухи. Он сжал зубы, поднял руку и опустил ее на первую подвернувшуюся голову. Потом, как мог быстро, сделал шаг назад и через мгновение оказался на свободе.

Дети — что им надо? Откуда они появились? Неужели они не видели, что он ничуть не похож на Рональдино? Неужели они не знали, что Рональдино никак не мог здесь оказаться в таком виде, в каком оказался здесь он — бродячая оболочка того, чем он был всего неделю назад? Один мальчик вышел вперед и дал знак всем отойти. Он был выше других, одет в шорты и майку. Парнишка начал говорить что-то, ткнул пальцем в малыша с мячом. Потом показал, что они хотят получить у моего хозяина его подпись. Другой мальчишка достал авторучку и книгу. Они все жестикулировали, и мой хозяин понял, что от их приставаний можно быстро отделаться, выполнив их просьбу.

Он взял мяч, чтобы подписать его, и перед его мысленным взором возник оскорбительный образ, который он видел как-то раз в задней части отцовского дома в деревне. Раковина, которая, вероятно, принадлежала крупной улитке, а теперь пустая, сухая, покрытая известковым налетом, медленно уползала в сторону. Поначалу ему это показалось чудом, но когда он пригляделся, то увидел, что ее двигает целая команда муравьев. Он почувствовал, что то же самое происходит теперь и с ним в этом бедняцком районе чужой страны, где дети приняли его за лучшего футболиста мира. Они не знали, что он человек великой бедности, человек, чья бедность простиралась за диаметр времени. Он потерял то, что принадлежало ему в прошлом. В настоящем ему не принадлежит ничего. И в обозримом будущем — ничего. И вот он стоял здесь с авторучкой, которую ему дал один из ребят, и подписывал мяч, книги, рубашки, даже их ладони. Тогда, в деревне, он закричал при виде раковины, двигающейся на позаимствованных ногах армии муравьев. Он в удивлении позвал мать, чтобы она посмотрела на это. Но теперь, поднимая себя в глазах этих чужеземных мальчишек, он сломался и заплакал.

Последствия его слез наступили незамедли-

тельно. Дети, увидев, что он, «Рональдино» и «аби», плачет, замерли на месте. Великий футболист перед ними плакал, а ведь плачут только дети. Это было полное разоблачение. Одна за другой маленькие руки, тянувшиеся к нему, исчезали, голоса смолкали, веселые глаза наполнялись растерянностью, ноги, только что окружавшие его, отступали, словно безмолвная подземная армия. Он отвернулся от них и пошел своей дорогой, рыдая на ходу.

14. Пустая раковина

Агбатта-Алумалу, если в земле отцов человек плачет вот так при людях среди бела дня, то к нему подходят, чтобы поддержать его. Они посмотрят и увидят, что свет в его глазах — свет человека, который танцевал в огненном театре жизни, а теперь носит, как трофей, рубцы своих ожогов. Они спросят у него, что случилось. Не потерял ли он кого-нибудь — родителя, сестру, брата или друга? Если тот ответит «да», они сочувственно покачают головами. Кто-нибудь положит руку на его плечо и скажет: «Крепись, Господь дал, Господь взял. Ты должен перестать плакать». Если же он потерял что-то другое, деньги или собственность, то ему могут сказать: «Господь, который дал, и да пополнит. Не плачь». Потому что в обществе игбо не позволяют процветать печали. К ней относятся как к опасному грабителю, для изгнания которого дубинками, палками и мачете должно собраться все общество. Таким образом, если кто-то понес утрату, его друзья, и семья, и соседи собираются с единственной целью: не дать ему погрузиться в скорбь. Они просят, они требуют, а если печаль упорствует, то кто-нибудь среди утешителей

— а все они покачивают головами и скрежещут зубами — прикажет с напускным гневом скорбящему немедленно прекратить. И печалующийся в этот момент может отскочить от своей скорби, как долька от старого ореха колы. Утешители могут начать говорить о погоде, об урожае в этом сезоне или о дождях. Это может продолжаться сколь угодно долго, но в конце, когда наступает тишина, скорбящий нередко снова становится сломленным, и тогда весь цикл повторяется.

Я видел это много раз.

Но здесь, Осебурува, в этой непонятной стране гор, и пустыни, и белокожих людей никто не подошел к нему. Женщины, которые проходили мимо, когда он добрался до оживленных городских кварталов, смотрели сквозь него, словно он стал невидимым. Мужчины, сидящие на стульях под уличными навесами у ресторанов, посасывающие трубки на балконах или вышедшие покурить из офисов, смотрели на него с откровенным безразличием, как смотрят на уличного попрошайку, на которого — хотя он поет и танцует лучше знаменитого музыканта, на чьи концерты люди ломятся, — никто не обращает внимания. У детей, видевших его — взрослого с заплаканным лицом, — появлялось выражение

безразличного недоумения. И он шел, неся на спине бремя душевных страданий, словно сырой мешок гниющих пожитков. Он был настолько сломлен, Эгбуну, что я, его дух-хранитель, не узнавал его. Двигался он, подчиняясь не инстинкту ориентации, а скорее отчаянию. Как показал ему Тобе, мир внезапно превратился для него в поле, по которому он должен идти, за пределами которого не существует ничего.

«Куда стоить пойти?»

«Никуда».

«Что стоит делать?»

«Ничего».

Куда бы он ни поворачивался, всюду видел проблемы. Да, он и в самом деле шел мимо галантерейных магазинов и красивых зданий, но они для него не имели никакого смысла. Чем занималась эта толпа, собравшаяся вокруг пикапа, из которого доносились громкие звуки музыки, — смотрела концерт? Что делали эти молодые белые люди, одетые в оранжево-красную форму, — танцевали? Они ничего не значили. А человек, перед которым он только что прошел? Может быть, он из тех турецких солдат, которые, как сказал ему Ти Ти, составляют тридцать процентов населения страны? Мешки с песком,

сваленные перед ними, танки и большие грузовики сзади. Да, это они, но ему все равно. Как насчет малых птах, которые носятся друг за дружкой и пикируют вокруг корявого дерева, покрытого уличной пылью? В другой день мой хозяин — общепризнанный почитатель крылатых существ — сильно задумался бы и попытался определить, что это за птицы. Обитают ли они только на Кипре? Агрессивные они или дружелюбные? Но теперь, погруженный в глубокую печаль, он оставался безразличен. В других обстоятельствах ему бы понравилась эта страна, как он на это и надеялся, когда Джамике впервые рассказал ему о такой возможности. Радость высыпалась из него, как конфетти, заполнив блестками темные пространства его души. Но теперь ему пришло в голову, что та беспечная вспышка радости была первопричиной его гибели.

Гаганаогву, я смотрел на все это, удивленный и лишенный дара речи из-за моего собственного бессилия, моей неспособности помочь ему. Он теперь шел по улице, которая называлась, судя по синим табличкам, Деребойу, и, проходя мимо стеклянных витрин магазинов, он вспоминал свою птичью паству. Он помнил день, когда продал последних — последних девять желтых

цыплят из его драгоценного собрания. Они были свидетелями тишины этого утра, и, к его удивлению, отсутствие кукареканья потрясло Ндали. Она сказала, что теперь его компаунд кажется заброшенным, а это усилило ее страхи: она боялась не вынести его отъезда. Остались только курочки. Мой хозяин и Ндали вместе медленно вынесли их из курятника, посадили в одну из клеток, сплетенных из пальмовых волокон. Он чувствовал, насколько велика тревога кур. Когда он сажал в клетку очередную птицу, они так громко кричали, что он несколько раз останавливался. Даже Ндали чувствовала необычность в поведении птиц.

— Что это они делают? — спросила она.

— Они знают, мамочка. Они знают, что происходит.

— Боже мой, Нонсо, правда?

Он кивнул:

— Смотри, они видели, как многих переносили в эту клетку. Так что они могут знать.

— Господи! — Она пожала плечами. — Наверное, они так плачут. — Она закрыла глаза, и он увидел, что к ним подступили слезы. — Нонсо, это так мучительно. Я сострадаю им.

Он кивнул и прикусил губу.

— Мы сажаем их в клетки и убиваем, когда нам нужно, потому что они бессильны. — Ярость в ее голосе глубоко ранила его. — Они сейчас кричат тем же криком, Нонсо. Послушай, послушай, так же они кричали, когда на них набросился ястреб.

Он, устанавливая крышку на клетку, посмотрел на Ндали. Покивал, делая вид, будто слушает ее.

— Ты слышишь? — спросила она еще громче.

— Оно так, мамочка, — сказал он и кивнул.

— Даже когда ястребы похищают их детей, что они делают? Ничего, Нонсо. Ничего. Как они защищают себя? У них нет ни сильных пальцев, ни ядовитого языка, как у змей, ни острых зубов, ни когтей! — Она встала и отошла чуть в сторону. — И когда на них нападает ястреб, что они делают? Они только кричат и плачут, Нонсо. Кричат и плачут — и все.

Она провела ладонью по ладони, словно стряхивая с них пыль.

Он снова поднял голову и увидел, что ее глаза закрыты.

— И вот как сейчас. Ты понимаешь? Почему? Потому что они *уму-оберe-ихе*, меньшинства. Посмотри, что сильные сделали с нами в этой стране. Посмотри, что они сделали с тобой. И со слабыми.

Она глубоко вздохнула, и он хотел было сказать что-то, но не знал что. Он слышал ее дыхание, хотя день стоял прохладный и воздух был свежий. И он понимал: то, что она говорит, исходит из самых глубин ее души, она словно черпала воду из высохшего колодца, доставала на поверхность донную гущу, металлолом, мертвые папоротники — все, что лежало на дне.

— Ты посмотри, что сделали с нами сильные, Нонсо, — повторила она, отступила, словно собираясь уходить, но потом снова повернулась к нему: — Почему? Потому что ты не богат, как они. И разве это не так?

— Оно так, мамочка, — сказал он, словно стыдясь.

Но она, казалось, не слышала его, потому что одновременно с ним начала говорить «слушай»:

— Слушай, слушай, Нонсо. Ты слышишь эти повторы в их криках, они словно разговаривают друг с другом?

И в самом деле, птицы, словно услышав ее, закричали еще громче. Он посмотрел на клетку, потом на нее.

— Оно так, мамочка, — сказал он.

Она снова подошла к курятнику, тихонько оттолкнула моего хозяина в сторону, наклонила

голову к кудахтающим птицам. Когда она повернулась к нему, на ее ресницах висели слезы.

— Боже мой, Нонсо! Так и есть! Это хоровая песня, вроде тех, что поют на похоронах. Настоящий хор. И они поют песню печали. Ты послушай, Нонсо. — Она замолчала на несколько мгновений, потом щелкнула пальцами: — Правильно говорил твой отец. Это оркестр меньшинств.

Она снова щелкнула пальцами:

— Я сострадаю им, Нонсо, за то, что мы делаем с ними, и они поют песню печали.

Эгбуну, и тогда он прислушался, так прислушиваются к мелодии, которую человек слышал тысячу раз и которая в очередном повторе трогает его, открывает ему глаза на новый ряд смыслов. Он напряженно, сосредоточенно разглядывал кур в клетке, когда услышал рыдания. Он подошел к Ндали и прижал ее к себе.

– *Обим*, почему ты плачешь?

Она обняла его, приникла головой к его груди, к его бьющемуся сердцу.

— Потому что я грущу за них, Нонсо. И грущу за нас. Как и они, я плачу внутри, потому что у нас нет силы справиться с теми, кто против нас. В основном против тебя. Ты для них ничто. Теперь ты оставишь меня, полетишь куда-то, я

даже не знаю куда. Я даже не знаю, что случится с тобой. Понимаешь, Нонсо? Мне грустно, мне очень грустно.

Чукву, теперь в этой далекой стране неба, пыли и непонятных людей ему вдруг пришло в голову, что все ее опасения сбылись. Птицевод по имени Джамике Нваорджи, который некоторое время холил его, выдергивал лишние перышки из его тела, кормил его суслом и просом, позволял весело пастись, возможно, даже вылечил ему ногу, поцарапанную ржавым гвоздем, теперь запер его в клетке. И все, что он теперь может, что теперь ему осталось, это кричать и плакать. Он сейчас присоединился к множеству других, всех тех, кого перечислил Тобе, кто был обманом лишен того, что им принадлежало, — нигерийская девушка у полицейского участка, мужчина в аэропорту, все те, кого против их воли заставили делать то, что они не хотели делать, будь то в прошлом или в настоящем, все, кого принудительно заставили присоединиться к толпе, к которой они не хотят принадлежать, и бессчетное число других. Все, кого заковывали в цепи и били, чьи земли ограбили, чьи цивилизации уничтожали, кого заставляли молчать, насиловали, позорили и убивали. И со всеми этими людьми он должен

был разделить общую судьбу. Они были меньшинствами этого мира, чье единственное право сводилось к тому, чтобы присоединиться к этому универсальному оркестру, в котором они могли только кричать и плакать.

Аквааквуру, отцы говорят, что тлеющий огонь можно легко принять за погашенный. Мой хозяин бесцельно шел еще почти час, голодный, мучимый жаждой, пропитанный потом и слезами, и вдруг увидел впереди развязку, с которой одна дорога уходила куда-то в бесконечность на север, другая вела в тупик, еще одна — назад, туда, откуда он пришел. Солнце обжигало здесь с неистовой яростью — он такого не чувствовал никогда прежде. Люди иногда говорили о жаре в земле угву-хауса в Северной Нигерии, даже его отец, который когда-то жил в Зарии. Отец как-то раз рассказал ему, что еще дальше на север, в пустыне Сахара, солнце палит так, что живые становятся похожими на мертвецов.

После того как его высадили из такси, он шел уже почти два часа, пропитанный потом и немного пьяный. Выйдя из такси, он почти сразу, сойдя с дороги, аккуратно поставил недопитую бутылку среди кочек сухой травы, словно в надежде, что кто-нибудь другой вроде него найдет бутылку и

допьет остатки. А теперь он дошел до протяженной, поросшей низкой травой полосы, на которой строился дом. Среди покрытых пылью рабочих он увидел двух чернокожих, потных под этим убивающим плоть солнцем. Он пошел дальше, слезы его теперь высохли, и он обрел свободу безразличия, незнания, что делать дальше и что случится через минуту, и эта свобода принесла ему непривычный покой. Он снова думал о Ндали, о курицах, о своем последнем дне в Умуахии, о ее голосе, когда он позвонил ей несколько часов назад, и в этот момент с дороги близ развязки он услышал громкий звук, как будто что-то взорвалось. Он повертел головой, но ничего не увидел. Пройдя между двумя большими зданиями, он оказался на пустыре, по краю которого проходила главная дорога. Потом он увидел вдалеке источник того громкого звука: приблизительно в двух бросках камня от него лежала перевернутая машина, окутанная дымом. Он услышал хриплые голоса у себя за спиной, откуда он пришел, увидел строительных рабочих, бегущих к нему.

Пыль расписала его лицо узорами, похожими на узоры *ули* на лицах *дибиа* в окружении старых отцов; он оглядел пустырь, на котором пыль уже оседала. Видимость улучшилась, и он заметил

искалеченную машину в окружении людей в разной степени смятения. Подойдя поближе, он увидел, что сталось с другой машиной, попавшим в аварию минивэном: его моторный отсек, обращенный в сторону развязки, вмяло внутрь чуть не до половины. Когда мой хозяин подошел к машине на пустыре, к нему обратился один из чернокожих строителей, в котором он по произношению узнал потомка великих отцов.

— Ужасно, ужасно, — сказал человек. — В той, другой машине не выжил никто. В этой две девочки сзади. Ай-ай! Это они кричат.

Мой хозяин тоже слышал крики. Его соотечественник отступил, как и другие впереди. Приехала полицейская машина, и полицейский приказал им разойтись. Вдали появилась «Скорая», спешащая к месту происшествия. Мой хозяин при виде полиции отошел подальше от места происшествия, потому что в Алаигбо побаиваются людей этого таинственного ордена, имеющих право наказывать других. Он сунул руку в карман за телефоном, чтобы посмотреть время, но карман был пуст. Он прошел по своим следам несколько метров назад и обнаружил свой телефон. Сдул пыль с экрана и увидел три пропущенных звонка от Тобе. Вспомнил, что

они собирались вместе подыскивать себе жилье, а время теперь давно перевалило за полдень — часы показывали 2:15. Эгбуну, столько всего случилось с момента их последнего разговора. Он звонил Ндали, но не говорил с ней. Его выгнал из такси сердитый водитель. Он пил спиртное и выбросил полупустую бутылку. Но случилось и еще кое-что. Его окружила толпа уличных мальчишек. Он плакал. Его чуть не убила машина. Его беды множились. Надежда, которая еще не умерла прошедшей ночью, хотя и была сильно ранена и истекала кровью, теперь получила смертельный удар и, упав, скончалась. Эти события были достаточным оправданием его невозвращения к Тобе. Что говорить — более чем достаточным.

Он шел и видел, что одну дверцу перевернутого авто открыли, и крики и вопли стали громче. Повсюду на примыкающих дорогах образовались автомобильные пробки. Я захотел выйти из моего хозяина, посмотреть, все ли пассажиры машины погибли, и поговорить с их чи, выяснить, может ли мой хозяин избежать той трагической судьбы, которая постигла их. Что сделали их хозяева, чем заслужили такую смерть? Какие ответы могут дать их духи-хранители? Мы часто задаем и такие вопросы, когда случаются подобные вещи. Есть

ли, например, какой-нибудь способ встретиться с чи Джамике и выяснить намерения сердца его хозяина? Даже если я обнаружу его местонахождение и отправлюсь туда, мне, возможно, не удастся убедить его чи выйти, потому что убедить чи выйти из тела хозяина нелегко. Но на сей раз я не стал покидать моего хозяина, потому что боялся делать это, когда он сломлен. Он подошел ближе к месту происшествия, движимый одним лишь любопытством, желанием стать свидетелем трагедии в этой чужой стране, и вдруг из этого дыма ему явилось жестокое прозрение: он не должен был приезжать в эту страну, а если он останется здесь еще на какое-то время, то может и умереть.

Когда он подошел поближе, люди в белом загружали окровавленного человека через заднюю дверь в машину «Скорой». На земле лежало тело девочки, из глубокой раны в боку вытекала кровь, кровью были измазаны светлые волосы. Люди стояли вокруг нее, а один человек пытался оттолкнуть их подальше. На покрытой редкой зеленью части пустыря близ места происшествия мой хозяин увидел кровавую патину на глади примятой травы, с которой медики подняли мужчину, выброшенного из одной машины. И трава

вокруг была густо полита кровью, отчего казалось, будто она покрыта слоем красной слизи. Он увидел, как из группы медиков вокруг пострадавших вышла женщина, видимо медсестра, и принялась в лихорадочной спешке обходить одного за другим зевак, что-то спрашивая у них на языке этой страны. И, видимо, в ответ на ее слова вперед вышел мужчина с голубым козырьком на голове. Потом пожилая женщина. Медсестра кивнула, помахала женщине рукой — мол, нет, не надо. Пока белая женщина говорила, у моего хозяина заурчало в животе. Он развернулся и отошел, чтобы найти где-нибудь хотя бы воды.

— Мистер, мистер, — окликнула его медсестра.

Она хотела было продолжить, но кто-то заговорил с ней на чужом ему языке. Она повернулась, сказала что-то мужчине. Потом снова обратилась к моему хозяину с выражением невыносимой боли на лице:

— Извините, не могли бы вы, пожалуйста, сдать кровь? Нам нужна кровь для пострадавших. Пожалуйста!

— А? — сказал он и хлопнул себя по ноге, чтобы та перестала дрожать. Его немного трясло.

— Кровь. Не могли бы вы сдать кровь? Нам нужна кровь для пострадавших.

Он развернулся, словно ища ответ у кого-то, стоящего за ним, потом снова посмотрел на женщину.

— Да, — сказал он.

— О'кей, спасибо, мистер. Идемте со мной.

Агуджиегбе, старые отцы говорили, что в борцовских схватках человек редко терпит поражение из-за того, что он слабее противника. Люди слабые или малые телами не участвуют в *эгву-нгба*[77]. Так как же они побеждают — великий борец Нкпа, Эмекоха Мленвечи, холеная змея, Носике, кот, Окадигбо, дерево ироко? Они побеждают либо приемом, либо стойкостью. В последнем случае противник столько времени возится с великим борцом, что его мышцы слабеют, его конечности устают. Он начинает уступать, его хватка ослабевает, и в мгновение ока его подбрасывают, как пустой барабан, и, побежденного, кидают на землю.

Это применимо и к любой ситуации вне борьбы. Если человек слишком долго состязается с упорным противником, то он может подчиниться и сказать той беде, что пришла к нему: «Вот, ты просила мой плащ? На тебе еще и мою репу».

---

[77] Примечания: 77
Борьбе (*игбо*).

Если такого человека попросить пройти милю, он может ответить: «Ты сказал, что хочешь пройти со мной милю? О'кей, давай пройдем две». А если такого человека, избежавшего смерти, попросят сдать кровь, то он не откажет в просьбе. Он пойдет за медсестрой, которая обратилась к нему — к иностранцу, мужчине с черной и нездешней кожей, — пойдет в больницу и сделает то, о чем его просили. А после того как этот человек сдаст свою кровь для жертвы происшествия, он скажет медсестре — которая брала у него кровь и, чтобы остановить кровотечение, прижимала к месту прокола ватку, — что хочет дать кровь и второй жертве.

— Нет, мистер, одного раза достаточно. Поверьте мне.

Но человек будет настаивать:

— Нет, возьмите еще для пострадавших. Возьмите еще, пожалуйста, ма.

Он будет настаивать, хотя его чи будет говорить ему в голову, что он должен замолчать, потому что кровь есть сама жизнь, кровь — это то, что дает телу силы возражать против нанесенных ему повреждений. Он будет настаивать, хотя его чи будет говорить ему, что самоубийство — гнусный грех против Алы, что в этот момент

еще ничто не сломано настолько, что его нельзя починить, что нет ничего на свете такого, при виде чего глаза начнут плакать кровавыми слезами. Но этот человек, сломленный, побежденный, одержимый безмолвной тиранией отчаяния, не будет слушать его. Женщина, явно удивленная, замрет на месте.

— Вы уверены? — скажет женщина, и он ответит:

— Так оно, ма. Очень уверен. Я хочу дать им кровь. У меня много крови. Достаточно.

Продолжая смотреть на него, как смотрят на сумасшедшего, вещающего с трибуны, женщина возьмет еще один шприц, промоет его три раза, протрет левую руку этого человека влажным ватным тампоном и снова возьмет у него кровь.

Потом мой хозяин поднялся, ослабевший и усталый, голодный и мучимый жаждой и с вопросом в голове: что ему делать теперь? Прошедшие три дня поставили с ног на голову все его представления о жизни, и теперь он исполнился решимости не планировать ничего наперед. Нет, как глупо думать, что человек, который покидает свой дом и говорит друзьям или даже себе: «Я еду учиться», и в самом деле доберется до места назначения. Такой глупец может вместо университета ока-

заться в больнице, где он будет раздавать кровь незнакомым людям. Как глупо думать, что если ты сел в такси и назвал водителю нужный адрес, то доберешься до нужного места. Такой глупец может всего несколько мгновений спустя оказаться на дороге, по которой он пешком будет добираться до неизвестного места, очень далекого от университета, и окажется в окружении нахальной толпы уличных мальчишек.

Так что никаких планов. Он мог разве что поблагодарить женщину, которая брала у него кровь, и отправиться дальше. Он должен выйти на свет дня, на солнце, и идти — может быть, во временное жилище. И он это сделал, Эгбуну. Потому что, сказав «спасибо, ма», он вышел, сгибая обе руки в локтях, чтобы удержать тампоны в местах проколов.

Он прошел вдоль длинного ряда людей, мимо кабинетов на стоянку для машин, когда услышал:

— Мистер Соломон.

Он повернулся.

— Вы забыли вашу сумку.

— Ой, — сказал он.

Женщина подошла к нему:

— Мистер Соломон, я волнуюсь. У вас все в по-

рядке? Вы добрый человек.

Прежде чем он успел подумать, его рот произнес:

— Нет, не в порядке, ма.

— Я вижу. Вы можете рассказать? Я медсестра, я могу вам помочь.

Он посмотрел мимо нее на солнце, взиравшее на него с небес.

— Оставьте вы солнце, — сказала она ему, затаскивая его под навес у фасада больницы. — Расскажите, я могу вам помочь.

15. Все деревья в стране спилены

Баабадууду, я пространно рассказал о самом долгом дне в жизни моего хозяина — дне дождя, града, погибели. Но я должен сказать тебе также, что он закончился каплей надежды. Потому я должен спешно добавить, что он вернулся во временное жилище, которое делил с человеком, своим спутником по предыдущему дню. Он поднимался по лестнице, держа бутылку, которую ему купила медсестра, и ему вдруг снова пришло в голову позвонить Ндали. Эта мысль словно хлестнула его плетью, и он с искренним удивлением недоумевал, почему так долго откладывал звонок. Он начал набирать номер, но вспомнил, что не ввел плюс вначале. Поэтому он стер набранное и начал снова. Когда послышались гудки, он с такой поспешностью выключил телефон, что тот издал какой-то протестующий звук. Мой хозяин сказал себе, что должен говорить с ней с исключительным радушием и огромной осторожностью. Он должен рассказать все с самого начала, с того, как он тоскует о ней, как ее любит. Это обезоружит ее.

И вот, стоя одной ногой на ступеньке, одной

рукой держась за перила, он снова набрал ее номер.

— Мамочка! Моя мамочка! — закричал он в телефон. — *Нваньиома*[78].

— Господи боже! Нонсо, *обим*, я чуть с ума не сошла от беспокойства.

— Это все связь. Плохая связь. Это…

— Но, Нонсо, чтобы ни одного звонка? Или хотя бы обычной эсэмэски? Как это? Я волновалась. Да мне даже кто-то звонил, я кричала в трубку — алло, алло, но звонивший меня не слышал, и мой дух сказал мне, что это ты. Ты звонил мне сегодня, Нонсо?

Эгбуну, на мгновение он оказался в ловушке между правдой и ложью, потому что он боялся, как бы она не начала подозревать что-то. Пока длилась пауза, снова раздался ее голос:

— Нонсо, ты меня слышишь? Алло?

— Да-да, мамочка, я тебя слышу, — сказал он.

— Ты мне звонил?

— Ой, нет-нет. Я хотел тебе позвонить, когда все будет в порядке, не беспокойся.

— Мммм, понимаю…

Она все еще говорила, когда в трубке послыша-

---

[78] Примечания: 78
Красавица (*игбо*).

лась турецкая речь, а затем голос Белого Человека сообщил, что кредит исчерпан и разговор прерывается.

— Ооо! Что это еще за чушь? Что? Я только что купил этот кредит.

Он произнес эти слова, и его удивило, что прежде он беспокоился о таких мелочах, как телефонный кредит. Впервые за несколько дней он не смотрел на свое потрепанное отражение в воображаемое зеркало и не охал при виде порезов, опухших глаз, дряблых губ и масок его великого поражения.

Он нажал кнопку звонка в квартире, услышал шаги.

— Соломон, ты!

— Братишка, братишка, — сказал мой хозяин и обнял Тобе.

— Что такое, где ты пропадал…

— Старик, спасибо тебе за вчера, — сказал он и сел на диван в гостиной.

— Что случилось?

— Много чего, братишка. Много чего.

Все еще пребывая в радостном настроении, он рассказал Тобе обо всем, что сделал в этот день, о несчастном случае, о медсестре, вплоть до того самого момента, о котором я только что свиде-

тельствовал тебе и хозяевам Элуигве.

Эгбуну, было бы бесполезно, даже глупо планировать что бы то ни было, после того как у него взяли кровь. Если бы он, например, планировал вернуться в кампус, реальность опять показала бы свое морщинистое лицо на экране его сознания, посмеялась бы над ним своим беззубым ртом, как она безжалостно делала это последние четыре дня. И поэтому он принял мудрое решение: позволил себе плыть, позволил времени нести его, куда оно пожелает. Целый час после взятия крови он оставался с сестрой, он рассказывал ей свою историю, сидя на пассажирском сиденье маленькой серой машины, ехавшей назад в Гирне. Да, Гирне, где несколько часов назад те люди, которые знали Джамике, сказали ему, что он никогда не найдет Джамике. Но как он мог предполагать, что в тот же день вернется туда, где его надежде нанесли смертельный удар?

— На дорогу уйдет минут сорок, так что ты откинь спинку кресла и поспи, если хочешь.

— Спасибо, ма, — сказал он.

Он испытывал такое облегчение, что ему плакать хотелось. Он откинул голову на подголовник и закрыл глаза, крепче прижимая к себе сумку. Кусочки овощей из кебаба, который она купила

ему, застряли между его зубов и все еще оставались там. Он выталкивал их кончиком языка и бесшумно выплевывал.

— Я думаю, что, пожалуй, и я расскажу тебе о своих бедах, Соломон, — сказала медсестра.

— О'кей, ма.

— Я тебе уже говорила, называй меня Фиона.

— О'кей.

Рассказывая, она то и дело прерывала свою речь и начинала смеяться.

— Когда я приехала сюда из Германии и вышла замуж, я оставила позади все, кроме моего немецкого гражданства. Правительство сказало, что я могу сохранить оба, потому что Кипр — не настоящая страна. Один год, два все было хорошо. Так или иначе. А потом все, все начало взрываться. Теперь мы живем как два чужих человека. Совершенно чужих. — Он услышал ее смех, в ее голосе словно появилась трещинка. — Я не вижу его, он не видит меня. Но мы — муж и жена. Чудно́, правда?

Он не знал, что сказать, а еще не знал, что означает слово «чудно́». И хотя я, его чи, знал, сообщить ему об этом было задачей непосильной, потому я не стал. Он думал только об одном, о том, что у людей здесь — людей вроде него и его соро-

дичей в Нигерии — тоже возникают проблемы.

— Можешь себе представить, я его не видела три дня. И вот вчера посреди ночи я услышала его голос — явился не запылился. Потом его шаги, он прошел в ванную, потом лег. И все. Genau[79].

— Почему он так себя ведет? — спросил мой хозяин.

— Не знаю. Понятия не имею. Это сложно.

Они приехали туда, где, как она сказала, она поможет ему получить работу, хорошо оплачиваемую работу «без оформления». Он сможет зарабатывать тысячу пятьсот долларов каждый месяц, достаточно, чтобы возместить все, что он потерял, и даже оплатить учебу. Наниматель — она назвала имя — ее близкий друг. Это было казино при отеле, который тоже принадлежал ее другу.

Они спросили в казино, но этого человека там не оказалось.

— Он уехал в Гюзельюрт, — сообщила секретарша, женщина в белой блузке и черной юбке.

— Не могу до него дозвониться.

— Да, — сказала другая женщина, а потом перешла на язык этой страны и что-то долго

---

[79] Примечания: 79
Здесь: все, точка (*нем. разг.*).

говорила.

— Tamam[80], — ответила ей Фиона. — Понимаю. Тогда я привезу его в другой раз.

Она сказала ему, что они скоро приедут сюда еще раз, чтобы встретиться с Измаилом. Потом они поехали в обратном направлении, в Лефкошу, и почти не разговаривали в машине. Она включила радио, и заиграла музыка, какой он не слышал никогда прежде. Она напомнила ему индийские фильмы — прерывистые бас-барабаны, которые замолкали, а потом яростно начинали звучать снова, как в фильме «Джамина».

Они проехали мимо того места, где сегодня случилась катастрофа, а теперь, всего три часа спустя, от происшествия почти не осталось и следа, кроме битого кирпича на асфальте развязки и осколков стекла на пустыре, куда упала машина. Фиона покачала головой, когда они проезжали мимо, стала говорить о том, как бесшабашно ездят люди на Кипре, где такие происшествия не редкость. К тому времени, когда она подъехала к университету, мой хозяин задремал.

— Я тебе позвоню, как только переговорю с ним. Мы пойдем ко мне домой, и я приготовлю

---

[80] Примечания: 80
Договорились (*турецк.*).

тебе домашнюю еду.

— Спасибо огромное, Фиона. Спасибо.

— Genau, — сказала она. — Береги себя, скоро встретимся.

Он рассказал Тобе, как провожал взглядом машину, когда эта женщина уезжала, как каждое ее слово продолжало жить в нем. Совершенно незнакомый человек проявил к нему такое сочувствие, что, когда он рассказывал ей о своем великом поражении, в ее глазах появились слезы, может быть, от того, как он ей это рассказывал, как описывал все, что было у него отнято, перечислял все потери, которые и были его жизнью. Она задавала вопрос за вопросом — «А этот человек, Джамике, он разве не твой друг?», «Он это сделал?», «Значит, и в банке никаких денег не было?» — а когда он дошел до момента происшествия, ее глаза были красны от слез, лицо порозовело от иссушающих эмоций, она сморкалась в салфетку, которую достала из полиэтиленового пакетика. Ее сочувствие было искренним.

— Не могу поверить! — сказал Тобе, когда мой хозяин закончил. Он покачал головой и щелкнул пальцами: — Ты видел это? Ты видел действие руки Божией?

— Так оно, братишка, — ответил мой хозяин, восторженный и благодарный этому человеку за щедрость и желание разделить с ним и бóльшие беды. — Посмотри на меня, — он раскинул руки. — Еще утром я думал, что моя жизнь кончена, что я провалился в глубокую яму. *Эчерем ма ндайере на олулу*[81].

Они оба рассмеялись.

— Это Бог, — изрек Тобе, показывая на потолок. — Эта женщина — ангел, посланный Богом. Ты слышал поговорку: «Господь прогоняет мух от задницы бесхвостой коровы и от еды слепого»?

— Так оно! И он дает голос насекомым, птицам, немым, бедным, курам и всем существам, которые не могут петь, и оркестру меньшинств!

Тобе кивнул и топнул ногой об пол.

— И даже по жилью не обошлось без Бога — я только что вернулся из офиса агента, — сказал Тобе. — Нашел дешевое хорошее место за восемьсот теле в месяц. Это по двести евро с каждого из нас, если мы поселимся в одной комнате.

— Очень хорошо, братишка. Очень хорошо.

— Да, они тут берут задаток. И я уже заплатил задаток.

---

[81] Примечания: 81
Я думал, что свалился в сточную канаву (*игбо*).

— Ах, братишка, *да'алу*[82].

Он еще не кончил говорить, как зазвонил телефон. Он вскочил на ноги, посмотрел, кто звонит.

— Моя невеста, — сказал он. — Пожалуйста, извини меня, Тобе.

Агуджиегбе, он в пьяном возбуждении бросился в свою комнату и закрыл дверь. Я видел, что действие алкоголя еще не вполне прошло и он по-прежнему пребывает в несколько *оторопелом* состоянии. Когда он нажал клавишу «ответить», знакомый голос ворвался в его ухо:

— Нонсо, Нонсо?

— Да, мамочка. Я знаю. Слушай, я скучаю. Мамочка. Я тебя так люблю.

— Ха! Ты это говоришь, но даже не позвонил мне? Ты сказал, что это не ты звонил раньше? Уже почти пять дней прошло.

— Мамочка, это из-за стресса, то мы с опозданием прилетели, то сюда опоздали, и я за это время узнал много нового про регистрацию в университете, про жилье — все это забирает, забирает мое время.

— Мне не нравится это, Нонсо. Я думаю, мне это очень не нравится.

---

[82] Примечания: 82
Спасибо (*игбо*).

Он вообразил, как она закрыла глаза, и красота этой эксцентричной манеры разбудила в нем желание.

— Извини, мамочка, я больше так не буду. Никогда. Богом клянусь, который меня сотворил.

Она рассмеялась:

— Глупый какой. Ладно, я тоже скучаю без тебя.

– *Гву гву*?[83]

Она рассмеялась:

— Да, игбо, *гву гву*. Правда, очень сильно. Расскажи мне, что это за место?

Теперь, расслабившись и смеясь, он позволил себе оглядеть комнату и увидел то, чего не замечал раньше. На окне с москитной сеткой близ потолка имелась декоративная панель, на которую была наклеена какая-то бумага, теперь часть ее отскребли, и от всего остались только ноги белого человека, растянувшегося на диване.

— Ты меня слышишь, Нонсо?

— Да, мамочка, повтори еще раз, — сказал он.

— Ты меня не слушаешь. Я спросила, как там на Кипре.

— Я слушаю, — сказал он, хотя и подошел по-

---

[83] Примечания: 83
Очень-очень? (*игбо*)

ближе к окну, размышляя, каким могло быть полное изображение. — Мамочка, тут пустая, глупая страна. Никаких деревьев, одна пустыня да пустыня.

— Боже мой, Нонсо! Откуда ты знаешь? — спросила она, подавляя смех. — Ты там уже поездил?

— Да, мамочка, я правду говорю, в этой стране словно спилили все деревья. Я тебе говорю: все до одного. Ни одного деревца. Я тебе говорю.

— Что, вообще нет деревьев?

— Никаких, мамочка. И люди, большинство из них английский не слышат вообще. Даже дай-иди не слышат. Я тебе говорю, это нехорошее место, а люди турка… — Он покачал головой, Эгбуну, словно она могла его видеть, потому что вспомнил, как поступил с ним водитель такси несколько часов назад, и дети, и люди, которые видели, как он плачет, шагая под нещадной тенью солнца. — Плохие они. Мне они не нравятся, *ча-ча*.

— Ах, Нонсо! А что твой друг Джамике? Он там счастлив?

Эзеува, при упоминании этого имени он почувствовал, как упало его сердце. Он помолчал, беря себя в руки, потому что не хотел, чтобы Ндали знала, какие муки ему достались. Он решил для себя сказать ей все, только когда он решит про-

блему. И, Эгбуну, я поощрял его в этом, осеняя подтверждениями его мысли о том, что он поступает правильно.

— Ты сдала второй экзамен? — спросил он, не отвечая на вопрос.

— Да, вчера. Это было просто.

— А ты…

— Обим, меня предупреждают, что деньги на счете заканчиваются. А я купила на двести найра. Так что давай быстро, я по тебе скучаю, обим.

— О'кей, мамочка. Позвоню тебе завтра.

— Обещаешь?

— Оно так.

— Ты прочел мое письмо? В твоей сумке?

— Да, мамочка, письмо.

— В общем, прочти его, я тебе хочу сказать кое-что, но я хочу, чтобы ты сначала устроился, — быстро проговорила она. — Это большая, большая новость, даже меня она удивила. Но я очень счастлива!

— Ты… — начал было он, но телефон замолчал.

Агбатта-Алумалу, поговорив с ней, услышав тот единственный голос, который мог утешить его надломленный дух, он ощутил мир более глубокий, чем то облегчение, которое дала ему надежда. Он рассмеялся над собой довольным

смехом оттого, что дела быстро выправляются, с той же скоростью, с какой они приходили в упадок. Потому что даже Ндали, которую, как он думал, он глубоко оскорбил, простила его. Он был так счастлив, что чуть не расплакался. Усталый, загнанный, но успокоившийся, он лег на кровать и вскоре забылся сном.

Я хотел покинуть его тело, чтобы познакомиться с миром духов этой страны незнакомого народа, но из-за его боли не мог это сделать, исключая поиски чи Джамике в Нгодо. Потому что, когда хозяин в беде, мы должны соответствовать, быть настороже, открывать глаза широко, как рыбы, пока не придет облегчение. И вот теперь, когда он крепко уснул, я оставил его тело и воспарил с неземной энергией в духовное царство. То, что я увидел, — Эгбуну! — удивило меня. Я не увидел никаких тех вещей, какие видишь обычно, когда раздвинут занавес сознания: узорчатой тьмы ночи, причитаний призраков и различных духов, бесшумные шаги духов-хранителей. Скорее уж здесь, в пласте, образуемом ночью, я увидел фантасмагорические формы, бродящие без цели, словно сомнамбулы. Но более всего потрясла меня малочисленность этих существ. Пласт казался пустым. И скоро я понял почему: оглядевшись,

я увидел почти в каждом углу неземные храмы древней монументальности с мистическими архитектурными структурами. Казалось, что в их Эзинмуо духи искали обиталища наподобие человеческих, и большинство из них находились внутри этих обиталищ. Я видел даже некоторые области настолько пустые, что их наполняли только золотистые листья светящихся деревьев и прозрачные следы всех, кто бродил здесь по ночам. Оставалась и тихая, глухая мелодия на неизвестном отцам инструменте, который, как я узнал потом, называется пианино. Его звук отличается от звука *уджи*, флейты знаменитых отцов и духов их земель. Я исходил эту землю вдоль и поперек в неторопливом паломничестве, не похожем на то, что совершил сам мой хозяин в земле людей, а потом, опасаясь, что мой хозяин может проснуться от какого-то сна, я вернулся в него — он мирно спал.

Чукву, почтенные отцы прежних дней говорят, что завтрашний день беремен и никто не знает, что он родит. Так же как плод женщины в ее чреве скрыт от глаз старых отцов (кроме посвященных из них, чьи глаза могут видеть больше, чем глаза людей), так и беременность завтрашнего дня: никто не может знать, что она принесет.

Человек спит ночью, сокровищница его разума полна планов и идей на завтра, но, может быть, ни один из этих планов не осуществится. Великие отцы знали тайну, потерянную сегодня их детьми, они знали, что с каждым новым днем чи обновляется. Вот почему отцы воспринимают каждый новый день как рождение, эманацию чего-то, отличающуюся от чего-то другого, — *чи офуфо*. А это означает следующее: все то, что в предыдущий день чи передавало и обговаривало от имени своего хозяина, стирается, и в новый день предпринимаются новые действия. Вот в чем тайна завтрашнего дня, Эгбуну.

Но мой хозяин, будучи человеком, проснулся с радостью надежды, которую дал ему предыдущий день, с радостью его воссоединения с любимой. Когда он вышел из комнаты, то увидел Тоби, который сидел в очках, уставившись в свой компьютер.

— Доброе утро, братишка. Ты знаешь, что в субботу — ориентация?

Мой хозяин отрицательно покачал головой, потому что не знал значения этого слова.

— Я тебе точно говорю: нужно пойти. Это очень хорошее дело. Они говорят, что это помогает человеку понять остров, увидеть много красивых

мест и познакомиться с его историей.

— Ммм, — сказал мой хозяин. — Ты уже ходил туда?

— Нет, их проводят по субботам. Я приехал в воскресенье, а ты в среду.

— Нет, я приехал во вторник. *Нгвану*[84], я пойду.

— Хорошо, хорошо. А когда вернемся, соберем вещички, вызовем такси и переберемся в наш новый дом. Это очень хорошо, что, когда ты, божьей милостью, начнешь работать, у тебя уже будет крыша над головой. Это очень хорошо.

Мой хозяин согласился. Он еще раз поблагодарил Тобе за помощь.

— Никогда-никогда не забуду, что ты сделал для меня — человека, которого увидел в первый раз.

— Не стоит того. Ты — мой брат. Если ты видишь брата игбо в чужой земле вроде этой, разве ты можешь допустить, чтобы он страдал?

— Оно так, братишка, — сказал мой хозяин, покачивая головой.

Его настроение улучшилось, он постирал носки, которые носил с самого начала своего путешествия на Кипр, повесил их на деревянном

---

[84] Примечания: 84
Договорились (*игбо*).

стуле рядом с раздвинутыми занавесками, чтобы солнце их высушило. Он не носил этого предмета одежды, называемого «носок», с начальной школы. Но Ндали купила ему носки и настояла, чтобы он их надел, потому что иначе ноги замерзнут в самолете. За окном на перилах балкона он увидел воркующих голубей. Он видел голубей днем раньше, но не обратил на них внимания, потому что чувствовал себя несчастным, был не в себе. Например, во время долгого пути прошлым днем он вспомнил кое-что, всегда вызывавшее у него смех. К ним в дом пришел один из друзей его отца с женой. Женщина зашла в туалет, хотя там было почти темно, потому что отключили электричество. Они не знали, что туда пробрался цыпленок. Не видя цыпленка за бачком с водой, женщина опустила трусики и уже собиралась начать мочиться, когда цыпленок запрыгнул на раковину. Женщина вскрикнула и выбежала в гостиную, где сидели отец моего хозяина и муж женщины. Человек этот, устыдившись того, что мой отец видел срамные места его жены, оборвал их дружбу. Когда мой хозяин вспоминал тот случай, ему часто становилось смешно. Но вчера, в тот злосчастный час, его разум просто отмахнулся от воспоминания, как от назойливой мухи.

А в этот день, пока Тобе ел хлеб с заварным кремом, мой хозяин смеялся и шутил, говоря о традициях народа этой страны, о собственной наивности, о том, как он — никогда не летавший на самолете прежде — выставил себя дураком. Потом, когда Тобе ушел в университет познакомиться со своими преподавателями, он лег и уснул так крепко и так надолго, что проспал до самого захода. Он проснулся и увидел, что Ндали пыталась до него дозвониться. Он набрал ее номер, но голос оператора напомнил ему, что его кредит исчерпан. Потом они с Тобе отправились в ресторан при университете, там они ели и наблюдали за людьми этой страны, и его разум пополнялся информацией, а дух восстанавливался. Той ночью, когда мой хозяин спал, я видел духа-хранителя Тобе, бродившего по квартире. Я поблагодарил его за помощь, которую его хозяин оказал моему, мы сели и поговорили об Эзинмуо этой незнакомой страны и обо всем, через что прошли наши хозяева, а ближе к рассвету он сказал, что должен вернуться в своего хозяина.

Рано утром в субботу они отправились на автобусную остановку. Когда они проходили мимо жилого квартала, Тобе показал на дом вдали, на котором висел турецкий флаг.

— Они вывешивают флаги перед домами и в окнах, когда убивают их солдата.

Он посмотрел на моего хозяина — вызвало ли это сообщение у него какое-то любопытство, как это часто случается в подобных ситуациях. И если ты видишь, что твой товарищ проявляет любопытство, то продолжаешь рассказывать дальше.

— Турки сражаются с курдским народом. С РПК — Рабочей партией Курдистана. В первый день моего приезда убили нескольких их солдат.

Мой хозяин кивнул, не зная, о чем говорит его друг. Когда они подошли к автобусной остановке, там уже находилось много иностранных студентов, в основном те, кто, как мой хозяин и Тобе, приехал из стран черных народов. Пока они ждали автобуса, мой внимательный хозяин подметил различие между людьми этой чужой страны и теми, кто приехал из его земли. Голоса последних казались более громкими, тогда как первые казались приглушенными или спокойными. В этот самый момент, например, трое чернокожих мужчин и чернокожая женщина в конце автобуса орали во все горло, притоптывая ногами и жестикулируя. А белые люди этой страны стояли по двое и по трое, перешептывались или вообще молчали, словно собрались на похороны.

Женщина из международного отдела, Дехан, и белый мужчина, говоривший с произношением, похожим на акцент Ндали, поприветствовали всех. Мужчина заверил их, что скоро они увидят «великие красоты этой прекрасной земли».

— Мы посетим много мест — музей, море, еще один музей, дом и мой любимый Вароша — заброшенный город. Я давно уже живу на этом острове, но каждый раз поражаюсь. Это одно из чудес света, — сказал он.

— Так там никто не живет? — спросил один из черных студентов родом откуда-то из земли отцов.

— Да, да, мои друзья. Никто. Конечно, близ этого места живут турецкие солдаты, но больше никого. Только солдаты. Мы не сможем войти туда, друзья.

Студенты начали переговариваться между собой, заинтригованные мыслью о заброшенном городе, в котором вот уже более тридцати лет никто не живет.

— О'кей, слушаем все, — сказала Дехан, поднимая руку и улыбаясь всем. — Мы должны отправляться. Поедим попозже на берегу. Поехали.

Когда они расселись по автобусам, к моему

хозяину и его другу подошла Дехан и спросила, как дела. Видел ли он Джамике?

— Пока нет, ма, — ответил он. — Но мы сообщили о нем в полицию — его ищут. — Он увидел, что женщина оглядывается, спеша уйти, а потому, чтобы завершить разговор и заверить ее, что все хорошо, добавил: — Я знаю, я его найду.

— Хорошо, удачи вам, — сказала она и пошла к голове группы.

Эгбуну, я был рад, просто счастлив, что мой хозяин обрел отдохновение от своих бед. Всего за несколько дней его мечта чуть не была уничтожена. Он оглядывался, впитывая все вокруг, потому что его разум теперь позволял ему сделать это. В автобусе он и Тобе сели рядом с двумя светлокожими, хотя и не белыми, людьми, Тобе сказал, что это иранцы. А про других — с коричневатой кожей, в одежде из тонкой ткани — он сказал «пакистанцы». Мой хозяин кивнул, а Тобе добавил: «Или, может, индийцы».

Пока Тобе рассказывал ему историю Индии и Пакистана, мой хозяин подметил, что в передней части автобуса есть два приподнятых кресла по обе стороны прохода, на которые сели водитель и Дехан. Он смотрел, как пустыня проносится мимо, словно участвует в гонке. Он обратил внимание,

что ландшафт здесь, хотя сухой и песчаный, не лишен хоть какой-то растительности. Равнину заполняли несуразные с виду, цепляющиеся за тонкий слой почвы растения, коричневые, голые, костлявые. Он видел распределенные в пространстве вросшие в сухую землю деревья, похожие на пришельцев из других миров. «Деревья», — прошептал он про себя, как делал это ребенком. Он обернулся проверить, не проникла ли его громкая мысль в уши других людей, сидящих вокруг. Потом он вдруг вспомнил, что не впервые встречает здесь деревья — уже и прежде видел несколько, в основном вдоль дорог. Он подумал, как сильно шоссе в Нигерии отличаются от этого. В Нигерии бóльшая часть земли между городами необитаема. А здесь, по контрасту, земля между городами была застроена казино, отелями, домами, а природа встречалась лишь изредка — горы и холмы. В одном месте, где земля была плоской и пустой и можно было видеть на километры вперед, Дехан показала туда и сказала:

— Это Южный Кипр. Греческая часть.

Он посмотрел в ту сторону, где и в самом деле, хотя расстояние и не позволяло разглядеть хорошо, виднелись здания, как в американских фильмах. Люди, к которым он несколько дней

назад приезжал в город под названием Гирне, сказали ему, что это и есть настоящая Европа, где находится Джамике. Ему хотелось каким-нибудь колдовством оказаться в этом месте, среди этих гигантских зданий, перейти на другую сторону улицы и увидеть там Джамике. Ему хотелось бы поймать Джамике в его доме, забрать у него деньги, а потом доставить в полицию, чтобы его посадили. Он подумал о немецкой женщине и ее обещании спасти его. Как это часто случается, когда то, чего ты ждешь, основано только на обещании, на призраке надежды, — тучка опасения накрывает твои ожидания. И, думая об этом теперь, он хотел поскорее получить обещанную работу. Я вмешался, чтобы напомнить ему, что эту добрую женщину тронула его беда. *Возможно, она никогда не видела человека, настолько сломленного, что он готов был сдать кровь дважды. Она сделает все, что в ее силах, чтобы тебе помочь.*

Чукву, я снова добился успеха. Потому что мой хозяин услышал меня и мои слова принесли ему облегчение. Он сразу же утвердился в решении ничего не говорить Ндали о том, что с ним случилось, пока все не выправится. Он защитит ее от этих переживаний, но, когда получит работу,

вернет свои деньги и все пойдет на лад в университете, он расскажет ей все о том, как чуть не уничтожил себя этим шагом. Он думал о том, как много она плакала и как ему хочется, невыносимо хочется, снова быть с ней, и в это время они въехали в город.

— Газимагуса, — сообщила Дехан. — Гораздо, гораздо больше Лефкоши, но мы поедем в старую, древнюю часть, обнесенную стенами. Я там живу.

Она высунула язык, и студенты рассмеялись. Она сказала что-то водителю, и тот поспешил ответить визгливым, высоким криком. И студенты отреагировали на это с неистовством.

С этого момента картинка за окном изменилась. Высоко поднимались древние крепостные стены, выложенные из плотно подогнанных друг к другу кирпичей, каких мой хозяин не видел никогда прежде. Стены эти, казалось, возводились без цемента и воды — материалов, с помощью которых строят теперь дети старых отцов, — а слагались из чего-то твердого и в то же время чего-то землистого, цветом напоминающего глину. Хотя я и прожил много циклов, искал и приобретал знания у множества хозяев на протяжении долгого времени, прежде я не видел

ничего подобного. Камни и балки, большие и глубоко внедренные, словно вплавленные внутрь руками приспешников Амандиохи[85].

Автобус въехал под арку, сложенную из этих кирпичей, имевших небольшие вмятины и отверстия, словно тысяча человек стояли под ними сотни лет, кидая в них маленькие камушки. Эгбуну, я мог бы смотреть на них без конца, потому что меня очаровали эти сооружения. Но я здесь, чтобы свидетельствовать о моем хозяине и его поступках и объяснить, что содеянное им — если то, чего я опасаюсь, и на самом деле случилось — содеяно без злого умысла.

После этого автобус остановился, и Дехан дала знак всем выходить. Второй автобус, в котором находился гид, уже приехал. И когда люди вышли из автобуса, в котором ехал мой хозяин, этот человек громким голосом произнес:

— Леди и джентльмены, добро пожаловать в город-крепость Газимагуса, как мы называем его по-турецки, или Фамагуста, как мы говорим по-английски. То, что вы сейчас видите, это стены, построенные венецианцами в пятнадцатом веке.

---

[85] Примечания: 85

Божество грома и молнии народа игбо, одно из самых популярных божеств.

Как и все остальные, мой хозяин огляделся и увидел разные слои, перемежающиеся в массивной структуре стен, и опять они были такие могучие и огромные, что я даже испытал позыв покинуть его тело и пройтись среди этих камней. И хотя один раз я это сделал, но с опаской — духи в странах за пределами Алаигбо, где люди почитают великую богиню, нередко склонны к насилию и агрессивны. Я слышал, что в этих местах бродит множество *акалиоголи*, всевозможных *агву*, духов полусферы, существ, давно вымерших, и демонов. В пещерах Огбунике и Нгодо я слышал истории от духов-часовых о том, что склонные к агрессии духи, бывает, и силой выдавливают какого-нибудь чи из его хозяина и овладевают телом человека, такие вещи немыслимы даже среди слабейших духов-хранителей! Поэтому выходить я не стал. Вместо этого я пытался увидеть все глазами человека, с которым ты, Чукву, соединил меня.

Хотя большинство людей, казалось, увлеченно рассматривают древние сооружения, мой хозяин смотрел на деревья, растущие здесь и там среди зданий. Он решил, что это какие-то деревья, похожие на пальмы в земле отцов, только без плодов. Здесь росли и другие — листья у них были словно

спутанные волосы на голове неряхи. Гид в окружении толпы студентов все время говорил про историю, и студенты слушали его, одновременно пожирая глазами сооружения перед ними. Они остановились еще раз в центре руин строения, между его полуразрушенными белыми стенами, обнесенными по периметру пятью колоннами на каждой из сторон. Огромное количество камней, из которых прежде, вероятно, и состояло сооружение, теперь было разбросано вокруг, некоторые из них погрузились в плодородную почву древнего земляного пола.

— Церковь Святого Георга, — сказал гид, подняв глаза к вершине громадной руины. — Была построена во времена рождения церкви, может быть, всего сто лет спустя после смерти Христа.

Чукву, они пошли дальше, а мой хозяин вдруг вспомнил, как один раз спал днем, а потом проснулся и увидел гусенка — тот стоял на пороге гостиной. День за дверями уже состарился, и на фоне слабого света силуэт гусенка четко просматривался. Мой хозяин почти никогда не вспоминал об этом, потому что тот случай обрел особый смысл только накануне его отъезда в Лагос: он спал рядом с Ндали, а когда проснулся, увидел ее на том самом месте, где много лет на-

зад стоял гусенок, чьи очертания он различил в сумеречном свете.

Он был погружен в эти мысли, когда завибрировал телефон в кармане брюк. Он вытащил его и увидел, что это медсестра. Мой хозяин отошел от группы, но опасался, что если ответит, то привлечет внимание к себе и помешает гиду, а потому не ответил. Он едва вернулся к группе, как телефон снова ожил. Он увидел сообщение и поспешно его открыл.

«Мой друг, надеюсь, все в порядке? Надеюсь, ты наполнишь свой день хорошим солнцем, хороший человек. Не волнуйся, мой друг говорит, мы можем приехать в понедельник. Не волнуйся. Фиона».

Эзеува, он добросовестно отбыл всю экскурсию, словно стал не тем человеком, каким был днем раньше. У него перехватило дыхание, когда он и другие студенты остановились на берегу великого Средиземного моря, где я подавил свой порыв выйти из него и рассмотрел занятное местечко, которое гид назвал «город-призрак Вароша». Гид говорил, а мой хозяин слушал, словно от этого зависела его жизнь. «Сюда приезжают голливудские звезды, президенты многих-многих стран, многие-многие люди». Он удивлялся, глядя на

поврежденные дома — многоэтажные здания с отверстиями от пуль, выбитые кирпичи, некоторые пробиты пулями, виды, которые напомнили мне города и деревни в земле отцов в разгар Гражданской войны в Нигерии. Он смотрел внимательно на одно из зданий, которое, вероятно, было когда-то огромным отелем с просторными коридорами, но теперь было пустым и заброшенным. Рядом стояло здание серого цвета с облупившейся краской. Он попытался прочесть название отеля, но осталась только часть букв, а большинство их, сделанных в рукописном шрифте, отвалилось от стены. В стенах здания зияли пробоины от снарядов, придававшие ему необыкновенный вид. Мой хозяин отстал от группы, разглядывал внимательно дома в центре города, обнесенные колючей проволокой и хлипкими заборами, здания с сорванными дверями. У одного дома дверь стояла преклонившись, словно в мольбе, на пороге и опираясь на стену. На улице близ этого здания поднялись жизнестойкие растения, проросли, словно сквозь мягкую ткань, через старые лики стен.

Этот город будто открыл окно в голове моего хозяина, и он не мог его закрыть, пока не закончилась экскурсия. Его душу тронул Голубой дом,

построенный для своих детей греческим главой государства в то время, этот грек со странным именем, по словам гида, и стал причиной войны между турецкими и греческими киприотами. Но мой хозяин все еще продолжал думать о других заброшенных сооружениях, о существовании которых говорил гид, — об аэропорте с его самолетами, ресторанах, школах, теперь безлюдных. Место, в которое они пришли, теперь называлось «военный музей». И он тут же вспомнил о Музее гражданской войны в Нигерии в Умуахии, куда он ходил ребенком вместе с отцом. Об этом случае, Эгбуну, я не могу свидетельствовать исчерпывающе. Потому что, как только они с отцом зашли в музей, первым делом они увидели танк, которым управлял один из моих бывших хозяев, Эджинкеонье, который сражался в Гражданскую войну и управлял этим самым танком. Меня немедленно одолело что-то вроде сокрушительной ностальгии, волны которой иногда накатывают на духов-хранителей, если им попадаются на глаза памятные места их прежних хозяев или их могилы. И потому я оставил моего молодого хозяина и забрался в танк, в котором не раз бывал в 1968 году, когда им управлял Эджинкеонье. Прошлое — странная

вещь для нас, духов-хранителей, потому что мы — не люди. Когда я оказался в танке, передо мной возникли многие кровавые сцены сражений — как, например, этот танк однажды мчался к лесу, чтобы укрыться от воздушных бомб, как он валил деревья и давил человеческие тела на своем пути, а мой хозяин рыдал внутри. Это был отрезвляющий момент, и я оставался в танке, пока мой нынешний хозяин и другие посетители разглядывали его, смотрели на него, но не видели существа на помятом сиденье, существа, которое, несмотря на все прошедшие десятилетия, все еще узнавало запах крови внутри.

Из военного музея в этой новой стране они отправились к «зеленой линии», назад в Лефкошу, и он увидел другой Кипр, другую страну, отделенную от Северного Кипра всего лишь колючей проволокой. Он задумался. Это наполнило ему об историях, которые рассказывал ему отец про Биафру. Его тронул вид Музея варварства, о котором гид сказал: «Не входите, кто не любит фильмы ужасов». И тогда они вошли с ним, почти все. Из тесных дверей мой хозяин увидел ванную, в которой были застрелены женщина и ее дети, их кровь все еще оставалась на стене и ванне, как это было в год, который у Белого Человека

называется 1963-й.

— Кровь на этой стене старше любого из нас, — сказал гид, пока они разглядывали это страшное место.

Мой хозяин это запомнил, и те последние слова долго оставались с ним, когда экскурсия закончилась и они с Тобе вернулись в кампус. Но ничто из этого не тронуло его так, как город-призрак, который настолько запал ему в душу, что позднее тем вечером, когда он заснул на диване в гостиной, ему приснилась Вароша. Ему снилось, как он бежит за гусенком, а тот, подпрыгивая, несется от него, прячется в заброшенных домах. Он преследовал птицу на глазах турецкого солдата, поднявшегося на крышу здания, наблюдающего. Птице мешал бежать прутик, зацепившийся за ее левую ногу. Гусенок вбежал в один из домов, в тот самый, дверь которого была прислонена к стене. А мой хозяин преследовал птицу, и сердце его билось. В доме пахло ржавчиной и разложением, полы были покрыты землей и пылью. Микроскопические частицы стенной краски висели в воздухе словно в ожидании чего-то, что не придет никогда. Он пробежал дальше и увидел, как гусенок поднимается по лестнице, весь потемневший от соприкосновения с зем-

лей и пылью. Перила потрескались, а внизу к подножию стены цеплялись, словно когтями, слои мха. На сломанной двери висела рубашка, мой хозяин заглянул и увидел разбросанные по комнате стулья, перевернутую мебель, все это оплетала чудовищная сеть непроницаемой паутины. Он потел и тяжело дышал, а гусенок продолжал быстро подниматься, в основном прыжками, помогая себе крыльями, поворачивая на лестничных площадках, словно этот путь был проложен для него, а его бегство предписано. Наконец он оказался на крыше здания. Мой хозяин, сам не понимая почему, крикнул гусенку, чтобы тот остановился, не двигался дальше, и гусенок повернулся к нему. Но птица тут же подпрыгнула в воздух и спустилась к берегу. Мой хозяин в панике бросился за ней головой вперед, забыв в пылу погони, где он. Он падал и кричал, летя к неминуемой гибели, и в этот момент проснулся.

Солнце почти зашло, и его громадные, бесконечные тени утратили четкость. Он открыл глаза и увидел Тобе — тот стоял в комнате и смотрел на свои часы. Мой хозяин предпочел бы поразмышлять о жутком сновидении, которое только что закончилось, но Тобе сказал:

— Не хотел тебя будить. Но нам лучше съе-

хать, прежде чем Атиф поместит сюда новых студентов.

Он кивнул и взял свой телефон. Увидел три пропущенных звонка от Ндали, ни одного из них он не слышал, потому что отключил звук. Он обнаружил эсэмэску и сразу же открыл ее. «Обим, у тебя все в порядке? Пожалуйста, не забудь мне позвонить, да?» Он хотел спросить у Тобе, как ему отправить эсэмэску в Нигерию. Чтобы звонить, он набирал дополнительные символы и номера, а для эсэмэсок? Но он поспешил в свою комнату собираться. Он еще собирался, когда ему вдруг пришло в голову, что он еще не прочел ее письмо, и он решил прочесть его, как только они с Тобе переедут в новое место.

Агуджиегбе, когда они приехали в свое новое жилище и занесли вещи в квартиру, мой хозяин порыскал в своей сумке и нашел письмо Ндали, спрятанное в одном из маленьких кармашков и многократно сложенное. «Когда же она его написала?» — подумал он. В последний вечер, который она почти весь проплакала, когда настаивала, чтобы они сели на скамье под деревом во дворе? Они сидели на скамейке, дул ветер, они слушали звуки улицы.

Когда он разворачивал листок бумаги, вы-

рванный из линованного блокнота — у нее было таких несколько, и некоторые он когда-то листал, — руки его тряслись. Он положил письмо, лег на спину, взял его снова, чтобы прочесть так, как, по ее словам, читается лучше всего — вслух про себя:

Когда ты читаешь, в особенности Библию, проговаривай слова про себя. Произноси их, Нонсо, потому что, поверь мне, слова — живые существа. Не знаю, как это объяснить, но знаю, о чем говорю: все, что мы говорим, все-все, оно живое. Я в этом абсолютно уверена.

Он посмотрел в потолок, потом оглядел комнату, скользнул взглядом по своим сумкам и только потом прочел следующую строчку, написанную с отступом от других:

Обим, мне грустно. Мне очень грустно.

Эгбуну, он положил письмо, потому что его сердце колотилось как бешеное. Он услышал музыку, вероятно, из ноутбука Тобе. Он почувствовал что-то — мысль, промелькнувшую в его голове, но не мог сказать, что это была за мысль. Он не сомневался, что не просто забыл ее, так как она не полностью материализовалась в его мозгу,

а только мелькнула и исчезла.

Я решила тебе признаться, что много раз хотела уйти. Когда я была в Лагосе, я собиралась отправить тебе эсэмэску, написать, что не вернусь. Я даже набрала текст, но мое сердце не позволило сделать это. Потому что я тебя люблю. Иногда я чувствую, что хочу уйти, потому что моя семья возражает, но меня будто что-то останавливает. Ты словно пленил меня, как наших кур. Я словно не могу выбраться. Я совсем не могу уйти. Даже 1…

Иджанго-иджанго, так как сердце человека в такие, как этот, моменты (множество примеров тому я видел лично) нередко уводит его в какие-то странности, глаза моего хозяина задержались на чернильном пятне, расплывшемся на бумаге от последнего слова, отчего ему показалось, будто последний знак — 1 — это перевернутая 7.

…раз вечером спросили меня, почему я тебя люблю. Потому что я долгое время сама не знала этого, Нонсо. Да, я хотела найти доброго человека, который помог мне на мосту тем вечером, но я не могу тебе объяснить, почему мы сошлись, когда встретились снова. Ты мне нравился, но я не знаю почему. Но когда ты разделался с ястре-

бом, я в тот день поняла, что ты готов на все, чтобы защитить того, кого любишь. Я поняла, что, если отдам сердце этому человеку, он меня никогда не разочарует. Когда я видела твою любовь к простым животным, я понимала, что мне ты дашь еще бóльшую любовь, бóльшую заботу, бóльшую помощь, бóльшее всё. Вот почему я тебя люблю, Нонсо. Теперь ты понимаешь? Разве это не так? Кто на это способен? Сколько мужчин в Нигерии или даже во всем мире могут продать все, что у них есть, ради женщины? Я ТЕПЕРЬ ПРАВА ИЛИ НЕТ?

Она написала последний вопрос заглавными буквами, и услышанный им тон письма, сила осознания того, как она, вероятно, чувствовала себя, когда писала его, заставила его уронить листок, потому что сердце его забилось теперь еще быстрее. Поначалу он не мог понять почему, но потом из пустоты своих мыслей он увидел отца, мать и себя в день экологической уборки в год, который у Белого Человека называется 1988-й. Они чистили улицу перед своим компаундом. Его родители наблюдали за ним и аплодировали ему, потому что мать посмеивалась над отцом, которому никак не удавалось мести тщательно. И отец все сетовал, что метла слишком тощая.

Пока он мел, многие бамбуковые веточки выпали. Мать взяла у него метлу, дала моему хозяину и сказала отцу: «Посмотри: он будет мести лучше тебя». И он, шестилетка, принялся мести, а родители подбадривали его.

Теперь ему пришло в голову, что они тогда подметали вокруг того самого компаунда, который он продал. Он перечитал те строки письма, где говорилось, что он единственный мужчина в мире, который мог сделать это. И тут он подумал, что должен связаться с покупателем его компаунда и сказать ему, пусть не спешит, сказать, что он вернет ему деньги с процентами. Он будет платить каждый месяц, каждый месяц, пока не выплатит все и еще десять процентов сверху. Он чуть не подпрыгнул при этой мысли. Он завтра позвонит Элочукву, а потом Ндали, чтобы они немедленно сходили к этому человеку и попросили его не спешить с оформлением собственности.

Иджанго-иджанго, меня эта мысль тоже наполнила радостью. Продажа земли не входила в традиции старых отцов. Потому что земля была священна. Она была вручена ему самой богиней Алой и не могла принадлежать никому, кроме как его наследникам. Хотя Ала никогда не наказывает тех, кто продает свою землю по

собственной воле, такие поступки сердят ее. С огромным облегчением, которое он испытал, приняв это решение, мой хозяин взял письмо, края которого пропитались по́том его ладоней, и дочитал до конца.

Я знаю себя. С самого первого дня я знала, что ты — настоящий. Я знала, что ты — тот мужчина, которого создал для меня Бог. И я хочу, чтобы ты знал: я тебя люблю и буду ждать. И потому, пожалуйста, будь счастлив.

Твоя любовь.

Ндали.

16. Видения белых птиц

Эбубедике, о человеке, который тревожится и боится, великие отцы говорят: он спутан по рукам и ногам. Они говорят, это происходит оттого, что тревога и боязнь лишают человека покоя. А что такое человек без покоя? Они говорят, что такой человек мертв внутри. Но когда он освобождается от пут и убегает в темноту, то снова становится свободным. Возрождается. А чтобы не попасть снова в плен, он старается возвести вокруг себя защиту. И что же он делает? Он впускает в себя новый страх. Но на сей раз он в страхе не оттого, что обстоятельства его погубили, а оттого, что когда-нибудь в еще несотворенном и неизвестном времени что-то еще пойдет не так и снова сломает его. Таким образом, он живет в цикле, в котором прошлое повторяется снова и снова. Он становится рабом того, что еще не наступило. Я видел это много раз.

Хотя обещание спасения оставалось твердым — медсестра дважды отправляла моему хозяину сообщения после их встречи, а во второй раз добавила желтую смеющуюся рожицу и повторила, что он «хороший человек», — после прочтения

письма Ндали его обуял страх. Он не отпускал моего хозяина всю оставшуюся часть ночи, изматывая его мозг мелькающими мыслями о том, что другие мужчины крутят с ней любовь. Это состояние отпустило его ранним утром, когда в комнату постучал Тобе и спросил из-за двери, пойдет ли он в церковь.

— Если пойдешь, увидишь там много наших, и поверь мне: тебе это понравится. Сможешь поблагодарить Бога за все, а еще мы сможем купить там на рынке какую-нибудь еду, чтобы потом приготовить. Мы должны начать готовить до начала занятий завтра.

Мой хозяин сказал, что пойдет.

Немного позже они шли по дороге, похожей на ту, по которой он шел в четверг, после того как его выставили из такси. Улицы были узкие, а дома, казалось, стоят вплотную друг к другу. Он увидел парикмахерскую из стекла. Перед ней стоял человек, курил, выпускал дым в небо, он крикнул им «Arap!», когда они проходили мимо.

— Твой папа arap! — крикнул ему в ответ Тобе.

— Твой папа, мама, все arap! — сказал мой хозяин, потому что Тобе ему уже говорил: если слышишь это слово, значит, тебя называют рабом.

— Не обращай на них внимания, они идиоты. Ты только посмотри на этого грязнулю, который называет нас рабами. Вот в чем дело. Они такие глупые.

Они пересекли безлюдную улицу, где дома находились за заборами с калитками, как в Нигерии. На каждом углу стояли большие зеленые металлические ящики с мусором. А на одной из улиц, по которым они шли, Тоби показал на какое-то здание и сказал, что белые люди из Европы любят сюда приезжать и смотреть на него. Это здание было построено из тяжелой глины и не было похоже ни на что, виденное моим хозяином прежде. Он был восхищен. Здание с мощными колоннами не имело крыши. Тобе громко — вероятно, для того чтобы его услышал пожилой европеец, который фотографировал это сооружение, — предположил, что это храм какому-то греческому или римскому богу. Древний храм, уничтоженный временем, сохранивший свою старую красоту под кожей руин. Но в некотором роде храм был красив и по сей день, потому что и развалившийся оставался зрелищем, посмотреть на которое приезжали люди. Красота руин: странное это дело.

Свернув на улицу, от которой, по словам Тобе,

было рукой подать до церкви, они увидели других людей цвета кожи великих отцов, четверых мужчин, двое из них с козырьками, все двигались в сторону церкви. С этой группой они и вошли внутрь. Церковь была полна, и один из тех, кого они видели в квартире с нигерийцами в кампусе — звали его Джон, — рассаживал пришедших, предлагал стулья тем, кому не хватило места. Здесь было много черных студентов и несколько белых. Белый человек, но похожий не на турок, а на тех, кто много лет правил страной старых отцов, стоял перед алтарем впереди, он говорил с тем же произношением, что и Ндали, и мой хозяин сразу же узнал в нем британца. Человек говорил о необходимости петь от всего сердца. Мой хозяин и Тобе сели в самом конце, за двумя людьми, которые показались ему знакомыми.

Он вспомнил церковь своего детства, в которую перестал ходить. Его отец перестал ходить туда после смерти матери, рассердившись на Бога, который позволил умереть его жене во время родов. Мой хозяин продолжал еще посещать церковь некоторое время, пока случай с гусенком не изменил его. Гусенок заболел, отказывался есть и падал при ходьбе. Моему хозяину пришла в голову мысль взять его в церковь, где он слышал

об исцелении верой, о прозревшем слепом. И он взял гусенка в церковь, нес его, прижимая к груди. Его остановили у церковных дверей два привратника в форме, которые решили, что он спятил, если приносит животное в церковь. Тот случай убил его веру в религию Белого Человека. Почему Бог, который заботится о людях, не может позаботиться о больном животном? В то время он не мог понять, почему человек не может любить птицу так, как любит людей. Надеясь, что он обратится в религию благочестивых отцов, я поощрял его решение, добавив ему мысль, что если он пойдет со своим животным в святилище *одинани*[86], то Ала, или Нджокву, или любое другое божество не прогонит его. Но он, как и многие из его поколения, отверг эту мысль.

Теперь он стал слушать еще внимательнее — проповедник заговорил о жизни и воскресении. Человек говорил о Джизосе Крайсте, о том, как он умер и воскрес. Проповедник, чей голос витал в воздухе, становясь то громче, то тише, говорил о том, что только истинное христианство может привести к обретению жизни после воскресения, к вставанию после падения, а веки моего хозяи-

[86] Примечания: 86

Традиционные религиозные практики и культурные верования народа игбо.

на начали смыкаться. Он открыл глаза, потому что теперь проповедник обращался к нему. Мой хозяин был свидетелем того, как, будучи потерянным, человек может упасть в бездну, но все же подняться и восстановиться.

Когда проповедник закончил проповедь, все запели, а потом начали расходиться. Едва мой хозяин привстал со своего места, какой-то человек похлопал его по плечу.

— Господи Иисусе, Ти Ти!

— О, приятель, рад тебя видеть здесь.

— Да, братишка.

— Как дела, все в порядке, нашел потом своего друга?

— Нет, — ответил мой хозяин Ти Ти и поведал ему обо всем, что с ним случилось. Когда он закончил, они стояли у калитки за церковной оградой, а Тоби в это время, поздоровавшись со знакомыми, подошел и встал рядом.

— Старик, в казино здесь хорошо платят, — сказал Ти Ти. — Воистину бог послал тебе ту женщину, воистину. Некоторые турка хорошие люди. Есть еще одна женщина вроде твоей, она здорово помогает людям. Одному нашему собрату она дала грант. Парень работал на нее, делал все, а потом попросил, чтобы она не давала ему

деньги, а реально заплатила за его учебу.

— Ммм, хорошие люди.

— Да, да, только будь осторожнее. Иногда в человека словно бес вселяется. — Он рассмеялся и добавил: — Возьми мой номер телефона.

Онванаэтириоха, когда они с Тобе вернулись домой, было уже темно. Он достал телефон, увидел, что ему пришло сообщение от Ндали, прочел: «Нонсо, позвони мне завтра пжлст». Он покачал головой, набрал ее номер, но услышал только бесконечный шум помех. Он решил, что позвонит ей, когда получит подтверждение о работе, когда будет наверняка знать, что вернет потерянное. А когда позвонит, то расскажет все — от аэропорта до знакомства с Фионой.

Он сидел на стуле в своей комнате и вспоминал прошедшие дни, свое существование в новой стране. Потом достал из сумки фотографии обнаженной Ндали. Он смотрел на них, и чувственный огонь обжигал его. Он вытащил пенис. Потом бросился к двери и запер ее, чтобы Тобе не вошел случайно. Приложил ухо к двери — что там делает Тобе? — но так ничего и не услышал и тогда снова посмотрел на фотографию Ндали и принялся трогать себя, охать и стонать, пока не обмяк.

Акатака, среди людей всего мира повсюду существует общее сострадание к человеку, который ранен, или беден, или скромен, или незаметен. Такой человек заслуживает сочувствия. Многие пожелали бы помочь ему, если бы узнали, что с ним поступили несправедливо. Я видел это много раз. Вот почему белая женщина в чужой стране может увидеть человека из земли отцов, побитого, сломленного, и предложить ему помощь, и, сделав это, вселить в него надежды.

Он проснулся на следующее утро, проспав всю ночь во второй раз после приезда в эту страну. Он был настолько полон ожиданий, что позвонил Элочукву и попросил его сходить к человеку, которому он продал землю, и попросить его ничего не предпринимать пока, потому что он вернет ему деньги.

— Но как такое возможно, если ты немедленно не отдаешь ему деньги? — спросил Элочукву.

— Скажи ему, я заплачу вдвойне. Мы должны подписать соглашение. Я заплачу вдвойне за шесть месяцев. Тогда я смогу вернуть себе дом.

Элочукву пообещал пойти к покупателю и поговорить с ним. Получив это заверение, мой хозяин умылся и вышел к Тобе, который готовил яичницу.

Тобе рассказал, как трудно было найти хороший хлеб сегодня утром.

— У них весь хлеб как камень, — сказал он, и мой хозяин рассмеялся. — Я вообще не понимаю этих людей. Во всем магазине ни одной буханки.

— Ты видел «Осуофия в Лондоне»? — спросил мой хозяин.

— Ха, это где он пришел в то место и спросил хлеб *агеге*, а *ойибо* смотрели на него как идиоты?

Они ели молча, и мой хозяин думал о том, что здесь совсем другие утра. Он не слышал ни петушиных криков, ни даже призыва на молитву муэдзина. Образ, который он вспомнил днем ранее, вернулся, и он увидел Ндали, почти голую, она стояла на пороге гостиной. Стояла и смотрела вдаль, повернувшись к нему спиной, словно опасаясь его. Он не помнил, что тогда сделал — позвал ее? Отвернулся? Не мог теперь сказать.

— Эти люди, они живут по времени, — повторил Тобе. — Если говорят в десять, значит, в десять. Если говорят в час, значит, в час. Так что мы должны быстро сбегать к агенту по аренде жилья, взять твой ключ, вернуться и ждать эту женщину.

Мой хозяин кивнул:

— Так оно и должно, мой друг.

— Я вчера позвонил Атифу и сказал, что мы нашли жилье. Он спросил про тебя. Когда я закончу с регистрацией и занятиями, я зайду к нему.

— Спасибо, братишка, — ответил он, хотя слушал вполуха, думал о том поручении, которое дал Элочукву, и о работе, на которую его вскоре отвезет Фиона.

Они убрали посуду и вышли из дома, Тобе нес сумку с компьютером и книгами. Сумка напоминала рюкзаки, какие дети носят на спинах, и Тобе тоже надел свою сумку на спину. Мой хозяин нес сумку, которую ему дала Ндали, — в ней лежали его документы, ее письмо и ее фотографии, он не расставался с этой сумкой, приехав сюда.

Они нашли офис агента в центре города, среди лавочек, в которых продавали одежду и ювелирные изделия. Офис находился на улочке близ центра, узкой и тоже полной магазинов, интернет-кафе, ресторанов, здесь же располагалась и небольшая мечеть. По тротуарам прыгали голуби, клевали что ни попадя. Здесь они увидели много белых людей, не похожих на турок. Тобе сказал, это европейцы или американцы.

— Они другие, — утверждал Тобе. — Эти, которые турки, они не совсем белые. Они больше похожи на арабов. Ты знаешь — ты ведь видел

прежде суданцев? Они не похожи на наших черных — типа другие.

Группа тех белых, о которых они говорили, прошла мимо. Потом они увидели двух молодых женщин, почти голых, в коротких шортиках, бюстгальтерах и шлепках на ногах. Одна из них держала в руке полотенце.

— Боже мой, ты только посмотри! — сказал Тобе.

Мой хозяин рассмеялся.

— Мне показалось, ты заново родился, — сказал он.

— Да. Но посмотри, эти девицы — класс. Но турчанки получше будут. А номер один все равно нигерийки.

Эгбуну, когда они вошли в офис, там висел сигаретный дым. Полная белая женщина сидела в кресле и курила. Я заметил, что на дверях был круглый амулет цвета *осимири*[87] с белой сферой внутри, напоминающий человеческий глаз. Поскольку эта вещь очень походила на амулет, я вышел из моего хозяина посмотреть, не представляет ли она опасности для него. И тут же увидел странного духа в форме змеи, обвившей этот

---

[87] Примечания: 87
Океан, река (*игбо*).

предмет. Это существо являло собой пугающее зрелище даже для меня, духа-хранителя, который часто посещает долины нематериального мира. Я спешно обратился в бегство.

Когда я воссоединился с хозяином, женщина пересчитывала деньги, которые ей дал Тобе. Позднее, когда они вышли с ключами, мой хозяин испытал полнейшее облегчение. Было почти десять часов, и они направились к автобусной остановке. Ждать им пришлось недолго — через каких-нибудь десять минут появилась Фиона, одетая в белое платье, на ее шее сверкало ожерелье. Он пожал руку Тобе и побежал к машине.

— У тебя счастливый вид, — сказал Фиона, когда он сел.

— Да, Фиона. Спасибо. Это благодаря тебе.

— Ну-ну, брось! Я ничего не сделала. Ты попал в большую беду.

Он кивнул:

— Мы с другом сняли квартиру.

— Это хорошо. Очень хорошо. Когда у тебя есть дом, это помогает душе.

Он сказал — да, помогает.

— Мой друг Измаил у себя. Он тебя ждет.

Как только он сел в машину, я обратил внимание, что у этой женщины на запястье браслет с

тем самым амулетом, который я только что видел. Я осенил мозг моего хозяина изображением амулета в офисе агента и указал ему на запястье женщины, потому что мне захотелось узнать, что это такое. И неожиданно оно сработало, Чукву.

— Хочу спросить, — сказал он.

— Да?

— Что эта за голубая штука, похожая на глаз, здесь повсюду?..

— О-хо-хо, — сказала женщина и подняла руку с браслетом. — Дурной глаз. Это, знаешь, как амулет, который приносит удачу. Очень важный амулет для турок.

Мой хозяин кивнул, хотя и не до конца понял, что же все-таки это за вещь такая. Но я испытал облегчение, узнав, что это всего лишь личный фетиш, а не какая-то штука, которая может повредить моему хозяину.

Они ехали, из приемника доносилась музыка. Она спросила, какую музыку любит он, но, когда он стал перечислять, оказалось, она ничего этого не знает. Когда он закончил перечислять, его поразило, что он не упомянул Оливера Де Кока. Мысль об этом певце раздражала, словно Де Кок как-то навредил ему. Но он знал, что воспоминания о том дне, когда его унизили в доме Ндали,

стали у него ассоциироваться с Де Коком, который исполнял там свою музыку. И теперь мой хозяин негодовал за это на музыканта.

— Это Эмре Айдын, очень хороший турецкий певец. Мне он очень нравится. — Она рассмеялась и посмотрела на моего хозяина: — Кстати, Соломон, я думала о твоей истории. Она очень мучительная.

Он кивнул.

— Она напомнила мне о книге, которую я недавно прочла. Об одном человеке; его жена во время войны попросила его вступить в армию, и когда он вступил, его очень, понимаешь, обеспокоили действия этой армии. Гитлеровской нацистской армии. Жена ушла от него. Это очень нелегкая книга. Ты делаешь что-то большое ради женщины, которую любишь, а потом теряешь ее. Я не хочу сказать, что это случится и с тобой, пойми меня правильно. — Она махнула рукой, словно отрезала. — С тобой все будет в порядке, и твоя невеста будет тебя ждать, я уверена. Я говорю о жертве. Genau?

Он посмотрел на нее, потому что ее слова попали в его сердце и пронзили его.

— Да, ма, я… — Он оборвал себя и сказал только: — Да, Фиона.

Они опять проехали по необычной дороге, поднялись на громадный мост, потом спустились по небольшому съезду, выложенному кирпичами ложковой кладкой. Когда машина подъехала к границе, за которой начинался городок (по крайней мере, ему показалось, что это граница), по обе стороны появились густые заросли, солнце словно опустилось ниже, и его жар — причина миража над дорогой — создал иллюзию, будто машина вдруг нырнула в воду. Но вскоре этот обман зрения рассеялся, и они оказались на узких улицах города. Машина со скрежетом обгоняла другие, она подпрыгивала так, что даже мысль о Ндали оставила его, мысль, которая лежала, словно ребенок в люльке, в его мозгу, принялась бешено перекатываться от одной стенки к другой. Он попытался усмирить ее, но не смог.

Осимириатааата, трудно описать тот мир, который несет эта конкретная надежда человеку, потерпевшему жестокое поражение. Это возвышенное заклинание души. Это та невидимая рука, которая поднимает человека с утеса над горящей бездной и переносит на дорогу, с которой он сбился. Это веревка, которая вытаскивает тонущего человека из глубокого моря и поднимает его на палубу корабля, где он может вдохнуть свежего

воздуха. Вот что дала моему хозяину медсестра. Но, как я видел много раз прежде, руки, которые кормят цыплят, — те же самые руки, которые их убивают. Такова тайна мира, тайна, которую мы с моим хозяином познали в этой чужой стране. Но я должен передать ее всю, со всеми подробностями, Эгбуну, потому что этого ты и требуешь от нас, когда мы предстаем перед тобой здесь, в светозарном суде Беигве.

Когда мы прибыли в город, из которого он пришел четыре дня назад с душой, истекающей кровью, его сердце так потеплело, его радость загорелась так ярко, что он захотел сделать фотографию этого места. И, прежде чем войти, он спросил, есть ли у Фионы камера в телефоне.

— Есть-есть, — сказала она. — Это «Блэкберри».

— О'кей, — отозвался он.

— Хочешь сделать фото?

Он кивнул и улыбнулся.

— Ха! — сказала она и шумно выдохнула через рот. — Ты мне даже не можешь сказать, что тебе нужна фотография? Ты робкий человек.

Она сфотографировала его со сложенными на груди руками, потом — показывающего на световую вывеску на фасаде из белого мрамора, потом — с раскинутыми в стороны руками. Он

посмотрел на эти свои фотографии, где выглядел таким счастливым, и они ему понравились.

— Я пришлю их на твою электронную почту.

Он согласился. Когда они вошли внутрь, часть его разума была занята мыслями о Ндали, о том, как ей понравятся фотографии. Другая часть восхищалась великолепием здания — кроваво-красными коврами с изображениями тигра, узорчатыми светильниками, устройствами непонятного назначения и телевизионными экранами. Он перестал думать обо всем этом, когда пошел по узкому коридору следом за Фионой, чьи ягодицы исполняли соблазнительный танец, что, вероятно, объяснялось фасоном туфлей — Ндали называла такие «подошвами». А под белым платьем угадывались очертания ее трусиков.

Эбубедике, его удивили странное, неожиданно частое биение его сердца от этого зрелища и неожиданный беспощадный удар вожделения в пах. Для него это было подобно вспышке пламени, такой быстрой и неестественной, что он остановился, пораженный.

Она, словно подозревая, что случилось, повернулась к нему:

— Соломон, я тебе сказала, сколько он будет тебе платить, да?

— Так оно, Фиона.

— О'кей, пусть пока так. Потом мы сможем увеличить. Genau?

Он кивнул. Теперь он пошел рядом с ней, и вскоре они оказались перед дверью в кабинет менеджера. Но желание осталось, даже против его воли. Сколько ей может быть лет? — думал он. У нее было тело молодой женщины, которой слегка за тридцать, но на шее виднелись морщинки, что говорило о другом. Да и на ногах кожа была не такая уж гладкая. Но он все еще не умел определять возраст белых людей, он о них мало знал.

Они вошли через стеклянную дверь в кабинет, где за столом сидел человек, внимательно вглядывавшийся в экран компьютера. Компьютер, Чукву, — это инструмент, который много чего может. Он может собирать информацию, служит средством коммуникации с людьми, которые находятся далеко-далеко, и еще много чего делает. Когда компьютер становится обыденным среди детей драгоценных отцов, он еще больше отрывает их от предков. Отцы холмов и земель, обитатели Аландиичие, плачете ли вы оттого, что алтари *икенга* заброшены? То, что ты видел, — еще цветочки. Тебя беспокоит, что твои дети не соблюдают *оменала*? Эта вещь, коробка

света, в которую смотрит сейчас белый человек в кабинете, принесет тебе еще больше горя, дай только срок.

Человек поднялся сразу же, как только в кабинет вошли мой хозяин и его спутница. Мой хозяин пожал ему руку, но почти ничего не понял из его слов. Он подумал, что этот мужчина хорошо говорит на языке Белого Человека, но, кажется, предпочитает язык своей страны. В большей степени его внимание привлекло то, что его будущий наниматель в кабинете обнял Фиону, прикоснулся к ее плечу, похлопал по руке. Некоторое время они говорили на турецком языке, а мой хозяин разглядывал цветные фотографии на стенах — снимки бескрайнего моря, плывущей черепахи и руин вроде тех, что он видел на экскурсии. И все это время он молился, чтобы человек дал ему работу. Он так увлекся этим, что вздрогнул, когда тот протянул ему руку и сказал:

— Ну, если хотите, можете начинать завтра, во вторник.

— Огромное спасибо, сэр, — сказал мой хозяин, пожимая этому мужчине руку и чуть кланяясь.

— Не за что. О'кей, до встречи, мой друг. Поздравляю.

Человек пошел в коридор, собираясь уходить, но поспешно повернулся, снова взял Фиону за руку, и они обнялись. Он как бы поцеловал ее в обе щеки — иногда Ндали просила, чтобы мой хозяин так ее поцеловал. Странное это было дело, Чукву. Мужчина целует другую женщину, которая ему не жена, и делает это, не скрываясь? Он закурил и снова стал говорить с Фионой на языке этой страны.

Когда они вышли на улицу, Фиона сказала, что приготовила сладкий пирог для моего хозяина. Они заедут к ней, она достанет пирог из духовки, завернет для него, а потом они отправятся в ресторан. Но прежде она покажет ему свой сад, потому что она тоже фермер, как и он. Он согласился и снова принялся ее благодарить. Когда они выехали на дорогу, его похоть испарилась, вытесненная ребяческой злостью, которая стояла среди его радости как посторонний, попавший в толпу друзей. Такой же игбо, как он, человек, которого он называл братом, старый однокашник обманул его и чуть не уничтожил. Но здесь, среди людей, которых он не знал, людей другой страны и расы, нашлась женщина, которая спасла его. Эта женщина и ее друг пошли даже дальше, чем Тобе, который долго нес крест за него. Они взяли

его крест и подожгли, Фиона и этот человек. А к тому времени, когда она доехала до своего дома, его крест — весь, какой был, со всем, что было внутри, — сгорел дотла.

Эгбуну, я говорил о первородной слабости человека и его чи: их неспособности видеть будущее. Если бы они владели этой способностью, то многих катастроф можно было бы легко избежать! Многих-многих. Но я знаю, ты требуешь, чтобы я свидетельствовал в той последовательности, в какой происходили события, дал полный отчет о поступках моего хозяина, а потому я не должен отклоняться от сюжета моей истории. Таким образом, теперь я должен сказать, что мой хозяин последовал за женщиной в ее дом.

Дом был большой. А вокруг него — сад со шлангами для полива и цветами, растущими на аккуратных клумбах. Она сказала, что ее мать, которая иногда приезжает к ней из Германии, — фермер. Высохший пруд, заполненный листьями, находился у низкой стены с одной стороны, тут же лежала лопата и стояла тачка. Фиона не сажала никаких съедобных растений, кроме томатов. Но она давно не сажала и их тоже. Сад был кладовкой для вещей, которые она хотела сохранить в своем владении. Она сказала, что

старая парафиновая лампа, висевшая на ветке низкого, тонкого деревца, от которого тянулась к дому веревка для сушки белья, принадлежит ее коту. Мигуэлю. Он не знал, что люди держат котов как домашних любимцев, уж не говоря о том, что у котов бывают имена.

Лежащая на земле штуковина, похожая на автомобильный двигатель, была от грузовичка, в котором умер отец ее мужа. Она остановилась при виде этой штуки и уронила руки. Потом, не глядя на него, она сказала:

— Вот с этого беда и началась. После этого он все время говорит: «Почему я позволил ему водить машину? Если бы он не водил ее в семьдесят два, он все еще был бы здесь». Вот почему он напивается до бесчувствия и поворачивается спиной к миру.

А потом случилось неожиданное. Потому что, когда эта женщина, в которой до последней минуты все время кипела жизнь, повернулась к нему, в глазах у нее стояли слезы.

— Он повернулся спиной к миру, — повторила она. — Ко всему миру.

Он думал о работе, о казино, о поручении, которое дал Элочукву, о том, как оно все получится, он почти не слышал ее слов. Он думал о том, что

та его долгая прогулка была самым трудным временем в его жизни, а закончилась она тем, что принесло ему великую надежду. Он последовал за ней в дом, снедаемый любопытством увидеть дом белого человека изнутри. Через заднюю дверь они вошли на кухню, не похожую ни на что из виденного моим хозяином прежде. Она была мраморирована[88] (хотя он и не знал этого слова, Эгбуну) и увешана картинами.

— Это мои рисунки, — сказала Фиона, глядя на один из них, не похожий на другие. На нем был изображен не кот, не пес, не цветок, а птица.

— Очень милые, — сказал он.

— Спасибо, мой дорогой.

Когда он ступил с ней в гостиную, ему пришла в голову мысль о грандиозности богатства, которым владел отец Ндали. Их дом в Умуахии был пышнее, чем дом белой семьи. Он посмотрел на пианино у желтой стены, большой телевизор, радиоприемник. Здесь стоял только один диван, длинный и черный, обитый какой-то кожей. Все стены были увешаны картинами и фотографиями. Рядом с телевизором и книжным шкафом стояло нечто, похожее на белую модель челове-

---

[88] Примечания: 88
То есть отделана под мрамор.

ческого скелета. На модели висело ожерелье с изображением злого глаза.

— Я переоденусь. Жарко. Надену брюки и рубашку, мы возьмем пирог и пойдем. Genau?

Он кивнул. Она поднималась по лестнице, а он провожал ее взглядом, разглядывал бедра под платьем. И снова желание возникло в нем. Чтобы прогнать его, он вгляделся в фотографию, висевшую на стене над пианино, видимо, портрет ее мужа. Тот смотрел с фотографии счастливым взглядом. Но в его глазах чувствовалась какая-то жесткость, они казались глазами человека крутого нрава, человека, который возникал перед его мысленным взором, когда Фиона говорила «повернулся спиной к миру». Рядом с этой фотографией висела другая: этого человека с Фионой, на несколько лет моложе, с более густыми волосами, схваченными сзади в хвостик. Они сидели лицами к фотографу, Фиона у мужа на коленях, закрывая собой часть его тела. Фотография была сделана, вероятно, на каком-то торжестве, потому что на заднем плане виднелись люди, одни — четко, другие — лишь силуэтами вдали. На фотографии присутствовала и зеленая машина, но в кадр попал только ее багажник, просевший от тяжести.

Эгбуну, на этот момент моего свидетельствования я могу сказать тебе, что в его голове не было никаких мыслей об этом человеке, кроме любопытства относительно того, что с ним сделало горе. Он разглядывал фотографию в поисках хоть каких-то признаков той тьмы, о которой говорила Фиона. Еще он отметил что-то вроде тихого страха, появившегося в Фионе с того момента, когда они приехали в дом, она словно боялась чего-то, не желала противостояния с чем-то. Чукву, я знаю, наши воспоминания не всегда точны, потому что на них может влиять переоценка задним числом. Но я даю тебе точный отчет, когда говорю, что мой хозяин смотрел на фотографию этого человека внимательно и с любопытством, словно предчувствуя, пусть и туманно, что случится потом. Он отвернулся от фотографии, заглянул в маленькую нишу в стене с дровами и сухой золой и решил, что это место для хранения дров, но я, будучи чи Йагазие, узнал, что это камин, у которого белые люди греются, когда холодно. Камин имелся в каждом доме, куда заходил мой хозяин в Вирджинии, в стране жестокого Белого Человека. Без камина холод — нечто немыслимое в стране великих отцов — убил бы их. Мой хозяин рассматривал камин,

когда Фиона начала спускаться по лестнице. Она надела короткие штаны и блузку с изображением разрезанного пополам яблока.

— О'кей, я беру пирог, и мы едем.

— О'кей, Фиона.

Он смотрел, как она открывает духовку и достает что-то, завернутое в серебристый, похожий на бумагу материал; ни я, ни мой хозяин не знали, что это такое. Она положила это в полиэтиленовый пакет.

— Ты что бы хотел поесть? — спросила она.

Он начал было говорить, но она остановила его, взмахнув рукой. Он повернулся и понял почему. Входная дверь открылась, и он увидел постаревшую, гораздо более потрепанную версию человека, изображенного на фотографии. Рубашка на нем была расстегнута, помятая белая рубашка с закатанными рукавами, обнажившими белую кожу, такую волосатую, что она казалась черной. Мужчина сделал несколько шагов и замер, уставившись на них.

— Ахмед, привет, добро пожаловать, — сказала Фиона голосом, который выдавал беспокойство, страх. — Ты откуда?

Мужчина ничего не ответил. Он стоял, а его взгляд перебегал с моего хозяина на его жену,

потом снова на моего хозяина, и ярость в его глазах была мне знакома. Смысл такого взгляда может быть понят скорее через действие, чем через размышление, так и осознание всей чудовищности жизни приходит лишь за мгновение до смерти. Рот его изготовился к речи, но он ничего не сказал, он осторожно поставил на пол сумку, которую принес. Фиона двинулась к нему, назвала по имени, но мужчина отошел к книжному шкафу.

— Ахмед, — сказала она и заговорила на иностранном языке.

Мужчина ответил ей, сделав такое лицо, что мой хозяин испугался. Человек заговорил, брызгая слюной. Он показал на Фиону, сжал кулак и постучал им по ладони. Фиона, охнув, приложила руку ко рту и заговорила словно короткими очередями, видимо, возражая ему, но он не обратил на ее слова внимания. Он заговорил еще громче, высоким голосом, щелкнул пальцами, стукнул себя в грудь и затопал ногами. Мужчина говорил, а Фиона нервно, суетливо отступала от него, поворачивая голову то к моему хозяину, то к мужу, потом опять к хозяину, глаза ее наполнились слезами. Она стала говорить, когда мужчина повернулся к моему хозяину.

— Кто ты? — спросил мужчина. — Ты меня слышишь? Кто ты такой, черт побери?

— Ахмед, Ахмед, lutfen[89], — сказала Фиона и попыталась схватить его.

Но он вывернулся из ее рук и жестоко и сильно ударил ее по лицу. Она с криком упала. Ее муж наклонился над ней и принялся бить кулаками.

Гаганаогву, мой хозяин пришел в ужас от того, что происходило на его глазах, и я, его чи, тоже пришел в ужас. Он стоял на месте и говорил дрожащим голосом: «Простите, сэр, простите, сэр!» Он посмотрел в сторону двери, докуда мог добежать без особых проблем, если бы поспешил, но он стоял на месте. «Беги!» — крикнул я ему в уши его разума, но он только продвинулся вперед на дюйм. Потом повернулся к Фионе и бросился вперед, ударил мужчину по спине и оттолкнул его. Мужчина развернулся, поднял сумку и бросился с ней на моего хозяина. Он с силой и яростью швырнул ему сумку в лицо, отчего мой хозяин отлетел в сторону. Сумка отскочила от его лица и упала на пол, и по произведенному ею звуку и пенящейся жидкости, потекшей по полу, я понял, что в ней была бутылка.

---

[89] Примечания: 89
Пожалуйста (*турецк.*).

Мой хозяин лежал там, куда упал, оглушенный, тело его замерло в состоянии ущербного покоя. Когда он открыл глаза, быстро двигающаяся фигура метнулась в поле его зрения, и, прежде чем он успел понять, что происходит, его глаза снова закрылись. Он чувствовал, как холодная жидкость медленно и непрерывно бежит по его плечу, груди и рукам. Эбубедике, хотя и сильно потрясенный случившимся, я испытал огромное облегчение оттого, что мой хозяин жив. Если бы этот человек убил его, то что бы мне сказали его предки? Не сказали бы они мне, что я, его чи, спал? Или что я *аджоо-чи*[90] или *элуфелу*? Вот так иногда прерывается жизнь человека — внезапно. Я видел это много раз. Вот они поют, а через мгновение их уже нет. Вот они говорят другу или родственнику — я пойду в магазин через дорогу купить хлеб и вернусь, вернусь через пять минут, — но так больше никогда и не возвращаются. Жена может говорить с мужем, она в кухне, он в гостиной; он задает вопрос, и пока она отвечает — пока она отвечает, Эгбуну! — он умирает. Она не слышит от него некоторое время ни слова, кричит ему: «Муж мой, ты слушал, что

[90] Примечания: 90
Аджоо — плохой (*игбо*).

я говорила? Ты не ушел?» И когда он не отвечает, она заходит в комнату и видит: он завалился на диване, одна его рука прижата к груди. И такому я тоже был свидетелем.

Мой хозяин лежал живой, страдая от благородной боли, его лицо было в крови и рот полон крови. Он не хотел открывать глаза, но этому мешали крики и мольба Фионы. Когда он снова открыл глаза, то увидел этого человека, а в его руке — то, чем он ударил его: большую прозрачную бутылку, дно которой частично разбилось, так что остались неровные зазубрины, края их были в крови, и кровь медленно капала на пол. Мужчина стоял с этим предметом над Фионой. Потом мой хозяин увидел, как мужчина наклонился над ней, он кричал и размахивал бутылкой, отчего капли крови и вина падали ей на лицо. Хотя его смыкающиеся глаза видели происходящее как в тумане, он все же заметил, как человек отбросил прочь бутылку, опустился на пол и стал снова тянуться к ее горлу — ее крики и мольбы не трогали его. Мой хозяин медленно пополз к ним, остановился, чтобы собраться с силами, но крики Фионы становились все громче, потому что мужчина сумел добраться до ее горла. В этот памятный момент жизни, Эгбуну, мой хозяин,

обильно истекая кровью, протянул руку, поднял табуретку и постарался держать глаза широко раскрытыми, чтобы кровь не затмевала ему видимость.

Табуретка в его руке казалась тяжелой. Он ослабел от потери крови, не только сейчас, но и несколькими днями раньше в больнице. Но крики Фионы заставляли его двигаться вперед. Он встал, переставил одну ногу, другую, наконец добрался до места схватки. Собрав все силы, какие в нем были, он бросил себя вперед, как бросал мешок с зерном, и обрушил табуретку на голову этого человека.

Тот откинулся назад на моего хозяина и остался недвижим. Вокруг его головы образовался кровавый ореол. Мой хозяин отошел, пошатываясь, отер лицо, поморгал. Потом упал на влажный пол и замер в черной пустоте между сознанием и бессознательным. В том лишенном всякого смысла пространстве, каким внезапно стал мир, он увидел Фиону, которая превратилась в странное существо: одновременно птица и белая женщина, одетая в белое. На краю поля зрения он увидел, как она потянулась и медленно поднялась, словно змея, разворачивающая свои кольца, а потом принялась кричать и визжать. Он увидел, как

она в своем богатом и почти безупречно белом оперении опустилась в углу комнаты рядом с мужем. Потом она снова превратилась в человеческое существо, попыталась разбудить своего безвольно лежащего мужа, который не реагировал на нее. Мой хозяин услышал ее голос: «Он не дышит! Он не дышит! Боже мой! Боже мой!» Потом она распростерла крылья и вылетела из поля его зрения.

Он лежал там, и в его мозгу сохранялось видение: Ндали сидит на скамейке под деревом на его дворе и смотрит прямо перед собой. Он не мог видеть, куда она смотрит. Он не мог сказать, что это: его воспоминания или воображение, не знал этого и я, его чи. Но видение продолжалось, пока он смотрел на Фиону, которая вернулась величественной походкой со все еще раскинутыми крыльями. Он увидел ее вдруг увеличившуюся грудину со сверкающим на ней ожерельем и клюв, в котором она, казалось, держала что-то непонятное. Потом она снова пошла, теперь на человеческих ногах. Он слышал ее приглушенный плач.

Он слышал, как белая женщина говорит по телефону, ее голос — исступленный, беспомощный. Он открыл глаза, чтобы увидеть ее, но моргал при

этом так быстро, что мышца под глазом заболела. В кромешной темноте, куда выбросило его тело, неожиданный холодок начал пробирать его, и он ощутил некое присутствие. Чукву, он замер, потому что снова понял: оно пришло. Оно пришло из закулисья жизни. Существо, у которого красная мать и кожа цвета крови. *Оно опять пришло*. Опять оно пришло, чтобы похитить все, чем он владел, и уничтожить обретенную им радость. Что оно такое? Он не знал. Человек или зверь? Дух или бог? Иджанго-иджанго, он не знал. И я, его чи, тоже не знал. Великие отцы часто говорят, что невозможно, глядя на форму козьего брюха, определить, какую траву она съела.

Он слышал крик Фионы, но не открывал глаз. Она сказала ему что-то, но он поначалу не расслышал, потом она сказала что-то мужу, который лежал неподвижно, как бревно. И тогда он разобрал, что она говорит, громко и ясно: «Ты его убил. Ты его убил». Ее голос сорвался на громкий крик. Она даже еще не начала плакать, когда издалека донесся вой сирены. Но мой хозяин лежал неподвижно, его разум фиксировал странное видение: Ндали со взглядом, устремленным в неизвестность, словно она каким-то таинственным способом преодолела расстояние в тысячи

километров и теперь смотрит на него.

17. Аландиичие

Эбубедике, старые отцы в своей осторожной мудрости говорят, что то самое место, которое ты посещаешь и куда возвращаешься, часто является и ловушкой, в которую ты попадаешь, придя туда. Мой хозяин нашел помощь у белой женщины, но в том самом месте, где он нашел помощь, он лежал теперь раненый, истекающий и ослепленный кровью. В исступлении, не в состоянии сделать что-либо и не зная, как объяснить эту трагическую концовку тебе, Чукву, и его предкам, я оставил его тело, чтобы узнать, не найдется ли какой помощи в царстве духов. Выйдя из моего хозяина, я увидел, что в комнате собрались духи всех видов, словно темные наемники, изготовившиеся к атаке на армию самого человечества. Они повисли повсюду, под сводом потолка, над телом моего хозяина и другого человека, некоторые висели, как занавеси, изготовленные из теней. Среди них я увидел неприглядное существо с уродливым сердитым лицом, это существо смотрело на меня. Я понял, что это бестелесная копия лежащего на полу человека. Существо указало на меня пальцем и заговорило на чужом языке этой

страны. Оно продолжало говорить, когда дверь распахнулась и в комнату вбежали полицейские с людьми в белых халатах вроде того, что носила Ндали, и с ними та самая белая женщина. Она плакала и говорила с ними, показывала на своего мужа, потом на моего хозяина, который лежал там, медленно впадая в бессознательное состояние из-за потери крови.

Трое полицейских и медсестры унесли человека, который напал на моего хозяина, Фиона последовала за ними, их обувь чавкала, пропитавшись кровью, оставляла красные следы. Чукву, когда они сели в машину, которая напоминала фургон моего хозяина (дети великих отцов называют такие машины «Скорая помощь»), он окончательно потерял сознание.

Я, следуя за ними по улицам незнакомой страны, видел то, чего не мог видеть мой хозяин, — машину, груженную арбузами, какие можно увидеть в земле отцов, мальчика на коне и идущую за ним процессию людей, бьющих в барабаны, дующих в трубы и танцующих. Все они расступились, пропуская «Скорую» с воющей сиреной. Я был вне себя от страха и сожаления, что позволил моему хозяину приехать в это место, в эту страну из-за женщины, когда он мог

легко обзавестись другой. Я повторяю, Эгбуну, что сожаление — это болезнь духа-хранителя.

Пелена сознания, которая затмевала мое ви́дение нематериального мира, спа́ла, и я снова узрел живую фантасмагорию местного мира духов. Я увидел тысячи духов, устроившихся повсюду в этой земле: они висели на деревьях, плыли по воздуху, собирались в горах и всяких других местах, перечислить которые невозможно по причине их неисчислимости. Около Музея варварства, в котором мой хозяин побывал всего двумя днями ранее, я увидел трех детей, чья кровь пролилась в ванну, выставленную внутри. Они стояли перед домом, одетые точно в такие рубашки, какие были на них в момент нападения, разорванные, пронзенные пулями, черные от крови. Поскольку они были одни, другие духи не сопровождали их, мне пришло в голову, что они, вероятно, стоят здесь всегда, потому что их кровь — их жизнь — остается на стене и в ванне, выставленная на обозрение всему миру.

В больнице моего хозяина завезли в какую-то комнату, и когда я увидел, что он в безопасности, я немедленно поднялся в Аландиичие, холмы предков, чтобы встретиться с его родней среди великих отцов и сообщить им о случившемся,

после чего, если он и в самом деле убил человека, я должен был прибыть к тебе, Чукву, чтобы свидетельствовать об этом происшествии, как ты требуешь от нас, если наши хозяева забирают жизни других людей.

Иджанго-иджанго, я хорошо знаю дорогу в Аландиичие, но в этот вечер она петляла сильнее обычного. Холмы вдоль дороги погрузились в невообразимую тьму, только кое-где виднелись точки неукротимого света от мистических огней. Воды Омамбалаукву, чья сестра течет на земле, приглушенно ревели в черной дали. Я пересек светящийся мост, по которому в неистовой спешке толпы людей со всех четырех сторон света неслись в землю, где обитают духи предков. С реки я услышал поющие голоса. Хотя голоса пели слаженно, среди них был и запевала. Этот четко различимый голос звучал громко, но тонко и гибко, мелодичный в своих тонах и пронзительный, как клинок нового мачете. Они пели знакомую колыбельную, древнюю, как и сам мир. Я вскоре понял, что этот голос принадлежит Овунмири Эзенваньи, а сопровождают его голоса многочисленных дев несравненной красоты. Они вместе пели на древнем мистическом языке, который, сколько бы я его ни слышал, я не мог разобрать.

Они пели детям, умершим во время родов, чьи духи пересекают долины небес, не зная направления, потому что дитя даже в смерти не отличает правого от левого. Его нужно направлять в царство спокойствия, где обитают матери, чьи груди полны чистым, нестареющим молоком, чьи руки нежны, как теплейшие из рек.

Они называют нас *нва-на-энвегхи-нку* — «бескрылые», потому что мы — духи и можем передвигаться по воздуху без крыльев, и «дети», потому что мы обитаем в телах живых людей. Поэтому я знал, что они поют для меня, и остановился помахать им и поблагодарить их за песню. Но, Чукву, слушая ее, я не мог понять, как тебе удалось создать голоса столь очаровательные. Как ты наделил эти существа такой силой? Не искушает ли это пение того, кто его слышит, остановиться? Не искушает ли оно даже полностью приостановить путешествие в Аландиичие? Не потому ли многие умершие навсегда зависают между небом и землей? Духи умерших, сидящие у теплого берега, не они ли — те самые существа, кто, умерев, не обрел покоя и чьи призраки бродят по земле? Я видел много таких — они странствуют, невидимые, невидящие, они не принадлежат ни тем местам, ни этим, постоянно находятся в

состоянии *одинду-овуканма*. Не пребывают ли некоторые из них в таком состоянии потому, что их очаровала прекрасная музыка Овунмири и ее труппы?

Отцы древности говорят, что человек, чей дом в огне, не станет выгонять крыс. И хотя я и был очарован мелодией, но она меня не околдовала. Я шел, пока звуки музыки не перестали доноситься до меня совсем. Не мог я более видеть и сверкающих *кпакпандо*[91], число которых столь огромно, что в языке отцов они получили двойственное название. Числом они сравнимы с песчинками земли, а потому образуют единое слово: звезды-и-земля. Я шел, а звезды и все, что соединялось с землей, исчезало, словно одеяло тьмы накидывали на пропасть, распростершуюся на весь мир. Холмы пересекала петляющая тропинка, на каждом повороте освещаемая факелами, пламя которых могло посоперничать в яркости со светом солнца. Здесь начинают встречаться *ндиичие-нна* и *ндиичие-нне*[92] со всей Алаигбо и из-за ее пределов, собиравшиеся в группы на пути к великим холмам вдали. Тропинка украшена по

---

[91] Примечания: 91
Звезд (*игбо*).

[92] Примечания: 92
Праотцы и праматери соответственно (*игбо*).

обеим сторонам нитями священных листьев *ому*, закрепленными на ветках, как причудливые ленты. На свежих пальмовых листьях закреплены также и моллюски, каури, черепашьи панцири и драгоценные камни всякого рода.

Начиная отсюда, по мере того как поднимаешься на холмы, число путников возрастает. Недавно умершие спешат к холмам, все еще неся в себе агонию смерти и признаки жизни, — мужчины, женщины, дети, молодые и старые, сильные и слабые, богатые и бедные, высокие и низкорослые. Они идут, ступают, не производя ни звука, по мягкой земле дороги, посверкивающей яркими огнями. Но холмы, Эгбуну, холмы наполнены светом — подрагивающим свечением, которое, кажется, чуть ли не течет, как невидимая река в глазах, созерцающих его, а потом рассеивается в туманном вихре сияния. Я часто думал о том, как близко живые подошли к тому, чтобы передать суть Аландиичие в песне лунного света, которую пели старые матери (и их живые дочери):

Аландиичие —
Место, где мертвые живы,
Место, где нет слез,
Место, где нет голода,

Место, куда я приду в конце.

На самом деле Аландиичие — это карнавал, живой мир вдали от земли. Это похоже на великий рынок Ариария в Абе или Оре-орджи в Нкпа во времена до прихода Белого Человека. Голоса! Голоса! Люди в безупречно белых покровах шли или собирались вокруг большого глиняного котла с огнем, расположенного внутри кольца *оти*. Я заприметил один такой круг, где собралась родня Океохи. И найти его не составляло труда. Там находились знаменитые отцы. Те, кто дожил до немощной старости и умер очень-очень-очень давно. Число их было слишком велико — всех не назовешь. Были здесь, например, Чуквумеруидже и его брат Ммереоле, великий Онье-нка[93], скульптор, создавший лик, который имели духи предков. Его творения выставлялись как примеры великого мастерства народа игбо: его скульптуры и маски божеств, лики многих *арунси, икенга* и *агву*, гончарные изделия. Этот человек оставил землю больше шестисот лет назад.

Обитают здесь и великие матери. Число их слишком велико — всех не назовешь. Самая

---

[93] Примечания: 93
Художник (*игбо*).

именитая, например, — Ойадинма Ойиридийа, великая танцовщица, с которой связана известная пословица: «Ради лицезрения ее талии не жалко и козу зарезать». Среди многих других были Улоаку и Обиануджу, глава одной из величайших организаций в истории, кого сама Ала, верховное божество, помазала бальзамом, смешанным с медом, и кто отравил воды клана Нгва много веков назад.

Любой, увидевший эту группу, сразу бы понял, что мой хозяин принадлежит семье прославленных людей. Они бы поняли, что он принадлежит к племени людей, которые существовали в мире столько же, сколько существовал человек. Он не из тех, кто падает с дерева, как простой плод! И потому я с предельным почтением и смирением стоял перед ними, мой голос звучал как голос ребенка, но мой разум был подобен разуму старейшин.

«*Нде би на' Аландиичие, екене'м уну*».

«*Ибиа во*!» — хором ответили они.

«*Нде на эче эзи на'ула Океоха на Оменкара, экене му уну*!»

«*Ибиа во*!»[94]

---

[94] Примечания: 94
Эзотерические речи, не подлежащие переводу.

Царственный голос *нне* Агбасо заставил меня смолкнуть, а звучал он пронзительно, как голос птицы в клетке. Она начала петь обычную приветственную песнь «*Ле о Биа Во*», и ее голос своим очарованием и сладкозвучием был подобен голосу Овунмири Эзенваньи и ее команды. Ее песня торжественно поднималась и распространялась по воздуху, очаровывала собрание, подбиралась к каждому, охватывала всех. И они погрузились в такое молчание, что я снова стал остро ощущать абсолютное различие между живыми и мертвыми. Потом *нне* Агбасо загремела ниткой ракушек и провела ритуал идентификации, чтобы быть уверенной, что я никакой не злой дух, выдающий себя за чи.

«Назови семь ключей в тронный зал Чукву», — сказала она.

«Семь домиков молодой улитки, семь раковин из реки Омамбала, семь перьев лысой хищной птицы, семь листьев дерева *анунуебе*, панцирь семилетней черепахи, семь долек орешка колы и семь белых куриц».

«Добро пожаловать, дух, — сказала она. — Можешь продолжать».

Я поблагодарил ее и поклонился.

«Я — чи Чинонсо Соломона Олиса, твоего по-

томка. Я был с ним с самого раннего появления его существа, когда Чукву призвал меня из пещеры Огбунике, где духи-хранители ждут, когда их призовут на службу, и он поручил мне направлять его шаг днем и освещать факелом его тропу по ночам. В тот день я только прибыл в Огбунике из морга Центральной больницы в Лагосе, в земле хотя и далекой от Алаигбо, но ставшей теперь обиталищем для многих детей отцов. Эзике Нкеойе, который сидит теперь с родней матери моего хозяина, тогда только что умер, а я был его чи. Ему было всего двадцать два года. За день до того сей умнейший ученик, познававший науку Белого Человека, после учебы лег в кровать. Я оставался в нем, наблюдал, как он засыпает, что обычно и делают духи-хранители. И он в самом деле уснул. Потом он неожиданно проснулся, схватился за грудь и упал с кровати, да так, что сломал шею. Договоренности с *онву*, духом смерти, мы достигли быстро, потому что у него, как и у остальных твоих детей, нет *икенга*. Через мгновение после падения он был мертв.

Хотя я многажды жил среди смертных прежде, это потрясло меня. И потому я ускорил событие, и с такой энергией, что во рту у меня не осталось слов. Смерть пришла к нему быстро, с яростью

молодого леопарда. Только день назад он целовал женщину, и вот его уже нет. Это было настолько необычно, что я не сразу же сообщил Чукву в Беигве, как это требуется от нас, духов-хранителей. И, кроме того, я не сразу же сопроводил его дух в Аландиичие. Вместо этого я отправился с его телом в машине «Скорой» в больницу, где его положили в морг. И только оттуда, окончательно удостоверившись в его смерти, я принес с собой его *оньеуву* сюда, на землю родни Экемизие из деревни Амаорджи. А отсюда я поспешил в Огбунике, чтобы отдохнуть и умыться водой из катаракта[95] этой пещеры, водой такой теплой и древней, что она до сих пор сохраняет особенный запах сотворения мира. Я лежал в потоке, когда услышал голос Осебурувы, который призвал меня и попросил отныне восходить в Аландиичие как Йее Нкпоту, готовый родиться заново прародитель, инкарнацией которого является мой хозяин. Как ты знаешь, мужчина и женщина могут хоть целую вечность спать друг с другом. Но если один из вас здесь не решит вернуться на землю, то зачатие будет невозможно. И таким образом, я, зная, что зачатие должно вот-вот слу-

[95] Примечания: 95
Одна из разновидностей водопада.

читься, быстро откликнулся на его зов.

И, таким образом, в ночь рождения моего хозяина я перенес его наследственный дух отсюда, из Аландиичие, и вы все издали видели, как я доставил его *оньеуву* в Элуигве, где его встретили невиданным торжеством. Потом я повел его от фанфар Элуигве, сопровождая в Оби-Чиокике, где происходит великое слияние духа и тела, образующих *ммаду* — окончательный телесный результат творения. Белые пески Элуигве, сверкающие камушками, которые несут в себе самую суть чистоты, — такой была поверхность, по которой мы шли. Вдали за нами шла группа *адаигве*, безупречных, блестяще красивых дев Элуигве, которые пели о радости земного бытия, о бесчисленных вожделениях человека, о долге разума, о желаниях глаз, о добродетелях жизни, о скорбях утраты, о боли насилия и о многих вещах, которые составляют жизнь человеческого существа.

Семья и домочадцы Океохи и Оменкары, вы все побывали там и знаете, что путешествие на землю ничуть не утомительно. В своей пророческой мудрости вы уподобляете это путешествие пресловутому крепкому яйцу, которое выпадает из гнезда ворона, летит, ударяясь о многочисленные

черные ветки дерева огириси, и приземляется цельным. Дорога неописуемо прекрасна. Деревья, стоящие вдалеке вдоль внутренней дороги, с одной стороны дают густую тень, а с другой прозрачны, как серебристый матерчатый покров, сплетенный женщинами Авки. Изумрудные птицы щебечут в воздухе и в кронах деревьев, приносящих золотистые плоды. Они облетают процессию, размахивают своими крыльями в восходящем потоке, пикируют и играют, словно тоже танцуя под песню процессии. Я шел, а они светились в чистом свете, который заполнял дорогу. Я не мог сказать, когда мы добрались до великого моста, который соединяет Беигве и землю. Но перед тем как мы подошли к нему, женщины резко остановились и возвысили голоса в странной призрачной песне. Прелестные мелодии превратились вдруг в погребальный плач, и пели они дрожащими голосами. Их крики поднимались, когда они пели о страданиях в мире, где люди проходят мимо, о позоре бесчестья, о несчастьях болезней, ранах предательства, страданиях утрат и скорби смерти. К ним присоединился *оньеува*, и я сошелся с ними, и с обитателями Элуигве, которые останавливались всякий раз, когда мы проходили мимо, чтобы сказать: «Да

получит тот, кто идет на *уву*, мир и радость!», и даже со стадом белых носорогов и священных птиц Элуигве, парящих вокруг нас и в почтении бьющих крыльями.

Потом, словно по сигналу невидимого знамени, певцы отделились от нас и помахали нам издали. Они помахали. То же сделали и птицы, подвешенные над мостом, словно существовала некая черта, которую они не могли пересечь, невидимая ни для меня, ни для реинкарнируемого духа. Мы помахали в ответ, а когда пересекли мост, я обнаружил себя в месте, где, кажется, уже бывал прежде. Место это наполнял яркий свет, сходный со светом Элуигве, только рукотворный. Вокруг источника света кишели мотыльки и бескрылые насекомые. На одной из ламп в арке стены сидела ящерица геккон, ее рот был набит насекомыми. Человек на кровати под этой лампой света закричал, задрожал и в конечном счете упал без сил на потеющую женщину. *Оньеува* вошел в женщину и осеменил ее. Женщина не знала или не понимала, что в ней происходит великая алхимия зачатия. Я присоединился к *оньеуве* и слился с семенем человека, а в соединении мы стали *разделимы*».

«*Ндиичие на ндиокпу, уну га ди*».

«*Исеех*!»[96] — хором вскрикнули вечные тела.

«С этого момента я неизменно наблюдал за ним широко раскрытыми, как у коровы, и бессонными, как у рыбы, глазами. По сути дела, не будь моего вмешательства или будь я плохим чи, он вообще никогда бы не родился».

И тогда по этой толпе бессмертных пробежал приглушенный ропот.

«Все это правда, благословенные. Это случилось на его восьмом месяце, когда он находился в чреве матери. Она сидела на табурете между двумя ведрами, одно с чистой водой, с прозрачной пленкой наверху, представляющей собой остатки мыльной пены, другое с водой мутной, в которой мокнут одежды. На груде нестиранной одежды лежал пакет с моющим средством «Омо». Она не видела, а ее чи не предупредила ее о том, что ядовитая змея, обнюхавшая влажную землю вокруг матери, ощутив росистый запах листьев и кустарников вокруг этого места, заползла под груду одежды и начала там задыхаться. Но я стоял, выйдя из моего хозяина и его матери, как я часто делаю, пока мой хозяин не обретет свое тело в его полноте. Я видел ее — черную змею,

---

[96] Примечания: 96
Эзотерические ритуальные выражения на игбо.

забравшуюся в штанину брюк, и когда мать потянулась к брюкам, змея укусила ее.

Это нападение произвело мгновенное действие. По ошеломленному выражению ее лица я понял, что укус был ужасающим. В точке укуса появилась капля темной крови. Она вскрикнула так громко, что мир вокруг нее бросился ей на помощь. Как только змея укусила ее, я понял, что яд может распространиться и убить моего хозяина в его приюте, во чреве матери. И потому я вмешался. Я видел, как яд движется к моему хозяину, который представлял собой всего лишь спящий плод во вместилище чрева. Яд был насыщенный, горячий и мощный, мгновенный и губительный, и стремительный в своем движении по кровяному руслу. Я попросил ее чи вынудить ее кричать во всю мочь, чтобы немедленно пришли соседи. Какой-то человек быстро обвязал тряпкой ее руку чуть выше локтя, что предотвращает распространение яда по телу и вызывает опухание руки. Другие соседи атаковали змею, закидали камнями, превратили ее в желе, человеческие уши были глухи к ее мольбам о милосердии.

Вы все знаете, что мой долг — знать, разгадывать тайны вокруг существования моего хозяина. И воистину, даже коза и курица могут подтвер-

дить, что я видел и слышал много чего. Но сюда я пришел главным образом потому, что мой хозяин попал в серьезную беду, такую беду, которая может заставить плакать кровавыми слезами».

— Ты хорошо говоришь! — сказали они.

«Ваши сородичи говорят, что даже человек, стоящий на самой высокой горе, не может увидеть весь мир».

– *Эзи окву*[97], — согласно забормотали они.

«Ваши сородичи говорят, что, если человек хочет почесать себе руку или почти любую другую часть тела, помощь ему для этого не требуется. Но если ему нужно почесать спину, то он должен просить помощи у других».

— Ты хорошо говоришь!

«Поэтому я и пришел: в поисках ответа, в поисках вашей помощи. Обитатели земли живых мертвецов, я опасаюсь, что сильная гроза потребовала закрытия единственной дороги в утопическую деревню Окосиси, и эта просьба была удовлетворена».

– *Туфия*! — хором произнесли они. На что один из них, сам Эзе Оменкара, великий охотник, который при жизни посещал такие далекие места, как

---

[97] Примечания: 97
Хорошие слова (*игбо*).

Одунджи, и приносил домой много дичи, сказал:

– *Нди ибем*, приветствую тебя. Мы не можем, махая руками, отогнать змею, грозящую ужалить нас, как мы отгоняем комаров. Они не одно и то же.

— Ты хорошо говоришь! — воскликнули они.

– *Нди ибем, квену*[98], — сказал Эзе Оменкара.

– *Ийаах*! — воскликнули они.

– *Кве зуеену*[99].

– *Ийаах*!

— Дух-хранитель, ты говорил, как один из нас. Ты говорил, как тот, чей язык созрел, и твои слова воистину стоят на ногах, они стоят — даже сейчас — среди нас. Но мы не должны забывать, что если кто моется, начиная с колен, то, когда он дойдет до головы, вода может закончиться.

— Ты хорошо говоришь! — прокричали они.

— Поэтому расскажи нам о той грозе, в которую попал наш сын Чинонсо.

Агбатта-Алумалу, я рассказал им все, как видел эти события своими глазами, как слышали мои уши и как я теперь говорю тебе. Я рассказал им

---

[98] Примечания: 98
Друзья мои, хорошо говорите (*игбо*).

[99] Примечания: 99
Поверьте в это (*игбо*).

про Ндали, про его встречу на мосту и его любовь к ней. Я рассказал им о его жертвах, о продаже дома. Рассказал про Джамике, о том, как он надул моего хозяина и как мой хозяин, думая, что белая женщина спасла его, теперь лежал без сознания, убив, вероятно, другого человека.

— Ты хорошо говоришь! — хором произнесли они.

Потом среди них наступило молчание, молчание того рода, какой невозможен на земле. Даже *ичие* Олиса, разгневанный тем, что его сын продал землю, смотрел в очаг пустыми глазами, безмолвный, как мертвая собака. Приблизительно пятеро из них поднялись и отошли в угол посовещаться. Когда они вернулись, ичие-нне Ада Оменкара, бабушка моего хозяина, сказала:

— Ты знаешь что-нибудь о законах народа этой новой страны?

«Не знаю, великая мать».

— А раньше он убивал людей? — спросил ичие Эзе Оменкара, прапрадед моего хозяина.

«Нет, не убивал, ичие».

— Дух, — сказал теперь Эзе Оменкара, — может быть, человек, которого он ударил табуреткой, выживет. Мы приказываем тебе вернуться и блюсти его. Не ходи в Беигве с отчетом для Чукву,

пока не будешь точно знать, что он убил того человека. Мы надеемся, что, если тот всего лишь получил удар табуреткой, он не умрет. Пусть твои глаза уподобятся глазам рыбы, и возвращайся сюда, когда у тебя будут новости для нас. — Потом, обращаясь к остальным, он сказал: — *Нди ибем*, я выразил ваши мысли?

– *Гбам*! — хором откликнулись они.

— Чи, который засыпает или оставляет своего хозяина и отправляется в путешествие — кроме случаев необходимых, как этот, — есть *эфулефу*, слабый чи, чей хозяин уже привязан, как овца, к убойному столбу, — продолжил он.

— Ты хорошо говоришь.

«Я слышу вас, обитатели Аландиичие. И теперь возвращаюсь».

— Да, возвращайся, мы разрешаем, — воскликнули они. — Возвращайся тем путем, которым пришел.

«*Исеех*!»

— И пусть не гаснет свет на твоем пути назад.

«*Исеех*!»

Я развернулся, чтобы покинуть их — тех, кто более не подвержен смерти, и мне хотя бы стало легче оттого, что я нашел отдохновение от моей паники. И я шел, не оборачиваясь, размышляя:

что это был за прекрасный голос, который снова зазвучал в песне, сопровождавшей меня?

Чукву, так завершилось мое путешествие. Я долго летел над пламенной ночью, миновал белые горы в самых дальних царствах Бенмуо, на которых стояли чернокрылые духи, разговаривая загробными голосами. Приближаясь к величественным границам земли, я увидел Эквенсу, божество-проказника, он стоял в своем безошибочно узнаваемом многоцветном одеянии, его голова покоилась на длинной шее, которая вытягивалась, как щупальце. Он стоял на краю лунного диска, смотрел на землю дикими глазами и смеялся про себя, может быть, изобретая какое-то новое злостное озорство. Я видел его на этом самом месте уже дважды, в последний раз семьдесят четыре года назад. Я, как и в прошлые разы, облетел его стороной и продолжил движение к земле. А потом с алхимической точностью, с какой любой чи находит своего хозяина, где бы во вселенной он ни находился, я прибыл туда, где лежал мой хозяин, и соединился с ним. По часам на стене я сразу же увидел, что отсутствовал почти три часа по меркам времени Белого Человека. Его оживили, Эгбуну. Его лицо исполосовали швы, а изо рта на месте сломанного зуба

торчал большой окровавленный кусок ваты. В помещении больше никого не было, но у его кровати стояла какая-то штуковина с экраном, как у компьютера, словно чтобы ему не было скучно, а к его руке был присоединен маленький мешочек с кровью, который висел на стержне. Мой хозяин лежал с закрытыми глазами и видел нечеткий образ Ндали — она стояла и смотрела на него, словно привязанная к его мыслям неразрывной струной.

Третья
Третье заклинание

Гаганаогву, да не напрягутся твои уши —

Стоя здесь, я слышу пение, радость, нежные мелодии флейты. Я много раз бывал в месте твоего обитания. Я знаю, что духи-хранители и их хозяева приходят к тебе сюда для окончательного одобрения тобой их нового рождения, для их реинкарнации в свежее тело, а потом живут на земле, как заново рожденные…

Отцы говорят, что человек, промочив ноги, не становится босиком на горящие угли…

Сердце человеческое слишком мало́, а потому человек не танцует близ ямы с ядовитыми змеями…

Бескрылая птица сказала, что я должен плюнуть в дырявый калебас, но я на это отвечаю, что мою слюну не следует тратить впустую…

Голова, сунувшаяся в осиное гнездо, получает осиное жало.

Одноглазая змея стыда нашла прибежище близ моих дверей. «Позволь?» — спрашивает она. «Нет, — говорю я. — Я не хочу видеть твои ужасы

в моем приюте…»

Разрушение говорит мне: «Могу я поселиться под твоей крышей и поставить там мой шатер?» Я отвечаю: «Нет, уходи и скажи тем, кто тебя послал, что меня нет дома. Скажи им, что не видело меня…»

Эгбе беру, уго эбеквару, онье си ибе йа эбела нку кваайа[100].

Пусть слова, которые я продолжаю произносить, поспешат к концу моего свидетельства…

Пусть не высохнут слова на моем языке, влажном, как мангровый лес…

Пусть твои уши, Чукву, не устанут слушать меня…

Пусть это заклинание станет плодотворным завершением моего сегодняшнего свидетельства, после чего я покину залы Беигве и вернусь к ожидающему телу моего хозяина…

Исеех!

---

[100] Примечания: 100

Пусть сядут и ястреб, и коршун. Если один из них говорит, что другой не должен садиться, то пусть сломаются его крылья (*игбо*).

18. Возвращение

Аканагбаджиигве, вселенная не топчется в прошлом, словно стая ворон у головешек погасших костров. Напротив, она мчится вперед всегда по петляющей тропе будущего, останавливаясь лишь на мгновение в настоящем, чтобы, как усталый путник, дать отдохнуть ногам. А потом, передохнув, она двигается дальше и не оглядывается. Ее глаза — глаза времени, они постоянно устремлены вперед. Вселенная движется, что бы ни случалось с ее обитателями. Она продолжает свой путь, пересекает пешеходные мосты, скользит по прудам, огибает кратеры и движется, движется. Пожар уничтожил целый народ? Не имеет значения. Если это случилось утром, это не имеет значения, потому что солнце встанет, как оно делало это всегда, сколько существует мир, и в этом же самом городе солнце зайдет и на город опустится ночь. Землетрясение опустошило страну? Это не имеет значения, оно ничуть не повлияет на смену сезонов. И жизнь вселенной отражается на жизнях тех, кто в ней обитает. Убили главу семьи? Дети должны лечь спать и проснуться наутро. Все продолжают жить, всех

уносит вперед, как опавшие листья в реке времени.

Но хотя вселенная продолжает свой путь, неся с собой все жизни, есть место, где человек может пребывать в покое, словно вселенная остановилась. Этого места люди боятся, потому что они в этом месте ничего не делают. Они даже не шевелятся там. Они заперты, как пойманные животные в тесной клетке. У того, кто находится там, есть отведенное ему пространство, границы которого словно начерчены невидимыми чернилами, ему как бы говорят: «От этой стены до этой стены, от этой линии до этой — вот чем ограничен твой мир». Но я должен сказать, Агуджиегбе, что человек, чьи движения ограничены, на самом деле не может считаться по-настоящему живым. Ход времени смеется над ним. И вот это-то и происходит в заключении.

Потому что в таком месте не может образоваться почти никакой памяти. Человек просыпается утром, ест, испражняется в небольшое отверстие, которое накрывает крышкой, промыв его водой, а воду набирает в маленькое ведерко из крана в его комнате. Потом он спит. Он может проснуться ночью, а может утром. Только тень света просовывает свою слабую голову в камеру,

словно это голова змееныша. Если стоит день, то свет проникает внутрь одним лучом через окно в стене под старым потолком. Окно забрано мощной железной решеткой.

Человек сидит здесь весь день едва живой, эмаль жизни отшелушивается от него и собирается хлопьями у его ног. Мир прячется от такого человека. Мир прячет свои глубочайшие и самые поверхностные тайны и даже не тайны. Заключенный не знает ничего о том, что происходит, ничего не видит, ничего не слышит. Мост, который он пересек на пути сюда, словно мост, сооруженный отступающей армией, был уничтожен после него, а с ним и все связи с привычным, знакомым миром. И теперь человек ограничен этим пространством на столько времени, сколько он должен здесь пробыть. Это не имеет значения. Имеет значение то, что жизнь остановилась. Он проводит дни, разглядывая стены или решетки, за которыми где-то там другие камеры, пока его глаза не устают смотреть. Время от времени он видит, как что-то двигается в поле его зрения, но потом теряется. Никакое новое воспоминание не создается из этого, потому что такие события, хотя они и происходят, подобны ослабевшим животным, которые колотятся в замурованную

дверь его беззвучной человеческой природы, а потом исчезают. Или как безмозглые насекомые, прилетающие на свет и корчащиеся в ритуальном танце, который заканчивается только их смертью. Я видел это много раз, Эгбуну.

Как только моего хозяина забрали из больницы, где он провел две недели, и поместили в камеру, где он должен был оставаться в одиночном заключении, воспоминания у него перестали образовываться. В редких случаях у человека и в тюрьме появляются воспоминания, и часто он их совсем не хочет, но их ему навязывают. Это не его добровольная история. Потому что человек никак не управляет такими вещами, их внедряют в него, не спрашивая его желания. Потому что, если он раз видел что-то, оно словно проскальзывает в трещину его разума и остается там. Оно не уходит.

Мой хозяин провел в этом состоянии четыре года. Мучения этих четырех лет жизни с их однообразием бытия, отсутствием каких-либо событий сравнимы разве что со страданиями раба, какие на моих глазах переносил один из моих прежних хозяев, Йагазие. Потому что заключенный — тоже раб, пленник правительства в этой чужой стране. На протяжении многих циклов я

познавал озлобление молодых сердец, вываленных в грязи амбиций многих людей, заглядывал в могилы их поражений. Но ничего подобного этому я не видел.

И вот он вернулся в землю живых и в свою собственную землю. Процесс, который привел к его возвращению в землю отцов, развивался очень быстро. Потому что на заре его бедствований я пытался спасти его. Когда полиция отвезла его в больницу и он без сознания лежал в одиночестве, у меня не оставалось иного выбора, кроме как делать то, что должен делать любой чи в качестве последнего средства, когда все человеческие усилия не дали результата: я отправился в Аландиичие просить о вмешательстве его предков, отчет о встрече с которыми я тебе сейчас представил.

Однажды утром в пятый месяц его четвертого года в тюрьме внезапно, без всякого предупреждения, его освободили. Ничто не подготовило его к этому. Он сидел спиной к стене, краска с которой отшелушилась оттого, что он слишком долго прислонялся к ней. В этот момент он думал о всяких мелочах — о танце муравьев в муравейнике, потом о личинках в банке с прокисшим молоком, потом о малых птахах, рассевшихся на

диком дереве, — когда дверную решетку начали отпирать. На пороге он увидел охранника и кого-то в костюме, последний сказал ему на языке Белого Человека, что его освобождают.

Он последовал за ними в комнату для допросов, а потом переводчик сообщил ему, что его дело было пересмотрено. Главная свидетельница дала вначале ложные показания. Он не собирался ограбить или изнасиловать ее, как сообщалось вначале, она сама пригласила его к себе в дом по собственной воле. Но тут появился ее муж и набросился на нее и на него в приступе ревности и ярости. Мой хозяин всего лишь пытался спасти ее, когда ударил мужа. Такова правда о том, что случилось, сообщила теперь эта женщина. Гаганаогву, полиции она говорила совсем другое! Совершенно противоположное. Эта женщина и ее муж сговорились против моего хозяина, невинного человека, и сказали, что он пытался ее изнасиловать. Они сказали, что, когда мой хозяин пытался изнасиловать ее, появился муж, увидел, как она отбивается от насильника, и вмешался, ударил моего хозяина, и тот упал без сознания.

Выслушав это, он не сказал ничего ни охраннику, ни переводчику. Он просто сидел там, глядя на хорошо одетого человека с бумагами и

переводчика, но не видя их. Его глаза уже привыкли фиксировать какой-либо образ, а потом сразу же отбрасывать его и двигаться дальше. Он неотрывно смотрел на обширную голую стену, великолепное ничто, которое тем не менее занимало его глаза и мысли.

— Мистер Джиносо, вы хотите что-нибудь сказать?

Когда он не ответил, переводчик наклонился к уху второго человека, и тот принялся кивать. Моему хозяину это показалось необычным: один быстро что-то говорил, а другой энергично кивал.

— Мой друг миз Фиона Эйдиноглу хочет принести свои извинения. Ей очень жаль, что все так случилось. Здесь ее адвокат, и она просила нас дать вам эти деньги. Она хочет, чтобы мы сделали все возможное, чтобы вернуть вас к нормальной жизни.

Он ничего не сказал, его взгляд по-прежнему был устремлен на муху, которая жужжала между окном и сеткой, за спинами этих двоих.

— Мистер Джиносо, — это зазвучал голос не говорящего по-английски адвоката, который, вероятно, решил, что переводчик недостаточно точно передал суть сообщения и лучше ему, адво-

кату, самому донести эту суть до слушателя, пусть и на очень ломаном языке. Его слова явно должны нести больше смысла. К ним явно отнесутся с уважением. — Я говорить правду теперь, мой клиент теперь говорить только правду. Мы очень, очень сожалеть, сочувствовать ваши страданий. Очень сожалеть. Много… — Он повернулся к своему другу, спросил что-то. — Лет, yani[101], лет. Много лет Фиона грустить, потому что так. Она жалеть, очень жалеть, мой друг. Пожалуйста, мистер Джиносо, вы должен принять ее извинений.

Мой хозяин и этому человеку ничего не ответил. За четыре года все, что требовалось сказать этим людям и обсудить с ними, было сказано. А потом слова потеряли всякий смысл, превратились в нечто другое, в нечто, не имеющее формы, аморфное, бесполезное. Вместо них дало корни и расцвело презрение. Человек простодушный, он стал невольной жертвой бесстыдной лжи. И теперь презрение, которое он ощущал, было настолько сильным, что, пока эти люди говорили, перед его мысленным взором ярко возникали сцены насилия. Человека в полицейском мундире он видел лежащим на полу с перерезанным

[101] Примечания: 101
Так (*турецк.*).

горлом, а в своей руке — нож, с которого на безжизненное тело капает кровь. Адвоката он видел с открытым ртом, задыхающегося, с высунутым языком, а он душит его, прижимая к стене.

Пусть и туманно, но мой хозяин понял, кем он стал. Он сам не знал об этом, но что-то в нем изменилось. Потому что душа человека может долго выносить безжалостные обстоятельства, но в конечном счете она восстает, не в силах более терпеть. Я видел это много раз. Там, где прежде была покорность, возникает мятеж, а на место терпения приходит сопротивление. Он встает с остервенением черного льва и отстаивает свою правоту сжатыми кулаками. И что он сделает, а чего он не сделает, не предполагает даже он сам.

Эгбуну, «человек ярости» — тот человек, с которым жизнь обошлась несправедливо. Человек, который, как другие, просто нашел женщину и полюбил ее. Он ухаживал за ней, как другие ухаживают за своими избранницами, холил ее только для того, чтобы вдруг обнаружить, что все его усилия были тщетны. Он просыпается однажды и обнаруживает, что оказался в узилище. Он пострадал от зла, которое причинили ему люди и несправедливая история, и именно осознание этого зла рождает в нем перемены. В

тот момент, когда эти перемены начинаются, в него через щель в его душе проникает великая темнота. Для моего хозяина это была ползучая, многоногая темнота в виде быстро плодящейся тысяченожки, которая вползла в его жизнь в первые годы заключения. Тысяченожка наплодила многочисленное потомство, которое вскоре начало пожирать его, а потому к третьему году темнота загасила весь свет в его жизни. А туда, где обосновалась темнота, свет уже не может проникнуть.

Бóльшую часть времени мысли «человека ярости» заняты одной страстью: жаждой справедливости. Если его посадили, то он должен отомстить тем, кто его посадил. Если он утратил что-то, то должен забрать это у похитителей. Это важно, потому что только такое возвращение утраченного даст ему шанс стать тем, кем он был прежде.

В истории с моим хозяином его встреча с адвокатом и переводчиком была первым за долгое время случаем, когда ему приходилось действовать, исходя из своих эмоций. В заключении любые его чувства в любое время не имели никакого смысла, потому что он не мог действовать, исходя из них. Какая была польза от того, напри-

мер, что он чувствовал гнев? Он ничего не мог с этим поделать. Чувствовать любовь? Ничего. Все, что он чувствовал, проглатывала пасть его несвободы.

Он должен понять, что «миссис Фиона», которую он не видел после суда, настаивала на том, чтобы деньги были положены ему в сумку, если он откажется их взять, и вернулись с ним в Нигерию в самолете. «Не депортация, — говорила ему очень молодая черная женщина, которая представилась нигерийкой, одна из многих, кто говорил с ним. — Они просили вас — ваш университет предложил вам грант на учебу в качестве компенсации, если вы все еще хотите учиться и останетесь в ТРСК, но вы не дали им никакого ответа. Поскольку вы отказываетесь говорить даже со мной, они возвращают вас в Нигерию со всем, что вы сюда привезли».

Даже этой женщине, хотя он и внимательно ее разглядывал, он не сказал ни слова. Вот почему те, кто хотел что-то сделать с ним или для него, замолкали и пытались просто понять смысл его маленьких жестов — косые взгляды, покачивание головой, даже реакции, совсем лишенные коммуникационного смысла, например покашливания. В конечном счете они пришли к

выводу, что его молчание может означать одно: единственное его желание — вернуться домой. Они просмотрели его формуляр и связались с ближайшим родственником, его дядюшкой. Потом, два дня спустя после его освобождения, его отвезли в аэропорт. Ему дали билеты, посадили в самолет, сказали, что связались с его дядей и тот будет ждать его в аэропорту Абуджи. Потом, пожелав ему удачи, адвокаты, правительственные чиновники Турецкого Кипра, один из служащих университета, в который его приняли, и нигерийка помахали ему на прощание. Но даже на это он не отреагировал.

Он не произнес ни слова, пока самолет не поднялся в воздух. И сразу же мертвые события открыли свои глаза, а из могил времени начали всплывать знакомые образы. Когда наконец страна, в которой была переписана его история, превратилась в маленькое пятнышко внизу, он обнаружил, что снова пытается проследить траекторию своего путешествия. Как он оказался в этом месте, где с ним сделали такие неслыханные вещи? Он ждал несколько мгновений, пока ответ, поднимая рябь, всплывал на поверхность из глубин его разума: он приехал, чтобы соответствовать статусу, позволявшему ему быть с

Ндали, о которой он думал почти все эти годы, но наконец, измученный непреходящими страхами, воображением и сновидениями о том, как она уходит от него, он перестал позволять себе думать о ней. Он вспомнил торжество в доме ее отца и свое унижение. Он вспомнил Чуку, который мучил его. Самолет приземлился в Стамбуле, когда появились воспоминания о птицах, мокрых и мерцающих. Он видел кур, видел, как сам кормит их. Он видел себя — вот он пишет на стенке курятника дату последней общей уборки, которую он делал каждые две недели. Он вспоминал, как собирает яйца в курятниках, сдувает с них землю и перья, кладет в мешочек. Потом, где-то в прошлом, он увидел, как делает запись о появлении новых цыплят в большом шестисотстраничном журнале учета, обложка которого давно отвалилась, а на первых семидесяти с чем-то страницах оставались записи, сделанные еще его отцом. Потом он увидел себя на большом рынке в Ариарии, где он продавал клетку с желтыми бойлерами и петушком-альбиносом, чей гребешок был разодран пополам во время драки с другим петушком. Чукву, воспоминания об этих вещах даже по прошествии стольких лет снова разбили его сердце.

Агуджиегбе, когда вдали уже показалась страна детей великих отцов, я оставил тело моего хозяина, горя желанием снова увидеть прекрасные дождевые леса Алаигбо, эту землю, где бархатные зеленые тени утра превращаются в подрагивающую пелену ночи. Многочисленные деревья, росту которых не препятствует ничто, пьют неустанный дождь. Когда паришь над ними, глядя на леса, как на крылатые существа, леса кажутся плотными, как внутренности антилопы. В лесах текут реки, ручьи, есть озера и священные воды богов (Омамбалы, Льи-Оча, Озалы и многих других). Человеку недолго идти из леса до окраины деревни. Первым делом он видит еще больше деревьев со съедобными плодами — бананами, папайей, зелеными манго, — в глубинах леса таких почти и не встретишь. Во времена отцов хижины строились тесно. Их скопление простиралось всего на несколько бросков камня, и это была деревня. Нынче деревни превратились в городки, а леса вторглись в места обитания людей. Но красота земли остается: тихие пики гор и долины, великолепные для тех, кто пришел посмотреть на них. Вот по чему я тосковал, пока отсутствовал мой хозяин, и именно это я отправился посмотреть в первую очередь, когда

мой хозяин и его дядюшка, встретивший его в аэропорту, приехали в страну великих отцов.

Ни он, ни дядя ни слова не сказали о его ситуации, пока не приехали в Абу, где всего двумя годами ранее дядюшка покинул гражданскую службу. На всем пути — в такси ли, которое вывезло их из аэропорта, в автобусе, который восемь часов вез их из Абуджи до Абы, — они находились среди чужих людей. Но теперь, у въезда в Абу, когда автобус остановился на обочине шоссе, чтобы пассажиры помочились в кустах, его дядюшка, справляя малую нужду, спросил, не случилось ли с ним чего в тюрьме. Некоторое время мой хозяин молчал. Он мочился рядом с дядюшкой, направляя струйку мочи в старую пивную бутылку, стоявшую среди вьюнков и наполовину наполненную, вероятно, дождевой водой. Он мочился, пока бутылка не переполнилась и не упала, а ее содержимое пролилось в траву. Старик заговорил снова — передал племяннику рассказы и домыслы о том, что к африканцам в тюрьмах за рубежом относятся «как к-к-к собакам». Услышав это, мой хозяин уставился на дядюшку, который уже закончил и теперь ждал, когда племянник застегнет ширинку. Его глаза, казалось, выдали то, что не мог сказать рот, потому что его дядюшка

перехватил его взгляд, а потом покачал головой в мучительном сострадании.

— Т-ты д-д-должен Б-бога б-благодарить, что остался ж-живой, — сказал дядюшка. — Т-ты, к-конечно, совершил б-большую ошибку, п-п-поехав т-туда. Б-б-большую ошибку. Но т-ты д-должен б-благодарить Б-бога.

Мой хозяин не выдержал, когда они приехали в дом дядюшки и их встретила сильно постаревшая тетушка, которую в прошлый раз он видел на похоронах отца. Ему выделили комнату, принадлежащую дядюшкиному сыну, призванному в Национальный корпус молодежной службы в Ибадане; дядюшка спустя какое-то время зашел к нему с тем же вопросом в глазах. Но он все еще не мог говорить об этом.

Гаганаогву, ты творец всего сущего, и ты знаешь: то, чего не могут сказать наши хозяева, мы — их чи — тоже не можем сказать. Ведь таково универсальное правило: *онье кве, чи йа е кве*[102]. А потому то, что не подтверждал он, и я не могу подтвердить. А значит, если он о чем-то молчит, то и я должен молчать. То, что он не хочет помнить, не помню и я. Но даже хотя мой хозяин не

---

[102] Примечания: 102
Если человек подтверждает что-то, то подтверждает и его чи.

мог говорить об этих делах, думал он о них постоянно. Они, словно тайная кровь, текли в жилах каждого проходящего дня. Они поджидали и выскакивали на него из засады на каждом дневном повороте. А иногда, когда он лежал на кровати и смотрел на электрическую лампу или керосиновый светильник, что вошло у него в привычку после освобождения из тюрьмы, воспоминания возникали перед ним во всей своей чудовищности, словно были заточены в этой лампе или светильнике, а теперь вдруг вырвались оттуда.

Он занялся перестройкой себя, потому что эти воспоминания постоянно мучили его мозг. Но шли дни, и он вдруг понял, что они занимают его все меньше. Его теперь больше волновало другое: та громадная загадка, которую жизнь поставила перед ним и которую он отчаянно хотел разгадать. Поначалу он держался в отдалении, в более чем почтительном отдалении от этой загадки и пытался не разгадывать ее, потому что дядюшка счел бы его сумасшедшим за одни только мысли такого рода. Дядюшка недвусмысленно сказал ему, что все, доставляющее человеку такую боль и страдания, нужно выбросить из головы. Дядюшка, восприимчивый к мудрости старых отцов, чьи уста сочились медом убедительных фигур речи и

пословиц, спросил его своим привычным, тихим и мягким голосом, какая польза будет человеку, если он, восхитившись красотой кожи скорпиона, поднимет его и сунет себе в карман. Когда мой хозяин ничего на это не ответил — потому что такие вопросы не требуют ответов, — дядюшка продолжил:

— Н-никакой п-пользы, эт-то б-будет г-глупость чистой в-воды.

Но, покинув дом дядюшки с пятью тысячами евро, полученными от немецкой женщины в возмещение *ущерба* — в рамках штрафных санкций, наложенных на нее, — он вернулся в Умуахию и снял квартиру. Он открыл магазин по продаже кормов на Нигер-роуд, а на остатки денег купил мотоцикл. В следующие недели он кирпичик за кирпичиком восстановил свою жизнь. Аквааквуру, если черепаха лежит перевернутая, то она, даже если на это уйдет много времени, будет медленно стараться перевернуться обратно. Может быть, поначалу это ей не будет удаваться, так как мешает камень, а потому она должна будет попробовать с другой стороны. Только так она и сможет подняться на ноги. Эгбуну, он должен был продолжать, потому что ничего не делать — это смерть. И к концу месяца, когда дядюшка с

тетушкой приехали проведать его и сказали, что он «поднялся», он согласился, что, по крайней мере, часть пути к возрождению своей жизни он прошел. Это было утешительное чувство. Оно придало ему мужества, и только после этого он снова вернулся к загадке и начал продвигаться к ее разрешению.

Эти его усилия привели его в один из вечеров, два месяца спустя после его возвращения в землю отцов, к особняку в Комплексе Агуийи-Иронси, который он обнаружил не без труда. Дом постарел, и скульптура Джизоса Крайста на воротах исчезла, оставив после себя отпечаток, похожий на шрам. Перед воротами между оградой и новой дренажной трубой пробилась осока на ломких стеблях, а в конце дороги из сточных вод поднималось молодое деревце. Мой хозяин подъехал к воротам, чувствуя, как сердце колотится в груди, и это мешало ему остановиться и осмотреть это место — где до его отъезда из Нигерии жила Ндали — хоть сколько-нибудь внимательным взглядом. Потому что воспоминания, вызванные этим местом, вдруг нахлынули на него. И он в спешке проехал мимо особняка, торопясь исчезнуть в наступающих на землю сумерках.

А я остался, Осебурува, потому что одну из са-

мых трудных миссий за почти семь сотен человеческих лет моего существования, с тех пор как ты создал меня, я выполнял перед этими воротами. Вскоре после того, как моего хозяина посадили в тюрьму, вид его страданий стал мне невыносим. Невиновный человек, *онье-ака-йа-квуото*, наказан за преступление, которого он не совершал. Я был потрясен так же, как он. Он сделал все это, чтобы жениться на Ндали, а теперь уничтожил себя. Ради нее. Я хотел, чтобы она узнала об этом, но понимал, что у него нет способа связаться с ней, а я, всего лишь бестелесный дух, не могу написать ей письмо или позвонить. И потому, Эгбуну, я прибегнул к *ннукву-экили*, чтобы доставить ей послание во сне. Один дух-хранитель, который прибегал к *ннукву-экили*, сказал мне в пещере Нгодо сто лет назад, что мы можем пользоваться этим в высшей степени эзотерическим процессом для обращения к нехозяину, но при этом уточнил: такие попытки предпринимаются редко. И вот, пока мой хозяин рыдал в тюрьме, я совершил астральный перелет и прибыл в ее дом. Переходя из одной комнаты в другую, я наконец нашел Ндали, она спала, свернувшись калачиком в уголке кровати, смяв простыни и обхватив во сне подушку руками. У ее головы лежала одна

из сделанных ею фотографий моего хозяина, он держал в руках курицу и улыбался в камеру. Я уже собирался начать заклинание, первую часть *ннукву-экили*, с помощью чего я мог получить доступ в ее пространство сна, когда в другом конце комнаты материализовалась чья-то сущность. Это была ее чи.

«Сын утреннего света, ты пришел нарушить покой, разгневать духа, который не сделал тебе ничего плохого».

Эгубуну, ты должен понять, что меня поразило это обвинение. Я знаю, этот дух-хранитель вскоре явится к тебе и сообщит свою версию нашей встречи, и если то, что, как говорят мне мои опасения, случилось с его хозяйкой, и в самом деле случилось, пожалуйста, вспомни мой отчет. Потому что в ответ на вопрос ее чи я начал говорить:

«Нет-нет, я только…»

«Ты должен уйти! — властно и с яростью сказала чи. — Посмотри на мою хозяйку: она и без того немало страдала, раненная решением Чинонсо уехать. Посмотри, как она грустила в ожидании его. Я ненавижу твоего хозяина».

«Дочь Алы», — сказал я, но чи не желала слушать.

«Это вторжение. Уходи, и пусть природа зале-

чит раны. Не вмешивайся в ее жизнь таким вот образом, потому что результат будет обратный. Если ты будешь настаивать, я доложу Чукву».

И, сказав это, она исчезла. А я без колебаний покинул комнату и вернулся в моего хозяина в далекой стране.

Окаааоме, он в ту ночь почти не спал. Он сидел в своей однокомнатной квартире, где жужжал и вращался настольный вентилятор, а мой хозяин в свете лампы, свисавшей с потолка на длинных проводах, связанных вместе клейкой лентой, пытался реанимировать свой телефон. Телефон не включался с того дня, как он впервые вытащил его из сумки — в ней лежала его одежда и обувь, то, что было на нем в тот день, когда его увезли в больницу, извещение о зачислении и чеки и все, что он брал с собой в тюрьму. Он соединил все части телефона, но тот не работал. Полицейский поднял его с залитого кровью пола в доме немецкой женщины в Гирне, и с тех пор телефон не работал.

На следующий день он поехал на мотоцикле к особняку под покровом темноты. Урчащий поблизости генератор давал свет, горевший внутри компаунда. А вокруг стояла тьма, почти полная, если не считать света фар от машин, выхватывав-

шего улицу из мрака, когда те ехали своим путем в густой черноте ночи. Он остановил мотоцикл, слез с него, потом подошел к воротам и, ощутив внезапный прилив смелости, которая словно выпрыгнула на него из своего укрытия, постучал в ворота. Как только раздалось дребезжание металла, у него возникло желание исчезнуть. Потому что теперь, когда он стоял на пороге того, что так долго искал, ему пришло в голову, что он не готов предстать перед предметом своих поисков. Он понял: несмотря на все случившееся с ним, ничто не изменилось за прошедшие годы. Он все еще оставался *отобо*. Он не получил высшего образования, его статус не изменился. Бушевавшая в нем ярость лишь укрепила это прозрение: его положение теперь хуже, чем было. Он стал гораздо беднее. Если прежде он владел домом, то теперь дома у него не было. Если раньше в его сердце не было ненависти, то теперь он носил в себе огромный мешок ненависти, в который вместилось немало людей. Если раньше он был привлекателен, то теперь его лицо было искалечено: из его лба врачам пришлось извлекать осколки бутылки, на подбородок наложили швы, и теперь он боялся брить это место, а во рту отсутствовали три зуба. Если в прошлом его боль и

скорбь происходили только от сочувствия близким, когда им наносили физический ущерб, то теперь боль и скорбь рождались жаждой мести за то, что сделали с ним. А кроме того, он был сломлен и внутренне, растоптан без всякой надежды на восстановление, изгнан из своего тела.

Он стоял перед воротами, осознавая истинное свое состояние. И это потрясло его, потому что прежде он не понимал, насколько несчастен. Он сделал шаг назад, когда ворота открылись.

— Что для вас, сэр? — из ворот вышел человек в форме, какая как-то раз была на нем. Человек был гораздо моложе, ему, вероятно, не исполнилось и двадцати.

— Ммм, я ищу моего друга, мисс Ндали Обиалор. Это ее дом?

— Да, это дом вождя Обиалора. Но его дочери сейчас здесь нет.

Сердце его заколотилось сильнее.

— Да? А когда она вернется?

— Мадам Ндали? Она не живет здесь. Она живет в Лагосе. Вы ведь сказали, что вы ее друг?

— Да, но меня много лет не было в городе. С года два-ноль-ноль-семь.

— Я вас понял, сэр. Мадам Ндали живет в Лагосе с две тысячи восьмого.

Привратник начал отворачиваться от него:

— Всего доброго, *ога*[103].

— Подожди, братишка, — сказал мой хозяин.

– *Ога*, я не могу никого ждать. Не могу ответить на твой вопрос еще раз. Мадам Ндали здесь нет. Она в Лагосе. Точка. Всего доброго.

Ворота закрылись так же резко, как открылись, он услышал звук засова, входящего в скобу. Туда, где он стоял, вернулась темнота вместе со спорадическими шумами улицы. Он стоял, прижав руку к груди, ощущая свое сердце. Потому что он почувствовал облегчение оттого, что через четыре года наконец-то узнал что-то о Ндали, пусть и самую крохотную подробность. Он ехал в свою квартиру, размышляя, что бы случилось, если бы он увидел ее. Изменилась ли она так же, как он и все остальное в Умуахии? Некоторые районы города он просто не узнавал. Здесь и там новые рынки были убраны, вытеснены на окраины города. Телефонная революция, началу которой он был свидетелем, завершилась, и теперь город переживал ее последствия. Теперь мобильный телефон был у каждого. Повсюду виднелись мачты телекоммуникационных компаний с их

---

[103] Примечания: 103

Здесь: шеф, запанибратское обращение (*игбо*).

сокращениями: МТН, «Гло» и «Эйртел». По обеим сторонам улиц стояли столики под желтыми или зелеными зонтами, за каждым таким столиком сидели мужчина или женщина. На столиках лежали сим-карты, а оператор брал с людей деньги, давая позвонить со своего телефона. На улицах появились новые лампы с плоскими панелями за ними, люди часто называли их просто «солнечники». Новый взгляд на жизнь, казалось, распространился среди людей, как безвредный микроб, он слышал новые мрачные шутки, которые ужасающее превращали в обыденное, слышал жаргонные слова, непонятные ему.

Он почти не обращал внимания на эти перемены, потому что его ум был занят мыслями о Ндали. Когда в доме медсестры-немки мой хозяин получил беспощадный удар, к которому его привела собственная глупость, он пытался связаться с Ндали. Он лежал на полу в луже собственной крови, боясь, что умрет, и тогда мысли о ней неколебимо стояли в его мозгу, как стража. Он заново переживал все мгновения, когда она так или иначе противилась его отъезду из Нигерии, например, когда она сказала ему о сновидении, подробности которого не стала раскрывать. Даже перед тем, как полиция забрала его, он видел, как

она наблюдает за ним, словно просто сидит в другом конце залитой кровью комнаты. И когда его забрали, он пытался связаться с ней по телефону, но его телефон не хотел работать. Он пытался купить новый, много раз умолял медсестер, но они неизменно отвечали, что им запрещено ему помогать. Полиция запретила ему доступ ко всему, кроме еды и лекарств. Медсестры не желали ни о чем с ним говорить. Лишь одна из них знала язык Белого Человека, но даже и та с трудом понимала его, когда он говорил. Шли дни, он впадал в бешенство, озлобление и бред. Потому что пришел к твердому убеждению, что Джамике и злой дух, желая уничтожить его, в своей настойчивости и безжалостности пойдут до конца. И теперь их усилия принесли результат. Он сражался изо всех сил, но он сражался с врагом, оружие которого не имело себе равных. Когда он уже было подумал, что победа близка, что он сорвался с крючка, его подцепил другой крюк, более острый.

Психологически его добивали несколько недель, в течение которых его бросили все, кого он знал. Даже Тобе, который замедлил его падение и часть пути нес его крест, не приблизился к территории его возобновленных страданий. Только представитель университета вместе с

заместителем ректора пришли на суд в первый день. Они взяли на хранение его вещи. Если его освободят, то, скорее всего, депортируют, и тогда они переправят его вещи в аэропорт. Они позвонили его дяде. В умопомрачении он умолял нигерийского студента Димеджи помочь ему связаться с Ндали. Дрожащими руками он записал ее номер.

— Что ей сказать? — спросил Димеджи.

— Что?

— Да, что ей сказать?

— Что я ее люблю.

— И все?

— Так оно. Я ее люблю. Я вернусь. Я жалею, что уезжал, и прошу прощения за все. — Он помолчал, чтобы силой глаз внушить Димеджи важность того, что он говорит. Когда тот кивнул, мой хозяин продолжил: — Но я вернусь. Я ее найду. Скажи ей, что я обещаю. Я обещаю.

И все. На большее у них не было времени. Он больше никогда не видел Димеджи. Ни один человек из тех, с кем он познакомился до событий, которые привели его в тюрьму в чужой стране, не появился в последующие четыре года. Приходила только та немка, его главный обвинитель. И еще один человек — ее муж, который шестнадцать

дней пролежал без сознания в больнице, он был его вторым обвинителем, он подтверждал показания жены. Этот человек говорил, что, войдя в дом, увидел чернокожего человека на своей жене, которая сопротивлялась насильнику. И в тот день судья обратился к мужу Фионы и заговорил с ним по-английски.

— Итак, мистер Айдиноглу, вы до этого знали, что ваша жена будет встречаться с этим человеком?

— Да, сэр. Она медсестра. Хороший женщина, которая любит помогать другим. Она хотела помочь этому бедному насильнику из Африки. Walahi yaa!

— Позвольте попросить вас не употреблять бранных слова перед судом, мистер Айдиноглу.

— Простите, ваша честь.

— Ведите себя подобающе. Итак, это вы позволили ей привести его в ваш дом?

— Нет, она всегда помогай людям. Для нее это нормальное состояние, yani[104]. Когда я вошел, он пытался ее изнасиловать.

— Можете вы рассказать суду, что вы увидели?

— Моя жена, yani, лежал на полу у обеденного

---

[104] Примечания: 104
Так вот (*турецк.*).

стола, а этот человек сверх сидел, и он держал ее за шею, одной рука. Прошу прощения, не той рука. Другой рука он пытался помочь себе войти в нее. Это было отвратительны, ваша честь. Очень отвратительны.

— Продолжайте.

— Я сразу бросился на него, и мы начал драться, а перед этим я попросил жену вызвать полиция. У меня была бутылк, и я его ударил, потом пошел посмотреть моя жена, она все еще был на полу, плакал, дышал громко. И тут этот человек очень тихо подошел и ударил меня в центр голова сюда — в это место, ваша честь, — табуретка. Я упал. Больше не помню что.

Агбатта-Алумалу, отцы говорят, что щелчок, который разбил голову собаки, нужно назвать как-то иначе. Мой хозяин ничего не мог сделать для своей защиты. После того второго заседания был вынесен приговор. К тому времени все уже было решено. Пять недель как решено. Облаченный в слова и оглашенный человеческим ртом приговор — сначала на языке той земли, потом на языке Белого Человека — не значил ничего, потому что мой хозяин уже получил куда как более тяжелый приговор, причиной которого стали действия столь чудовищные, что они навсегда

отпечатались в его мозгу. А потому оглашение того, что он приговаривается в общей сложности к двадцати шести годам заключения за попытку изнасилования и попытку убийства, не значило ничего. К тому времени его жизнь, та жизнь, которую он знал прежде, уже отделилась от него, как обреченная тень от своего источника, брошенная с утеса в бездну забвения, и на протяжении всех этих лет она продолжала падать, а он продолжал слышать вопль ее темного голоса.

19. Семена гнева

Гаганаогву, я здесь должен сказать, что для понимания мотива моего хозяина в том действии, в котором я объявляю его невиновным, ты должен иметь в виду: причиной его страданий стала его любовь к этой женщине. Ранние отцы говорят, что Орджинта, могучий охотник древности, был разорван на части во время охоты за достойной добычей. Хотя даже среди отцов эта история считалась легендой, ты знаешь, что случилось это в те времена, когда Алаигбо была в самом расцвете, когда все было таким, каким ты хотел. Тогда не существовало еще даже меня. Люди сооружали прямоугольные дома из земляных кирпичей, хранили святилища в своих *оби*, спрашивали совета у предков и постоянно кормили их, и никто не покушался на личную свободу соседа, потому что верил в первичный закон сосуществования. (*Пусть орел сидит на ветке, путь ястреб сидит на ветке, а если кто из них скажет, что другой не должен сидеть на ветке, то пусть сломаются его крылья.*) Орджинта, молодой человек, который повадился вызывать свою суженую до того, как она достигла возраста

ясной луны, прятался вечером за компаундом его отца и долго свистел, чтобы она вышла, выпрыгнула из окна и последовала за ним в кусты. Орджинта знал: свистеть по ночам запрещается, так как это беспокоит духов живых мертвецов в лесу Огбути. Но влюбленный и в гадючью нору заберется, чтобы найти свою любимую. Он не обращал внимания на ночные существа, которых пугают человеческие крики и свист. И вот когда он засвистел как-то вечером, озлобленный дух вошел в леопарда и погнал этого зверя через лес, леопард выл, топтал молодые деревца, ломал ряды батата, гонимый дьявольской яростью, которая не признает даже самых элементарных цивилизационных норм. Орджинта свистел и свистел, а его женщина прислушивалась — спят ли родители, не раздаются ли в доме какие-либо звуки, выжидала наилучшего момента, чтобы никем не замеченной выскочить из дома и побежать на ночное свидание. Зверь продолжал нестись к нему, не сбиваясь с маршрута, потому что его влекло некое дьявольское магнетическое притяжение к жертве, его буйные прыжки эхом разносились по темному царству ночи, и вот он нашел точное место в тот самый момент, когда Орджинта поднял голову и увидел свою любов-

ницу. Зверь напал на него, утащил тело в лес и разорвал на части с яростью, уходящей корнями в доисторические времена, когда еще не ведали таких понятий, как любовь и романтические чувства, плоть и кровь.

Эгбуну, для чего существуют такие истории? Их цель — предупредить нас об опасностях, которыми чреваты действия, подобные тем, что совершал Орджинта. Вот почему, начиная со второго года пребывания моего хозяина в тюрьме и после моей второй встречи с чи Ндали, я начал пытаться заставить его забыть ее. Но я пришел к пониманию того, что часто такие попытки тщетны. Любовь — это такая вещь, которую невозможно легко уничтожить в сердце, где она нашла пристанище. Я видел это много раз. И существует предел, за которым предложения чи становятся принуждением. Чи не может ни к чему принуждать своего хозяина даже перед лицом самых лютых опасностей. Безумие — вот следствие непреодолимых разногласий между человеком и его чи. Даже отношения между отцами определялись согласием. Каждый разговор они предваряли ревом «*Квену*» — приглашением к согласию, и если кто-то в группе отказывается ответить «*Йаа*», а говорит вместо этого «*Экве ро*

му», то обсуждение не могло продолжаться, пока несогласные не дадут согласия.

И как же тогда чи может расходиться во мнениях со своим хозяином? Как чи может сказать ему: «Оставь эти поиски, потому что они заведут тебя в темные места», если его хозяин исполнен решимости идти и дальше этим путем? Разве я не видел, что все эти годы среди боли и мучений, среди молитв о том, чтобы медсестра рассказала правду и он вышел на свободу, более всего жаждал он вернуться к любимой женщине? Каким бы невероятным это ни казалось, он чуть ли не каждый день плакал о ней. Он вымолил ручку и перо, написал письмо, но куда он мог его послать? Он не знал ее адреса. И даже если бы знал, то как бы он отправил это письмо? Первые два года он жил в постоянном страхе перед охранниками. Они, казалось, особенно презирали его, и это в самом начале, даже еще до того, как великое зло случилось с ним в тюрьме. Охранники называли его arap или zengin[105] и часто комментировали его преступление — изнасилование турецкой женщины. Он просил этих людей отправить его письмо, но ни один из них не слушал его. На вто-

[105] Примечания: 105
Богатый (*турецк.*).

рой год некто Махмут, влюбленный в Джей-Джей Окочу, футболиста из страны моего хозяина, согласился отправить ей письмо. Но только если не за границу. «Nijerya, cok para»[106], — часто повторял этот человек. «Parhali, cok, cok, много, много, мистер Джиносо». «Извини, мой друг». А где деньги, что были у него в карманах, когда его арестовали? «Извините, мистер Джиносо, мы не можем взять. Суд запер деньга. Никто не берет деньга. Очень жаль. Понимаете меня, мистер Джиносо?» Когда и этот человек отказал ему, мой хозяин сдался. Он не знал, что даже я, его чи, пытался достучаться до его любимой.

И вот, Агуджиегбе, я позволил ему лежать в кровати, когда он вернулся в тот вечер после поисков Ндали, и продолжать размышлять о возможности примирения с ней. Но потом, по мере сгущения ночи, он разрешил себе — с некоторой безысходной бравадой — подумать о том, о чем он отказывался думать прежде: что он может никогда больше не увидеть ее. В хрупкое ухо его разума донеслась моя мысль, что прошло слишком много времени. Она могла выйти замуж, у нее могли появиться дети. Она могла забыть про

---

[106] Примечания: 106
Нигерия много денег (*турецк.*).

него. Или умереть. Разве она знала кого-нибудь из близких или знакомых моего хозяина, чтобы связаться с ними и спросить о нем? Она не знала никого. Он с горьким сожалением подумал, что должен был дать ей номер телефона дядюшки. Или даже Элочукву. Он решил, что должен исключить возможность воссоединения с ней: не может она все еще ждать его по прошествии стольких лет. Слишком много лет прошло, категорически сказал голос в его голове. *Она для него потеряна навсегда.*

Следствием этого осознания стало отчаяние, охватившее его. Чукву, меня всегда тревожило, как разум человека иногда становится источником его конфронтации с самим собой и внутреннего поражения. Эти мысли настолько потрясли его в ту ночь, что он назвал себя глупцом: ну как он мог столько лет проводить в тщетных мечтаниях о ней, цепляться за осколки воспоминаний о времени, которое они провели вместе? Возможно, она лежала в объятиях другого мужчины все те ночи, когда он не спал, восстанавливая в памяти мгновения соитий с ней с такой яркостью, что истекал от желания.

Он, неожиданно вскрикнув, вскочил и швырнул через всю комнату керосиновую лампу.

Лампа разбилась, комната сразу же погрузилась в темноту, а звук бьющегося стекла остался в его голове. Он встал в темноте, все в нем кипело, грудь его вздымалась, а воздух наполнился запахом керосина. Но ничто не могло прогнать пульсирующую в его голове мысль о том, что какой-то неизвестный ему человек сосал груди Ндали.

Он почти не спал в ту ночь и следующие дни жил, исполненный чувства поражения во всем. Это угрожало его существованию. Даже я, его чи, опасался за него. Потому что он настолько потерялся в своем новом представлении о бессмысленности всего, что выезжал на встречную полосу. Дважды он ощущал дыхание смерти, попадая в происшествия, которые могли его убить. Один раз, когда машина сбила его с мотоциклом в канаву, водитель сказал ему: «Ума не приложу, как ты выжил!» Этот человек и немедленно собравшиеся любопытные были удивлены. «Твой чи явно не дремлет!» — сказал один из них. Третий утверждал, что его, вероятно, спас ангел, посланник *алуси* Белого Человека.

Много раз, когда мучительные мысли о том, что он потерял Ндали, приходили к нему, я выталкивал на передний план мысль-возражение. «Думай о девушке из магазина кормов, которая

была добра к тебе и назвала тебя хорошим человеком, — предлагал я ему. — Думай о своем дядюшке. Думай о своей сестре. О футбольном матче. Думай о хорошем будущем, которое у тебя может быть». Иногда, если это не помогало, я пытался сопровождать его в том направлении, которое он выбрал. Пытался подать ему надежду, что он все еще может найти ее. «Думай об этом так: любовь никогда не умирает. Помнишь, в том фильме, что ты видел — «Одиссея», там мужчина вернулся через десять лет и обнаружил, что жена все еще ждет его, жена знала, что муж ее любит, но его не пускают к ней жизненные обстоятельства. Она оставалась верной ему все эти годы, отказывалась изменить ему, как бы сильно на нее ни давили. Разве ты попал не в такую же ситуацию? И разве в твоем случае не прошло всего четыре года? Всего четыре года».

И вот в один из таких моментов, в тот самый день, когда я напомнил ему об этом фильме, я по воле счастливого случая открыл нечто такое, о чем ни он, ни я серьезно и не задумывались все эти годы. Я признаю, что раз или два он просчитывал такую вероятность у себя в голове, но ни разу всерьез не задумывался о том, что такая судьба может ждать и его. Они как-то раз начали

заниматься любовью во дворе на виду у птиц, когда она неожиданно отстранилась от него и сказала, что птицы не должны это видеть. Тогда он понес ее в дом, она ногами обвивала его тело, руками обхватив его за шею. Они занимались любовью с буйной страстью, и когда он начал выходить из нее, она сжала его с такой силой, что он поежился.

— Ты любишь меня, Соломон?

Хотя все это — ее захват, явное безразличие к тому, что он на грани эякуляции, то, что она назвала его христианским именем Соломон, тогда как делала это довольно редко, — потрясло его, он ответил:

— Да…

— Ты меня любишь? — повторила она вопрос, теперь с большей яростью, словно и не услышала ответа.

— Так оно, мамочка, я тебя люблю. Я сейчас кончу.

— Мне все равно. Отвечай на мой вопрос! Ты меня любишь?

— Да, я тебя люблю.

Семя уже начало извергаться из него, и его сотрясало вместе с его словами, а когда из него вышло все без остатка, он рухнул на нее.

— Ты знаешь, Нонсо, что мы теперь одна плоть?

— Так оно, мамочка, — сказал он, переводя дыхание. — Я… я знаю.

— Нет, посмотри на меня, — сказала она, прикасаясь к его лицу. — Посмотри на меня.

Он скатился с нее на бок, лег рядом, повернул к ней лицо.

— Ты знаешь, что мы теперь одна плоть?

— Да, мамочка.

— Ты знаешь, что мы теперь одно? Нет больше тебя, нет больше меня? — Она замолчала, потому что голос у нее сорвался, в глазах появились слезы. Решив, что она закончила, он хотел заговорить, но она продолжила: — Ты знаешь, что мы теперь одно? Мы?

— Да, мамочка. Так оно.

Она открыла глаза и улыбнулась сквозь слезы.

Это сладостное воспоминание было для моего хозяина как бальзам на душу, он словно получил неожиданный дар от божественного посланника, пришедшего ему на помощь. Это событие было одним из самых драгоценных в его жизни, она тогда совершила поступок вселенской важности. Она позволила ему пролиться в нее. Но сделала она это так походя, словно нечто обыденное. То-

гда он был слишком потрясен, чтобы высказаться на этот счет. Но когда они занимались любовью позднее в тот день и она опять удержала его, заставив снова пролиться в нее, он спросил, почему она делает это. Она ответила: чтобы показать ему, что любит его и готова выйти за него, чего бы это ни стоило.

— Но если ты забеременеешь? — спросил он. Она в ответ наклонила голову, подумала, вероятно, взвешивая, как к этому отнесутся ее родители, и сказала:

— И что? Разве они мой бог? Ты хочешь, чтобы я принимала «постинор»?

— Что это? — спросил он.

— Боже мой! Деревенщина! — ответила она со смехом. — Ты что — не знаешь? Это на утро после. Таблетки, которые принимают женщины после секса, если не хотят забеременеть.

— Ах, мамочка, — сказал он. — Я не знал.

И когда эти яркие воспоминания вернулись к нему, его погасшие надежды открыли свои слабые глаза. В следующие дни ему в голову приходили всевозможные идеи, разные варианты. Если она все еще верила в слова, сказанные ею в тот день — что они теперь одно, — то она и в самом деле должна ждать его. Она не могла сдаться

по прошествии всего лишь четырех лет. Он начал продумывать свои дальнейшие шаги. Каждый день, как только у него выдавалась свободная минута в магазине, когда не было покупателей, требовавших просо, бурый лен или комки глины, он забирался в нору своих идей и шарил в ее трещинах. И на четвертый день после вернувшего ему надежду воспоминания он наконец откопал кое-что настолько для него веское, что даже стал прикидывать: а не вернуться ли ему еще раз к ее дому и не попытаться ли разговорить привратника. Может быть, парню мало платят, и тогда удастся подкупить его и получить какую-нибудь информацию. Может быть, ему удастся всучить привратнику письмо для нее, которое мой хозяин написал в первый день в тюрьме. Да, даже этого будет достаточно. В письме есть все, все, что он хотел сообщить ей о своем исчезновении и невозможности сдержать обещание никогда не покидать ее.

Обасидинелу, великие отцы в своей изотерической мудрости говорят, что если человек желает увидеть что-то во вселенной, то он это непременно увидит. Как это верно, Эгбуну! Человек, который ненавидит другого, будет видеть зло во всем, что тот делает, какими бы благими на-

мерениями тот ни руководствовался. Еще отцы говорят, что если человек чего-то хочет и не перестает преследовать свою цель, то в конечном счете найдет то, что ищет. Я видел это много раз.

Моему хозяину и в голову не приходило, что вселенная в тот день надумала подарить ему предмет его многолетних поисков; просто в его голове прочно укрепилась идея еще раз поговорить с привратником, отчего он оставил свое занятие — перетирание арбузных семян в ручной мельнице, прикрепленной к другому концу маленькой скамьи. Он снял фартук, запер магазин и отправился в дом, где жила семья Ндали. Когда он вытащил каменный клинышек, не позволявший двери закрыться, его посетила мысль о финансовых потерях, которые его ждут, если он на сегодня оставит свой бизнес. Через час придет покупательница, сельскохозяйственный профессор, купить мешок корма для своих бройлеров. Он упустит возможность за одну продажу получить столько, сколько не зарабатывал за всю неделю. Но даже это не остановило его.

Он сел на мотоцикл и помчался к развязке. У дороги на участке длиной в несколько десятков метров велось строительство; это место огородили оцинкованным кровельным листом,

закрепленным с помощью кирпичей. Дорогу, подвергая себя опасности, переходил мужчина, несший деревянную плиту, машины вынуждены были останавливаться, ждать, когда он перейдет на другую сторону, где повсюду строились сараи. Над ними возвышался выкрашенный в тускло-красную краску дом с выгоревшей от солнца крышей, на его фасаде красовались белые цифры «0802». Отсюда он выехал на Данфодио-роуд, протиснувшись между водовозкой и белой легковой машиной. Груз в багажнике машины не позволял крышке захлопнуться, а фиксировал ее лежащий на ней мешок с зерном, удерживаемый на месте только прочной веревкой, привязывавшей его к крышке. На обочине дороги под высоким билбордом полукругом стояли люди с библиями, гитарами и брошюрками в руках, слушали вещавшего в мегафон человека.

Мой хозяин остановился, потому что фура перед ним сворачивала и ненадолго перекрыла движение. Он бы поехал дальше, но эта остановка — в нескольких десятках метров от билборда — позволила ему услышать отчетливый голос, доносившийся из мегафона. Хотя и прошло много лет, голос он узнал сразу же. Он съехал на обочину, и, как только смог разглядеть этого человека,

ему и мне стало ясно, что во вселенной произошло нечто экстраординарное. Я почувствовал, что в царстве духов был улажен некий великий спор, в котором не участвовал даже я, его чи. И теперь, когда мой хозяин оставил все надежды, когда решил просто проглотить то, что жизнь, как сошедшая с ума мать, сунула в его младенческий рот, вселенная услышала его мольбы и пришла ему на помощь.

Он целыми ночами молился тому, кто мог его слышать, чтобы ему предоставили всего-навсего единственный шанс снова увидеть обладателя этого голоса. Чтобы он заставил этого парня заплатить за все, что тот сделал с ним. Он обращал свои молитвы к божествам большим и малым, иногда к «Богу», иногда к «Иисусу», а раз даже к «Але», а еще раз — неожиданно — ко мне, его чи. Когда молитвы остались неуслышанными или когда он думал, что дело сделано и уже ничего не исправишь, он уходил в себя и целыми днями представлял себе встречи с этим человеком, одну кровавее другой. Один вариант, наиболее яркий, начинался так: мой хозяин сидит в том самом ресторане, где впервые встречался с ним в 2007 году, и вдруг появляется этот человек, разбогатевший теперь на деньгах, украденных у моего хозяина и

других, и с ним привлекательная женщина. Мужчина входит величественной походкой, он сама благожелательность, его встречают хвалебные голоса посетителей ресторана. Он заказывает им всем выпивку и оплачивает чек, довольный тем, что сумел произвести впечатление на женщину, с которой пришел. Этот человек, вероятно, приехал ненадолго в Нигерию, уверенный в том, что его жертва все еще сидит в тюрьме. А потому был абсолютно уверен в себе. Он не догадывался, что судьба приготовила ему заслуженное наказание в лице моего хозяина, искалеченного человека, только ждущего его появления.

Мой хозяин тогда наклонил бы голову к столу, чтобы спрятать лицо, пока этот человек устраивается за выбранным столиком, а потом резко встал бы, отбил донышко у принесенной ему бутылки пива и бросился в атаку. И в этой своей атаке он проявил бы такие качества, о которых не подозревал даже сам. Он бы выпестовал в себе сердце палача — безжалостного, быстрого, скрытного, жестокого. Тот человек и глазом не успел бы моргнуть, как мой хозяин вонзил бы разбитую бутылку со всей силы в живот врага. Но на этом дело не кончилось бы. Он бы вытащил бутылку и вонзил ее теперь в грудь. Его бы не остановил

фонтан крови, обильно растекающийся по залу. Он бы продолжал ударять по шее, рукам, груди этого человека, пока другие люди не оттащили бы его от тела. Но к тому времени он бы уже сделал свое дело. Это была бы расплата, какая существует между людьми тысячи лет. Тот, кто решил жить по-плохому, и кончит по-плохому. Эгбуну, эта сцена долгое время стояла перед глазами моего хозяина, как самый желанный портрет этого дня, в который его привел счастливый случай.

Мой хозяин подвел мотоцикл к собравшимся людям и не успел с него соскочить, как виновный узнал его. Оратор прервал свою речь и поспешно передал мегафон другому, стоявшему рядом и одетому так же, как он, на манер Белого Человека: рубашка, галстук, простые брюки. Мужчина бросился навстречу моему хозяину с криком: «Чинонсо-Соломон!»

Иджанго-иджанго, это один из тех частых примеров, когда мне хочется, чтобы мы, духи-хранители, могли понимать, что думают другие люди, не наши хозяева. Да, он явно был испуган, но боялся ли он по-настоящему? Боялся ли он так, как ему следовало бы бояться? Не знаю. Я видел только, что, хотя он и спешил навстречу моему хозяину, некоторый испуг все же отражается на

его лице. Он остановился в нескольких шагах от моего хозяина. Когда враг приблизился, мой хозяин понял, что события будут разворачиваться не так, как он воображал. Потому что обстановка здесь была совсем другая, отличная от его сценария. Теперь, остановившись перед моим хозяином, этот человек разрыдался.

— Соломон, — сказал он, сделав еще шаг вперед, потом оглянулся, посмотрел на толпу, протянул руку моему хозяину, который чуть отступил. Рука его медленно опустилась, подрагивая. — Соломон, — повторил человек и повернулся к толпе: — Братья, это он. Это Соломон. Аллилуйя! Аллилуйя!

Он воздел руки к небесам и подпрыгнул.

А потом, без предупреждения, этот человек, о смерти которого мой хозяин столько молился, бросился вперед и обнял его. В то мгновение, когда моему хозяину полагалось обхватить врага за шею и начать душить, тот вернулся в толпу, взял мегафон и с искренней страстностью сказал:

— Господь, Господь небесный услышал мои молитвы! Он услышал меня! Хвала Господу!

И толпа воскликнула в ответ:

— Аллилуйя!

— Вы не знаете, не знаете, братья и сестры, что

вот сейчас Господь сделал для меня. — Он с такой силой топнул ногой о землю, что вокруг поднялась пыль. — Вы не знаете!

Человек достал платок, отер глаза, потому что он, Эгбуну, и вправду плакал. Мой хозяин огляделся и увидел, что толпа растет. На углу припарковался грузовичок, из него вышли муж и жена, чтобы быть свидетелями происходящего. На балкон своей квартиры в доме с другой стороны дороги вышла пожилая женщина и теперь, опершись на перила, смотрела на них. Повсюду вокруг он видел лица, глаза, на него словно надели какую-то невидимую цепочку, совершенно умиротворившую его.

— Благодаря этому человеку я спасся. Я был вором. Я украл деньги у него и у других. Но Господь использовал этого человека, чтобы тронуть мое сердце. Господь использовал его, чтобы спасти меня. Хвала Господу!

Собравшиеся ответили:

— Аллилуйя!

И вот — мог ли мой хозяин сделать что-нибудь с этими людьми, окружившими его? Нет, Чукву. Они были непобедимым оружием, которое нейтрализовало все его яркие заклинания и тщательные планы. Происходящее было недоступно

его пониманию, потому что теперь этот творец его скорбей взял его за руку. Что еще мог сделать мой хозяин — только позволить ему это. Потом он в изумлении увидел, как человек становится перед ним на колени, держа его руку.

— Брат Чинонсо-Соломон, я стою перед тобой на коленях, именем Господа, который сотворил тебя, и меня, и весь мир, и… прощения, прощения. Пожалуйста, прости меня именем Иисуса.

Хотя некоторые его слова были поглощены взрывом помех в мегафоне, почти все, казалось, поняли их. По толпе все громче распространялся гул. Молодой человек в красной рубашке и коричневом галстуке, на котором виднелось изображение церкви и креста, начал молиться, трясти тамбурином — маленьким круглым инструментом с маленькими металлическими вставками, которые начинали звенеть, когда он ударял по инструменту ладонью, издавать звук, похожий на тот, что производят металлические жезлы, какие носят священники и дибиа. Хотя мой хозяин и не слышал его, он мог ощущать, что говорит этот человек. Но я, его чи, слышал каждое слово: «Да поможет ему Бог. Да поможет ему Бог. Да простит он. Умилостиви его сердце. Ведь ты сделал это возможным в такие времена,

как нынешние. Да поможет ему Бог! Да поможет ему Бог!»

Иджанго-иджанго, мой хозяин стоял там, беспомощный, ошарашенный, удивленный тем, как дрожат его руки, когда его враг, который снова встал, сунул ему мегафон. Как только мегафон оказался у него в руке, толпа взорвалась. Его враг рыдал еще отчаяннее, как человек, оплакивающий скончавшегося родителя. Тамбурин сопровождал плач звонким голосом одобрения, а толпа возликовала еще громче. Мой хозяин знал: они ждут, когда он заговорит.

— Я… я… — сказал он и опустил мегафон.

— Да поможет ему Бог! Да поможет ему! — произнес виноватый, и его слова сопроводил ритуальный звон тамбурина.

— Да! Да! — хором орала толпа.

— Я… я для… — сказал мой хозяин, и его руки задрожали еще сильнее.

Потому что он вспомнил — словно призрак появился перед его лицом — толпу белых людей, когда он шел в камеру. Он видел какого-то мужчину с уродливым шрамом на лице и другого — этот наступал на него со сжатыми кулаками и приговаривал: «Ты насиловать турецкий женщина, ты насиловать турецкий женщина»,

сопровождая это потоком турецких слов, которых мой хозяин не понимал. Он увидел себя: как он пытается открыть камеру и спрятаться в ней, как перехватывает взгляд чернокожего человека, наблюдающего за ним издалека, а тем временем кто-то дает ему пинки сзади. Он увидел, как падает на решетки камеры, хватается за них, а люди пытаются оторвать его от решеток.

— Умилостиви его, Господи! Иисус, умилостиви его! — снова проговорил мужчина в рубашке с галстуком, и странный инструмент издал звенящий звук.

— Да! Прости! Аминь!

— Я прощу, — произнес мой хозяин.

На этот раз толпа взорвалась неистовой радостью. И в разгар этого исступления реальность оскорбляла его еще сильнее. Без всякого предупреждения тот, которого он собирался убить, поднял руку моего хозяина, как рефери, поднимающий руку борца-победителя под радостные вопли зрителей. Но мой хозяин только что потерпел поражение. Потому что перед ним стоял Джамике, человек, которого он так долго искал, ненависть к которому не давала ему умереть все это время. А теперь, по прошествии стольких лет, он нашел Джамике, и что же он сделал? Просто

сообщил, что простит его.

— Есть люди, которые говорят, что Бога нет! — вскричал теперь Джамике, и толпа ответила радостными криками. — Они говорят: то, во что мы верим, неправда. Позор на их головы, говорю я!

— Позор! — взревела толпа.

— Кто иной мог так меня спасти? Кто иной?

– *Онверо*!

Агбатта-Алумалу, его ярость увеличивалась, когда Джамике — теперь стройный, в очках, с невинным взглядом и неожиданно излучающий тепло — вкратце поведал, как он украл все у «брата Чинонсо-Соломона» четыре года назад и как «брат Чинонсо-Соломон» прилетел в Турецкую республику Северного Кипра, а он, вор, перебрался на юг, в Республику Кипр. Как два года спустя, когда с ним произошел несчастный случай, он начал переосмыслять свою жизнь. И тогда он связался с людьми в Северном Кипре, и ему рассказали о судьбе трех человек, которых он обманул: одна женщина из Ближневосточного университета стала проституткой, «брат Чинонсо-Соломон, которого вы видите, был посажен в тюрьму, а брат, брат Джей…».

Джамике несколько мгновений боролся с фа-

милией, а произнеся наконец ее, замолчал в отчаянии и вытер глаза рукавом рубашки.

— Знаете, что случилось с ним из-за меня?

— Нет, — откликнулась толпа.

— Он покончил с собой! Спрыгнул с крыши здания и умер.

Толпа ахнула. Мой хозяин, опасаясь, что не сможет сдержаться, медленно высвободил свою руку и приложил к груди, словно чтобы подавить кашель.

— Когда я узнал об этом и еще об одном случае, произошедшем по моей вине, я отдал свою жизнь Христу. Братья и сестры, я начал молиться Господу, просил его, чтобы он позволил мне снова увидеть этого человека, чтобы я попросил у него прощения. Слава Господу!

— Аминь! — вскричала толпа.

— Я говорю — слава Господу! — повторил Джамике теперь на языке Белого Человека, словно языка отцов уже не хватало.

— Аминь! — повторили они.

– *Отито ди ри Джесу*!

– *На нду эбебе*![107] — прокричала толпа.

Джамике повернулся к моему хозяину с глаза-

---

[107] Примечания: 107
Слава Иисусу! И долгая жизнь! (*игбо*)

ми, полными слез, и лицом, несшим очевидную стигму его собственных страданий. Мой хозяин не ожидал этого: он видел перед собой Джамике в слезах, с постаревшим лицом, потрескавшимися губами — лицом, на котором стыд оставил неизгладимый след. Он видел перед собой лицо не человека, одержавшего победу над другим, но человека сломленного. И выражение этого лица обезоружило его.

Чукву, те чувства, что обуяли его в тот момент, были чувствами довольно распространенными. Я видел это много раз. Лицо в первую очередь выделяется своей наготой — великая нищета есть суть его. Оно не прячется ни от кого, даже от чужих людей. Оно есть то, что не приемлет тайн. Оно постоянно, без всяких ограничений контактирует с миром. Воины из великих отцов в древности часто рассказывали, что в бою, увидев врага лицом к лицу, они обнаруживали, что их готовность к насилию отступает. Почти мгновенно их стимул убивать ради убийства превращался в стимул убить просто для того, чтобы не быть убитым самому. Получается так, словно воин при виде обнаженного лица врага лишается чувства враждебности. Эгбуну, это трудно понять. Даже мудрые отцы затруднялись, их язык сплел много

пословиц, чтобы объяснить это явление, но самые яркие их пословицы связаны с тем мощным чувством, которое мужчина испытывает к женщине или мать к своему ребенку. Они называли это чувство *Иху-на-анья*. Потому как воистину поняли они, что один человек может заглянуть в глаза другому, только когда не вынашивает против него злого умысла. Когда человек говорит *«я могу смотреть тебе в глаза»*, он выражает приязнь. И наоборот, человеку, который прячет лицо или держится на отдалении, легко навредить.

Я уверен, что именно поэтому мой хозяин позволил Джамике обнять его и рыдать на его плече, пока собравшаяся толпа кричала «Аллилуйя» и аплодировала им. Наверное, именно поэтому — хотя мой хозяин и не знал реальной причины — он дал этому человеку, который нанес ему непоправимый ущерб, свой номер телефона и кивнул в ответ на предложение своего врага встретиться на следующий день в «Мистере Биггсе» здесь неподалеку.

— В пять часов?

— Да, в пять часов, — сказал он.

— Я буду там, брат Чинонсо-Соломон.

Я уверен, что именно выражение лица Джамике заставило его затем развернуться и пройти

через радостную толпу, собравшуюся там. Именно поэтому он оседлал свой мотоцикл и помчался прочь, не оглядываясь. Помчался не туда, куда собирался вначале, а назад, в свою квартиру.

20. Расплата

Икукуаманаонья, нетерпение — одна из самых больших странностей человечества. Это капля ядовитой крови в венах времени. Нетерпение управляет всем, до чего может дотянуться, оно делает человека неспособным ни на что, кроме как умолять время, чтобы оно шло быстрее. Действие, отсроченное естественным посредничеством времени или человеческим вмешательством, постоянно затмевает в мыслях человека все остальное. Отсроченное действие непрерывно давит на настоящее, пока представление о настоящем не утрачивается. Вот почему старые отцы говорят, что, когда готовится еда для ребенка, его глаза не мигая смотрят на жаровню. Когда человек тревожится, он пытается заглянуть в еще не сформированное время, чтобы обрести знание о еще не состоявшемся событии. Человек может увидеть себя в стране, до которой еще не добрался. Он может представить себе, как танцует с людьми, там обитающими, как вкушает блюда тамошней кухни, бродит по живописным местам этой страны. Такова алхимия беспокойства, потому что оно сочленено с обещанием чего-то,

события, встречи, которых никак не может дождаться ее участник. Я видел это много раз.

Но тем временем человек может быть погружен в глубокие раздумья и терзания, как это и происходило с моим хозяином после встречи с Джамике. Он вернулся полный желчи и выхаживал по комнате, пинал шкаф, кровать, пластмассовый стаканчик, бранился, бушевал. В том, что случилось с ним, он винил небеса, заговор духов. Он винил *своего* бога. Ну почему, говорил он, ему после всех прошедших лет выпало встретить Джамике в таком публичном месте? И с какой стати Джамике — кто бы мог такое представить?! — проповедует? Вот что не давало ему покоя. Было почти невозможно напасть на того, кто проповедует Евангелие. Люди в Алаигбо и в мире Черного Человека вообще с таким почтением относились к той профессии, которой посвятил себя Джамике, что моему хозяину просто не позволили бы ничего сделать. Он винил себя в том, что не обратился к Элочукву после возвращения. Ему не стоило винить Элочукву в том, что тот много раз подводил его, пока он был на Кипре. Например, Элочукву подвел его, когда не помог вернуть дом или узнать о месте нахождения Джамике, спросив у его сестры. Если

бы мой хозяин по возвращении связался с ним, то Элочукву сообщил бы ему, что Джамике в Умуахии. И тогда бы он пригласил Джамике в какое-нибудь уединенное место и там осуществил свою месть.

Агуджиегбе, я никогда не видел моего хозяина в таком состоянии, в каком он пребывал тем вечером. Он был в такой ярости, что бранился, бил кулаком в стену, хватался за нож и грозил себе. В миг великой неопределенности, когда я воистину не мог сказать, мой ли это хозяин или агву, который вселился в него, он стоял перед зеркалом, размахивал ножом и говорил: «Я исполосую себя, убью себя!» Он поднес нож совсем близко к своей груди, его рука дрожала, глаза были закрыты, он взмахнул ножом так, что коснулся собственной плоти. Я осенил его мыслью, напомнил ему сначала о его дяде, а потом о возможности воссоединения с Ндали. И я со всем смирением должен сказать, Чукву, что, вероятно, помог моему хозяину сохранить жизнь! Потому что мои слова — «А что, если она все еще любит тебя, как жена Одиссея» — подарили ему неожиданную надежду. Он разжал кулак, и нож упал в раковину, исполнил небольшой танец и упокоился там. Потом мой хозяин расплакался. Настолько сильна была его

боль, настолько велика скорбь, я даже опасался, что он никогда не оправится от этих терзаний. Я внедрил в его голову мысль, что он всего лишь один раз встретился с Джамике после тех событий. И что они встречаются на следующий день, теперь уже не на публике. Его враг, как того всегда и хотел мой хозяин, придет к нему, и он будет волен делать с ним что захочет, даже показать ему письмо с изложением всего с ним случившегося, письмо, которое он написал Ндали, чтобы тот осознал тяжесть всего им совершенного. Он не должен думать, что, кроме этой утраченной возможности, у него не будет других. Нет.

И опять он слушал мой голос. Я сделал некое утверждение, и он принял его. Он умыл лицо, высморкался в раковину, вытер лицо полотенцем, висевшим на гвозде в стене. Потом вернулся в гостиную и вытащил письмо с историей его жизни, решив на следующий день показать его Джамике. Он внимательно перечитал его, пытаясь убедиться, что изменения, которые он внес в него двумя днями ранее, не изменили сути. Ему вдруг пришло в голову, что судьба, или что уж там управляет ходом вещей, предвидела эту его встречу с Джамике. Потому что всего двумя днями ранее он проснулся посреди ночи и никак не

мог уснуть. Бессонница стала частью его жизни после возвращения из тюрьмы. У него вошло в привычку включать радио и слушать — это помогало ему уснуть. Он уже начал засыпать, когда раздался голос проповедника. И о чем говорил этот человек? Об аде. Та самая тема, о которой он иногда так глубоко размышлял на протяжении проведенных в тюрьме лет. О месте, откуда никто не может убежать. Из всего, о чем говорил проповедник, он понял, что если у него были какие-то вопросы про ад, то в речи проповедника содержались все ответы на них: в аду нет искупления. Это место вечных страданий, где человек содержится, как в тюрьме, и где — проповедник снова и снова подчеркивал это — «червь никогда не умрет»[108].

Он выключил радио и принялся размышлять о том, что слышал, пугаясь собственных мыслей. Потом поднялся и перечитал письмо, которое написал Ндали. Он не перечитывал его после возвращения в землю великих отцов, так как не хотел добавлять соли на свои раны. А теперь он взял авторучку, перечеркнул название и под ним написал новое.

---

[108] Примечания: 108
См. Евангелие от Марка 9:44 и Книга пророка Исаии 66:24.

~~Моя история: Как я страдал на Кипре~~
Моя история: Как я попал в ад на Кипре

Закончив перечитывать письмо, он почувствовал удовлетворение оттого, что фундаментально ничего не изменилось. Завтра он отдаст его человеку, который помог ему сочинить его. И он никак не мог дождаться, когда придет время.

Чукву, отважные отцы говорят, что человек, укушенный змеей, боится дождевого червя. Много лет пространство и время прятали от моего хозяина его врага, но в этот день он будет с ним один на один. Он проснулся на следующее утро после почти бессонной ночи, но в относительно умиротворенном состоянии. Он сел на кровати и воспроизвел перед своим мысленным взором составленные планы, воспроизвел до финальной сцены, в которой Джамике лежал на полу в луже собственной крови. Он еще не знал о докучливости ненависти, о том, что, даже когда человек противится ей, пытается оттолкнуть ее, она просто отступает ненадолго, как отливная волна, а потом возвращается с новой силой, снова затопляя мозг.

Эгбуну, я видел это много раз — видел, что делали люди, когда их сердца переполнялись

ненавистью. Всего я описать не могу, потому что мне не хватит времени. Но, не желая еще сильнее будоражить эмоции в моем хозяине, я смотрел в молчании, как его разум исполнял это кровавое задание, пока он не уснул в изнеможении.

Бóльшую часть утра шел дождь. После возвращения в Алаигбо мой хозяин во время дождя лучше всего чувствовал себя дома, потому как большинство детских воспоминаний, сформировавшихся у него в Умуахии, омрачались присутствием в них гроз. Когда он был ребенком, тучи неизменно присутствовали в его сознании. Удары грома, шрапнель молнии заставляли сердце этого мира биться сильнее и оставляли воспоминания яркие, как воспоминания войны. У некоторых народов, например угву-хауса, могли доминировать другие стихии, но здесь главную роль играл дождь. У народа игбо солнце считалось слабаком.

В тот день он не пошел в магазин, поскольку дождь продолжался, пока не пролился весь и не уступил место солнцу. Дождь главнее всех других стихий. День назад, когда мой хозяин встретил Джамике, солнце встало рано и засияло на утреннем небе. Потом постепенно стали сгущаться тучи, оспаривая его право оставаться на небе.

Когда он вышел из дома, слабое солнце медленно катилось по кочкам мокрых облаков, как мяч по глинистой земле. Он снял брезент с мотоцикла, сел за руль. Впервые со дня своего возвращения он взял с собой сумку, подаренную ему Ндали. На коже сумки все еще хорошо была видна надпись: КОНФЕРЕНЦИЯ АФРИКАНСКИХ И КАРИБСКИХ ПОЛИТОЛОГОВ, АПРЕЛЬ 2002. Все ее содержимое оставалось в целости на своих местах, кроме двух фотографий Ндали и ее письма. Он теперь вспомнил, как после выхода из больницы, когда полицейские привезли его в отделение, один из них, обыскивая сумку, вытащил эти фотографии. Мой хозяин попытался выхватить их, но на нем были наручники. Полицейские передавали по кругу фотографии, смеялись и говорили что-то, делали непонятные жесты, стучали кулаком одной руки по ладони другой, что, как понял он позднее, означало секс. Один из них заговорил с ним на корявом английском: «Ты, ты киска любить сильно-сильно. Черный киска хорош? Да? Хорош?» Он в жизни не забудет этот момент, когда его наказание распространилось на самую невиновную из всех людей — Ндали. В этот момент за много тысяч миль от земли отцов он присутствовал при том, как ее насиловали глаза

чужих людей. Позднее один из них, явно рассерженный действиями других, взял фотографии, положил их в сумку и сказал моему хозяину: «Извини, друг». Потом этот человек ушел, забрав сумку. В следующий раз мой хозяин увидел ее, только когда его освободили. Когда ему вручили эту сумку, он первым делом принялся искать фотографии. Письмо Ндали, сильно пострадавшее, извлекли из кармана его окровавленных брюк, когда его привезли в больницу.

Теперь в сумке лежал нож, спрятанный между страницами книги. Мой хозяин все спланировал. Он придет в ресторан, спокойно сядет за столик у двери, чтобы быстрее выйти, когда сделает дело. Он положит книгу на стол и быстро поест, потому что, когда появится Джамике, он будет слишком зол и не сможет есть. Он попытается разоружить своего врага, будет вести себя так, чтобы тот расслабился, даже поверил, что его простили. Потом он пригласит Джамике к себе домой. Он пригрозит ему ножом на глазах у людей. Но если Джамике из подозрительности откажется, у него не останется иного выбора — только воспользоваться ножом прямо там, в ресторане. Он заколет Джамике и убежит на автобусную станцию, а там сядет в автобус до Лагоса. Он попытается найти

сестру или отправится в деревню отца и останется там в пустом отцовском доме.

Чукву, я опасался, что этот план, если мой хозяин выполнит его, обернется для него еще большими бедами. Поэтому я осенил его мыслью, что если он сделает все задуманное, то потеряет Ндали навсегда. А еще, добавил я — хотя и после мучительных сомнений, — после этого он вернется в тюрьму и лишится навсегда возможности отыскать ее. Он некоторое время со страхом размышлял об этом. Он даже достал нож из сумки и положил его на стол. Но потом чудовищная ярость снова обуяла его, и он вернул нож в сумку. «Я сделаю это, я убью Джамике и найду ее, — сказал голос в его голове. — Я убью Джамике, мне все равно!»

Эгбуну, люди часто, даже зная, что не могут предвидеть будущее, строят планы. Такое случается каждый день, пары наряжаются, собираясь посетить друзей или родных, рассказывают им, что у них через пять месяцев свадьба. В доме в конце улицы строят множество планов. Человек купил его, заложил фундамент и надеется построить на нем свое будущее. И хотя он может умереть через минуту после закладки фундамента, для него это не имеет значения. И вообще

жизнь человеческая вращается вокруг приготовлений к будущему, которым люди почти никак не могут управлять! Вот почему, несмотря на все его планы, когда мой хозяин вошел в ресторан и услышал: «Брат Чинонсо-Соломон», он вздрогнул, словно свалился с лошади. Человек, которого он видел днем раньше, стоял теперь рядом, и больше в ресторане почти никого не было. Он видел прилавок, из-за которого за ними наблюдала женщина с косичками. За ее головой висела грифельная доска, на которой мелом было написано меню.

— Брат мой, брат мой, — сказал Джамике, направляясь к нему.

— Я хочу, чтобы мы сели, — быстро ответил мой хозяин на языке отцов, хотя с Джамике он почти всегда говорил на языке Белого Человека.

Джамике, чьи распахнутые руки все еще висели в воздухе, остановился.

— Хорошо, братишка, — сказал Джамике.

Мой хозяин показал на стул у дверей и направился туда. Джамике пошел следом со слабой улыбкой на лице.

А сев, мой хозяин понял, что опять что-то случилось и успокоение снизошло на него в присутствии этого ненавистного ему человека. Но он

не знал, что это такое. Неожиданно его великая, сводящая с ума ярость исчезла, и он, медленно опускаясь на стул, удивлялся сам себе. Джамике протянул руку, и он пожал ее.

— Мадам! Мадам! — крикнул Джамике.

За прилавком вновь появилась женщина, выйдя из кухни.

— Пожалуйста, принесите нам две бутылки колы.

— О'кей, сэр, — сказала женщина.

Теперь мой хозяин понял, что отчасти его разоружили перемены, произошедшие с Джамике. Он сильно похудел, и его прежде мясистая физиономия превратилась в костлявую, с выступающими скулами. Глаза запали, отчего веки нависали над глазными яблоками, словно маленькие маркизы. Его худоба еще сильнее подчеркивалась рубашкой, которая была чуть ли не на несколько размеров больше требуемого. Его губы растрескались, на них запеклась кровь. У него был вид изможденного человека, больного малярией. Мой хозяин увидел следы слез в его глазах. Джамике водрузил на край стола большое издание Библии, которое принес с собой, а теперь он положил на книгу руку и сказал:

— Брат, я искал тебя. Я ждал тебя. Много лет,

брат мой. Я не знал, что ты вернулся. Я даже спрашивал у Элочукву, но он ничего о тебе не знал.

Эгбуну, мой хозяин хотел заговорить, но слова внутри его будто кто-то заковал цепями, и они не могли выйти наружу.

— Все время… Боже мой… с того дня, когда я узнал, что ты попал в тюрьму. Я искал тебя, Соло. Я искал тебя повсюду. — Джамике покачал головой. — Я был в ужасном состоянии. Мне было так горько, так горько. Я перестал быть собой. Я перестал… как это сказать?.. быть живым. Да поможет мне Господь. Да поможет Он твоему сыну!

И тут Джамике начал плакать. Подошла женщина с колой, поставила бутылки на столик, посмотрела на плачущего человека. Потом открыла обе бутылки.

— Вы будете делать заказ? — спросила она.

— Колы хватит, — ответил мой хозяин. — Спасибо.

— Что, только колу? — удивилась она. — О, извини, ога.

— Так оно, — сказал он, не глядя на Джамике.

— Спасибо, мадам, — сказал Джамике.

Когда женщина ушла, мой хозяин произнес:

— Джамике, мы можем пойти ко мне домой? Я должен рассказать тебе мою историю.

Он заговорил быстро, потому что ненависть снова охватила его, и он опасался, что она исчезнет — вернется туда, откуда приходит. Он хотел, чтобы она осталась, всегда присутствовала в нем, пока он рядом с этим человеком. Он опасался, что без ненависти он никогда не будет чувствовать себя хорошо.

— Ты не хочешь есть? — спросил Джамике. — Я куплю еду.

— Нет, мы можем поесть потом.

Джамике заплатил за колу, и они вышли из ресторана, мой хозяин нес сумку, а сердце его бешено билось в груди из страха, что он может голосом выдать свои намерения. Хотя он и прислушивался к шагам у себя за спиной, но ни разу не оглянулся.

— Это недалеко. Мы можем доехать туда на мотоцикле, — громко сказал он.

— Я хочу пешком, — ответил Джамике.

Мой хозяин повернулся и посмотрел — в первый раз в этот день — в глаза Джамике.

— Давай поедем, — сказал он.

Он понял, что плохо продумал свое предложение, когда Джамике сел на мотоцикл позади него и их тела соприкоснулись. Дрожь прошла по нему, словно его ударили острым стержнем. Он

выронил ключи, и они упали на землю. Джамике бросился их поднимать.

— Брат Соло, ты не болен? — спросил он.

Он не ответил. Он просто показал на улицу впереди и завел мотоцикл.

Гаганаогву, месть — это область катастрофы. Это ситуация, в которой один человек, прежде потерпевший поражение в схватке, тащит своего врага назад, на очищенное поле, после того как битва была выиграна одним и проиграна другим, в надежде возродить схватку не на жизнь, а на смерть. Он возвращается, чтобы поднять заржавевшее оружие, очистить от крови мечи, снова зажечь в себе яростный огонь ненависти к своему врагу. Для него схватка никогда не кончается. Но для его врага прошло столько времени, что враг, если и чувствовал себя прежде победителем, мог давно забыть о старом сражении. И потому он может удивиться, когда тот, кто был втоптан в грязь, чьи кости были переломаны, кто потерпел поражение, снова хватает его за горло и начинает тащить на поле битвы.

Побежденный может и сам удивиться той силе, с которой он теперь схватил врага. Но это удивление может быть лишь первым в череде ожидающих его удивлений. Что, если он схва-

тит своего врага за горло, повалит на землю и начнет душить, а тот не будет оказывать ему никакого сопротивления? Что, если враг просто ляжет, закроет глаза и скажет: «Прошу тебя, брат, продолжай»? Что, если другой, с покрасневшим лицом, набухшими венами, продолжит молить его? «Я во Христе. Хвала Господу. Умереть в нем — я готов… Хрррр… Я люблю тебя, Чинонсо-Соломон. Я люблю тебя, брат мой».

И что тогда сделает сломленный человек? Что он скажет, когда тот, кого он собирается убить, заговорит о любви? Что он скажет, если его сердце было сломлено не только тем поражением, но еще сильнее — неверными представлениями о жизни, ошибочными расчетами времени, сомнительными поворотами судьбы? Что он сделает, если он сам не предпринял ничего, чтобы предотвратить беды, обрушившиеся на него? Он влюбился в женщину, как и любой другой мужчина. Он попытался жениться на ней, как должен жениться каждый порядочный мужчина. Да, ее родители попытались помешать этому, но он попытался преодолеть препятствие, как это делают люди, которые хотят достичь своей цели. И тогда это явно привело его к еще большей беде, но что же он сделал? Он спланировал месть и ис-

кал ее так, будто вся его жизнь зависит от мести. Ему потребовалось много времени, чтобы найти врага, но все же он нашел его. А теперь он душит его, пытается убить, а потом выбросить тело в реку Имо, как поступают иногда люди с теми, кто погубил их жизнь. И видишь, Эгбуну, он не совершил ничего, что выходило бы за обычные рамки. Но при этом ничего из сделанного им не принесло ожидаемого нормального результата!

Если он направлялся на север, как все другие путешественники, то оказывался на юге. Если опускал руки в чашу с водой, то она обжигала его, как огнем. Если он шел по земле, то тонул, словно шагал по воде. Если смотрел, то не видел. Если молился, то в ответ слышал только проклятия. А теперь, когда вступил в схватку с коварным человеком, схватку, которую репетировал много лет, вдруг оказывается, что этот человек святой, который молится за него, а вместо протестов начинает петь.

И он отступил. Убрал руку с горла врага, который начал безудержно кашлять, пытаясь набрать воздуха в легкие. Он опустился на колени и начал плакать, а человек, которого он пытался убить, шептал молитвы через защемленное горло: *«Прости его, Господи, пожалуйста. Пожалуй-*

ста, пусть его грехи перейдут на мою голову. Ты знаешь, что я совершил. Пожалуйста, Господи, помоги ему. Исцели его. Исцели его, исцели его, Господи».

Мой хозяин, стоя на коленях, громко рыдал, оплакивая все. Он оплакивал то, что потерял и никогда уже не будет иметь. Он рыдал об утраченном времени, которое не восстановится никогда. Он рыдал из-за порчи, которая пожрала внутренности его мира и оставила только его треснувшую скорлупу. Он оплакивал мечты, которые смыло в яму жизни. Он оплакивал все то, что грядет, все, что он не может пока видеть или знать. А еще громче оплакивал он того человека, которым стал. И его рыдания сопровождались словами, капавшими, как отравленный дождь, изо рта его врага, который лежал рядом с ним: «*Да, Господи, ты милосерден. Ты милосердный отец. Царь царей. Исцели его. Исцели моего брата. Исцели его, Господи*».

Чукву, они пребывали в таком состоянии некоторое время — мой хозяин стоял на коленях и рыдал, Джамике лежал на спине на полу и тихо молился. Снаружи к ним доносились звуки продолжающейся жизни. Сосед колол дрова за домом, где-то неподалеку лаяла собака, а по

длинной дороге непрерывно неслись и гудели машины. Солнце начало садиться, и последний свет дня лежал за окном, словно боясь войти в комнату. Великая боль в голове у моего хозяина ослабела, как стихающая гроза. Теперь он сидел опорожненный, смотрел на отбрасываемые его и его врагом телами тени на стене в ослабевшем свете вечернего солнца.

В маленьком уголке безмятежности в его сознании материализовалось видение гусенка. Один из тех случаев, когда птица, казалось, забыла вдруг, что она привязана — а гусенок иногда забывал об этом и впадал в ярость, рвался прочь. Он вспархивал и шуршал крыльями, когда бечевка, привязанная к ножке стула, останавливала его. Устав, он распластывался на земле с раскинутыми крыльями, словно сдаваясь. Потом он наклонял голову и смотрел на моего хозяина, его желтые глаза по бокам маленькой головы набухали, словно готовясь выскочить из глазниц. Но потом тонкие складочки кожи прикрывали их и тут же открывали снова, и мой хозяин видел его расширившиеся зрачки. Он некоторое время пребывал в таком положении, а затем в неожиданном прозрении вскакивал и снова пытался взлететь в поисках знакомого озера в лесу Огбути,

его настоящего дома.

Мой хозяин встал и сел на единственный стул в комнате. Потом поставил перед собой один из двух табуретов и сказал, обращаясь к Джамике:

— Иди сюда и сядь. — Он постучал по табурету перед ним.

Джамике встал, подошел к табурету, сел и сложил руки на груди. Мой хозяин рассматривал его некоторое время, словно чтобы увериться, что перед ним и в самом деле тот человек, который четыре года занимал его мысли. И опять он подивился тому, что увидел. Мужчина перед ним был ничуть не похож на того человека, которого он держал в голове все эти годы и который иногда посещал его в ярких сновидениях. Перед ним сидело теперь призрачное существо из некоего зарождающегося сна, существо, которое каким-то необъяснимым путем, казалось, стало жертвой судьбы, сходной с его судьбой.

Мой хозяин взял сумку, которую подарила ему Ндали, достал письмо.

— Я хочу, чтобы ты прочел это, — сказал он. — Здесь моя история. Я хочу, чтобы ты прочел ее мне вслух. Я хочу выслушать ее вместе с тобой. Я хочу, чтобы мы оба прочли мои свидетельства. Давай читай!

Человек просмотрел четыре страницы, соединенные скрепкой и сложенные пополам. Потом поднял голову, взглянул на моего хозяина и сказал:

— Всё?

— Да, всё.

— Хорошо.

Моя история:

Как я попал в ад на Кипре

Дорогая мамочка.

Я пишу тебе из моего второго года заключения на кипре. Ты не поверишь моей истории, но все, что я говорю здесь, будет правдой. Ты паверь мне именем Всемогущего Бога прашу. Пожалуйста, обим. ты знаешь, я тебя люблю. Ты помнишь?

Джамике поднял голову и взглянул на него.

— Читай! — сказал мой хозяин. — Я хочу, чтобы ты знал, через что я прошел из-за тебя.

Когда ты проводила меня на автобусную станцию, я сказал себе, я скоро увижу тебя. Я сказал, что вернусь к тебе и женюсь на тебе. моя мамочка. Я был счастлив. Я паверил, что то, что я делаю, я делаю…

— Это что?

Мой хозяин наклонился над первой страницей:

— Для тебя, я поверил, что то, что я делаю, я делаю для тебя.

— О'кей.

Для тебя... я поверил, что то, что я делаю, я делаю для тебя. Я полетел в Стамбул, думая о тебе, и ты ни на миг не оставила моих мыслей. Ты даже снилась мне много раз как в будущем, так и в прошлом. Потом в самолете я прислушался к разгавору двух нигерийцев. Они говорили о той стране куда я летел. Они говорили о том, как плоха на кипре. Они сказали, там как Нигерия, и что агент, который зазывал туда людей, обманул их. Что все они говорят лож. Все они сильно врут. кипр никак не похож на европу. Они сказали, если поедишь туда, это как в яму. Ты можешь вернуться в Нигерию или остаться там. А если останешься, то хорошую работу не найдешь. Всегда будешь делать плохую работу. И я тогда испугался. Когда мы прелетели в Стамбул, я спросил там у людей, правда ли это, и они сказали да, да. Оно так. И я опять испугался. Я сказал им, но мой школьный друг Джамике Нваорджи говорит это хорошее место. Он абманул меня.

— Слушай, я тебе сказал, не останавливайся. Читай! *Гу ба*!

Мой хозяин, впадая в ярость, не хотел причинить вред этому человеку, он хотел только припугнуть его, чтобы он дочитал письмо до конца. Он вытащил нож из сумки, сжал его в руке. Иджанго-иджанго, я должен подчеркнуть, что мой хозяин хотел только, чтобы Джамике дочитал письмо до конца, он не собирался причинять Джамике вреда. Я, его чи, не хотел, чтобы он проливал кровь и вызывал твой гнев и гнев Алы, я бы попытался остановить его. Но я видел, что он не собирается воспользоваться ножом, а потому не стал вмешиваться. Размахивая ножом, он сказал:

— Я убью тебя здесь, и никто не узнает, если ты сейчас не будешь читать.

Это подействовало. Потому что Джамике, немного потрясенный, продолжил:

Я пытался дозвониться до него. Телефон не работал. Я удивился, потому что уже много раз звонил по этому номеру. И я спросил у людей и они сказали это не кипрский номер. Я пытался много раз. И когда я теперь попал на кипр, его нигде было не найти. Вообще нигде. И номер его вообще было не набрать. Господи пожалуйста

помоги мне молился я. Мне было очень страшно. Но мой дух говорил мне, если ты боишься, это не хорошо. Это значит, что тот человек победил. Ты должен быть сильным. И я прилетел в аэропорт на кипре. Я ждал, ждал, ждал. Он не пришел совсем. Его номер так и не отвечал. Даже на кипре. Что я могу теперь я спрашивал себя. Это все, что у меня есть. И я решил ждать. Три часа он все не приходил в аэропорт после всех обещаний. И я взял такси…

Чукву, в этот момент Джамике мрачно покачал головой. Я столько циклов провел среди людей, словно сокол, но никогда прежде такого не видел: человек, лишенный всякого достоинства, вынужденный смотреть на свое собственное отвратительное «я» в темное зеркало его прошлой злонамеренности.

Турецкие люди не понимают английский. Совсем не понимают. Если даже просто скажешь им «иди» они не поймут. Только немногие понимают. И таксист, который меня вез, не понимал английский. Когда мы приехали в универсиитет, мне было очень страшно. Я молился Богу, чтобы все это оказалось ниправдой. Но они не смогли найти мое имя. Я нашел плату только за один

симестр то что Джамике заплатил за меня, хотя я дал ему в переводе почти 5000 евро как за два семестра обучения, так и за размещение. А еще деньги, которые я ему дал, чтобы открыть для меня счет в банке. Он с ними убижал. И вот из 6500 евро на меня он использовал только 1500. С остальными он убижал. Со всем что я дал убежал. Со всем, что мне заплатили за дом и птицу.

— Читай, я говорю, читай, или я тебе горло перережу! — закричал мой хозяин, размахивая ножом.

— Могу я здесь остановиться, брат?

— Если ты не будешь читать, я разобью тебе голову!

Он бросил нож в угол комнаты и со всей силы ударил Джамике по лицу. Тот с криком, прижав руки ко рту, упал с табуретки.

Он с такой силой ударил Джамике, что у него костяшки пальцев заболели. Теперь он держал эту руку в другой и дул на нее, чтобы смягчить боль. Он чувствовал, что своим ударом сломал какую-то кость на лице Джамике, хотя и не знал, какую именно, но одна эта мысль утешала его.

— Клянусь богом, который меня сотворил, — сказал он между двумя глубокими вздохами,

вздымавшими его грудь. — Я тебя убью, если ты не дочитаешь до конца. Клянусь богом, который меня сотворил. Ты должен знать все, что произошло.

Агуджиегбе, убийственная ярость и в самом деле вернулась, и мой хозяин в одно мгновение стал неузнаваем даже для меня, его верного чи. Он ходил из конца в конец комнаты, а человек на полу лежал бездвижно с закрытыми глазами, кровь вытекала из уголка его рта. Солнце зашло и скрылось из мест обитания живых людей. Свет от его отступающей тени погрузил все в сумеречное вместилище.

Мой хозяин остановился перед единственным настенным зеркалом в комнате и увидел себя в нем. Он увидел, как ярость может захлестывать его. Он увидел словно запечатленную в зеркале способность оскорбленного человека нанести ущерб другим, если он не обуздает свои страсти. С этой мыслью его ярость ушла, и он вернулся к своему стулу.

Эбубедике, мир недаром так стар — тому есть причины. Возможно, каждый день в каждой стране среди каждого народа на протяжении всего времени люди сталкиваются лицом к лицу со своими мучителями. То, что человек вырезает

руками, он будет носить на своей голове. И опять, как говорят великие отцы, голова, сунувшаяся в осиное гнездо, получает осиное жало. Духи-хранители человечества, мы должны помнить об этом. Дети людей должны слушать нас, слушать это, эту историю, истории их соседей и знать: за все приходит наказание, за любое действие, за любое небрежно оброненное слово, любую нечестную сделку, любую несправедливость. За всякое зло приходит возмездие.

Человек, ты берешь собственность соседа со словами: «Ой, да он ничего и не заметит!» Так вот, поберегись. В один прекрасный день он может застать тебя за воровством и потребовать справедливости. Человек, ты ешь то, что не сажал? Поберегись. В один прекрасный день оно может подействовать на тебя как слабительное. Каждый человек должен услышать это. Говорите об этом на рыночных площадях, в магистратах, на улицах больших городов. Говорите об этом в школах, на собраниях старейшин. Говорите об этом дочерям великих матерей, чтобы они могли рассказать своим детям. Говори, мир, говори! Говори им: в конце наступит расплата. Они должны повторять это, как гимн. Они должны говорить об этом с верхушек деревьев, с горных вершин,

с гребней холмов, на берегах рек, на базарах, на городских площадях. Они должны повторять это снова и снова, и в конечном счете не важно, как долго придется ждать. Расплата. Непременно. Наступит.

Духи-хранители человечества, все, кто приходит в суд Бечукву, чтобы свидетельствовать, говорите! А если они усомнятся в ваших словах, то скажите им, пусть посмотрят на моего хозяина: он все эти годы так отчаянно взывал о справедливости, так громко, что теперь она была дарована ему. И теперь его враг лежал на полу, а он сидел на стуле. У этого вечера было поразительное сходство с тем днем на Кипре, когда сумасшедший турок искалечил ему лицо. Только на сей раз части уравнения были переставлены местами. Выяснение отношений происходило между моим хозяином, человеком с оружием и несгибаемой волей, и Джамике, человеком, который, если и имел какие-то силы, казалось, не собирался их использовать. У него не было оружия, и он ничего не предпринял против своего мучителя. Он после долгой молитвы начал размахивать рукой в воздухе, другую положил на свой окровавленный рот и запел: «Спасибо тебе, Господи. Спасибо тебе, Господи. Аминь. Аминь. Аминь».

Джамике сел, и кровь с лица потекла на его шею, рубашку. Мой хозяин подал ему какую-то тряпку, чтобы вытереться, но Джамике не взял ее. Эгбуну, казалось, Джамике понял, что время расплаты наступило. Вероятно, это понимание заставило его открыть рот, чтобы заговорить. Он закрыл его, не сказав ни слова, покачал головой, щелкнул пальцами.

— Брат Чинонсо-Соломон, я прошу прощения за все, — сказал он. — Господь простил меня. Простишь ли меня ты?

— Я хочу, чтобы ты сначала прочел все это, — ответил мой хозяин. — Ты должен знать, что случилось со мной, чтобы ты знал, за что просишь прощения, а я мог подумать, прощать ли тебя. Сначала ты должен прочесть. Ты должен прочесть. Должен закончить.

— Хорошо, — согласился Джамике.

Мой хозяин взял письмо, ткнул пальцем в строку на второй странице и сказал:

— Продолжай отсюда.

Джамике кивнул, взял листок рукой, не запятнанной кровью, поднес близко к лицу и начал читать:

Медсестра пасачуствовала мне, когда я рассказал ей обо всем, что со мной случилось. Она

даже заплакала. Глаза у нее были очень красные. Она отвела меня в ресторан, купила мне еды и всяких штук вроде пирожного и колы. Потом она сказала, что зафтра приедет за мной и отвезет в другой город на кипре который называется Грине. Чтобы мы там нашли работу. По сути, чтобы надолго. Она знала по турецкому эта женщина. По сути, к тому же очень хорошо знала. Эта женщина дала мне надежду. Очень большую надежду. Вот почему я позвонил тебе в тот день, если ты еще помнишь. Я не звонил тебе так долго, потому что боялся, что тебе скажу. но наконец позвонил вот поэтому. Я тебе сказал все будет хорошо благодаря этой женщине. Еще я тебе рассказал об острове, что все деревья здесь были спилены. Мамочка на следующий день она приехала. Так вот это было когда мы с моим другом уже нашли место где нам жить в этом городе лефкоша. Медсестра отвезла меня в город гирине, где представила хозяину казино. Человек сказал, что возьмет меня. Он по сути сказал, что я могу начать на следующий день. Я был очень рад мамочка. По сути я был так рад, что благодарил и благодарил эту женщину. Я понастоящему поверил, что ее послал господь. Правда, послана господом.

В этот момент мой хозяин заметил, что стало темно и он видит перед собой лишь очертания человека, который с трудом пытается разобрать написанное. С электричеством случился очередной перебой. И мой хозяин дал знак Джамике остановиться и вышел на прилегающий к дому участок, где располагалась кухня — навес, а под ним старые шкафы, почти черные от сажи. Кухню с ним делил один из жильцов дома, который сейчас стоял, нагнувшись над плитой в углу, заглядывал в кипящую кастрюлю, освещая ее фонариком. Мой хозяин не разговаривал с этим человеком, который два дня назад придирался к нему по поводу чистоты на общей кухне, когда он, голодный, прибежал из своего магазина. Тогда он пошел в магазин рядом с домом, купил лапшу «Индоми» и яйца, приготовил лапшу, сделал яичницу. В спешке он оставил скорлупу у плиты. Сосед увидел мух, собравшихся над скорлупой, почувствовал запах от остатков яиц. В ярости сосед постучал в его дверь и учинил ему выговор, пригрозив сообщить о нем хозяину.

И теперь мой хозяин прошел мимо этого человека, взял спички и поспешил к себе. Потому что ему пришло в голову, что Джамике может уйти. Он обнаружил, что Джамике сидит, как прежде,

обхватив себя руками, в почти полной темноте, и в комнате слышны только его дыхание и урчание в животе. Моего хозяина тронуло поведение Джамике, то, как он отдался на волю его гнева. Голос в его голове сказал ему, что это следует рассматривать как знак полного раскаяния. Но он не мог остановиться. Чукву, он был полон решимости заставить Джамике дочитать до конца о том, что случилось с ним, — с самого начала до конца. Он взял керосиновую лампу, поставил ее на стол, зажег.

Эзеува, он потом сожалел, что заставил Джамике читать дальше. Потому что Джамике продолжил чтение с тех строк, которые мой хозяин нередко пропускал, он не мог их читать. Каждый раз, когда разум пытался вернуть его к тем событиям — темным, как ничто на свете, — он сопротивлялся со всей силой ярости, как смертельно раненное животное, чтобы избежать этих мучительных воспоминаний. Но теперь он нырнул в эту яму, потребовав, чтобы ему прочли эти места вслух. Высшая степень самоистязания. Потому что, когда Джамике читал ему о том, что случилось в доме медсестры, мой хозяин начал плакать. Джамике читал, а он видел недостаточность собственных слов, их неспособность

передать его чувства. Когда Джамике читал о том, как он проводил дни в тюрьме (подробности были опущены, потому что писать об этом было слишком тяжело: «*…пожалуйста, не спрашивай меня обо всем, мамочка. И еще не спрашивай…*»), моим хозяином овладевало отчаянное желание исправить недостатки его повествования. Он хотел добавить, например, что были времена, когда его не просто посещали «видения», а он полностью терял рассудок.

Но как ему было объяснить те случаи, когда, уснув посреди дня, он вскакивал от звука воображаемого выстрела? Или как объяснить те случаи, когда он, полусонный, чувствовал руку на своей спине, пытающуюся стащить с него одежду, и вскрикивал? Кто-нибудь, может, назвал бы такие вещи галлюцинацией, но ему они казались реальностью. А что сказать о тех случаях, когда между сном и пробуждением пред его мысленным взором появлялся человек, которым он мог бы стать? Этот человек творил мир и подлунную благодать. А иногда он видел, как помогает детям, вроде бы их с Ндали детям — симпатичному мальчику и красивой девочке с длинными волосами, заплетенными в косички, — делать домашние задания. Он видел Ндали и себя, они идут вместе

по церковному проходу на их воображаемой свадьбе, и часто он просыпался с завистью к той своей версии, которой он так и не стал. Об этом и многом другом он не мог рассказать, потому что не мог найти слова, которые передали бы то, что он пережил.

Уже почти к самому концу, когда Джамике прочел о его чувстве безнадежности в тюрьме, о том, что его осудили за преступление, которого он не совершал, моего хозяина захлестнула волна мучительных воспоминаний. И снова ярость охватила его. Он схватил Джамике и стал бить его. Но воспоминания не уходили. Словно образы пережитого схватили его за руки и заставляли смотреть на то, что он не хотел видеть, слушать то, что он не хотел слышать. Точно так же двое мужчин, сейчас ожившие и четко, как при свете дня, появившиеся перед ним, держали его, согнув в пояснице, один прижимал его шею к стене, от которой отвратительно воняло потом, а другой вводил член в его анус.

Он лупил Джамике по всем местам, до которых мог достать, но те образы в его голове никуда не уходили, потому что разум, Эгбуну, подобен крови. Ее невозможно быстро остановить, если рана глубока. Она будет течь в своем темпе, потому что

такова ее природа. Остановить ее может только какое-то мощное средство. Я видел это много раз. Но теперь ничего такого не было поблизости. И мой хозяин чувствовал ладонь второго мужчины на своей спине и ягодицах. Ощущал запретные толчки. Его *оньеува* чувствовал это. Его чи чувствовал это. То, что происходило в эти мгновения, изменило его жизнь. «Ты насиловать турецкий женщина, ты, ibne, orospu-cocugu[109], ты насиловать турецкий женщина! Теперь мы насиловать тебя», — со сладострастными стонами говорил человек, но его голос принадлежал не человеческому существу, а какой-то твари, никому не известной. Он звучал как будто за пределами времени, за пределами человеческой природы, может быть, это был голос какого-то доисторического существа, названия которого не знал никто из живых, не знала живая память. И пахло от этого человека — он вспомнил об этом сейчас со всей живостью — так, как должно пахнуть от древнего животного.

Он стоял на коленях рядом со своим врагом и рыдал. Но, Иджанго-иджанго, это конкретное воспоминание, когда оно начинается, часто

---

[109] Примечания: 109
Турецкие ругательства.

кровоточит, пока не вытечет все, пока обескровленное тело не упадет и не испустит дух. И он вспоминал теперь, как семя этого человека брызнуло ему на ягодицы, потекло по ногам. И хотя он категорически не хотел этого, теперь он вспоминал, что чувствовал потом, после того как мир высек его этим самым нещадным из всех способов. Как он лежал день за днем, которые никак не кончались, и все вокруг было живым, кроме него.

Джамике, превращенный в кровавое месиво, лежал рядом с ним, свернувшись в позе эмбриона. Он издал долгий, протяжный стон, а его окровавленные руки задрожали. Казалось, с ним произошел какой-то перелом, и он начал связывать воедино слова, его зубы стучали, кровь капала изо рта, и наконец слова вырвались, но прозвучали не громче шепота:

— Исцели его, Господи.

21. Божий человек

Гаганаогву, великодушные отцы часто говорят, что если кто-то ведет учет всех зол, причиненных ему ближними, то у него никого не останется. Это оттого, что они знают: ты создал человеческое сердце не для того, чтобы оно могло накапливать в себе ненависть. Копить ненависть в сердце, значит, держать некормленого тигра в доме, полном детей и немощных, потому что тигр не сожительствует с человеческим существом и приручить его нельзя. Как только он отдохнет и проснется с пустым животом, он нападет на человека, который вынянчил его, и сожрет. Что говорить, ненависть есть надругательство над человеческим сердцем. Человек, творящий правосудие своими руками, должен освободиться от ненависти как можно скорее, иначе он рискует быть уничтоженным собственными темными желаниями. Я видел это много раз.

Как это нередко случается с людьми, они часто осознают сию истину много времени спустя после того, как ненависть побудила их прибегнуть к возмездию. Тем вечером мой хозяин понял это. Он помог Джамике встать и отвел его в клини-

ку поблизости. С этим пониманием наступило исцеление. Но еще больше тронула его реакция Джамике. Джамике поблагодарил его, когда медсестры обработали его раны, и отказался отвечать на вопрос, что с ним случилось. Медсестры смотрели на моего хозяина, словно требуя от него признания.

— На него напали вооруженные грабители, — сказал он.

Одна из сестер, кивнув, вздохнула. Он стоял, ожидая, что Джамике опровергнет его слова. Но Джамике ничего не сказал — стоял, плотно сомкнув веки. Позднее, когда они шли из клиники, Джамике, с перевязанной головой и пластырем на переносице, сказал на языке Белого Человека:

— Брат Чинонсо-Соломон, пожалуйста, не лги больше. Господь говорит: «Не лгите». В Откровении в главе двадцать первой в стихе восьмом сказано, что участь всех лжецов гореть в аду. Я не хочу, чтобы ты попал туда.

Джамике шел прихрамывая и, когда произносил эти слова, положил руку на плечо моему хозяину. Мой хозяин ничего ему не сказал. Он никак этого не понимал, не мог понять, как, несмотря на все то, что он сделал с этим человеком, для него лишь ложь имела значение. Когда

они пришли к тому месту, где он оставил свой мотоцикл, Джамике спросил, простил ли он его.

— Ты можешь отрезать мне руку, если хочешь, или ногу. Я хочу только одного: чтобы ты меня простил. У меня дома есть пять тысяч евро. Твои деньги. Те деньги, что я взял у тебя. Я хранил их более двух лет, ждал, когда найду тебя.

— Это правда? — спросил мой хозяин.

— Да. Теперь курс увеличился. Когда ты их обменяешь, то будет столько, сколько раньше тебе дали бы за семь тысяч.

— Джамике, как такое возможно? Почему ты не сказал мне раньше, что у тебя есть эти деньги, — до того, как я сделал все это с тобой?

Джамике отвернулся и покачал головой:

— Я хотел, чтобы ты простил меня сердцем, а не потому, что я вернул тебе деньги.

Осебурува, трудно полностью описать, какое впечатление этот жест произвел на моего хозяина. Это было исцеляющее прикосновение. Это было возрождение, воскресение того, что давно уже умерло. Мой хозяин был настолько потрясен, что, придя домой, не мог уснуть. Сначала он думал, что со стороны Джамике все это игра: преображение, покорность, излучаемые им теперь, — вероятно фальшивка, маска коварного

человека, пытающегося уйти от правосудия. Он бы напал на Джамике в первый день их встречи, если бы не столько народа вокруг. Но теперь готовность Джамике вернуть ему деньги убедила его, что тот и в самом деле стал другим. Ночью, пытаясь дышать через забитый нос, он боролся с мыслью о прощении. Если тот Джамике, который погубил его жизнь, и в самом деле мертв, то зачем наказывать нового за грехи другого? Он задумался: разве то, что Джамике сделал с ним, не привело к рождению нового Джамике? А если так, то тогда произошедшее следует называть добром? Разве это не повод для радости?

Чукву, именно такие вопросы и я бы задал ему, но вместо меня вопросы задавал голос в его голове. А я осенял его разум мыслями, которые обратились к этим вопросам. На следующий день рано утром, когда он чистил зубы, появился Джамике со старым конвертом с деньгами. Не раз за все прошедшие годы мой хозяин представлял себе, пусть и неотчетливо, как получает назад свои деньги. А теперь не только немецкая женщина заплатила ему, но еще и Джамике. Это дало ему надежду на возвращение всего, чем он владел прежде. Эта мысль медленно открывалась ему, словно пелена спадала с глаз. Он в недоумении

пересчитывал деньги, а Джамике снова опустился на колени:

— Я хочу, чтобы ты простил меня за все то зло, что я принес тебе, чтобы меня мог простить мой отец на небесах.

Он посмотрел на человека, чьей смерти он жаждал с такой всепоглощающей яростью. Он собирался заговорить, когда зазвонил его телефон. На экране высветилось имя Унока — торговца, который в последнее время пытался убедить его прибавить в ассортимент его магазина индюшачьи корма. Но он проигнорировал звонок. И когда телефон перестал звонить, мой хозяин сказал потрясенным дрожащим голосом:

— Я прощаю тебя с этого дня, Джамике. Друг мой.

Эбубедике, таким было начало его пути к смягчению, когда душа страдальца своими парализованными конечностями обнимает душу того, кто принес ему страдания, и это объятие изменяет их до конца времен.

Чукву, я опять покажу тебе деяния, которые необходимо объяснить, и защищу действия моего хозяина, и заявлю, что если он и нанес вред женщине тем способом, каким он, боюсь, сделал это, то произошло это по ошибке. Итак, я должен

просто сказать, что мой хозяин преобразился тем объятием, о котором я говорил. Его исцеление, Эгбуну, началось. На следующей неделе он купил машину на часть денег, которые вернул ему Джамике, — его денег! Мне не нужно тратить попусту время, пытаясь описать те радость и облегчение, которые испытал мой хозяин, почувствовав искупление. Потому что, когда человек так долго обитает в несчастье, он становится слепым к жизни, которая окружает его, как океан окружает скукожившуюся землю. Я, его чи, был доволен, потому что он снова стал человеком мира, хотя часть его души все еще оставалась черна от печали. Но пока и этого было достаточно.

Уверенность настолько вернулась к нему, что он вместе с Джамике поехал в новой машине к старому дому моего хозяина, той собственности, которую оставил ему отец. Через несколько дней после получения денег он решил связаться с Элочукву, который был потрясен, услышав по телефону его голос. А когда он увидел моего хозяина, то заплакал и сказал, что если бы знал, как оно все обернется, то не поддерживал бы его решения уехать в чужую страну. Дело было в том, все повторял Элочукву, что мой хозяин так влюбился в Ндали.

— Я видел, Нонсо. Я видел так ясно, что думал, ты никогда не будешь счастлив, если не попытаешься решить проблему с ее родителями.

Мой хозяин согласился. Он не был бы счастлив, если бы не испытал все возможности, чтобы быть с ней. Вместе с Элочукву он попытался дозвониться до человека, который купил компаунд, но тот не отвечал. Номером давно не пользовались, и дозвониться до него было невозможно.

На следующий день мой хозяин отправился туда с Джамике, который обещал ему помочь в этом и еще кое в чем. Мой хозяин составил список из трех важных дел и сказал, что для его исцеления и возвращения ему цельности Джамике должен помочь ему в этих делах и тогда он заслужит полное его прощение.

— Во-первых, — сказал он Джамике, с которым теперь всегда говорил на языке отцов, — ты должен помочь мне найти Ндали и вернуть ее мне. Я ее люблю, и я жил с ней. Ты забрал ее у меня и теперь должен вернуть ее мне собственными руками. Во-вторых, ты должен помочь мне вернуть все то, что я потерял, мой компаунд и моих птиц. Я хочу снова стать владельцем отцовской земли и восстановить на ней птичью ферму. Ты должен помочь мне в этом. В-третьих, ты должен

помочь мне забыть о том, что со мной делали в тюрьме. Не знаю, как ты это сделаешь. Молись за меня, утешай меня — что угодно, только чтобы я больше не помнил об этом.

Первым делом они отправились в дом отца Ндали. Мой хозяин сказал Джамике, что хочет отправить Ндали письмо через привратника, и Джамике согласился, что так и следует поступить. И как-то вечером, через неделю после примирения, они поехали к родительскому дому Ндали. Он направился к воротам, а Джамике остался в машине. Мой хозяин постучал, снедаемый страхом. Маленькая калитка в воротах открылась, и появился другой человек, один из тех, с кем он прислуживал на торжествах в честь отца Ндали четырьмя годами ранее. К его огромному облегчению, человек не узнал его.

— Ога, что тебе? — спросил человек. — Твой видать хотеть ога Обиалор?

— Нет-нет, — сказал мой хозяин, его сердце чуть не выпрыгнуло из груди при мысли о еще одной встрече с отцом Ндали.

Он окинул взглядом ворота, посмотрел на два черных пластмассовых септика, возвышающихся над оградой, перевел взгляд на привратника. Потом достал пачку денег — двадцать тысяч найра.

Он протянул деньги этому человеку.

— Эй, ога, это что? — сказал привратник, быстро отступив.

— Деньги, — ответил мой хозяин, у которого перехватило дыхание.

— За что?

— Гммм, я хочу, чтобы ты, гммм…

— Ога, твой хотеть зло мой ога?

— Нет-нет, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты передал это письмо Ндали от меня.

— О, так твой хотеть мадам Ндали?

— Нет, я хочу переслать ей письмо, — сказал он.

— О'кей, письмо давай. Мой дать письмо мама, мама письмо посылать Лагос. Давай.

Чукву, он сначала отдал привратнику письмо и деньги. Тот поблагодарил его и вернулся в свою будку. Но когда мой хозяин сказал об этом Джамике, тот спросил:

— А если мать вскроет письмо? — Мой хозяин ошарашенно молчал. — Ты написал свое имя на конверте?

— Да! — воскликнул он.

— Тогда они его вскроют и, уж конечно, не отправят ей. Этот человек просто должен дать тебе ее адрес. Или сам передать ей письмо.

Мой хозяин побежал к воротам и попросил привратника вернуть ему письмо.

— Почему, ога, твой больше не хотеть слать письмо?

— Нет-нет, мой потом приходить, — сказал он. — У тебя есть ее адрес?

— Ее адрес? В Лагос? — спросил привратник.

— Да, Лагос.

— Мой всего привратник.

— Твой не знать, когда она еще приезжать?

— Нет, они зачем мой такой вещь говорить.

— О'кей, спасибо, — сказал мой хозяин привратнику. — Оставь деньги себе.

Он ушел раздосадованный, но радуясь тому, что уберегся от нежелательных последствий — родители Ндали не увидят его письма. Джамике посоветовал ему не отчаиваться и заверил, что они так или иначе найдут Ндали. Сейчас только начало марта, сказал он, и если они праведные католики, то она наверняка приедет на Пасху. Джамике посоветовал ему пока заняться возвращением дома. Через мгновение они с Джамике уже ехали к его старому компаунду, а я вспомнил о Тобе, который помогал моему хозяину в чужой стране. Мой хозяин остановил машину напротив своего прежнего сада и остался в машине ждать,

с чем вернется Джамике. Сад был срублен, на его месте лежала груда щебня и несколько цементных блоков. На груде щебня лежала тачка, ручки у нее были обмотаны красными тряпками. Мой хозяин увидел большой щит с надписью: БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПРИЮТ ДЛЯ МАЛЫШЕЙ И НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА, П.М.Б[110]. 10229, УМУАХИЯ, ШТАТ АБИЯ. Он огляделся. А что же дома соседей? Они стояли на своих местах, только теперь рядом с их компаундом возвышался столб (мой хозяин решил, что это телефонный столб). На длинном проводе сидели несколько птиц — воробьев, — смотрели безучастно вдаль.

Чтобы смирить тревогу, он перевел взгляд на игрушечную птичку, которую купил в магазине народных поделок и подвесил к зеркалу заднего вида в своей машине. Игрушечная птичка раскачивалась туда-сюда во время езды, напоминая ему о курице, которая когда-то была у него, — он назвал ее Чиньере[111]. Он постучал по клюву

[110] Примечания: 110

Это сокращение расшифровывается как President Muhammadu Buhari (президент Мохаммаду Бухари), нигерийский государственный деятель, который в это время (в 2011-м) еще не был президентом (его избрали президентом Нигерии в 2014-м, а затем в 2019-м), но он участвовал в президентских выборах в Нигерии 2011 года.

[111] Примечания: 111

Это имя на игбо означает «бог дал».

птички и принялся скручивать бечевку. Он смотрел, как она, собравшись в клубок, подняла птичку до самого верха, тогда он ее отпустил, и она стала быстро раскручиваться на бечевке. Он нашел в этом некий смысл, Чукву, как любой отчаявшийся человек находит смысл почти во всем, если внимательно присмотрится, — в песчинке, в тихой реке, в пустой лодке на берегу. Раскручивающаяся бечевка, на которой висела птичка — два предмета, связанные друг с другом, зависящие друг от друга, если двигается один, то двигается и другой.

Он просидел, по его прикидкам, минут тридцать, а Джамике так и не появился. Хотя он опустил окна, жара в машине стояла удушающая. Дождь прекратился с неделю назад, и теперь стояли жаркие и влажные дни. Из дома, который когда-то был его домом, раздался звук колокольчика и послышались детские голоса, запевшие прилежным хором. Его словно подтолкнуло что-то невидимое, и он вышел из машины и двинулся вдоль высокого забора вокруг участка. Остановился он, только когда оказался перед грудой щебня и бетонными блоками. Он, пока шел, приметил, что от той ограды, которую построила когда-то его семья, осталась лишь малая

часть. Большая часть ограды представляла собой недавно уложенную кирпичную кладку, удерживаемую грубой цементной связкой. Ящерицы гонялись друг за дружкой по стене, словно исполняя незамысловатый танец. Курицы их любили, и хотя ящерицы отличались стремительностью и скользкостью — такую и в клюве толком не удержишь, — петушки часто их ловили и съедали. Однажды белая курица преследовала ослабевшую ящерку геккона, забредшую во двор, наконец ей удалось цапнуть ее у основания стены, и ящерка оказалась у нее в клюве. У моего хозяина несколько дней, а может, и недель стояла перед глазами поразительная сцена: курица с живым гекконом в клюве. Когда курица отвернулась от стены, хвост геккона обвил ее клюв и вытянулся вверх между ее глаз, отчего возникло впечатление, будто птица надела шлем римского центуриона с красным петушиным гребнем.

Он остановился за школой. От того места, где прежде стоял птичник, ее отделял забор, и дальше он уже не мог пройти. Потому что на том месте, где несколько лет назад собирались его птицы, теперь стояла маленькая толпа детей, которые хором читали стихотворение. Когда он увидел это, щит его духа неожиданно треснул, и

в трещину пролетела стрела ненависти, поразившая его душевный покой, и ни о каком утешении теперь уже не могло быть и речи. Это сломило его, Агуджиегбе. Он наклонился, оперся одной рукой о колено, локоть другой прижал к стене и заплакал.

Когда он снова появился из-за забора, его враг уже ждал его. Тот самый человек, которого он больше недели любил половиной своего сердца, той единственной частью, которая была способна на такой подвиг. Потому что другая половина была мертва, превратилась в навечно умиротворенную плоть. Джамике появился с хмурым лицом, но, когда увидел моего хозяина, его лицо помрачнело еще сильнее.

— Что случилось, брат?

— Что они тебе сказали? — спросил мой хозяин, едва скользнув взглядом по лицу Джамике.

— Значит, так. Человек, который возглавляет школу, говорит, что они никак не могут съехать с этой земли. Владелец, у которого они купили участок, уехал в Абуджу. Школа здесь хорошо устроилась, и власти признают ее. Участок не продается. Я задержался так долго, потому что ждал, когда у них закончится собрание. Долгое было собрание, брат.

Мой хозяин ничего не сказал, молча вел машину до своего дома. Правда, он разговаривал с голосом своей совести, с этим малообщительным существом, обитавшим в его душе. Чукву, когда я нахожусь в каком-либо хозяине и голос его совести общается с голосом разума, я слушаю внимательно, потому что давно знаю: к наилучшему решению человек приходит, когда эти два голоса достигают согласия.

«Ты снова полон ненависти, Нонсо. Не забудь, он больше не сделал тебе ничего плохого».

«Ерунда! Да как разумный человек может даже говорить такое? Посмотри на землю, на мой компаунд, на дом моего отца!»

«Говори тише. Успокойся. Человек, который шепчет слишком громко, слышен издалека».

«Мне плевать».

«Ты обещал больше не таить на него зла. Ты сказал, что прощаешь его. Он спросил, хочешь ли ты быть его другом, и ты сказал — да. Когда он возвращал тебе деньги, ты мог отказаться, он бы ушел, и ты бы остался один. Ты даже молился его богу и ходил с ним в его церковь. А теперь ты снова его ненавидишь. Опять собираешься бить его. Посмотри, ты только посмотри: нож лежит на полу твоего воображения, этот нож в крови.

Разве это хорошо? Хорошо?»

«Ты не понимаешь, сколько зла мне принес этот человек. Помолчи! Ты ничего не понимаешь!»

«Это неправда, Нонсо. Не я слаб, а ты, и тебе не хватает понимания. Что он сделал? Он в последние две недели помогал тебе, исполнял все, что ты просил, словно твой раб. Сколько ты получил с тех шести тысяч пятисот евро, что он тебе дал? Одна и четыре десятых миллиона найра. На сто тысяч больше, чем он взял у тебя четыре года назад. А у него самого нет ничего. Посмотри на него — разве это не те самые одежды, что он носит каждый день? Ты был у него в квартире — там же повернуться негде. Там одно окно, да и то старое, деревянное. Иногда он во сне по ночам слышит, как термиты поедают стены. Если бы он воистину не изменился, стал бы он хранить эти деньги, чтобы возместить тот вред, который причинил, а сам жить в нищете?»

Теперь голос в его голове не ответил.

«Отвечай. Или ты теперь молчишь?»

Он ничего не сказал. Он только вздохнул, вырулил к дому и остановился.

«Больше я тебе ничего не скажу. Не руби с плеча и поступай мудро. Не руби с плеча, Чинонсо!»

Диалог с совестью, казалось, принес плоды,

потому что его гнев к тому времени, когда они вошли в квартиру, казалось, сошел на нет. Пока его враг ждал в гостиной, мой хозяин через заднюю дверь вышел на кухню во дворе. Он достал нож из шкафа, потому что мысль о предопределенном судьбой ударе ножом все еще мелькала в его мозгу, но потом положил его обратно. Он топнул ногой по земляному полу и сжал кулак. «Мой дом, мой дом», — сказал он и ударил кулаком по воздуху, словно его обидчик появился перед ним и упал на колени. «Нет, — сказал он. — Я не буду страдать один. Не буду. И мне все равно, что там кто-то об этом думает».

«*Нгва ну, ка о ди зие*, — ответил ему шепотом голос. — Можешь поступать как хочешь. Я больше ничего не скажу».

Он вернулся в квартиру с выражением муки на лице.

— Брат, что с тобой? — спросил Джамике.

Он только посмотрел на него, достал две бутылки из ящика с фантой под кроватью.

— Я принесу нам выпить что-нибудь. Жди здесь.

Он вышел в кухню, поставил обе бутылки на стол, закрыл дверь. Сорвав крышку с одной бутылки, он вылил часть ее содержимого в пустое

ведро на полу, расстегнул ширинку и стал мочиться в бутылку над ведром, пока из горлышка не пошла пена. После этого он перенаправил струю мочи в ведро. Закончив, он вернул крышечку на бутылку фанты, прижал ее кончиком пальца и встряхнул, чтобы содержимое перемешалось. Потом поставил бутылку на стол рядом с другой.

Эгбуну, я был в ужасе еще до того, как он приступил к исполнению своего плана, потому что я видел намерение в его сердце. Но в тот момент я ничего не мог сделать. Я пришел к пониманию, что самый убедительный голос остережения, какой человек может услышать, перед тем как начать действовать, это голос его совести. Если этот голос не сможет его убедить, то даже собрание всех его предков, живущих в Аландиичие, будет не в силах изменить его намерения. Потому что совесть — это твой голос, Чукву, голос Бога в сердце человека. В сравнении с голосом совести голос его чи, его приятеля, голос *агву* или даже голос предка — ничто.

Когда он вышел, чтобы вылить ведро за кухней, ему пришло в голову, что на бутылке остался запах мочи. Поэтому он вымыл бутылку в раковине водой из другого контейнера, крепко прижимая

крышечку пальцем. Потом он вытер бутылку тряпкой и принес в гостиную. Поставил бутылку в центре стола и сказал:

— Возьми и пей.

И человек, которому он предложил бутылку, поблагодарил его и стал пить. Ненавистный человек пил, его лицо слегка передергивало, глаза смотрели недоуменно. Мой хозяин наблюдал, как он пьет, не говоря ни слова, а он пил, пока бутылка не опустела. Тогда Джамике поставил ее на пол и сказал тому, кто так ненавидел его:

— Спасибо, брат.

Иджанго-иджанго, в ту ночь чи Джамике прошел через потолок, словно через дыру во времени, и опустился в комнату.

«Сын утреннего света, — сказал он мне. — Мой хозяин искупил свою вину».

Но я был недоволен, Чукву. Я рассказал ему во всех подробностях о страданиях моего хозяина, о том, как мне почти ничего не удалось сделать, чтобы их предотвратить. Я рассказал, как ходил в пещеры, чтобы найти его — чи Джамике — или кого-нибудь, кто его знает, но потерпел неудачу. Чи Джамике слушал меня молча и со всей рассудительностью, которая внушила мне почтение к нему.

«Великие отцы говорят, что, когда ребенок, совсем еще неоперившийся птенец, говорит губительную ложь, его могут простить живые и мертвые. Но когда такую же ложь произносит человек в годах, его проклянет даже родня. Твой хозяин получает то, что заслужил».

«Великие отцы говорят, что старухе часто становится не по себе, когда она слышит какую-нибудь пословицу, в которой упоминаются ломкие кости. Я виновен во всем, что ты сейчас сказал. Но все же я прошу тебя вспомнить, что человек, который отстаивает свое право ломать кости всем, кто хоть чуть-чуть обидел его, вскоре и сам станет калекой».

Сказав это, он продолжил умолять меня, просил, чтобы я сдерживал моего хозяина. Не буду пересказывать все его слова, лишь подчеркну, что он говорил о новом характере своего хозяина и его раскаянии. Но было в его словах и кое-что тронувшее меня: Джамике поначалу не был плохим человеком. Его испортили люди, а в том числе и мой хозяин. Чи пересказал те времена, которые даже мой хозяин вспоминал на Кипре, когда в начальной школе мой хозяин с дружками дразнили Джамике, называли его *нваагбо* за его большие груди. Из-за таких случаев, сказал чи, его

хозяин и стал искать способы манипулировать людьми, утверждать себя в надежде, что таким образом ему удастся исцелиться. Я поверил ему и исполнился решимости еще сильнее убеждать моего хозяина простить Джамике.

Осебурува, если человек слишком долго обитает в области катастрофы, ставшей для него полем возмездия, он может наступить на что-нибудь — клинок какого-нибудь оружия, что угодно — и поранить себя. Потому что эта область представляет собой свалку, заполненную всякими вещами, и человек не всегда знает, что может там обнаружиться[112]. И я должен сказать: мой хозяин наступил там на что-то, на этой свалке, и поранил себе ногу. Ему стало стыдно за то, что он сделал с Джамике. Он теперь не сомневался: Джамике знал, что́ в бутылке, но не пошел на попятную — все равно выпил ее содержимое. Почему он ничего не сказал? Из страха? Из уважения? Как бы то ни было, моего хозяина сильно встревожило, что человек, все зная и понимая, пьет мочу другого человека, какие бы поступки ни совершал этот первый человек в прошлом.

[112] Примечания: 112

Английское debris field (дословно «поле обломков») в переводе «область катастрофы» — площадь, на которой находят разбросанные обломки потерпевшего катастрофу самолета.

Мой хозяин решил, что на этом его месть закончится. То, что сделал Джамике, представляло собой высшую степень раскаяния, достаточную, чтобы заплатить за утрату им любимой женщины, за совершенное над ним насилие и потерю отцовского дома. Он сказал себе, что никогда больше не тронет Джамике и пальцем.

А потому, чтобы никак не навредить Джамике, он перестанет с ним встречаться. Агуджиебе, если, например, он будет вспоминать происшествие в тюрьме, или избиение в доме Фионы, или что-то другое, вызывавшее у него бешеную ярость, а Джамике не будет поблизости, он просто выпустит пар — и злость уйдет из него. Он может вопить, бить по стене или по мебели, может угрожать самому себе, но, по крайней мере, он не принесет никакого вреда человеку, который раскаялся, который искренне сожалеет о том, что сделал, который претерпел преображение и вернул ему то, что похитил прежде.

И поэтому он сказал Джамике, что больше не хочет его видеть, и не стал объяснять почему — просто не хочет, и все.

— Я буду уважать твое желание, — сказал Джамике, заметно обеспокоенный. — Но, мой брат, сын Бога живого, я хочу быть твоим другом. Мне

будет не хватать тебя. Но я не буду делать, чего не хочется тебе. Поверь мне. Я больше не приду к тебе домой или в твой магазин. Я не буду тебе звонить, как ты попросил, если только не случится чего-нибудь из ряда вон выходящего. Но даже и тогда я сначала отправлю тебе сообщение. Обещаю. Но, брат мой Чинонсо-Соломон, мой задушевный друг, я молюсь за тебя. Я молюсь за тебя. Но сделаю то, о чем ты просишь. Да, я больше не стану искать тебя! Не постучу больше в твою дверь! Благослови тебя Бог, брат мой, благослови тебя Бог!

Вот что это было — возражение, одобрение, приятие, молитва, плач, довод, мольба, снова мольба, еще одно возражение, мольба, приятие, а в конце подчинение. И Джамике перестал приходить к нему. Почти три недели, Эгбуну, мой хозяин жил сам по себе, и настроение его в отсутствие мучительных эмоций улучшилось. Он стал понимать, насколько изменилась его жизнь за то время, что он провел с этим человеком, которого он теперь иногда называл его прозвищем Бо-Че — Божий Человек, человек, настолько не похожий на себя прежнего, что мой хозяин иногда даже сомневался: а существовал ли когда-нибудь тот, первый. Даже говорил Джамике теперь по-друго-

му, не называл его детским прозвищем Бобо Соло, никогда не использовал слова «чувак». Если бы мой хозяин не был живым свидетелем прежних жестокостей Джамике, он бы не поверил, что Джамике был на них способен.

Ему не хватало дружбы Джамике, и на третьей неделе он несколько раз был почти готов нарушить запрет, потому что заболел. Осебурува, больной человек — это такой человек, телом которого завладел какой-нибудь недуг. Изменения в его теле начинаются с того, что он чувствует: с ним творятся какие-то необычные дела. По мере того как по всему телу распространяется боль, а лихорадочный колокольный звон все громче звучит в ушах, начинают давать о себе знать эмоции — на первом этапе возникает нервозность. Человек начинает нервничать, размышляя о текущем дне, о том, к чему этот день склоняется, о самой жизни. Потом возникает какая-то странная тревога. Начался ли день? Будет ли он хуже предыдущего? Будет ли продолжаться жизнь без меня? Как долго продлится моя болезнь, как далеко, до какой степени она дойдет? Тревога переполняет человека. Но с ним происходит не только это. Затем приходит удивление, приносимое болезнью, удивление перед тем, как болезнь

завладевает твоим телом и диктует, какими частями твоего тела ты должен заплатить, чтобы исцелиться. Но самое главное, как болезнь пробуждает в человеке веру в то, что он сам и есть причина своей болезни. Какие-то его поступки привели к тому, что его изводит лихорадка. Если он кашляет или чихает, то, вероятно, это связано с тем, что он провел какое-то время под дождем. Если он часто опорожняет желудок, то виновата в этом, вероятно, порченая еда, которую он съел предыдущим вечером. И тогда болезнь становится тихой змеей, которая, будучи выгнана из своего мирного убежища, наполняется злобой и яростью. И болезнь, которой змея поражает человека теперь, есть ее священная месть.

Мой хозяин начал выздоравливать и на третьей неделе, в четвертый рыночный день, который у Белого Человека называется четверг, сидел в своей комнате, когда зазвонил его телефон. Он взял трубку, увидел, что звонит Джамике. Поначалу он проигнорировал звонок, считая, что еще не полностью простил Джамике и если увидит его, то им снова завладеет ярость и он станет делать то, что вовсе не хочет делать. Он продолжил вычищать затвердевшее сусло из ведра и насвистывать тихую песенку, которой его научила

Ндали. Джамике позвонил еще раз, потом еще, потом прислал сообщение: «Брат, возьми трубку. Хорошие новости! Хвала Господу!»

У моего хозяина екнуло сердце. Он сел на кровать, нажал клавишу.

— Привет, брат мой Соломон, — раздался голос Джамике, несколько более порывистый, чем обычно. — Я нашел ее.

Он вскочил на ноги.

— Что? Что? — сказал он, но Джамике его не слышал.

— Хвала Господу, брат, — повторял Джамике. — Я ее нашел!

— Бо-Че, кого, что ты нашел?

— Кого же еще, брат? Кого еще? Того, кого ты искал. Ндали!

Мой хозяин уставился на телефон не в силах сказать ни слова. И опять пришло оно — то, перед чем он смолкал, не мог найти слов, самый свободный из всех человеческих даров. Оно пришло уверенной поступью, как приходило всегда.

— Я не могу найти слов благодарности для Бога, *нваннем*. Бог воистину есть Бог. Он помогает мне сдержать обещания, которые я дал тебе, все, что есть в твоем списке. Теперь ты наконец обретешь мир, какой обрел я. Ты получишь прощение от

нее, от той, кому и ты должен прощение. И ты исцелишься.

Он и в самом деле теперь должен был исцелиться.

— Где она? — только и смог выговорить мой хозяин.

— Я видел ее на Камерон-стрит. Ты знаешь — там новая аптека и лаборатория, которую они строят? Двухэтажный дом?

Он знал.

— Это там. Ей все это принадлежит. Она вернулась, чтобы завести здесь дело. Это ответ на наши молитвы, брат Соломон!

Джамике продолжал — благодарил *алуси* Белого Человека, цитировал книги — Коринфянам, Якова, Исаии, Римлянам, а твердь мыслей моего хозяина загоралась звездами. Он попросил своего друга дать ему отдохнуть и обещал перезвонить попозже, и тот не стал возражать. Мой хозяин убрал телефон, погрузился в новое знание. Великая тишина опустилась на него, тишина настолько подавляющая, что он даже слабого своего дыхания не слышал. Но эта тишина была обманчивой: он знал — в эти мгновения приближается армия, громоподобный топот ног разносится по земле. И скоро появятся они — тысячи мыслей,

образов, воспоминаний, видений, — безгранично громадные на морщинистом лице времени. И он лег и просто погрузился в ожидание, неподвижный, как окоченевшая курица.

22. Забвение

Ммалитенаогвугву, старые отцы говорят, что если тайну хранить слишком долго, то о ней прослышит даже глухой. Верно также и то, что мудрейшие среди великих отцов, *дибиа*, те, кто идет в иерархии сразу следом за тобой, Чукву, говорят: если кто-то ищет что-то, чего у него нет, он со временем, если ноги не откажут ему, непременно обретет его, каким бы труднодостижимым оно ни было. Я видел это много раз.

Мой хозяин более четырех лет искал свою прекрасную и призрачную утрату, сорвавшуюся с поводка, другой конец которого он закрепил в своем сердце. И вот в тот вечер, около часа спустя после того, как Джамике прибежал в его дом, он уверовал, что нашел.

— Значит, это правда, ты ее видел?

— Правда, брат. Зачем мне лгать? Помнишь, я обещал сделать все, что в моих силах, чтобы ты вернул себе все — все. Так вот, брат мой, мне на днях пришло в голову заглянуть в «Фейсбук». Из-за моей прошлой жизни я перестал пользоваться моим аккаунтом. И вот решил открыть снова.

— Это электронная почта? — спросил мой хо-

зяин.

— Нет, «Фейсбук». Я тебе покажу, когда мы в следующий раз пойдем в интернет-кафе. В общем, я зашел туда, стал искать ее, и — о чудо! — я ее нашел.

— Ха! Оно так?

— Да, мой брат Соломон. Ндали Обиалор. Я видел ее лицо — у нее светлая кожа, очень красивое лицо. У нее причудливые черные косички. Я послал ей запрос на дружбу, и она его сегодня приняла.

Джамике хлопнул в ладоши. Мой хозяин, не понимая, о чем идет речь, кивнул и сказал:

— Продолжай.

— Я сразу же, как только пришел в интернет-кафе, открыл «Фейсбук» и увидел, что она запостила фотографию новой аптеки рядом с большим супермаркетом на Камерон-стрит.

— Правда ли, — сказал он, словно Джамике и не говорил ничего, — что ты нашел ее?

— Правда, Соломон. Я ее и видел. Я видел ее. Она на той фотографии, которую ты мне показывал, прикрыв рукой половину.

— А если это кто-то похожий на нее?

— Да нет. Я из кафе направился прямо в ту аптеку и спросил одну женщину, и женщина мне

сказала, что это и в самом деле Ндали.

— Ты уверен, что именно ее видел? Я тебе опять покажу фотографию… вот, я закрыл грудь газетой. Посмотри на ее лицо, посмотри хорошо.

— Я смотрел, брат.

— И ты говоришь, что вот она с фотографии — та самая, кого ты видел?

— Да, та самая.

— Тот же нос… посмотри, Джамике, очень хорошо посмотри: такие же глаза?

— Такие же, брат. Зачем мне врать тебе, брат?

— Тогда это, наверное, она, — сказал мой хозяин, сдаваясь.

Иджанго-иджанго, два дня происходил у них такой разговор в его доме. И в конце каждого раунда мой хозяин бродил по комнате с учащенным сердцебиением. Он останавливался, слегка наклонялся, словно всматриваясь в лицо этого мира, закрывал глаза и, недовольный увиденным, отрицательно покачивал головой. Он все еще не поправился, болезнь еще подавляла его дух. Но он был человеком, который узнал слишком много, и это знание потрясло его. Это знание включало и тот факт, что Ндали сейчас определенно находится в Умуахии. И еще это знание включало тот факт, что ему не оставалось ничего

иного, как только пойти к ней.

— Я не понимаю, что с тобой происходит, брат, — сказал Джамике как-то вечером. — Ты много лет хотел встречи с этой женщиной, с которой жил. А теперь ты закрываешь к ней дверь. Ты ее не хочешь видеть?

Они сидели на табуретках на улице у дома Джамике — внутри было слишком душно. Здесь было тихо, если не считать голоса из транзисторного приемника в одной из квартир и стрекота кузнечика.

— Тебе не обязательно понимать, — ответил он. — Старики говорят, сборщик пальмового вина рассказывает не обо всем, что он видит на пальме.

— Верно, но не забывай, что те же самые старики говорят: как бы глубоко ветви мангровых деревьев ни лежали под водой, в крокодила они не могут превратиться.

Агбатта-Алумалу, Джамике был прав. Мой хозяин смешался. Он словно бы ждал этого, а теперь, когда оно пришло, он понял, что у него нет ни энергии, ни сил встретить пришедшее. И потому он не отреагировал на мудрые слова своего друга. Он поковырял зубочисткой между зубов, прошелся до бугорка над двумя верхними

зубами, выплюнул на землю кусочки мяса.

— Я понимаю, что ты чувствуешь, — сказал Джамике. — Ты боишься, брат. Ты боишься того, что можешь узнать о ней. — Он покачал головой: — Ты боишься вдруг узнать, что, может быть, тратил без пользы жизнь, любя женщину, которая больше никогда не сможет тебе принадлежать.

Мой хозяин посмотрел на Джамике, и в это мгновение его переполнила ярость. Но он подавил ее.

— Я знаю, я виной всему, но прошу тебя, брат, ты должен встретиться с ней, чем бы это ни кончилось. Только так ты сможешь исцелиться, продолжить жить, найти другую женщину. — Джамике передвинулся так, чтобы сидеть лицом к нему, и, словно чувствуя, что мой хозяин не понял его слов, он на миг перешел на язык Белого Человека: — Ничего другого не дано.

Он посмотрел на Джамике, потому что одна только мысль о другой женщине причинила ему боль.

— По крайней мере, тебе следовало бы позволить мне доставить ей твое письмо, или я мог бы пойти к ней и рассказать все, что случилось — что сделал я, что сделал ты, — и попросить у

нее прощения. Ничего другого не дано. Ты должен это понять.

— А если она скажет, что замужем и больше не любит меня? — сказал мой хозяин. — Разве это не будет хуже, чем незнание? Вообще говоря, мне не нравится, что она вернулась. Было бы лучше, если бы она не возвращалась.

— Почему, брат Соломон?

— Потому что… — сказал он и замолчал, обдумывая несформировавшуюся мысль. — Потому что я не могу себе позволить потерять ее. — А потом, воспользовавшись молчанием встревоженного друга, поспешил добавить еще одну мысль, пришедшую ему в голову: — После всего, что я перенес ради нее.

Именно эти слова из всех сказанных им в тот день преследовали его, пока он вел машину к своему дому, лежал в кровати, в которой все еще держался нездоровый малярийный запах. Чукву, за многие циклы моего существования я понял, бывают времена, когда, даже если человек думал о чем-то много раз прежде, услышав то же самое снова, он наделяет услышанное новым смыслом, достаточно неожиданным, чтобы возникла видимость новизны. Я видел это много раз. За эти четыре с лишним года он ни разу не думал

об этом так, как нынешним вечером: все, что он пережил, он пережил из-за нее. Он взвесил эту мысль, проследил свою историю, углубляясь в прошлое: он оплакивал смерть отца, когда познакомился с ней на мосту. Оттуда и началось его падение, которое еще так и не закончилось. Ради Ндали он продал все, что у него было, отправился на Кипр и попал там в тюрьму.

Около полуночи он сел, обремененный тяжелыми мыслями. Он решил, что без нее ничего этого с ним не случилось бы.

— Это не имеет значения, — произнес он вслух. У Ндали теперь не было выбора — только вернуться к нему. Он набрал в грудь побольше воздуха, чтобы успокоиться. «Я заплатил достаточно, чтобы заслужить ее. И никто, я повторяю: никто не может забрать ее у меня!»

Он отправится к ней на следующее утро. Ничто его не остановит. Он взял телефон и отправил сообщение другу, потом откинулся на спину, словно изнемогая от собственного решения.

Икедиора, храбрые отцы были бесконечно прозорливы, когда говорили, что человек часто становится чи для другого человека. Так оно и есть. Я видел это много раз. Человек может находиться в серьезной опасности, а его чи будет не в

силах ничем ему помочь. Но он может встретить другого человека, который, предвидя опасность, сообщит ему о ней и, таким образом, спасет ему жизнь. Я как-то раз встретил одного чи в Нгодо, этот чи бесконечно и с горечью говорил о зле, творящемся на земле, и о том, что человечество не достойно существования. В пещере тогда было много духов-хранителей, большинство из них молчали, кто-то лежал в углу этого огромного гранитного подземелья, кто-то мылся в пруду, кто-то разговаривал вполголоса. Но этот дух-хранитель кричал не переставая о том, как его покойный хозяин сообщил потенциальной жертве о готовящемся против нее заговоре с целью убийства. А позднее тот, кого он спас, послал людей, чтобы убить его. Ах, человек отвратителен, он хуже могильных червей! Ах, человек ужасен, он хуже погребальной песни! Я не хочу возвращаться на землю людей! Тревожно было видеть этого крамольного духа, говорившего такие нечестивые речи. Я оставил его там, в Нгодо, но слышал от другого духа-хранителя, что тот отказался возвращаться на землю, а ты проклял его и превратил в *аджоонмуо*[113]. И теперь он ползает безостано-

[113] Примечания: 113
Злой дух (*игбо*).

вочно из конца в конец Бенмуо с тремя головами и туловищем злобного зверя. Но Джамике для моего хозяина сделал нечто противоположное тому, о чем говорил этот чи. Потому что Джамике стал вторым чи моего хозяина и привел его к тому, что тот искал много лет.

Вместе с Джамике он отправился на поиски Ндали, неся в своем сердце сосуд страха, он надел бейсболку и черные очки, закрывающие бóльшую часть лица. Когда они добрались до места, он увидел, что аптека расположена в новом здании, между англиканской церковью Святого Павла и новым офисом МТН. Это было двухэтажное здание, на котором красовались слова: ЛАБОРАТОРИЯ И АПТЕКА НАДЕЖДЫ. Надпись была сделана на фоне смотрящей в микроскоп белой женщины в белом медицинском халате. Перед зданием по одну сторону ограды лежала гора песка и камушков, оставшихся после строительства. Мой хозяин припарковал машину на другой стороне улицы перед парикмахерской, из которой доносились оглушающие звуки музыки, смешивавшиеся с непрерывным рычанием генератора.

— Ты боишься, брат, — сказал Джамике, покачивая головой. — Ты сильно любишь эту женщину.

Мой хозяин посмотрел на своего друга, но ничего не ответил. Знал, что ведет себя иррационально, но не мог объяснить почему. Что-то будто не пускало его к предмету многолетних отчаянных поисков.

— В Библии сказано: «Да не смущается сердце ваше. Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о нас»[114]. Веришь ли ты в возможность того, что она все еще любит тебя и не замужем?

Он посмотрел на своего друга, ошеломленный тем, что тот перешел на язык Белого Человека — язык, на котором Джамике разговаривал про Библию. Испуганный той вероятностью, о которой сказал его друг, мой хозяин закрыл глаза и сказал:

— Верю.

— Тогда идем. Не бойся.

Он кивнул.

– *О ди нма*[115].

Они вышли из машины и пошли по многолюдной улице, мой хозяин шел с сердцем, завязанным в узел. Повсюду были магазины. Обувной магазин был весь снаружи увешан обувью, прикреплен-

---

[114] Примечания: 114
См. От Иоанна 14:1, Первое послание Петра, 5:7.

[115] Примечания: 115
Хорошо (*игбо*).

ной к маркизе на окне и связанной бечевкой, словно бусы. Надпись на магазине, продававшем гончарные изделия, сообщала: КУХОННЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ из РУК БОЖЬИХ. Пока они шли, мой хозяин пытался переключить свое внимание на людей, на то, как не похожи здешние улицы на кипрские. Джамике шел перед ним прыгающей походкой из-за ранки на пальце ноги. Когда они собрались переходить на другую сторону, мой хозяин опустил пониже козырек бейсболки, чтобы спрятать лицо, поправил очки. Раздался предупредительный гудок такси, водитель которого решил, что они собираются бесшабашно припустить через проезжую часть. Джамике перепрыгнул через заполненную мусором сточную канаву, отделявшую аптеку от дороги. Если бы Ндали в этот момент смотрела в новехонькое сверкающее окно с москитной сеткой, то она могла бы увидеть их. Мой хозяин натянул бейсболку еще ниже на лоб и ухватил своего друга за руку.

— Не могу, я не могу войти, — сказал он.

— Но почему?

Он снова поправил бейсболку и очки.

— Эй, ты чего делаешь? — спросил Джамике.

— Я сильно изменился, — прошептал он. —

Посмотри на мое лицо. Видишь этот шрам на нем? Посмотри на мой рот — трех зубов нет, шрам на подбородке. Верхняя губа у меня постоянно распухшая. Я теперь слишком уродлив, Джамике, похож на обезьяну. Я хочу все это спрятать.

Его друг хотел заговорить, но мой хозяин только крепче схватился за него.

— Она меня не узнает. Не узнает.

— Не согласен, брат, — сказал Джамике голосом, в котором слышалось некоторое волнение. Он посмотрел на аптеку, потом на своего друга.

— Почему не согласен? Как она может узнать меня в таком виде?

— Нет, брат. Она не может отвернуться от тебя из-за твоих шрамов.

— Ты уверен?

— Да. У любви другие законы.

— И ты думаешь, я все еще буду привлекательным для нее и с таким лицом?

— Да. И ей нужно знать только одно: почему ты уехал и исчез.

Мой хозяин немного дергался, оглядывался по сторонам, пока говорил. Эгбуну, таким он был: человеком, который, если боится неопределенности, часто сам толкает себя к внутреннему поражению. А когда это случается, когда его дух в

ходе схватки повержен, это поражение начинает проявлять себя телесно. Странная вещь, но я видел это много раз.

Джамике отер пот со лба и снова начал говорить, но резко замолчал и похлопал моего хозяина по плечу, чтобы тот повернулся к аптеке.

Этот момент трудно описать, момент, когда мой хозяин, который претерпел такие страдания, увидел женщину, ради которой он бы претерпел все случившееся с ним еще раз. Она вышла из дверей клиники. Она немного изменилась, стала чуть тяжелее, чем та стройная женщина, образ которой он хранил в памяти все прошедшие годы. На ней был длинный белый халат, напомнивший ему о медсестре на Кипре. Из нагрудного кармана торчала авторучка, а в вырезе халата на шее виднелось ожерелье. Он стоял, глядя на нее, пожирая глазами все, что находилось вокруг нее. Она разговаривала с женщиной с двумя детьми — один сидел пристегнутый у нее на спине, другой то тянул руку к Ндали, то убирал назад. Она пыталась было схватить младенца за руку, но тот мгновенно ее убирал, смеялся и поворачивался к матери.

— Я же тебе говорил, что это она, — сказал

Джамике, когда другая женщина развернулась и пошла мимо припаркованных машин на улицу. Ндали возвратилась в аптеку.

— Верно, — ответил он. — Это она. — Его сердце теперь колотилось, словно в такт музыки огене[116]. — Верно, Джамике, это она.

Это и в самом деле была она, Эгбуну. Ндали — та самая женщина, чья чи прогнала меня, когда я явился, чтобы умолять ее от имени моего хозяина. И тут мне пришла мысль — хотя за все четыре с лишком года эта мысль меня и близко не посещала, — что ее чи могла воплотить в жизнь свою угрозу и навсегда отлучить свою хозяйку от моего хозяина.

— Тогда давай войдем. Я не вернусь, пока не увижу ее, брат. Я хочу, чтобы ты исцелился, был здоров, чтобы радость Духа Святого наполнила тебя. Ты должен это сделать. Должен набраться мужества. Если ты этого не сделаешь, я сам войду в аптеку и увижусь с ней. И поговорю с ней от твоего имени.

— Постой! Бог мой, Джамике!

Он снова схватился за Джамике и увидел в его глазах что-то, вселившее в него надежду.

---

[116] Примечания: 116

Стиль музыки народа игбо, назван так по народному инструменту — большому металлическому колокольчику.

— Хорошо, я пойду, — сказал он. — Но понимаешь, давай постепенно. Я сейчас могу только взглянуть на нее. А потом, может в другой раз, я заговорю с ней.

Джамике взвесил его предложение с кривоватой понимающей улыбкой:

— О'кей, тогда давай войдем, *нваннем*.

Мой хозяин двинулся к аптеке, охваченный трепетом, на его ногах словно висели гири, и наконец они оказались внутри — в большом помещении со множеством окон, через которые сюда проникало много света. Потолочные вентиляторы шумно вращались, освежая воздух. Он быстро сел на один из шести пластиковых стульев лицом к прилавку, деревянному сооружению, за которым сидели фармацевты. Он уставился на прилавок, обменявшись прежде вполголоса приветствием с человеком, который сидел на стуле рядом с ним и покачивал ногой.

Когда они вошли, Ндали обслуживала кого-то. И хотя к ним обратилась другая женщина («Следующий, пожалуйста»), ему показалось, что он слышит голос Ндали.

Джамике отреагировал не сразу, он стоял у его стула, глядя на прилавок. Мой хозяин поманил друга, и тот нагнулся, чтобы выслушать его.

— Ты понял, ты понял — я пришел только посмотреть на нее, — прошептал он в ухо Джамике.

Его друг неловко кивнул, жестом прося женщину-фармацевта подождать чуть-чуть.

— Ты ей только скажи, что тебе нужно лекарство от малярии для меня.

Джамике кивнул.

Мой хозяин смотрел на Ндали со своего места, надвинув бейсболку на лоб, спрятав глаза за стеклами солнцезащитных очков. Она казалась ему еще прекраснее, чем когда-либо прежде. Сколько ей теперь? Двадцать семь? Двадцать девять? Тридцать? Он не помнил точно года ее рождения. Теперь она выглядела женщиной в самом соку. Ее завитые, уложенные волосы ниспадали на плечи. Каждая часть ее тела, казалось, стала другой, вплоть до формы лица. Губы пополнели, теперь она пользовалась помадой более сочного цвета, чем раньше, насколько ему помнилось. Этим утром он несколько часов разглядывал ее фотографии, теперь они доставляли ему все большее наслаждение. Но лицо, которое он видел сейчас, почти не изменилось. Все, что он мог сказать, сводилось к следующему: Ндали словно отправили к ее создателю на обновление, и она

вернулась оттуда в еще лучшем виде.

Другая женщина начала складывать лекарства в маленький полиэтиленовый пакет, когда Ндали открыла небольшую дверь и вышла из-за прилавка. Он обратил внимание, что ее груди казались крупнее, чем раньше, хотя он и не мог оценить их размер под одеждой. У него была возможность увидеть ее со спины — и со спины она была почти такой, какой он помнил. Он сверлил взглядом ее спину, пока она не исчезла за дверью кабинета, на которой он прочел: НДАЛИ ЕНОКА, МАГИСТР ФАРМАЦЕВТИКИ. Больше он ее в этот раз не видел. Другая женщина обслужила Джамике, и они вышли с противомалярийным лекарством.

Агуджиегбе, когда человек живет великими и честолюбивыми ожиданиями и когда эти ожидания приносят плоды, он обычно оказывается сбитым с толку. Человек, возможно, говорил своим друзьям: «Вот смотрите, у моего брата в далеком городе большой дом. Он богатый человек». Но потом тот же самый человек отправляется в этот город и обнаруживает, что его брат — подметальщик улиц и едва зарабатывает себе на жизнь. Но его ожидания были настолько велики, так долго он их вынашивал, что он поначалу начинает сомневаться в неоспоримости реаль-

ности, хотя это и объясняется испытанным им потрясением. Я видел это много раз. То же самое случилось и с моим хозяином. Реальность брака Ндали, о чем говорили ее новая фамилия и кольцо — а Джамике был убежден, что видел это кольцо на пальце ее левой руки, — потрясла его. Весь свет из его вселенной ушел, и он остался в мире беспорочной черноты. Некоторое время спустя он стоял у входа в церковь Джамике в таком потрясенном состоянии, что биение собственного сердца казалось ему ударами хлыста.

— Я верю, что она, несмотря ни на что, все еще любит меня.

— Брат мой, я тебя понимаю, — ответил Джамике на языке Белого Человека, на котором всегда говорил, если они приходили в церковь, словно язык отцов был слишком нечестив, чтобы говорить на нем в святом месте.

— Пожалуйста, говори на игбо, вопрос очень серьезный, — сказал мой хозяин на языке великих отцов.

— Извини *ннам*, извини. Но дела обстоят так, как они обстоят. Как я тебе говорил, передай письмо ей в руки, положи его ей на ладонь. И это все. После этого можешь идти, и Господь увидит, что ты со своей стороны сделал все.

Мой хозяин отрицательно покачал головой, не потому, что не поверил словам Джамике, а потому, что тот ничего не понял. Он хотел, чтобы Джамике зашел внутрь, на службу, и оставил его подумать, а потому сказал:

— Я понимаю. Я подожду тебя здесь.

Джамике должен был встретиться в церкви с двумя другими людьми, с кем он этим вечером собирался устроить евангелическое событие: показ христианского фильма про Джизоса Крайста. Мой хозяин уселся на одиноком цементном блоке, оставшемся после строительства церкви, закончившегося всего год назад. Дул легкий ветерок, и знамя — кусок материи, прикрепленный к двум деревянным шестам, вкопанным в землю, — трепетало от его порывов. Он посмотрел на многолюдную улицу, где торговцы со своими товарами боролись за место под солнцем с автомобилями и тачками. Он смотрел и думал обо всех вещах, которые видел и которые оставались скрыты от него. Есть ли у нее дети? Давно ли она замужем? День или год? Не могло ли это случиться в тот самый месяц — или даже в ту самую неделю, — когда он вернулся в Нигерию сломленным человеком? Если события развивались по тому стандартному шаблону, каким насмехалась

над ним жизнь, то это могло случиться в тот же самый день. Вдруг он представил себе, как сходит по трапу в задрипанном аэропорту в Абудже, а она приближается к алтарю со своим женихом. Он вообразил священника, который смотрит на нее и ее мужа и спрашивает, будут ли они вместе в болезни и здравии до конца их дней. И в этот же момент оболочка того, кем он был когда-то, падает к ногам дядюшки, встречающего его в аэропорту.

Он подумал о том, что увидел: Ндали — живая, здоровая и прекраснее прежнего. Если бы Джамике не появился в его жизни, посланный, как камень невидимым врагом, чтобы сокрушить его, то он бы женился на ней. Они продолжали бы жить в его компаунде, счастливые, они собирали бы яйца по утрам и просыпались бы под оркестр петухов и прочих крылатых существ. Его радость не знала бы границ. Но его лишили всего этого. Вокруг него жужжали комары, голоса из церкви доносились до него в виде шепота, а в душе закипал гнев.

Он вскочил на ноги и огляделся в поисках оружия. Нашел палку, лежащую рядом с церковным генератором, и подобрал ее. Бросился к церкви как сумасшедший и почти добежал

до двери, но вдруг остановился. Эгбуну, в этот момент дала знать о себе его совесть, и луч света пронзил неожиданную темноту, в которую, как в пропасть, нырнул было его разум. Он уронил палку и вернулся на блок. Закрыл руками лицо и заскрежетал зубами. Несколько мгновений спустя, немного успокоившись, он почувствовал, как что-то ползет по его щеке. Оказалось, что это муравей, который с палки перебрался на его руку, а с руки — на щеку. Он стряхнул его.

— Брат мой, брат. Что случилось? — окликнул его Джамике от двери.

Он поднялся.

— Я поеду домой и буду один, — сказал мой хозяин.

— Ах, брат Соломон. Я так хочу, чтобы ты посмотрел этот фильм — «Страсти Христовы». Он тронет твое сердце. Тронет твою душу.

Он хотел заговорить, сказать этому человеку, что всего мгновение назад его переполняла ненависть к нему. Но он ничего не сказал, потому что его разоружило выражение лица Джамике.

— Я посмотрю, — услышал он собственный голос.

— Слава Господу!

Он сел на задней скамье в церкви, горе разры-

вало его изнутри в клочья, а Джамике и члены церкви устанавливали большой экран. Пока он там сидел, началась служба. Пастор поднялся на подмостки и стал говорить о спасении, о том, как страдал человек, чтобы отдать свою жизнь ради других. Не дослушав пастора, мой хозяин поднялся и вышел из церкви.

Чукву, он вернулся домой, с трудом сдерживаясь, чтобы не впасть в отчаяние. Посреди ночи он понял, что его состояние объясняется исключительно желанием вернуть то, что он потерял. Он не хотел исцеления или прощения, того, о чем говорил Джамике, он не хотел этого. Нет, он хотел вернуть свою прежнюю жизнь. Он хотел поднять кокосовый орех, упавший в выгребную яму, и отмыть его. Он верил, что отмыть его можно. Он сел, проникшись пониманием: именно это ему и нужно, и это возможно. Все остальное — капитуляция.

Этот хоровод мыслей, так буйно круживший в его голове, преобразовался в твердое решение — он будет драться за нее, замужем она или нет.

«Я не сдамся, нет! — сказал он себе. — Я проделал слишком большой путь, чтобы теперь сдаться. Да, я повторяю: жену можно отобрать у мужа; так же как и мужа у жены. У мужчины

отбирают его дитя, у женщины отбирают ее младенца. Гусыню лишают гусенка. *Онвегхи ихе но на ува ммаду джи на ака*. И еще раз повторяю: ничто в этом мире не принадлежит никому навечно. Мы имеем то, что у нас есть, потому что крепко держим это, потому что отказываемся это отпускать. Я здесь, стоя здесь, под крышей, держу свою жизнь. Если я ее отпущу, она будет забрана от меня».

Он прижал руку к груди, потом включил лампу и подошел к зеркалу.

— Скажи мне, — сказал он, глядя с прищуром на изменившегося человека, лицо которого стало теперь похоже на коллекцию шрамов, — скажи — требовал этот человек, указуя на него пальцем. — Скажи мне, разве мое будущее не отобрали у меня? Разве его не вырвали из моих рук Джамике, Чука, *мази*[117] Обиалор, Фиона, ее муж, кипрская полиция — все?

Он отвернулся от зеркала и ткнул пальцем в стену, принял позу боксера, ушедшего в оборону, словно увидел что-то страшное.

— Разве я не пытался удержать ее, мою жизнь? Но ее отобрали у меня! А мое тело? Разве я отда-

---

[117] Примечания: 117
Мистер, господин (*игбо*).

вал его им? Отдавал? Скажи мне! Разве я сказал: «Возьмите мои ягодицы, вставьте в них пенис»?

Он схватил табуретку, стоявшую у его ног, и шарахнул ею об пол.

— Скажи мне!

Он стоял теперь рядом с поломанной табуреткой, тяжело дыша, осознав, что вдруг соскользнул в безумие и кричал среди ночи. Это ошеломило его. Потрясенный, он спешно выключил лампу, осторожно улегся в кровать, замер, думая о том, что мог разбудить людей в других квартирах. Он ждал — не постучится ли кто-нибудь в его дверь, смотрел на щель внизу двери, за которой вроде двигались какие-то тени. Он некоторое время лежал, словно привязанный к кровати, сцепив руки на животе, демонстративно дергая головой то в одну, то в другую сторону. Но никто не пришел. Откуда-то до него донеслись звуки, как ему показалось, церковной службы в самом разгаре и отдаленный бой барабанов и музыка. Покой снизошел на него, и ему стало ясно, что он должен вернуться в то место, в котором постоянно пребывала вторая его половина, ни на миг не покидая его. И вернувшись, он обретет душевное равновесие, и там он даст свое главнейшее сражение.

23. Древнее сказание

Эчетаобиесике, я уже говорил, что возможности человека ограничены. Я говорю тебе об этом сейчас, потому что, будь у моего хозяина больше возможностей, он поступил бы по-другому. Но я не хочу этим сказать, что его силы не такие же, как у других людей, — нет. Ты не отказал ему ни в чем из того, что даешь другим. Я посетил с ним Афиаоке и сад Чиокике, чтобы получить таланты и дары, которыми ты в своей щедрости решил наделить его, как и любое другое человеческое существо. И все же его возможности остались недостаточными. Как и все другие люди, он ограничен природой и временем. Поэтому есть вещи, которые, будучи раз совершены, уже не могут быть отменены. И человек может, только если он не в силах изменить обстоятельства, сдаться и двигаться дальше в другом направлении.

Эбубедике, эта мудрость вернулась к моему хозяину шесть недель спустя, после того как он увидел Ндали в первый раз после возвращения. Не хочу отнимать много времени у сего сиятельного суда, и поскольку я должен донести до тебя только те подробности, что тем или иным

образом могут привести к завершению того дела, из-за которого я предстал перед тобой, я должен позволить высказаться этому человеку — Джамике. Так как он знает: с того дня, как мой хозяин увидел ту женщину, которую не переставал любить, его жизнь превратилась в сплошной ад. Он перестал быть самим собой. Он был не в состоянии двигаться ни назад, ни вперед.

— Брат, ты сделал то, что мог сделать. Сделал все возможное и невозможное и теперь должен остановиться. Я люблю тебя любовью Христа, *эзинваннем*[118], и потому говорю тебе, что ты должен оставить это в прошлом и жить дальше. Я тебе говорю, ничего лучше для себя ты не можешь сделать.

К этому дню они уже два месяца были лучшими друзьями. Они сидели и разговаривали в магазине птичьих кормов, который по сравнению со временем открытия расширился и продавал корма мешками, а также удобрения и другие сельскохозяйственные товары. К стене были приколочены ряды полок, а на них стояли банки с товарами, предназначенными для птицы. На стене висел календарь Министерства сельского

[118] Примечания: 118
Добрый брат (*игбо*).

хозяйства штата Абия, открытый на странице, на которой мой хозяин, «последний пионер», стоял перед своим магазином и, прищурившись, смотрел в камеру. Это была его первая фотография, сделанная после того, как его лицо изуродовали на Кипре, — глубокие шрамы на лбу и на подбородке, отсутствующие зубы.

Но, Чукву, я должен дать слово его другу.

— Позволь мне напомнить тебе, что ты сделал, а ты сделал многое. Когда я нашел ее для тебя, мы с тобой вместе занялись разысканиями. Поначалу, долгое время спустя после того, как мы ее увидели, ты никак не желал открыться ей. Человек, чье сердце все еще полнилось любовью, ты не хотел, чтобы твоя любовь уничтожилась, когда обнаружится, что та, ради которой ты накопил такое неизмеримое богатство любви, больше не питает к тебе взаимности ни на йоту.

И все же, несмотря на все твои страхи, ты не сдавался. Однажды, пять недель назад, ты рискнул. Я был рядом, *иваннем* Соломон. Видел все до последнего мгновения. Ты появился перед ней в ее аптеке с открытым лицом, не пряча его. Ты рискнул. Все было хорошо спланировано. Мы вошли, когда, как мы думали, там была только она и еще одна женщина из персонала. Конеч-

но, мы не знали, что в кабинете, дверь которого была открыта, сидят двое ее друзей. Может быть, как я говорил уже тебе много раз, именно из-за этих людей она отреагировала так. Увидев тебя, человека, которого она искренне любила, которому поклялась, что никогда его не забудет и не бросит, она испугалась. Мне об этом не кто-то рассказал, мне это не приснилось — я все видел своими двумя глазами. Своими глазами я видел, как задрожали ее руки. Маленькая резиновая бутылочка в ее руке, бутылочка, на которой она писала что-то, выпала из ее руки, когда она охнула, а потом схватилась за грудь.

Я видел это, брат мой Соломон. Она словно увидела призрака при свете дня. По ее виду было ясно: она считала, что ты мертв или никогда уже не вернешься в Нигерию. Ты стоял там, брат, называл ее по имени, говорил, что вернулся. Ты стоял перед прилавком, раскинув руки. Но она охнула и вскрикнула в ужасе, а ее друзья выбежали из кабинета посмотреть, что случилось, а ее сотрудница, которая протирала полку с лекарствами, повернулась к ней. Я уверен, что только из-за этих людей она изменилась, в мгновение ока превратилась из мыши в птицу и закричала тебе: «Кто вы? Кто вы?» — и, даже не дожидаясь

твоего ответа, опять принялась кричать: «Я вас не знаю! Я не знаю этого человека!» Я уверен: она узнала тебя в тот день.

Он замолчал, потому что мой хозяин отрицательно покачивал головой и скрежетал зубами.

— Ты тоже это видел. Поначалу вспыхнула бесспорная искра узнавания. Если бы она не узнала, то разве стала бы охать? Стала бы дрожать? Разве так реагирует человек, когда видит кого-то неизвестного ему? Ты разве охаешь и дрожишь?

Сердце моего хозяина горело тихим огнем, он еще сильнее покачал головой и сказал:

— Бо-Че, я согласен. Полностью согласен с тем, что ты говоришь. Так оно все и было. Но я не могу понять, почему она заявила, что не знает меня? Не сказала ли она так из-за моего лица?

После этого на лице его друга появилось выражение, которое я не знал, как расшифровать.

— Может быть, *нваннем* Соломон, — сказал он. — То, чего ты боишься, и в самом деле может оказаться правдой, и правдой не только потому, что эти двое ее друзей были там в то время. Ее реакция была чрезмерна. Она кричала, визжала все громче, когда ты попытался объясниться. Услышав твое имя, она закричала по-английски: «Нет-нет, я вас не знаю! Уйдите отсюда! Уйдите!» И

в самом деле за такой реакцией скрывается нечто большее. В кустах явно пряталась змея. Но ты должен знать еще, что она, вероятно, испугалась. Это замужняя женщина. У которой… — Вероятно, Джамике понимал: эти подробности угнетающе действуют на его слушателя, а то, что он собирается сказать, ужалит его еще больнее, а потому он замолчал ненадолго. А потом, устремив взгляд в окно магазина, где в сетке за жалюзи металась ошарашенная муха, докончил: — …есть муж.

Эти слова и в самом деле ужалили его друга.

— Она могла опасаться того, что человек, которого она любила прежде, уничтожит ее новую жизнь. Она, вероятно, испугалась тебя.

Мой хозяин кивнул, соглашаясь, принимая свое поражение.

— Но ты на этом не остановился. Да, когда мы с позором покинули аптеку, откуда нас выставили ее друзья, она в слезах через заднюю дверь выбежала на улицу. И некоторое время это тяготило тебя, мой друг. Ты был этим пристыжен, унижен, подавлен. Мне это не кто-то рассказал. Я там присутствовал. Видел все своими глазами. Если она не могла принять твое изуродованное шрамами лицо, то что ее так сильно тронуло?

Эбубедике, его друг говорил с откровенностью

старых отцов, и услышанное потрясло моего хозяина. Он посмотрел в окно и увидел уличного торговца, продававшего компакт-диски с тележки. Какая-то женщина остановила его и теперь просматривала, какие у него есть записи.

— Но к этому нужно еще добавить, что она повела себя так, потому что сердится на тебя, — сказал вдруг Джамике и опять посмотрел на своего друга тем остерегающим взглядом, который говорил: «Возьми себя в руки». — Она могла ненавидеть тебя тогда, потому что еще не знает твоей истории. Она в неведении.

Произнеся эти слова не на языке отцов, он хотел подчеркнуть их важность, внедрить эту мысль и все сопутствующие в слушающее ухо, обладатель которого снова неистово закивал.

— Она не знает, что́ тебе довелось пережить, не ведает о том, что по моей вине ты по прибытии на Кипр провел неделю в аду. Она не знает твоих страданий. Она не знает, в каком ты пребывал отчаянии, когда отдал и потерял все ради любви.

Мой хозяин слушал эти пронзительные слова, вонзавшиеся в его сердце острыми зубами, и кивал время от времени.

— Она так еще и не знает, какую дорогую цену ты заплатил за все это. Не знает про твои униже-

ния, не знает, как тебя ограбили, лишили всего, чем ты владел. Она еще не знает боли этого самопожертвования. А потом, будто этого всего было мало, тебя еще бросили в тюрьму. — И опять, Эгбуну, он посмотрел на моего хозяина пронзительным взглядом: — Больше я ничего не скажу, нваннем, потому что нет таких слов, которые описали бы то, что ты пережил, и не обожгли бы язык говорящего. Нет таких слов. Но вот что я тебе хочу сказать: она ничего этого не знала. Она еще не прочла твоего письма.

Он смотрел на Джамике, который вытащил платок из кармана своих простых брюк, потом вправил карман, вывернувшийся наизнанку, когда он доставал платок, и отер лоб.

— Да, тогда она ничего этого не знала, но потом ты дал ей письмо, и это произошло через несколько дней после того, как ты появился перед ней. Я помню тот день. Мы составили план. И вот нашли человека, чтобы он в качестве курьера доставил письмо без марок и штампов и с ее полным именем на ее адрес. И наш план увенчался успехом. Токунбо сказал, что вышел из аптеки, вручив ей письмо, а потом в окно увидел, как она его вскрыла и начала читать. Мы возрадовались. Я считал, этого достаточно. Ты давал ей понять, что

ты не такой человек, как она могла подумать, ты сообщал ей, как сражался, чтобы вернуть ее. Ты не просто уехал за границу и исчез. Ты не просто сдался несправедливости, но проявил перед ней храбрость. Ты доказал там, что любишь ее и ни на день за эти годы — несмотря на все обстоятельства — не забывал о ней. Ты просыпался каждое утро и воображал ее рядом с собой, часто говорил ей: «Я вернусь к тебе. Я вернусь к тебе». Именно эти слова давали тебе жизнь четыре с лишним года. Ты написал там все то, что говорил ее образу, вызванному силой твоего воображения в камеру. На протяжении. Четырех. С лишком. Лет. Четырех с лишком лет, благословенный брат Соломон.

Мой хозяин кивал, глядя пустыми глазами, словно его друг произносил слова настолько сильные, что они подавляли все его чувства.

— В твоем письме, которое ты доставил ей, ты описывал, как это случилось с тобой, как ты выживал все прошедшие годы. Ты писал, это походило на битву…

Слово «битва» повисло на языке его друга, как рыба на крючке, потому что в этот момент в магазин вошли двое мужчин в синих фартуках. На их одеждах они увидели надпись: СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МАЙКЛА ОКПАРЫ, УМУДИКЕ.

Он знал их.

— Привет тебе, *ога* сокольничий и птичник, — сказал на пиджине один из них, снимая шапку.

— А, университетские, — отозвался мой хозяин. — Что хотим?

— Хотим маленько чего. Профессор прислать.

Мой хозяин пожал им руки. Они пожали руки его другу.

— Их что хотеть? — спросил он.

— Несушка еда, — ответил один из них. — Полмешок. Еще они просить миска еда для бройлер.

— Не-сушка, ах, несушка, — сказал он, прижав палец к губам и оглядывая магазин. — Ай-ай, опять нет иметь. Погоди-ка.

Он открыл дверь в соседнее помещение, маленькую кладовку, в которой стоял густой запах силосных мешков и птичьего корма. Он поискал среди силосных мешков с зерном — они лежали на досках с развязанными горловинами для доступа воздуха, потом перебрал джутовые мешки с просом, сложенные один на другой.

— Нет иметь. Кончиться уже, — сообщил он, вернувшись в магазин; его руки побелели от переворачивания мешков и упаковок.

— Ай-ай, — сказал один из двоих.

— Но для бройлер-то? Они просо прежде брать.

— Нет, просо есть, — сказал человек. — О'кей, давай для бройлер еда. — Потом, посоветовавшись шепотом с коллегой, добавил: — Два миска.

— О'кей, сэр, — прокричал мой хозяин из кладовки.

Он возвратился с металлической миской и черным полиэтиленовым пакетом, который вывернул чуть не наизнанку — зев пакета широко раскрылся, будто замер в ожидании. Сказав «раз», он зачерпнул миску серого проса, высыпал в пакет, обнаружил там что-то вроде пальмовой ветки, вытащил, выкинул за дверь. Набрал еще миску, высыпал в пакет. Потом, посмотрев на клиентов, зачерпнул еще горсть и бросил в пакет.

— Добавка чуток, — сказал он.

— Будь здоров, — сказали клиенты.

Он пожал им руки и поблагодарил.

Гаганаогву, когда эти двое расплатились и ушли, мой хозяин попросил Джамике продолжать с того места, где тот остановился. Джамике, пока мой хозяин обслуживал покупателей, смотрел в свою большую Библию, теперь же он закрыл ее и положил на перевернутый мегафон, лежащий на полу. Потом Джамике наклонился, упер

локти в бедра и продолжил:

— Я говорил, что если она и в самом деле прочла твое письмо, то к этому времени уже должна была бы все понять.

Хотя речь Джамике была лишена красноречивости отцов, его слова несли гипнотическую силу их языка. Потому что мой хозяин выслушивал их, словно древнюю историю, которая медленно заполняет разум, как огоньки тлеющих углей. Потом, когда Джамике со своей Библией и мегафоном ушел проповедовать, мой хозяин сидел, переваривая то, что сказал ему Джамике, пытался его словами утешить свой дух. Он вернул себе всю растерянную было им уверенность. Он отправился в ресторан «Мистер Биггс», в который она когда-то привела его, поел там. Он сидел в дальнем углу ресторана, где когда-то сидел с ней, только на новом стуле и за новым столом. Потом он пошел в магазин электроники и, пока Джамике был в своей церкви, купил подержанный телевизор. Он приготовился к тому времени, когда они начнут снова встречаться — теперь она не станет смеяться над ним из-за отсутствия у него телевизора.

Хотя мой хозяин с того дня ждал, что Джамике заговорит о Ндали, тот помалкивал. Джамике

пребывал в убеждении, что она либо позвонит на номер, нацарапанный в конце письма, либо отправит письмо на обратный адрес. И мой хозяин уверовал в это. Эти мысли поглощали его целиком. Он был совершенно выбит из колеи, постоянно думая о том, что она сделает или чего не сделает. Иногда ему отчаянно хотелось освободиться хоть на несколько мгновений, подумать о давке в толпе, собравшейся на Крестовый поход Вознесения[119], или о приближающихся мероприятиях ДВСГБ, о которых ему рассказал Элочукву — от Элочукву он в последнее время отдалился — и которые могли вылиться в беспорядки в городе. Он, напротив, прогонял все эти мысли и вместо этого воображал, что Ндали прочла его письмо и хочет теперь встретиться с ним. Или что она прочла письмо и не поверила ни одному слову. Может быть, она просто считала, что такого не могло случиться и он, вероятно, все сочинил. Или она могла прочесть начало, а потом разорвала письмо, так и не узнав, что в нем. А может быть, она вообще не стала его читать. Может быть, она порвала его, а курьер видел ее за чтением чего-то другого, но решил, что она

[119] Примечания: 119

В толпе верующих, собравшихся на так называемый Крестовый поход Вознесения 2 ноября 2013 года, случилась давка, погибло 25 человек.

читает письмо. Нет, правда, давайте допустим невероятное: она прочла письмо и приняла все за правду, но решила, что уже поздно что-либо менять. Она замужем и неразделима со своим мужем. Они стали одно, и ничто не может разорвать связь между ними. Ничто. Этот человек спал с ней не один год, каждый день, гораздо больше, чем мой хозяин. Слишком поздно, слишком поздно, слишком поздно.

Эти неопределенности, эти страхи напрягали его мозг до такой степени, что он заболел, размышляя о том, как она могла поступить с его письмом. Ночью четвертого дня после долгой речи Джамике болезнь и слабость настолько овладели им, что он и с кровати не мог встать. Не улучшал его настроение и дождь — шел с такой силой, так молотил по крыше, что он никак не мог уснуть. Несколько раз гремел гром, и я выбегал посмотреть. Это был молодой гром, из тех, что Амандиоха использует как оружие. После грома молния, похожая на тонкие ветви фосфоресцирующего дерева, ударяла в лик горизонта. Рокот в чреве небес был таким громким, что из звука превращался в невидимый предмет: искру

света зубной белизны[120]. К утру потоки воды стали настолько мощными, что казалось, будто земля начала двигаться, словно мир превратился в некий ковчег, в который набились все — люди, животные, птицы, деревья, дома — и теперь плывут к какому-то неизвестному берегу.

Большую часть дня он не выходил из дома, лежал в кровати, мучимый мыслями о том, что он потерял Ндали. Между размышлениями и игрой воображения яркие картинки возникали в его голове. Он вставал и бродил по комнате. Он смотрел на себя, изучал свое лицо, свой рот в зеркале. Он предавался воспоминаниям — теперь смутным, притупленным временем — о том, как они с Ндали занимались любовью. Потом он воображал на своем месте другого человека. И это убивало его. Картинка вожделенного насилия внезапно появлялась перед его мысленным взором, словно хищный зверь запрыгивал в его истерзанный разум и рычал.

Осебурува, я не знал, что говорить ему в такие моменты. Все эти четыре года, предшествовавшие его встрече с ней, я неизменно убеждал его иметь веру, какую имел тот белый человек в древ-

---

[120] Примечания: 120

Гроза здесь подана в восприятии чи, а потому ее описание не вполне согласуется с тем, что нам известно об этом природном явлении.

ности — Одиссей из истории, которую он любил в детстве. В той истории один рассерженный бог не позволял тому человеку вернуться к жене. Я бы теперь все время напоминал ему о той книге, если бы ее герой в конечном счете не воссоединился с женой. Я не мог ему напоминать об этом теперь, потому что его женщина отдалась другому мужчине. Я боялся, что если напомню ему сейчас, то он будет уверен в неизбежном поражении. Я даже не представлял, как ему можно помочь. Я знал, что тщетно убеждать его отказаться от любви к ней, и я мог только предлагать ему сделать то или иное. Его воля оставалась глухой. Теперь его чувства умножились. Он не только испытывал любовь, не только хотел вернуть Ндали — он еще и чувствовал, что ее отречение от него делало его страдания бессмысленными. Он хотел ее благодарности, хотел, чтобы она сделала уступку ему, человеку, который пострадал ради нее.

Стоял день, и стрелки маленьких настенных часов показывали 4:00, когда он поднялся, почистил зубы, сплюнул в канаву, несущую сточную воду из компаунда. Один из его соседей находился в ванной, которую мой хозяин делил с ним, и теперь до него доносился плеск мыльной воды, уходящей в сточную трубу. Он доел оставшийся с

прошлого дня хлеб, покончил с ним в два приема, оделся и вышел из дома.

Он увидел, что дождь образовал небольшой залив рядом с компаундом. Эгбуну, хотя со времени его тюремного заключения я очень резко сократил частоту выходов из тела моего хозяина, в ту ночь я вышел посмотреть на дождь, как я смотрел на грозу, омыться в нем, пока мой хозяин крепко спит. Бóльшую часть ночи я провел там с тысячью других духов всяких разновидностей, вдыхал неземной запах Бенмуо. Я не сомневался, что из-за грозы ни один дух не будет искать тела людей для вселения или причинения им вреда. И теперь, когда мой хозяин вышел из квартиры, я имел возможность собственными глазами увидеть последствия дождя. Глинистая земля размягчилась до такой степени, что его туфли оставляли в ней вмятины. Построенный из необработанного кирпича-сырца дом напротив того многоквартирного, в котором жил он, теперь ненадежно стоял на отмели.

Когда он в солнцезащитных очках, скрывавших его лицо, почти дошел до аптеки, отвороты его брюк пропитались глинистой водой. Напротив большого обувного магазина через улицу он увидел Элочукву и группу мужчин, почти на всех

были черные жилеты, а в руках флаги Биафры. Они пересекли улицу. ДВСГБ. Они не протестовали — просто шли, некоторые из них палками перенаправляли движение. Он видел среди них Элочукву, возбужденного этим мероприятием. Мой хозяин покачал головой и пошел дальше — к аптеке.

Не дойдя немного до аптеки, он увидел машину, в которой узнал машину Ндали — на этой же машине она когда-то приезжала к нему домой. Он посмотрел на машину, на маленький постер на заднем стекле, и уверенность опять оставила его, он начал спрашивать себя, зачем он пришел. Он не знал, что ему делать дальше. Я осенил его предостережением — словами Джамике о том, что он больше не должен пытаться встретиться с ней. «Не делай этого, прошу тебя, пожалуйста, ради Христа, сына Божьего. Если она замужем и говорит, что не хочет тебя, то, после того как ты попросил у нее прощения, отпусти ее».

Но он никак не мог решиться. Даже когда он пытался позволить себе сделать это, бросить все, что-то тянуло его назад. Сегодня это было сокрушительное желание воссоединиться с ней. Завтра — жажда получить признание своих страданий, своей жертвы.

Он перешел на другую сторону улицы, миновал группу мелких торговцев фруктами, выстроившихся со своим товаром, выложенным на неустойчивых столиках. Мимо него, разговаривая о какой-то свинье, прошли два мальчика в школьной форме. Рюкзак на спине одного из них был расстегнут. Мой хозяин остановился у столика Джи-Эс-Эм в нескольких метрах, сел рядом с женщиной на пластмассовый стул.

— Звонить хочу, — сказал он.

— О, — сказала женщина. — «Гло», МТН, «Эйртел»?

— Ммм, «Гло».

Он набрал номер Джамике с захватанного телефона женщины. Джамике ответил хриплым голосом:

— Брат, мы только что закончили консультирование. Ты на сегодня закрылся?

— Да, — ответил он. — Ты сможешь приехать? Я хочу поговорить с тобой кое о чем.

— Хорошо, приеду вечером.

Всю дорогу назад он прошел пешком, остановился, только чтобы купить чашку гарри[121] и пакетик очищенных апельсинов. В ожидании

[121] Примечания: 121

Гарри — измельченные до порошкообразного состояния зерна растений (кукурузы, жареной тапиоки и т. п.) для приготовления еды.

Джамике он прокручивал в голове мысль, посетившую его, когда он стоял возле машины Ндали. Чукву, я расскажу тебе об этом позднее. Он рассматривал эту мысль и так и сяк, пока не смог сформулировать ее в окончательной форме, а потому, когда появился Джамике, слова у него были готовы.

— Через два дня ты уезжаешь на эту долгую молитву, и я тебя сколько времени не увижу?

— Сорок дней и сорок ночей. Такое число дней Господь Иисус Христос постился и молился…

— О'кей, сорок дней, — горько сказал мой хозяин.

Он оглядел свою единственную комнату в поисках следов мучений, которые переживал два последних дня. Он хотел рассказать Джамике о своих страданиях, но не стал.

— Скажи мне, брат Соломон, чего ты хочешь, и я все сделаю. Ты же знаешь, что я твой друг.

– *Да'алу*[122], — ответил он и устроился на кровати так, чтобы быть лицом к Джамике, который сидел на единственном стуле в комнате. — Я хочу, чтобы мы помочились вместе, чтобы было побольше пены, чем когда мочишься один.

---

[122] Примечания: 122
Хорошо (*игбо*).

— Хорошо, брат, — сказал его друг.

Вообще говоря, Иджанго-иджанго, среди детей старых отцов, перенявших теперь обычаи Белого Человека, было не очень принято говорить с красноречием великих, мудрых отцов. Но когда мой хозяин собирался сказать что-то глубоко им выстраданное, то красноречие посещало его.

— Я знаю, ты изменился полностью, ты хороший человек, потому что родился заново, *онье-эзи-омуме*[123]. Ты считаешь, что я, после того как я столько страдал ради Ндали, должен оставить ее в покое, потому что она замужем.

Джамике кивал с каждым словом друга.

— Я услышал все это. Я ее не побеспокою, хотя, *нваннем*, я не потерял ни капли любви, какую питал к ней. Мое сердце все еще полно, настолько полно, что не накрыть крышкой. То, что чувствую я, зная: вот она тут и отвергает меня, — хуже всего, пережитого мною раньше.

Он замолчал, потому что увидел таракана, появившегося на настенном зеркале. Он смотрел, как тот расправил крылья, слетел вниз на пол

---

[123] Примечания: 123
Добродетельный человек (*игбо*).

рядом со стулом[124].

— Оно хуже, брат, я это говорю без преувеличений. Это тюрьма не для меня, а для моего сердца. Оно у нее и заперто ею. — Он переместился на край кровати и откинулся к стене. — Бо-Че, я не хочу любить ее. Больше не хочу. Она плюнула на человека, который продал все, что имел, чтобы жениться на ней. Я не могу простить. Нет, не могу.

Но и говоря это, он знал: несмотря на все его ожесточение, он более всего хочет вернуть Ндали — снова проводить с ней ночи, любить ее. Он смотрел на Джамике, который покачивал головой.

— Но я хочу хотя бы знать, что с ней случилось. Я хочу знать, когда она решила бросить меня и выйти замуж. Ты меня понимаешь? Я продал все, я уехал ради нее, и я хочу знать, что она сделала для меня. Я хочу знать почему, по какой причине дикая мышь бегает по улице среди бела дня.

— Да, очень мудро, очень мудро, — произнес Джамике с таким же неистовством, с каким говорил мой хозяин.

— Я хочу знать, что случилось с ней, — снова

---

[124] Примечания: 124

Эта (летающая) разновидность тараканов широко распространена в Африке.

сказал он чуть ли не скороговоркой, словно произносить эти слова было для него мучительно. — Я хотел написать ей, но не мог найти никого, кто бы помог мне отправить письмо из тюрьмы.

Так все оно и было, Чукву. И именно это его отчаяние заставило в свое время меня лично попытаться связаться с Ндали посредством исключительного действа под названием *ннукву-экили*, позволяющего получить доступ в пространство сна человека, чтобы передать ей сведения, которые хотел передать ей мой хозяин. Но, как я тебе уже говорил, Эгбуну, ее чи воспрепятствовала этому. И, как я тебе уже говорил, многие охранники даже не реагировали на просьбу моего хозяина о помощи, на просьбу отправить письмо. А тот из них, кто говорил по-английски, сказал ему, что если бы речь шла о письме на Кипр, то он бы смог ему помочь, а в Нигерию — нет, потому что будет дорого.

Мой хозяин посмотрел на своего друга с ужасом:

— Я хочу узнать, что она пыталась сделать для меня в то время.

Джамике хотел было заговорить, но мой хозяин продолжил:

— Я хочу, чтобы ты мне помог. И ты должен

мне помочь. Видишь, что со мной сталось из-за тебя? — Джамике кивнул с выражением стыда на лице. — Ты должен помочь мне, Джамике. Ты должен пойти к ее мужу как проповедник и сказать ему, что тебе было видение для него. Рассказать ему то, что ты якобы знаешь о его жизни. Сказать, например, что ты знаешь его жену. Сказать ему, тебе было видение, что некто из ее прошлого, человек, который домогается ее, разрушит семью, если он не будет молиться.

Он смотрел на своего друга, который сидел, уперев подбородок в руки, и смотрел на него.

— Ты понимаешь? Скажи этому человеку, что ты хочешь знать, говорила ли она ему когда-нибудь о мужчине из ее прошлого.

— А если она сказала мужу о письме, о твоем возвращении? — спросил Джамике, которого чувство вины, казалось, сделало подобострастным.

— Да? Но он не будет знать, не может знать, что тебя послал я. А обо мне говори туманно, скажи, что Господь показал тебе траур и слезы, причиненные этим человеком.

На несколько секунд в комнате, которая уже погружалась в сумерки, воцарилась тишина — мой хозяин замолчал, чтобы подготовиться произнести слова, которые до этого проговаривал только

мысленно, а когда произнес, чудовищность их смысла потрясла его. Эгбуну, пожалуйста, выслушай эти слова моего хозяина, потому что они имеют критическое значение для моего свидетельства нынешним вечером и веским доказательством того, что он причинил ей вред неосознанно.

— Я не говорю, что собираюсь причинить ей какой-то вред. Я слишком люблю ее, даже когда сержусь, очень сержусь на нее. Это странная, необъяснимая смесь чувств. Страстная любовь, которую не сравнить ни с чем. Но нет, я убью любого, даже ее мужа, если он причинит ей физическую боль.

Джамике кивнул, по его лицу было видно, что он испытывает неудобство.

— Если ты говоришь, что я должен это сделать, то я сделаю. Сделаю, брат, хотя это и грех. Нельзя говорить, что Господь сказал что-то, тогда как он ничего не говорил. — Джамике покачал головой: — Я не могу сделать это, мой друг, это ложь. Я скажу ему, что хочу молиться за него, буду читать специальную молитву, когда поднимусь в гору, и хочу знать все о его отношениях с женой, я буду молиться, чтобы ничто из их прошлого не уничтожило их будущее.

Мой хозяин не знал, как на это ответить, а потому молчал, глядя на человека перед собой.

— Я хочу, чтобы тебе снова стало хорошо, брат Соломон. Вот почему я стал тем, кем стал. Я был причиной всех твоих бед, и я должен вернуть всё на свои места. Если никаких других возможностей нет, то я пойду к нему. Как я тебе уже сказал, один человек, который работает рядом с аптекой, говорит, что ее муж служит в «Африбанке» на Окпара-сквер. Я пойду туда и попрошу встречи с ним — его зовут Огбонна Энока.

Мой хозяин кивнул, его сердце снова упало.

Потом, когда он отвез Джамике домой, его дух успокоился, и, казалось, нетерпение, с которым он ожидал историю от Джамике, исцелило его. Он хорошо спал этой ночью и на следующее утро рано открыл свой магазин. Соседи сказали, что было много покупателей. Он позвонил некоторым своим клиентам и немалую часть утра развозил мешки с просом. После небольшого утреннего дождя засветило солнце, он вернулся в свой магазин с грузом от крупного дистрибьютора корма для бройлеров КОРМА АГБАМ И СЫНОВЬЯ. Когда они выгрузили корма в кладовку, раздался звонок от Джамике. Мой хозяин трясущимися руками нажал кнопку на телефоне.

— Я говорил с ним, брат. Не знаю, но мне кажется, я сумел его убедить. Я ходил туда с сестрой Стеллой, а к карману пиджака пристегнул мой проповеднический значок.

— Понимаю.

— Да, я бы хотел приехать и поговорить с тобой об этом, чтобы еще и повидать тебя, поскольку мы не увидимся до моего возвращения с горы.

— Да-да, ты должен приехать.

— Вечером, — сказал Джамике.

— А почему не сейчас?

— Я приеду, брат. Приеду вечером.

Осебурува, когда человек посылает за целителем, если этот человек болен, и ему отвечают, что целитель уже в пути, он начинает считать шаги целителя, идущего к нему. Я говорил о том, что́ нетерпение делает с человеком, и я видел это много раз. Мой хозяин тем вечером не мог дождаться прихода Джамике.

— Когда я пришел в его кабинет, — начал Джамике, — мне было страшно. А еще я солгал моей сестре во Христе, Стелле. Я согрешил.

— Да, да, я понимаю.

— Но это ради тебя, брат Соломон. И я вошел. Я увидел человека привлекательной наружности. Высокого, с завитыми волосами. Огбонна Эфраим

Энока. Эфраим — его христианское имя. Он сказал, что его дедушка был братом отца Танси[125]. И вот мы с сестрой Стеллой помолились за него. Потом я спросил у него, верит ли он в пророчества. Он сказал — да, почему нет? «Разве я не христианин? Разве в Библии не сказано: позор тем, кто говорит, что верует, но отрицает силу веры?» Я его поправил: «Это в книге «Второе послание к Тимофею»: «Имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся. Таковых удаляйся».

Он сказал: «Ого, так оно» на игбо, потом снова перешел на английский: «Я верю в силу Господа».

«Я счастлив, сэр. Тогда я вам скажу. Проходя вчера мимо этого банка, я молился духам, и Господь сказал, здесь есть человек по имени Огбонна, чьей жене угрожает опасность, реальная опасность. Враг появился у их дома и стучит в дверь».

«Господь сказал, что человека зовут Огбонна?» — спросил он.

«Да, да. Отец назвал мне только ваше имя, без фамилии».

«Ясно».

---

[125] Примечания: 125

Отец Танси — Сайприан Майкл Ивене Танси (1903–1964) — урожденный игбо, ставший католическим священником и канонизированный католической церковью в 1998 году.

«Тут есть еще кто-нибудь по имени Огбонна?»

«Нет, я знаю только одного — себя».

«И мой дух подтверждает это прямо сейчас, когда я разговариваю с вами. Я слышу Ветхого Днями, Льва от колена Иудина[126], он говорит, что вот он — тот человек передо мной. Старое увлечение пришло к вашей жене и грозит погубить ваш брак».

«Да не допустит этого Господь именем Иисуса! — сказал этот мужчина. Он щелкнул пальцами над головой: — Да не допустит Господь напасти».

«Да, брат, ты мне можешь сказать, есть ли такой человек, которого обидела твоя жена? Кто угодно?»

Этот вопрос, казалось, смутил его. Я видел по его лицу. Он задумался на мгновение, потом сказал:

«Нет, нет такого».

«Никто ее не преследует?»

«Нет, не думаю. Она замужняя женщина с ребенком».

— В этот момент, брат мой, я заволновался, что этот человек ничего не знает о тебе, — сказал Джамике. Он попытался отделить свою речь от речи мужа Ндали, а потому его переход на язык

---

[126] Примечания: 126

Ветхий Днями — обозначение бога в книге пророка Даниила (7:9); символом израильского колена Иуды является лев.

отцов прозвучал неестественно. — И я снова спросил его: «Мистер Огбонна, есть ли какой-нибудь мужчина, о котором она вам рассказывала?», и он посмотрел на меня, его лицо изменилось, и он сказал: «Да, только во имя Господа вам говорю, только во имя Господа, потому что это тайна». «Можете не опасаться доверить вашу тайну слуге Господа», — сказал я. «Она почти вышла замуж за человека, который оставил ее и уехал за море, — сказал он. — Это был второй мужчина, который так поступил с нею». «Так этот мужчина исчез?» — спросил я. «Да, никто не знает, где он. Больше мне ничего не известно». Я хотел сказать что-то, но тут вмешалась сестра Стелла: «И она никогда больше его не видела?» — «Это все, что я знаю, божий человек», — ответил Огбонна.

Брат мой, в этот момент я подумал, что, если еще буду нажимать на него, у него могут закрасться подозрения. И я сказал, давайте молиться, сказал, что иду на гору и буду там молиться, а ему посоветовал поговорить с женой, узнать, не преследует ли ее этот человек.

— Ай-ай, ох-ох, Джамике. Этого недостаточно, — сказал мой хозяин.

— Но…

— Что, если он спросит ее, пока ты будешь от-

сутствовать? И что, если?..

Он прервал свою речь, потому что в этот момент подъехал сосед на мотоцикле и шумно газанул, остановившись. Фары мотоцикла послали два луча света сквозь занавески и осветили комнату, раскидали тени по стене, словно расписали ее густыми черными чернилами. Когда двигатель смолк и фары погасли, мой хозяин продолжил:

— Что случится, если он спросит ее, пока тебя не будет?

— Вряд ли она что скажет ему. Я думаю и вижу, что она не хочет, чтобы он знал слишком много. — Джамике прихлопнул комара у себя на ноге. — Вряд ли он что спросит.

— Да, — снова произнес он. — Но что, если она решит сказать ему теперь, когда божий человек говорил с ним об этом?

Джамике задумался на мгновение.

— Тогда я узнаю об этом. Узнаю по возвращении. Ты ведь хотел только знать, что она предпринимала, когда ты пропал? Ты же ничего не собираешься с этим делать — только узнать.

Мой хозяин согласился.

— Тогда я ухожу. Не волнуйся, брат.

Когда они вышли — Джамике хотел успеть в церковь, прежде чем вернуться домой, — бы-

ло уже темно. Они прошли мимо школьников, возвращающихся с уроков, дети группками перебегали дорогу. Маленький мальчик наклонился над сточной канавой, его рвало, он кашлял и извинялся перед друзьями, стоявшими вокруг. Рядом с мальчиком остановился взрослый, сказал, чтобы другие ребята дали больному воды. Мой хозяин и его друг выразили мальчику сочувствие. Потом Джамике положил руку на голову мальчику и стал говорить что-то непонятное — действо, которое, как я понял, представляет собой странную сторону религии Белого Человека и подобно заклинанию, *afa*, в *odinala*[127]. Закончив, Джамике снова перешел на язык Белого Человека:

— Спасибо тебе, Господи, Иегова-Ире[128], великий целитель, Господь там[129], за исцеление этого маленького мальчика.

Окаяоме, он вернулся в свою квартиру со сведе-

---

[127] Примечания: 127
Традиционная религиозная практика народа игбо (*игбо*).

[128] Примечания: 128
См. Бытие 22:14: «И нарек Авраам имя месту тому: Иегова-ире. Посему и ныне говорится: на горе Иеговы усмотрится».

[129] Примечания: 129
См. Иезекииль 48:35: «Всего кругом восемнадцать тысяч. А имя городу с того дня будет: «Господь там».

ниями, которые получил о Ндали через Джамике. Он, погрузившись в свои мысли, разогревал джолоф, приготовленный утром. Когда джолоф в кастрюле начал шипеть, у керосиновой лампы собрались насекомые. Он снимал кастрюлю с плиты, когда дали электричество и тут же, почти мгновенно, выключили. Он вернулся в свою комнату, сел и принялся медленно есть, думая, почему она сказала мужу, что он просто исчез и она больше не имела о нем никаких вестей. Как это — он просто исчез? Как? Неужели Димеджи не передал ей его послание? Он просил его, чтобы тот сообщил ей, чтобы связался с ней, это было как раз перед вынесением приговора. И еще он просил Тобе. Неужели она так ничего и не узнала о том, что случилось с ним? Он решил, что это невозможно. Велика была вероятность того, что она получила сообщения и все знала, но просто скрывала это от мужа. Он был сильно озадачен. Почему она скрывала это от мужа?

В такие времена человек должен быть осторожен, потому что в состоянии отчаяния его разум дает много ответов. В человеке есть некая часть, которая может быть иррациональной, часть, которая существует исключительно для того, чтобы он чувствовал себя комфортно. Таким образом,

попав в подобную ситуацию, эта его часть хватает первое, что попало под руку, нижнюю ветку дерева, например. Чи тут должен попытаться выбрать наиболее подходящий вариант и позволить ему вытеснить другие. И вот из множества сценариев, приходивших ему в голову в тот вечер, я выбрал тот, по которому Ндали просто не получала от него никаких вестей, кроме того письма, что он отправил ей совсем недавно. Но он остановился на другом: она решила обмануть мужа, а потому сказала ему, что он, Чинонсо, исчез, чтобы ее муж думал, будто она больше не хочет Чинонсо, тогда как на самом деле продолжала его любить.

24. Изгой

Агбатта-Алумалу, ничто так не калечит человека, как безответная любовь. Хотя Ндали как-то сказала ему, что она все равно не утонула бы, но он своим щедрым поступком, своей попыткой спасти ее на том мосту и завоевал ее сердце. А теперь ее сердце отобрал у него человек, работающий в банке и ничего не знающий о жертвах, которые он принес ради нее. Этого мой хозяин никак не мог вынести. Он потерпел поражение в дни после откровения Джамике. Когда Джамике уехал на следующей неделе, он стал одержим мыслью преследовать ее. Поначалу он боролся с этой мыслью, работал, пытался сосредоточиться на своем магазине, но каждый день, закрывшись, он ехал к аптеке и ставил машину на обочине. И с этого наблюдательного пункта, закрыв лицо темными очками, он некоторое время смотрел на аптеку.

Иногда июльский дождь мешал ему видеть, и он сидел в машине как слепой. Потом, после долгих наблюдений и мучительных размышлений о ней, когда от тяжести на сердце ему казалось, что оно налилось свинцом, он вдруг видел ее

— она шла пешком из аптеки или уезжала на своем синем автомобиле. Когда ему удавалось хотя бы мельком увидеть ее, этого хватало, чтобы он уехал домой, чувствуя некоторое облегчение. Она всегда была в белом халате, под которым виднелась другая одежда. По большей части она носила блузку и юбку. Иногда блузку из ткани анкара или футболку с брюками. В те дни, когда он видел ее, он возвращался домой, говоря себе о том, как она прекрасна, как лежат у нее волосы, какого цвета ногти. Один раз она покрасила их в синий цвет, и он видел их, когда она прошла совсем рядом с его машиной, не догадываясь, что человек внутри, в бейсболке и солнцезащитных очках, — мой хозяин. Он вспоминал, что когда-то смотрел, как она красит ногти на скамье в саду, потому что не хочет, чтобы он задыхался от сильного запаха лака. Один раз она задела ногтем белую курицу, и краска осталась на пере — красная точка, которую никак не удавалось счистить. Она так смеялась, что почти расплакалась.

Он возвращался домой и тосковал по ней. Он обдумывал все возможности. Он стал замечать, что чем чаще видит ее, тем ярче вспыхивают воспоминания о моментах их интимной близости, тем сильнее распаляется в нем желание. Что ему

делать? Она опять опозорит его, если он придет к ней, может быть, возненавидит его. Она прочла его письмо, знает обо всех его страданиях, но не испытывает к нему ни малейшей жалости. Когда у него появлялась такая мысль, то его настроение менялось, вместо желания приходила злость, а потом жажда мести. Он сжимал зубы, топал ногами, его трясло от ярости. Он засыпал в этом настроении, а на следующее утро возвращался к той же рутине: шел в магазин с утешительной мыслью, что найдет способ увидеть ее вечером, после чего опять окунется в бурлящий котел противоречивых эмоций.

Как-то раз он поехал следом за ее машиной, ему было любопытно узнать, что она делает, потому что ему в голову пришла мысль — не завела ли она любовника. Она подъехала к школе, частной начальной школе, где у ворот ее ждал сын. Мой хозяин сидел в своей машине и видел все с расстояния метров в двести. Он отметил уши мальчика, сходство цвета кожи с кожей Ндали. Он поехал следом до их жилища — дом на двух хозяев, который величественно расположился на Фэктори-роуд. Дом был обнесен оградой с воротами в высоту ограды. Мой хозяин остановился у дома, оглядел окрестности, землю, заросшую ку-

старником. По другую сторону грунтовой дороги перед зданием, похожим на маленькую клинику, был продовольственный магазин. В нескольких метрах оттуда стоял сарай, в котором какая-то женщина каждый вечер жарила бананы, батат и акару. Он вернулся в свою квартиру, не зная, что ему делать с этим новообретенным знанием.

В конце первой недели без Джамике, в пятницу, он не смог пойти на работу, ожесточение предыдущего вечера перешло на следующий день, и он поймал себя на том, что плачет от боли, которую она принесла ему своим отказом. Эгбуну, то, что видел я в своем хозяине, поражало своей необычностью и пугало. Это была известная алхимия любви — любви, которая оживает и крепнет, хотя и пребывает в состоянии упадка. Он поклялся себе, что в этот день заговорит с ней, когда она появится в дверях аптеки. И потому в этот день он решил выйти из машины. Он подсел в палатку к женщине, которая давала в аренду телефон Джи-Эс-Эм. Он вертел в руках телефон, когда женщина спросила его, не тот ли он человек, который все время сидит в припаркованной машине и смотрит на аптеку. Ее вопрос напугал моего хозяина:

— Вы меня видели?

Женщина рассмеялась и хлопнула в ладоши:

— Конечно. Вы каждый день приезжаете, каждый день. Как же вас не увидеть? Может, вас и люди из аптеки видели.

Он сидел неподвижно. Потом повернулся в сторону улицы — там пастух гнал скот, понукая животных палкой.

— Вы не ответили на мой вопрос, — сказала женщина. — Вы почему все время это делаете?

Мой хозяин, удивившись, понял, что ему придется прекратить свое занятие.

— Но я же всегда в очках, как вы меня узнали? — спросил он.

— Вы же только что вышли из той самой машины, — ответила она.

— О'кей, я прежде был женат на аптекарше, — сказал он.

Потом он сплел на ходу историю о том, что ее нынешний муж увел у него жену с помощью приворотных чар. Доверчивая девица посочувствовала ему, а чтобы утешить, погладила его по руке. До этого момента он ни о чем таком и не думал, но, когда почувствовал ее прикосновение, вдруг понял, что его влечет к ней. Я в спешке, чтобы не упустить момента и отвлечь моего хозяина от непрерывной разрушительной одержимости Ндали, осенил его мыслью, что он может заполу-

чить эту женщину и она всегда будет его любить. Пока эти мысли парили в его голове, он внимательно наблюдал за ней. У нее было простое лицо, дешевая одежда, грубая кожа той черноты, что происходит от бедности. Но в этот день она оделась лучше обычного — в хорошую блузку и короткую юбку — и волосы уложила.

Он сидел, пока она обслуживала тех, кто хотел позвонить или купить телефонный кредит, смотрел на эту женщину в ужасе от неожиданной смены объекта своего вожделения. Он почувствовал эрекцию.

— Я думаю, я приглашу вас к себе домой сегодня, чтобы вы знали, где я живу, и мы могли стать добрыми друзьями, — сказал он.

Женщина улыбнулась, не глядя на него. Она перебрала карточки, надела на них резинку.

— Вы меня даже не знаете, — сказала она.

— Значит, не хотите ехать? А как вас зовут?

— Я этого не сказала, — ответила она. — А зовут меня Чидинма.

— А меня Нонсо. Так поедете, Чидинма?

— О'кей, когда закроюсь.

Акатака, он оставался там, пока женщина не закрыла свою палатку, потом он повез ее к себе домой, остановился по дороге, чтобы купить две

бутылки «Мальта Гинесс». Я поначалу не выходил из него, потому что хотел посмотреть, чем это кончится. Хотя я и сам способствовал тому, чтобы это случилось, мне хотелось попытаться понять это новое явление: человек еще мгновение назад чахнет от великой страсти к одной женщине, а потом вдруг загорается таким же страстным желанием к другой. Это загадочное явление. Кроме вопроса женщины, продолжит ли он и дальше искать свою жену или теперь будет любить ее, Чидинму, — на что он ответил: «Буду теперь любить тебя», — никакого сопротивления с ее стороны не было. Он набросился на нее, как оголодавший, чуть не сорвал с нее одежду, засунул руки под бюстгальтер, пил ее груди в безумной спешке. Много лет прошло с тех пор, как он видел обнаженную женщину, не говоря уже о том, чтобы прикасаться к ней, а потому, когда дошло до дела, он почувствовал себя растерянным.

И вот в этот-то момент, уверенный, что случится нечто неожиданное, я вышел из его тела. Но крики в Бенмуо в ту ночь были такими чудовищными, что мне пришлось сразу же вернуться в моего хозяина, словно за мной гналось какое-то хищное животное. Так я вынужденно созерцал таинственную алхимию совокупления. Я вер-

нулся в него, когда обращенные к нему уговоры женщины надеть презерватив в самый разгар страсти стали особенно настойчивыми. Но он не обращал на нее внимания. «Хотя бы не кончай в меня. Не кончай в меня», — умоляла она под его бешеный натиск, от которого сотрясалась кровать. Я присутствовал при том, как он испустил крик, а потом извергнул семя на пол.

Женщина лежала рядом, обнимая его, но он смотрел в стену. Когда его сердце успокоилось и высох пот, его чувства изменились. Он стал вспоминать прошедший день, как он подсел за стол к этой женщине. То, что он видел сейчас, было другим. Другим! Он видел пятна на лице женщины, одно шелушилось так, что превратилось в струпья. Он подумал об отсутствующих зубах у женщины и о чем-то похожем на шрам в ложбинке у нее между грудей. Он подумал о грязи у нее под ногтями, о том, как она этими пальцами снимала слизь с глаз. Он подумал о черной яме ее живота, когда они легли в кровать, о цитадели ее вагины. Он отстранился от нее, встал, подошел к окну и, глядя на улицу, вспомнил тело Ндали. Он вспомнил тот день, когда она настояла, чтобы он целовал ее вагину, и об отвращении, которое он испытал тогда.

Он отвернулся от окна и увидел лежащую женщину, накрытую простыней. Волна неприязни накатила на него. Он вдруг понял, что ненавидит ее, хотя причины этой ненависти не были ясны ни ему, ни мне, его чи. Он сел на стул, допил пиво из бутылки, в которой оставалась половина.

— Ты поедешь домой? — сказал он.

— А? — отозвалась она и села на кровати.

Он посмотрел на нее, ее уродство теперь было очевиднее, и его волной накрыло сожаление оттого, что он переспал с ней.

— Я сказал, ты хочешь ночевать здесь? Просто хочу знать.

— Ты меня отсылаешь? — спросила она чуть ли не со всхлипом.

— Нет-нет, я только говорю, если ты хочешь уйти.

Она покачала головой:

— Значит, ты получил то, что хотел, и теперь гонишь меня домой?

Он молча смотрел на нее, удивленный собственной неожиданной жестокостью.

– *О ди нма*[130], — сказала девушка и щелкнула пальцами.

---

[130] Примечания: 130
Ну, ладно (*игбо*).

Он смотрел, как она надевает бюстгальтер, бретелька почти потерялась в складке кожи на спине. Он чувствовал себя необъяснимым образом осквернённым изнутри. Не потому ли, что он познал другую женщину и теперь Ндали будет замарана в его глазах? В нем нарастал страх, к которому примешивалась ярость. Он закрыл глаза и потому не видел, когда женщина закончила одеваться. Скрип двери вывел его из полузабытья. Он вскочил на ноги, но она уже ушла. Он бросился за ней в темноте босиком, без рубашки, не заперев комнату, звал ее: «Чидинма, Чидинма, постой, постой». Но она не остановилась. Она шла, рыдая, ничего не говоря.

Он вернулся и сел, в комнате от женщины остался только запах. Он не знал, что ему чувствовать, то ли раскаиваться за ту жестокость, с которой он обошелся с женщиной, то ли злиться на собственное таинственное осквернение. Он прождал около часа, потом позвонил женщине, но она не ответила. Он отправил ей извинения. Она написала в ответ: «Никагда, никагда больше ни прихади в мой палатку! Никагда в жизни!! Бог тибя пакарает!!!»

Его затрясло, когда навязчивая мысль о скверне утвердилась в его мозгу, принесенная на черных

крыльях презрения. Он стер номер женщины в своем телефоне и поставил на этом точку. Той ночью, пока он спал, в дом, сражаясь между собой, вломились два бродячих духа. Они прошли через стену, не осознавая, что пересекли человеческий барьер. Чукву, я должен сказать, что подобные вещи встречаются довольно часто, но в большинстве случаев не стоят воспоминаний. Но то конкретное происшествие меня тронуло, потому что я смог соотнести его с ситуацией моего друга.

Один из этих духов был чи человека, который увел жену у мужа. Другой дух был призрак бывшего мужа этой женщины. Первый чи говорил о том, как он устал за долгие годы попыток отбиться от этого призрака. «Ну почему бы тебе не отдохнуть?» — говорил он. «Как я могу отдыхать, когда твой хозяин лишил меня не только жены, но и моей жизни?» — отвечал призрак. «Но тебе нужно отдохнуть. Отправляйся в Аландиичие, а потом вернешься в другой жизни и заберешь то, что было твоим», — сказал чи. «Нет, я теперь хочу справедливости. Немедленно. Немедленно. Скажи своему хозяину, пусть уберет свои руки от Нгози. Или я не оставлю его в покое. Буду и дальше приходить к нему во сне, пытаться завладеть им, вызывать у него галлюцинации, пока

справедливость не будет восстановлена», — не успокаивался чи обманутого мужа. «Если ты прекратишь свои домогательства, — ответил другой чи, — то Ала и Чукву восстановят для тебя справедливость. Но ты берешь на себя…» Их разговор продолжался, а я жестами показывал им, чтобы они убрались, и они, почти не удостоив взглядом ни меня, ни моего хозяина, вернулись через стену в тьму ночи. Я не знал, почему стал свидетелем той сцены, может быть, ты сам позволил мне увидеть ее, чтобы таким образом подвигнуть меня на более действенные способы убедить моего хозяина отказаться от погони за неуловимым, не подвергать себя опасности превращения в *акалиоголи*, бродячий дух, не имеющий дома ни на земле, ни на небесах.

Эчетаобиезике, мой хозяин вернулся в свое прежнее состояние — человека, одержимого противоречивыми мыслями. Он, как некая текучая субстанция, вновь заполнил тот сосуд, в котором был раньше. Он перестал устраивать засады у аптеки и переключил свое внимание на ее дом. Он останавливал машину в двух бросках камня от него и шел к магазину напротив. Он завязал знакомство с хозяином. Покупал у него пирожные и колу, сидел в одиночестве на скамейке,

которую хозяин поставил рядом с магазином, ел и пил, болтал с хозяином, который говорил на искореженном английском. С этого наблюдательного поста, в солнцезащитных очках, которые мой хозяин никогда не снимал, он сначала видел, как она приезжает с работы домой вместе с мальчиком, потом видел, как приезжает ее муж. На третий день наблюдений ему пришло в голову спросить об этой семье у владельца магазина.

— Мистер Обонна? — уточнил человек, он был хауса и не знал языка отцов.

— Да, и его жена.

— А, мадам? Мой мало их знать. Ее сейчас совсем мало-мало говорит. Словно у нее рот нет. Она часто ходить.

Он посмотрел на владельца магазина, а тот почесал два длинных декоративных шрама на щеке. К магазину подошел мужчина в шортах, на плече у него висела рубашка.

— Благ тебе, — сказал клиент моему хозяину.

— Благ тебе, брат мой.

— Маллам, «Коубелл» хочу.

— Какой нада? Жесть-банка упаковка?

— Упаковка. Четыре штука. Сколько?

— Один банка четыре найра, четыре банка шестнадцать найра.

Когда клиент ушел, мой хозяин спросил владельца магазина, знает ли он что-нибудь про мистера Огбонну и его сына.

— Ааа, да-да. Мой их знать хорош-хорош.

Эгбуну, я тебе говорил, что мой хозяин владел даром удачи. Да, с ним случалось много худого, но то, что его *оньеува* подобрал в саду Чиокике, имеет силу. Потому что иначе он бы случайно не набрел на это место. Как иначе, Эзеува? Он всего лишь задал естественный вопрос, вытекавший из вопроса про семью:

— У них один сын?

И на это он услышал такой ответ:

— Малый тот? Да, один малый иметь. Чиномсо, один только малый.

Обасидинелу, мой хозяин вскочил на ноги. Потому что он не называл этому человеку своего имени.

— Как?

— Малый-малый, — сказал человек, удивленный его реакцией. — Мой говорить Чиномсо малый звать.

Он теперь стоял не в силах пошевелиться. Он смотрел на владельца магазина, потом переводил взгляд на дом, потом снова на владельца магазина.

— Ога, что так?

Мой хозяин покачал головой:

— Ничего.

Владелец магазина успокоился и начал говорить о том, как «мистер Обонна» иногда не берет сдачу после покупки, как на Ураза-Байрам мистер Обонна привез ему козу. Мой хозяин слушал вполуха, а мысли его уносились далеко. Когда он поднялся и вернулся в машину, он уже отдавал себе отчет в том, что услышал, он как бы снова обрел сознание. Как могло получиться, что она назвала сына этим именем? Как?

Ничто не волновало его так сильно, как эта мысль. Он сидел не в силах ничего делать, совершенно беспомощный. Этот вопрос терзал его своей обманчивой простотой. Потому что, казалось ему, ответ лежит на поверхности, на какой-то полке над самой его головой. Но каждый раз, пытаясь его достать, он понимал, что ответ где-то гораздо дальше — рукой до него не дотянуться. И вот это-то волновало его больше всего. В ту ночь он почти не спал, он боялся, что сойдет с ума от одолевавших его мыслей. Он чувствовал голод, потрясение и обескураженность, но ничего не делал — только лежал, абсолютно разбитый. Ему два раза звонили люди из сельскохозяйствен-

ного университета, а потом прислали сообщение, в котором говорилось, что они больше не будут покупать у него корма, потому что он теперь несерьезно относится к своему бизнесу.

Прочтя это сообщение, он сломался. Он закричал, и крик его разнесся в жарком воздухе дня:

— Почему я боюсь ее? Почему? После всего, что я сделал, после всего, что я сделал ради нее? Нет, она должна поговорить со мной.

Он ходил по комнате, мысленным взором возвращаясь к тому дню, когда она на глазах у людей отказалась от него, кричала, что не знает, кто он такой. «Сегодня, сегодня Ндали должна дать мне ответы», — говорил он себе.

Он говорил так твердо, что сам удивлялся своему бесстрашию. Он отправился в общую ванную в задней части квартиры, чтобы помыться. Перед дверью на невысокой скамеечке стирала одежду в ведре жена одного из соседей, йорубы[131], человека с женским голосом. Земля вокруг была покрыта мыльной пеной. Женщина была облачена во враппу, закрывавшую ее грудь и закрепленную узлом под волосатой подмышкой. Она поздоровалась с ним, он прошел

[131] Примечания: 131

Название одного из народов, населяющих Нигерию и другие страны Африки, а также название языка.

мимо, и открытые части ее тела вызвали у него раздражение. Он вспомнил женщину, с которой совокуплялся несколько дней назад, вспомнил, как собственные чувства потрясли его. Когда он закрыл деревянную, обитую цинком дверь ванной и разделся, ему вдруг пришло в голову, что чувство, которое он испытал к той женщине, и его равнодушие к женщинам вообще объясняются тем, что он все еще любит Ндали.

Он снова поехал к ее дому, припарковал машину в нескольких метрах от входа на той стороне, откуда должна была появиться она. Машину он поставил у забора под деревом, из кроны которого доносился птичий щебет. Из здания за забором слышались детские голоса. Он сидел в ожидании, устремив глаза на дорогу, и наконец, когда солнце уже клонилось к закату, увидел ее машину. Он сто раз все обдумал и принял решение. Он уже приметил, что машины здесь появлялись редко, так как улица дальше сворачивала и заканчивалась тупиком. Но если бы за ее машиной ехала еще одна и из-за этого он не смог бы заблокировать дорогу, то он бы просто вышел из машины и встал у ворот, прежде чем она успела бы посигналить привратнику, чтобы тот впустил ее.

Эгбуну, этот миг наступил, в соответствии с тем

планом, что он проигрывал в своем воображении. Увидев ее машину, он завел собственную и резко тронулся с места, а потом перегородил ей дорогу. Машины чуть не столкнулись, и раздавшийся после этого почти удара крик напугал даже его смятенный разум. Он вышел не сразу, дал успокоиться своему сердцу. Выйдя, он увидел ее, но не мальчика, который сидел сзади. Он подошел поближе и увидел обоих, она повернулась к мальчику, что-то говорила ему. Мой хозяин встал между капотами двух машин и замер в неподвижности. Он так долго, много месяцев после своего возвращения, ждал этого момента. Он почувствовал, что его трясет, что его сердце разрывается на части.

Человек в машине, остановившейся за ним, три раза сердито нажал на гудок и проехал мимо. А мой хозяин продолжал стоять. Потом Ндали вышла из машины. Она смотрела на него, он смотрел на нее. Он, казалось, видел в этом лице жизнь — ту жизнь, которую знал когда-то. Но он с трудом узнавал ее лицо. В нем появилось что-то новое, но в то же время оно оставалось и знакомым.

— Ты? — сказала она, словно сомневаясь в его существовании.

Он кивнул.

— Мамочка, — произнес он.

Она отступила к своей машине, наклонилась, сказала что-то мальчику. Потом она закрыла дверь и встала перед машиной.

— Опять ты? Что тебе надо?

Эгбуну, он покачал головой, потому что ему стало страшно.

— Мамочка, я прошу прощения за все. Я прошу прощения. Ты прочла мое письмо? Ты прочла…

— Постой! — воскликнула она. — Постой! — Она отступила, поднесла руку к лицу, показала на него наманикюренным ногтем: — Почему ты преследуешь меня? Почему ты приходишь в мою аптеку, в мой дом? Что все это значит?

— Мамочка…

— Нет-нет, прекрати! Прекрати! Не называй меня так, пожалуйста, я тебя прошу.

Он хотел было снова заговорить, но она повернулась к машине и к мальчику.

Потом снова посмотрела на него и, закрыв глаза, сказала:

— Позволь мне сообщить тебе, я больше не хочу тебя видеть никогда. Что происходит? Почему ты преследуешь…

— Ндали, послушай, — сказал он и шагнул к

ней.

— Стой! Остановись!

Она с таким исступлением отступала от него, что он испугался.

— Не приближайся ко мне. Послушай меня, именем Бога заклинаю, оставь меня. Я замужем, тебе ясно? Найди себе другую женщину и оставь меня в покое. Если ты еще раз придешь к моему дому, я сдам тебя в полицию.

Она повернулась к машине, а он пошел следом и был уже в нескольких дюймах от нее, когда она снова повернулась к нему.

— Твой сын, — сказал он, тяжело дыша от охвативших его чувств. — Он носит мое имя.

В тот памятный момент жизни, когда мой хозяин и женщина, которую он любил, стояли в нескольких дюймах друг от друга, к этому месту, где словно сошлись в поцелуе две машины, приближался фургон. Это был инстинктивный момент, короткий, как мгновение, когда жертва видит своего убийцу перед роковым ударом, но и не лишенный изящества, не поддающегося описанию человеческим языком. Одним непрошеным шагом он приблизился к ней, и его ноги попали в петлю, из которой он не мог освободиться. Он видел, что она хочет заговорить, но тут она

резко развернулась и села в машину.

Человек в фургоне остановился, чтобы разразиться проклятиями. Мой хозяин вернулся в машину и осторожно сдал назад. Ее машина проехала к воротам ее дома. Он проводил ее взглядом, а озлобленные пассажиры и водитель фургона, проезжая мимо, еще раз обругали его.

Эбубедике, я не должен слишком долго задерживаться на том, что он сделал после, потому что видеть это слишком тяжело. Потому что мой хозяин был раздавлен этой встречей. Он нес в себе те несколько слов, что сказала ему Ндали, переваривал их своим слабым желудком, взвешивал каждое в отдельности. Но он, словно козел, превратил их в настоящую жвачку. И каждый вечер, когда его жизнь, которая к тому времени приобрела неугомонность маятника, замирала, он отрыгивал жвачку и снова принимался перемалывать ее, обильно смачивая слюной. Но от одного он никак не мог отделаться, не мог пережевать, не мог перекусить. Потому что оно было твердым и неудобоваримым по своему составу. Он видел это нечто в ее глазах, и хотя понимал, что его разум в таких ситуациях склонен к преувеличениям, он не сомневался, что видел в ее глазах презрение.

Трудно описать, во что его превратило это чувство. Он целыми днями лежал в доме в окружении призрачных, бестелесных голосов, звучавших во время той встречи. Он мало ел, говорил сам с собой. Он смеялся. Он кричал. Он устало выходил из дома по вечерам и возвращался бегом в свою комнату, пил дождевую воду, стекавшую с его лица.

Эгбуну, я опасался, что он впадет в безумие. Потому что, помимо всего прочего, его преследовали странные, повторяющиеся сны, во многих из которых фигурировали птицы — курицы, утки, соколы и даже ястребы. Эти сны были порождением его воспаленного разума. Он превратился в подобие изгоя, отвергнутого землей и небесами. Живой *акалиоголи*. Я опасался, потому что мне стало ясно: объект самой сильной любви, поселившийся в сердце человека, часто находится далеко и недостижим для влюбленного. Объект, о котором на смертном одре страждет его душа, величественное узилище его сердца. Единственный способ спасти его — познакомить с новой любовью, не менее сильной, чем та, которая ему недоступна. Но поскольку такой женщины поблизости не было, я боялся за него.

Его падение в это состояние продолжалось

много дней, Эгбуну, и как-то вечером, когда он бормотал сам себе, что она его ненавидит, он даже не сразу понял, что вернулся его друг.

У него чуть сердце не остановилось, когда он услышал громкий стук в дверь, а затем голос: «Брат Чинонсо, сын Бога живого!»

Он бросился к двери.

25. Младший бог

Аквааквуру, великие отцы в своей несравненной мудрости говорили, что если человек чего-то боится, то эта вещь больше его чи. Это нелегкая мудрость. Но правда то, что страх — важное явление в жизни человека. Когда человек пребывает во младенчестве, его жизнь управляется постоянными страхами. И когда человек взрослеет, страх становится его неотъемлемой частью. Все, что человек делает, определяется страхом. Ошибкой было бы задавать вопрос: как человек может освободиться от страха? Разве не сам страх — может быть, страх перед тем, что страх завладеет его разумом, — заставляет человека задавать этот вопрос? Человек должен жить в страхе. Человек ест, потому что боится умереть, если перестанет есть. Почему он переходит улицу с опаской? Почему вон тот человек идет со своим ребенком в клинику? Страх. Страх есть младший бог, безмолвный правитель вселенной человека. Страх, вероятно, самая сильная из человеческих эмоций. Гаганаогву, вспомни историю Азуки, человека, который в потасовке убил своего зятя триста семьдесят лет назад. Жрец Алы приговорил его к смерти за то,

что он несправедливо забрал чужую жизнь. Мой тогдашний хозяин, Четаезе Иджекоба, был одним из тех, кто отвел Азуку в лес и повесил. Его глазами я видел, как вел себя этот приговоренный, как страх искажал даже его движения и голос, и было ясно, что каждое мгновение его жизни с момента вынесения приговора было заполнено страхом перед смертью. Человек, который убеждает себя жить без страха, вскоре обнаружит, что он переместился голым в страну безумия, в такое место, где у него ни единого знакомого.

Войдя в дом, Джамике сразу увидел, что моего хозяина пожирает страх, а также желание, ярость, любовь и скорбь. Но больше всего — страх перед тем, что Ндали больше никогда не будет принадлежать ему. Страх, Чукву! Младший бог, мучитель человечества, держащий человека на поводке, с которого тот не может сорваться. Пусть он мечется по дому, пусть запрыгивает на подоконники, пусть сколько угодно машет своими молодыми белыми крыльями, пусть он вызывает и кличет оркестр меньшинств — ему никуда не деться. Потому что, если он взлетит, бечевка остановит его, вернет на место. Чем занят сейчас человек — веселится? Пьет пальмовое вино на своей свадьбе? Получает благословение

родителей и преклонение всей своей родни? Занимается он любовью с женой? Рожает его жена, а он в волнении ждет появления на свет ребенка? Чем бы он ни занимался, когда празднество закончится, когда гости разойдутся со свадьбы, когда он утолит свою страсть и успокоится, когда родится и уснет ребенок, страх вернется, он лишь станет сильнее прежнего и набросится на него, как сокол на птицу.

И моему хозяину в его великом страхе требовалась помощь. Он должен, по крайней мере, попытаться узнать, должен попытаться найти выход. Выход? Именно это он и пытался объяснить Джамике. А теперь, измученный, он опустился на колени и обнял друга, который после молений спустился с горы, исполненный духом великого божества, почитаемого в далеких землях, но еще и почитаемого детьми благочестивых отцов.

— Джамике, — сказал он. — Я знаю: ты — божий человек. Я знаю: Бог изменил твою жизнь, но я прошу тебя сделать для меня вот эту одну вещь. Я все еще печален, я очень печальный человек. Я все еще ни там, ни здесь. Я спасусь, только когда верну мою жену.

Хотя он в это время уже знал, что она для него потеряна, хотя и понимал, что подошел к грани

безумия, его обеспокоил испуг, который он увидел на лице Джамике.

— Да, — сказал он с неистовостью, скрежеща зубами и еще крепче обхватывая тощую ногу Джамике. — Она моя жена, Джамике. Она моя. Мы собирались пожениться. Я страдал за нее.

Его друг явно не знал, что ответить. Он смотрел на моего хозяина, и тот ослабил хватку и продолжил:

— Около недели назад я встретил ее у ее дома, Джамике. Я видел ее так близко. Ее и ее сына. Ты знаешь, как его зовут, как зовут ее сына? Чинонсо.

— Он носит твое имя? — сказал Джамике, и мой мудрейший хозяин ожил, потому что, казалось, он нащупал что-то в человеке, у которого искал помощи.

— Так оно, так мальчика и зовут.

— Не могу поверить своим ушам, брат.

— Я думаю… — начал он, но вынужден был замолчать, потому что дыхание его прервалось от волнения; потом он начал снова: — Я думаю, тому есть причина, и я хочу ее знать. Она решила, что я умер? И потому дала мальчику мое имя? Или есть какая-то другая причина? — Он закашлялся и сплюнул в платок. — Мальчик — я его видел

своими глазами, своими широко раскрытыми глазами, и мой дух говорит мне: я видел моего сына.

— Говорит?

— Так оно, — сказал он и щелкнул пальцами. — Ты бы не мог посмотреть на него? Ему на вид года четыре. Когда она вышла замуж за этого человека? Ты говорил — недавно?

— Ха! Это верно. Н-но когда это могло случиться?

— Я не знаю. Я не знаю. Ох, я не знаю. Один только бог знает. Но, брат, сердце мое сломано. Сейчас любой мертвец лучше меня. Я не сплю. Я не ем. Я не понимаю, почему так сложилась моя жизнь. Но я хочу знать, почему ее сын носит мое имя.

— То, что ты говоришь, правда, брат Соломон. Ндиичие говорят, что жаба при свете дня не будет бежать ни с того ни с сего. Либо что-то гонится за ней, либо она гонится за чем-то.

Истинно, Гаганаогву: такова мудрость всезнающих отцов!

— Я тебя понимаю, брат Соломон, — продолжал Джамике. — Проси меня о чем угодно, и я сделаю то, о чем ты просишь. Я хочу тебе помочь.

Тут мой хозяин поднял взгляд и увидел, что стоит на коленях и цепляется за тощие ноги друга,

его бедного друга, который постился сорок дней и сорок ночей. Худоба Джамике потрясла его, он быстро убрал руки и сел на кровать напротив друга. И преобразило его это слово — «помочь», Эгбуну, обещание облегчения, надежды. Теперь он сидел, покачивая головой, и говорил:

— Я хочу, чтобы ты вернулся к ее мужу и сказал ему: «Господь послал меня к вам, мистер Огбонна, чтобы предупредить, что им грозит опасность».

Он ждал, что Джамике заговорит, но его друг только поднес руку к губам, чтобы отереть уголки удивленно открывшегося рта.

— Это не будет грехом, — сказал мой хозяин. — Ты только попытаешься узнать… узнать, в безопасности она или нет. Бог не запрещает ничего такого. К тому же ты — пастор. Так что никакой лжи тут нет.

Джамике отрицательно покачал головой. И хотя, казалось, ему потребовалось немало усилий, чтобы наконец заговорить, он все же не сказал (чего опасался мой хозяин): «Но Господь не посылал меня к нему. Вот в чем ложь». Нет, Джамике только сказал голосом, который рассекал воздух, словно серпом: он сделает то, о чем просит мой хозяин. А потом, словно подумав, что мой хозяин не слышал его, он повторил свои слова со слепой

силой убежденности.

Мой хозяин замер. Потом, поднятый невидимой рукой, он встал на ноги.

Чукву, великие отцы часто говорят, что у антилопы выросла большая мошонка ради удобства охотника. Потому что теперь охотник со своей отравленной стрелой — даже если он старик и у него старые, слабые кости — сможет поймать эту антилопу. У мистера Огбонны, мужа возлюбленной моего хозяина, плохого человека, который воспользовался его отсутствием и похитил его невесту, человека, который уничтожил его, человека, из-за которого он теперь страдал, человека, который, возможно, предъявляет права на его ребенка, уже выросла большая мошонка. Он раскрылся перед притворным священником, шпионом, действующим в пользу потерпевшего урон царства моего хозяина. И вот, вечером следующего дня, когда сам горизонт надел маску, разукрашенную в тускло-серый и кроваво-красный цвета муравья пустыни[132], мой хозяин и его друг ехали в банк, в котором работал муж Ндали.

Он остался ждать у автомастерской, а Джамике

---

[132] Примечания: 132

Вид африканских муравьев, обитающих в пустынях, их называют также «красный фаэтончик».

отправился в банк. Мастерская расположилась под старым деревом *угба* — это дерево я тут же узнал. Оно росло там много лет. Более двух сотен лет назад, когда бессердечные люди арочукву тащили моего хозяина Йагазие и других плененных рабов со связанными руками и ногами, под этим деревом упала и потеряла сознание женщина. Захватчики вынуждены были остановить свой поход. Не раздумывая, один из них, плотный человек, дал знак остальным и сказал, что женщина, вероятно, больна и вряд ли дотянет до берега. И что тогда делать? Он разрезал на ней путы. Но женщина не шелохнулась. Они оставили ее лежать, будто спящую, на полянке, на которой росло это одно-единственное старое дерево.

Мой хозяин вышел из машины и встал под деревом с людьми из мастерской, его внимание привлек флаг Биафры, торчащей из окна здания. Флаг почти почернел от сажи, в одном углу образовалась дыра. Люди из мастерской предложили моему хозяину сесть на грязную скамейку у большой покрышки (вероятно, от фуры), на которой лежали всевозможные инструменты. Но он остался стоять, сложив на груди руки и глядя на улицу, а те продолжили свою работу.

Он только что купил бутылку «Чистой воды»

у уличного торговца и пил, когда вернулся Джамике. Джамике пришел словно онемевший, как если бы что-то заставило его прикусить язык.

— Поедем куда-нибудь, поговорим, — только и сказал он скороговоркой, показывая на машину.

Они приехали домой к моему хозяину, и, только когда сели (он — на кровать, а Джамике — на стул), начался разговор.

— Брат мой, когда я вошел туда, он меня словно ждал. Он вскочил и сказал: «Пастор, пастор, я попал в беду». Я спросил у него, в чем дело, и он ответил: «Пастор, моя жена, моя жена». Его снедала душевная боль. Он сказал, Ндали видела того человека, за которого чуть не вышла замуж, и этот человек узнал, что мальчик — его сын.

Мой хозяин вскочил на ноги.

— Да, он твой сын, брат, — сказал Джамике, глядя на него.

— Как это случилось? Как?

— Он сказал, она забеременела до твоего отъезда из Нигерии. Когда ты уехал и она от тебя не получала никаких известий, она позвонила в Кипрский международный университет.

Иджанго-иджанго, ты, наверно, думаешь, как эти слова повлияли на моего хозяина.

— Повтори. *Иси ги ни*?[133] — вот все, что он смог сказать.

— Она позвонила в университет, позвонила Дехан, брат мой Соломон.

Он сидел молча. Я осенил его разум мыслью о тех двух случаях, когда она задержала его в себе и попросила кончить в нее. Потом я осенил его еще одной мыслью — о том вечере, теперь ушедшем в далекое прошлое, когда он настолько потерял голову, что кончил в нее и вышел из нее только после того, как почти все его семя изверглось. А он не сказал ей, опасаясь, как бы она не устроила ему головомойку. Тогда она попросила его включить свет, чтобы она могла вытереться салфетками. Он включил свет с облегчением — она не спросила его, вышел ли он из нее вовремя. И вот он включил свет и обнаружил плывущее по воздуху белое перо. Оно зачаровало Ндали. Она спросила, откуда оно взялось, почему летает тут в воздухе. И он ответил, что не знает. И то был просто один из многих случаев, о котором я ему напомнил. А мой хозяин теперь и сам вспомнил: когда он позвонил ей, получив от медсестры обещание надежды, Ндали сказала ему, что хочет

---

[133] Примечания: 133
Что ты сказал? (*игбо*)

сообщить кое-что, но сделает это позднее. Я до сих пор слышал ее голос, когда она сказала ему об этом по телефону много лет назад. «Это большая, большая новость, даже меня она удивила. Но я очень счастлива!»

— Она не получала от тебя вестей, беспокоилась, брат мой. Дитя Господа, она носила твоего ребенка — и вдруг много дней от тебя ни слова. Потом прошли недели, она ждала — ни слова. У нее была копия твоего уведомления о зачислении. Она позвонила в университет, и там ей сказали, что́ ты сделал.

Мой хозяин хотел было заговорить, но Джамике продолжал:

— Ей сказали, ты изнасиловал белую женщину и теперь проведешь двадцать шесть лет в тюрьме. Они даже сказали ей, приговор, мол, очень снисходительный и в большинстве мусульманских стран наказание за изнасилование — смертная казнь.

— Кто ей такое сказал?

— Ее муж мне об этом не говорил, но я думаю — Дехан. Он не знал всей истории; думаю, не знал. Но она пыталась. Она искала тебя, пыталась помочь. Он сказал, она не поверила, что ты мог совершить такое, и сообщила в нигерийское по-

сольство в Турции, но там никто ничего не стал делать. Я помню об этом, брат: когда я звонил моим друзьям в Гирне, они мне сказали, нигерийское посольство в Турции звонило в университет. Так что я думаю, она пыталась, брат. Я был виноват, но она пыталась тебя спасти.

— Что еще? Что еще случилось? — спросил мой хозяин, потому как старая ярость стала снова закипать в нем.

— Ее семья, — сказал его друг и заплакал. — Они пришли в ярость от всего этого. Она забеременела вне брака, кроме того, она задействовала международные институты, чтобы спасти человека, преступника, содержащегося в тюрьме другой страны. Вот почему они прежде всего попросили ее уехать в Лагос. Огбонна такого не говорил, но я думаю, она пыталась тебя спасти. А потом опустила руки.

Иджанго-иджанго, что-то шевельнулось в моем хозяине, он почувствовал тепло внутри, словно что-то горячее проникло туда с неторопливой беспощадностью. Она *опустила руки*. Что это значит? Акатака, это значит, человек пытался сделать что-то, а потом перестал. Может быть, человек пытался поднять что-то, а потом ему приходит в голову, что он никогда не сможет

поднять такой груз, и он сдается, опускает руки.

Мой хозяин сидел ошарашенный, словно мир, в котором он родился, жил, занимался любовью, спал, страдал, исцелялся, снова страдал, все это время был иллюзией, неким неожиданным видением слепого старика: только что яркое, светящееся, а через мгновение — мираж, который, будучи увиденным, тут же растворяется.

26. Пауки в доме людей

Чукву, твои уши были терпеливы. Ты слушал. Ты выслушал здесь мой пересказ всего перед божественным советом. Ты слушал, пока все деревья в Беигве были облачены, словно в яркие одеяния, в чарующие мелодии. Даже сейчас, пока я говорю, музыка льется отовсюду в светлые залы, проникая в них как пот через поры в коже. И повсюду вокруг — духи-хранители, которые должны выйти вперед и дать свои показания. Но я теперь должен поспешить и заполнить пропасть, которая открылась в моей истории. И мне не понадобится много времени, Гаганаогву, чтобы дойти до конца.

Чтобы не задерживать, я должен напомнить тебе о том, что часто говорят великие отцы, умудренные знаниями о войне и сражении: тому, что должно убить человека, не обязательно знать его имя. Это относится к моему хозяину. Потому что описывать то, во что он превратился за дни и недели после открытий Джамике, мучительно больно. Но я должен рассказать тебе о последствиях этих перемен, потому что дело, о котором я свидетельствую, требует этого. Эгбуну, мой

хозяин превратился в джинна, человека-духа, бродягу, падшего скитальца, существо, крадущееся по бушу, в изолированного от мира изгоя по собственной воле. Он не желал слушать советов друга, который умолял его не начинать драку. Он же поклялся себе, что непременно начнет. Он истово поклялся себе, что вернет своего сына. Он говорил, что, кроме этого, у него не осталось ничего, за что стоило бы драться. И никто, даже я, его дух-хранитель, не мог убедить его не делать того, на что он себя настроил.

И потому он снова стал прятаться в кустах близ ее дома и, когда она возвращалась домой, пытался заговорить с ней, но она не выходила из машины, объезжала его и спешила прочь. Когда он понял, что таким образом ничего не добьется, он пришел в ее аптеку, кричал, что хочет забрать своего ребенка. Но она заперлась в кабинете и вызвала соседей через окно. В аптеку прибежали три человека, вытащили его и избили так, что у него распухли губы и было рассечено верхнее веко левого глаза.

Но это его не остановило, Эгбуну. После этого он отправился в школу, где учился мальчик, и попытался забрать его силой. И я думаю, что именно здесь было посеяно семя того, что привело меня

сюда в самую тревожную из человеческих ночей. Потому что я видел это много раз, Осебурува. Я знал, что человек, который возвращается в то место, где разбилась его душа, не простит легко тех, кто снова притащил его туда. О каком же месте я говорю? О том проклятом зарешеченном месте, где прекращается человеческое существование, где человек живет бездвижной жизнью, как та статуя барабанщика посреди улицы[134] или фигура ребенка с раскрытым ртом возле отделения полиции.

Хотя на сей раз охранники обошлись с ним по-другому, ограничились одними оскорблениями и пощечинами, этот случай разбудил в нем мучительные воспоминания. Он плакал в камере. Проклинал себя. Проклинал мир. Проклинал свои невзгоды. Потом, Чукву, он стал проклинать ее. А уснув той ночью, он увидел сон из прошлого и услышал ее голос: «Нонсо, ты погубил себя из-за меня!», и он вскочил с голого пола камеры, резко сел, словно эти слова шли к нему долгие годы и он только теперь услышал их в первый раз, через четыре года после того, как она их произнесла.

---

[134] Примечания: 134

Речь идет о скульптуре в Лагосе под названием «Барабанщик», эта скульптура представляет собой яркий образец музыкальной культуры народа йоруба.

Эзеува, Джамике пришел внести за него залог утром третьего дня.

— Я тебя предупреждал: оставь ее в покое, — сказал Джамике, когда они вышли из отделения полиции. — Ты не заставишь ее силком вернуться к тебе. Оставь прошлое в прошлом и двигайся вперед. Уезжай в Абу или Лагос. Начни все заново. Ты найдешь хорошую женщину. Ты посмотри на меня. Сколько лет я провел на Кипре, я там нашел кого-нибудь? Я нашел Стеллу здесь. И теперь она станет моей женой.

Джамике — этот человек, склонный, казалось, к молчанию, — говорил и говорил по пути к дому моего хозяина, и все советы Джамике сопровождались перечислением всего, что он видел и сделал. Когда такси остановилось перед домом, мой хозяин поблагодарил своего друга и попросил, чтобы тот оставил его одного.

— Нет проблем, — сказал Джамике. — Я приду к тебе завтра.

— Завтра, — повторил он.

Обасидинелу, великие отцы в своей дипломатической прозорливости говорят, что танцор будет танцевать под любую мелодию, какую выберет флейтист. Безумие — танцевать под одну мелодию, а слушать другую. Сама жизнь

научила моего хозяина этим суровым истинам. Но его утешил не только его друг Джамике, на которого он теперь полагался. Его утешал и я. И, неся эти слова в сердце, он отпер калитку и направился в свою квартиру. Его приветствовала жена соседа, которая перебирала бобы на подносе, он, тяжело дыша, пробормотал себе под нос ответное приветствие. Затем отпер замок и открыл дверь в свою комнату. Как только он вошел, отвратительный запах ударил ему в нос. Он посмотрел в том направлении, откуда доносилось громкое жужжание мух, и увидел то, что там было: мой-мой[135], которые он купил и наполовину съел в тот день, когда его задержали. В полиэтиленовую упаковку заползли черви, и на стол из тронутой тлением еды натекла жидкость, похожая на молоко.

Он снял с себя рубашку, положил в нее сгнившую еду, стер протухшую массу со стола и вынес рубашку на помойку. Потом он лег на кровать, закрыл глаза, руки положил на грудь и постарался ни о чем не думать. Но, Эгбуну, это почти невозможно, потому что разум человека — поля-

[135] Примечания: 135

Традиционная нигерийская еда, запеченные изделия из смеси вымоченных бобов, лука, сладкого перца и других ингредиентов, используется вместо хлеба или как отдельная еда.

на в диком лесу, на которой хоть что-то, каким бы малым оно ни было, но должно пастись. Он не мог отвергнуть то, что пришло ему в голову, — свою мать. Он видел ее: она сидела на скамейке в саду, молола в ступке перец или батут, а он сидел рядом и слушал ее истории. Он видел ее, видел ее голову в ситцевой косынке.

Он оставался в этом пространстве, на этом уступе между сознательным и бессознательным, пока не наступила ночь. А потом сел и позволил себе предаться мысли о том, что ему следует уехать из Умуахии, оставить все, что было здесь, в прошлом. Он думал об этом в тюрьме, даже еще до того, как эту мысль повторил Джамике. И я позаботился о том, чтобы она оставалась в его голове. Эта идея приходила к нему и уходила, как беспокойный гость, в течение тех двух дней, что он там провел. И теперь что-то — хотя он и не знал, что именно, — в посетившем его видении матери укрепило его в этой мысли. Может быть, его собственные слова, которые он не раз повторял отцу после смерти матери: ты должен забыть ее, чтобы жить дальше. Он несколько раз убеждал отца, говорил, что только ребенок цепляется за утрату. В особенности той ночью, когда отец, пьяный, зашел в его комнату. Немногим

ранее они зарезали курочку для женщины, дочь которой была одногодкой с его сестрой и теперь выходила замуж. Может быть, отца это и беспокоило. Отец ввалился в его комнату посреди ночи в слезах и со словами: «Окпарам[136], я неудачник. Большой неудачник. Я не смог защитить твою мать, когда она лежала в предродовой палате, я не смог ее защитить. Не смог вернуть ее домой. Теперь твоя сестра — я не смог ее защитить. Что теперь моя жизнь? Перечень утрат? Неужели моя жизнь определяется теперь тем, что я потерял? Что я сделал не так? *Кеду ихе нмере*?[137]»

Вспоминая отца раньше, он думал о нем как о слабаке, о человеке, который не выдержал трудностей, который не знал, как не тащить на себе груз прошлого. Теперь ему самому стало ясно, что он цепляется за потерянное, за то, чем больше никогда не сможет владеть.

Он уедет. Вернется в Абу, к дядюшке, и забудет обо всем. Если что-то перекроилось таким образом, что теперь противится всяким изменениям, то он ничего с этим не может поделать. Его мир — нет, его прежний мир — перекроился и теперь

---

[136] Примечания: 136
Сынок (*игбо*).

[137] Примечания: 137
Что я наделал? (*игбо*)

не может измениться. Теперь возможно только движение вперед. Джамике вышел из края своего стыда, помирился с моим хозяином и теперь двигался вперед. То же и Ндали. Она стерла все записи, которые он оставил в ее душе, и начертала новые. В ней не осталось воспоминаний о прошлом.

И еще ему стало ясно теперь, что не он один хранил ненависть или полный кувшин обид, из которого с каждым его шагом-двумя в бурном путешествии по истоптанной тропе жизни проливалась капля-другая. Таких, с завязанными глазами, с кляпами во рту, испуганных до смерти, было много, может быть, все они были такими в этой земле, все в Алаигбо или даже в стране, где жили его соплеменники. И, возможно, каждого из них наполняла ненависть того или иного рода. Определенно. Наверняка какая-нибудь старая обида, как бессмертный зверь, была заперта в неразрушимых казематах их сердец. Они могут негодовать из-за перебоев с электричеством, из-за отсутствия удобств, из-за коррупции. Это, например, протестанты из ДВСГБ, те, кто был расстрелян в Оверри, кто был ранен в последнюю

неделю в Ариарии[138], призывая к возрождению умершего народа, — они тоже, вероятно, негодуют, видя то, что умерло и не может вернуться к жизни. А те, кто потерял возлюбленного или друга? Наверняка в глубине своего сердца каждая женщина, каждый мужчина хранит обиды. Нет ни одного человека, который жил бы в полном мире с самим собой. Ни одного.

Его размышления были такими долгими, мысли — такими искренними, что его сердце согласилось с этой идеей. А я, его чи, утвердил ее. Он должен уехать, и уехать немедленно. И именно это принесло ему мир. На следующий день он отправился на поиски кого-нибудь, кто купил бы у него запасы в магазине и арендовал помещение. Домой он вернулся удовлетворенный. Потом он позвонил дядюшке, рассказал обо всем, что с ним случилось, о том, что должен покинуть Умуахию. Дядюшку его сообщение сильно взволновало. «Я т-тебе г-говорил, не в-возвращайся к этой женщине», — снова и снова повторял он. После чего

[138] Примечания: 138

Реминисценции кровавой Гражданской войны в Нигерии: Оверри была последней из трех столиц Республики Биафра в 1969 году (до этого столицами мятежной Биафры были города Энугу и Умуахия), в 1970 году Оверри была взята правительственными войсками. В Арарии, известной своим международным рынком, в 2017 году происходили этнические беспорядки.

он приказал моему хозяину немедленно ехать в Абу.

Несколько дней он собирал вещи, изо всех сил стараясь не думать о Ндали и своем сыне. Когда-нибудь в будущем он вернется, но сначала он должен заново обрести свою жизнь, и тогда он потребует сына. Так он и сделает, думал он, стоя в опустевшей комнате, которая недавно была полна, а теперь в ней остался только его старый матрас на полу.

Агуджиегбе, он собирался уехать этим вечером и никогда не возвращаться. Уехать! Он сказал об этом Джамике и теперь ждал, когда придет его друг. Он простится с Джамике и уедет. Он ждал возвращения миссионера после его проповеди, чтобы тот помолился за него, прежде чем он тронется в путь со всеми своими пожитками уже в машине.

Чукву, боюсь, сейчас я должен сказать, что, после того как Джамике пришел, помолился за него, поплакал за него, обнял его, прежняя ярость, ужас, сложное чувство, которое поглощало собой все остальное, снова обуяли моего хозяина. Он не знал, что оно такое, но оно схватило его и швырнуло в пропасть, из которой его только-только извлекли. И сделало это, Эгбуну, всего лишь одно

воспоминание — как будто чиркнул спичкой, а от нее потом сгорел весь дом. Воспоминание о том дне, когда он впервые спал с Ндали, и о том дне, когда она опустилась на колени во дворе и вкушала его мужское естество, пока он не перелетел кувырком через скамейку. Как они тогда оба смеялись и говорили о том, что курицы наблюдали за ними.

Иджанго-иджанго, послушай: человек вроде моего хозяина не может таким вот образом выйти из драки, его дух не может обрести успокоения. Он не может встать после полного поражения и сказать своей родне, всем, кто видел, как его вываляли в песке, всем, кто видел его унижение, не может сказать им, что теперь он обрел покой. *Таким вот образом*. Это трудно, Чукву. И потому даже когда он решительно сказал себе: «Теперь я уезжаю отсюда и никогда не вернусь», мгновение спустя, когда опустилась ночь, он предался черным мыслям. И их опасное содружество теснилось в его голове, заявляло права на весь мир внутри его, пока не убедили отправиться на кухню и взять небольшую полупустую банку керосина и коробок спичек. И только после этого они оставили его. Но договор был закреплен. Он сам плотно закрепил крышку на банке с кероси-

ном и поставил ее на пол перед пассажирским сиденьем, потом вернулся в дом и ждал, ждал, когда придет время. Как же трудно ждать, когда у тебя горит душа.

Эгбуну, когда он завел машину, уже почти настала полночь. Он ехал медленно, боясь, что воспламенится его груз, перебирая в памяти все собранные вещи — не забыл ли чего, все ли уложил в машину, чтобы пуститься в путь сразу же, когда будет можно. Он ехал по пустым улицам, миновал гражданский пропускной пункт, где человек посветил лучом фонарика в его машину и махнул рукой — проезжай. Наконец он доехал до аптеки.

Он остановил машину, взял спички.

«Ради тебя, Ндали, я потерял все, что имел, и только для того, чтобы ты так вот обошлась со мной? Так вот?» — сказал он. Потом он открыл машину, взял банку с керосином и вышел в темноту ночи, гораздо более черную, чем у большинства ночей.

«Ты отплатила мне злом за все, что я сделал для тебя, — сказал он, когда остановился, чтобы перевести дыхание. — Ты отвергла меня. Ты наказала меня. Бросила меня в тюрьму. Опозорила меня. Обесчестила меня».

Теперь он стоял перед зданием, а вокруг лежал мир, погруженный в тишину, если не считать церковного песнопения, доносившегося откуда-то — он не мог определить откуда.

«Теперь ты узнаешь, что такое терять. Узнаешь, Ндали, почувствуешь то, что чувствовал я».

И в этот момент в его голосе и в его сердце, Эгбуну, я видел то, что всегда — с самого начала времен — тревожило меня в человечестве. Человек может влюбиться в женщину, обнимать ее, заниматься с ней любовью, жить ради нее, произвести совместно на свет ребенка, а со временем все следы этого исчезают. Исчезают, Иджанго-иджанго! А что человек получает взамен? — спросишь ты. Может быть, робкое сомнение? Слабый гнев? Нет. Он получает внука самой ненависти, ее чудовищное семя: презрение.

Он говорил, трепеща перед тем, что собирался совершить, а я вышел из него. И сразу же на меня обрушился оглушающий гул Эзинмуо. Повсюду праздно шатались духи, или опасно свисали с крыш, или лежали на машинах, многие из них наблюдали за моим хозяином, словно их заранее осведомили о его намерениях. Я поспешил в моего хозяина и осенил его мыслью вернуться домой,

или позвонить Джамике, или отправиться в путь, или уснуть. Но он не слушал меня, а голос его совести — самого мощного увещевателя — молчал. Он прошел вперед, убедился, что никто не видит его, и начал расплескивать керосин вокруг здания. Когда керосин закончился, он достал из багажника машины маленькую банку с бензином и его тоже разлил. Потом он чиркнул спичкой и кинул ее в спящее здание. Тут же вспыхнуло пламя, а он побежал к машине, завел двигатель и помчался в темноту. Он не оглядывался.

Гаганаогву, я знал, что ни один дух не будет делать попытку завладеть его телом теперь, когда появилась самая любимая еда бродячих духов: слепящий огонь. И поэтому я вышел из него, чтобы потом, когда ты спросишь меня в его последний день, я мог дать тебе полный отчет о действиях моего хозяина. Мой хозяин мчался прочь вдалеке, а я стоял перед горящим зданием. Когда он скрылся из виду, вокруг огня собралась почти дюжина духов, они летали в воздухе, как обнаженные вибрации. Поначалу я впитывал красоту этого зрелища, стоя снаружи, а нематериальные тела, минуя меня, подбирались поближе. Один из них, возбудившись до исступления, поднялся над зданием и замер в точке, через которую

устремлялась вверх прямой воронкой черная спираль дыма. Другие оживленно вскрикивали, когда дым попеременно то прятал от них духа, то открывал его их взглядам.

Я наблюдал за этим, когда — я не поверил своим глазам! — увидел чи Ндали, с воплем выскочившую из горящего здания. Она сразу же увидела меня и, стремительно выплевывая слова, закричала: «Ах ты, злобный дух-хранитель вместе со своим хозяином! Посмотри, что вы сделали! Я тебе давно говорила, чтобы вы отстали от нее, но он все лез и лез, преследовал ее, пока не погубил ее жизнь. После того как она прочла его дурацкое письмо два дня назад — а она так боялась его читать, — она стала сама не своя! Начала ссориться с мужем. А в эту ночь, в эту жестокую ночь, она снова, после жаркой ссоры с ним, ушла из дома и приехала сюда...»

Чи повернулась, потому что услышала громкий пронзительный крик из здания, и тут же исчезла внутри. Я бросился за ней в пламя пожара и увидел кого-то, кажется женщину, пытающуюся встать с пола, но в этот момент горящая доска, которая была частью потолка, упала ей на спину, и от боли она потеряла сознание. Этот удар пригвоздил ее к полу. Но она снова попыталась

встать, увидев, что неожиданная стена огня возникла перед ней в другом конце комнаты. Упал шкаф с лекарствами и медленно распался на отдельные деревянные полки, пожираемые огнем, а огненный обломок шкафа упал на ковер, и теперь пламя пробиралось в комнату, где находилась она. Она потрогала себя за шею, обнаружила, что капли, стекавшие по ней, это ее кровь. Только тогда она вроде бы поняла, что доска с торчащими гвоздями вонзилась в ее плоть и теперь продолжает гореть на ней. С адскими криками и с доской на спине она бросилась сквозь желтый огненный театр с его актерами в лице коленопреклоненных столов, издающих треск окон, танцующих штор, взрывающихся бутылок. Упавший кусок обожженного кирпича подтолкнул ее вперед, она добежала до двери, а когда она открыла ее, остатки сгоревшей доски упали с ее спины. Обжигающая боль поставила ее на колени, словно расстригу, вдруг вернувшегося к вере и молитве. Тут ей, кажется, пришло в голову, что лучше не вставать, и она на четвереньках поползла из аптеки, как животное, пасущееся на поле, заросшем язычками пламени.

К этому времени вокруг горящего здания собрались люди — соседи и просто прохожие. Они

встретили ее с ведрами воды, облили ее, и она упала на землю, лишившись сознания.

И тогда я оставил ее там и бросился на поиски моего хозяина. Он ехал по хайвею, мчался в темноте, плакал за рулем. Он не знал, что сделал. Иджанго-иджанго, я в эту ночь много говорил об этом конкретном недостатке человека и его чи: они не в состоянии знать то, чего не видят или не слышат. А потому мой хозяин никак не мог узнать о случившемся. Он не догадывался, что Ндали, которая стояла перед его мысленным взором теперь, когда он вел машину, и Ндали, которая прежде любила его, а потом отвергла, — одно лицо. Та самая Ндали, которую он потерял. Он ничего не знал о Ндали, охваченной пламенем, о той Ндали, что лежала сейчас на земле перед тем, что прежде было ее аптекой. Он ехал, представляя ее в объятиях мужа, думая о том, что никакие его усилия не смогли вернуть ее ему. Он ехал, плача и причитая, пел мелодию оркестра меньшинств.

Эгбуну, откуда он мог знать, что женщина, имеющая собственный дом, будет ночевать в своей аптеке? Нет. С какой стати? У него не было никаких оснований для того, чтобы так думать. Вот почему человек, который только что убил

кого-то, занимается своими делами, не ведая, что сотворил. Блаженные отцы уподобляли это явление паукам в доме людей; пусть тот, кто думает, что он всемогущ, говорили они, осмотрит свой дом и скажет, может ли он точно назвать время, когда паук начал плести свою паутину. Вот почему человек, который вскоре будет убит, может войти в дом, где сидят в засаде те, кто собирается его убить, не ведая об их планах и не зная, что его конец наступил. Он может обедать с этими людьми, как персонаж одной книги, прочитанной когда-то моим прежним хозяином Эзике. В той истории рассказывалось о человеке, который правил в стране белых людей, называвшейся Рим. Но зачем обращаться к таким далеким примерам, когда я сам видел это много раз прямо здесь, в земле светозарных отцов?

Такой человек заходит в ту комнату, не подозревая, что его убийца уже на месте. События наступают, меняются и разрушаются с непредсказуемой скоростью, хотя при этом ничто не указывает на то, что они могут случиться. Так же и смерть придет без объявления, неожиданно и усядется на пороге этого мира. Она придет непредвиденно, бесшумно, возможно, не прерывая сезонов года и даже не останавливая

мгновения. Она придет, не изменяя вкуса сливы во рту. Она подкрадется, как змея, невидимая, выждав время. Взгляд на стену не обнаружит ничего — ни трещины, ни отметины, ни щели, через которую она могла войти. Ничто ему известное не даст ему ни малейшего намека — пульс мира ничуть не изменится. Мелодия птичьего пения останется прежней. Стрелка часов не замедлит свой ход. И время, которое течет, не встречая помех, продолжит свой бег так, как это привычно природе, и потому, когда это случится и он все поймет и увидит смерть, это потрясет его. Потому что она возникнет, как шрам на его теле, шрам, о существовании которого он не подозревал, и проявится как нечто, сформировавшееся с началом времен. И такому человеку будет казаться, что это случилось с ним совершенно неожиданно, без предупреждения. И он не будет знать, что это случилось давным-давно и только терпеливо ждало, когда он заметит.

Замечание автора

«Оркестр меньшинств» — роман, глубоко уходящий корнями в космологию игбо, сложную систему верований и традиций, которыми когда-то руководствовался — а отчасти руководствуется и до сих пор — мой народ. Поскольку я помещаю в такую реальность художественное произведение, любопытному читателю может прийти в голову предпринять собственное исследование этой космологии, в особенности в той ее части, которая касается чи. А потому я, как и Чинуа Ачебе в своем эссе о чи, из которого взят один из эпиграфов к этой книге, должен заявить: «Настоящая книга не претендует на то, чтобы ликвидировать этот пробел, я лишь пытаюсь привлечь к нему внимание способом, отвечающим характеру человека, чья главная любовь — литература, а не религия, философия или лингвистика».

Иными словами, эта книга представляет собой художественное произведение, а не авторитетное исследование космологии игбо, или африканских, или афро-карибских религий. Однако я надеюсь, что моя книга может послужить до-

статочным справочным материалом для тех, кто пожелает углубиться в эту тему, поскольку источниками для «Оркестра меньшинств» стали разные книги по космологии и культуре игбо, включая следующие: Джон Аненечукву Умех, «После бога — дибия»; Эммануэль Каанаэнечукву Анезоба, «Ödïnanï»; Чинуа Ачебе, «Трилогия Игбо» (часто эта книга называется «Африканская трилогия») и его же эссе о чи; Катерин Обиануджу Ачолону, «Рай в Шумере на Нигере»; Нзе Чуквукадибия Е. Нвафор, «Леопарды волшебного рассвета»; Норткоут У. Томас, «Антропологический обзор игбоговорящих народов в Нигерии». Этот список неполный. Дополнением к этим книгам послужили полевые исследование, которые независимо проводил мой отец, а также мои собственные исследования, которые я проводил в нашем родном городе Нкпа в нигерийском штате Абия.

Из чисто стилистических предпочтений я решил бóльшую часть имен, званий и почтительных обращений к божествам писать одним словом вместо более принятых составных. Например, ndi-ichie имеет в моей книге вид ndiichie. Признавая Соглашение между Союзом учителей и представителями народа игбо каса-

тельно использования дефиса, я остаюсь верным произношению, бытующему в Нкпа: тягучему, непрерывному. То же распространяется на разные имена Чукву. Повторю: я признаю, что распространенным написанием является Гагана-огву, но при этом выбираю Гаганаогву. Кроме того, есть имена — например, Эгбуну, — которые читатель не встретит больше нигде. Тех, кого интересует написание по Соглашению, я отсылаю к прекрасной книге Джона Аненечукву Умеха «После бога — дибия» и к «Словарю и разговорнику» Николаса Авде и Оньекачи Вамбу.

Йа га зие[139].

Чигозие Обиома
Апрель 2018

[139] Примечания: 139
Желаю удачи (*игбо*).

Благодарности

На написание этого романа меня вдохновили разные переживания. Но самый ранний его источник, вероятно, связан с моим детским именем Нгбаруко — именем человека, чьей инкарнацией я считался. И потому я должен поблагодарить моего отца Оньелачийю Мозеса, мою мать Блессинг Обиому и других, воспитавших во мне любопытство к чи и реинкарнации на заре моей жизни.

Я благодарен одному из первых читателей и помощников — моей жене Кристине — за ее щедрость и понимание моей потребности к уединению во время погружения в это великое море. Благодарю также моего агента Джессику Крейг, которая по-прежнему остается одним из самых первых моих читателей, а также энтузиастом моего творчества, а еще никогда не сетует, если я докучаю ей. Спасибо моим издателям Джуди Клейн и Айлах Ахмед, которые разбудили эту спавшую книгу. «Оркестр меньшинств» был бы невозможен без них и их команд в американском и английском отделениях издательства «Литтл, Браун».

Поддержка Кваме Давеса и его жены Лорны была бесценна, и только мы трое знаем, насколько верно это утверждение. Моя благодарность Изе и Даниелю Катто за место в их замке в процессе выверки книги и сотрудникам Института Аспена; энтузиастам на раннем этапе рождения книги — Камилле Сондергаард, Беатрис Манчини, Хафдану Фрейхау и Кнуту Ульвестаду из «Фонт Форлаг», Томасу Теббе, Пелле Андерсону и другим моим издателям за их поддержку; моим коллегам в университете Небраски-Линкольна за их благосклонность и самому университету за создание творческой атмосферы; а также Карен Ландри, Барбаре Кларк, Александре Хупс и всем тем, кто так или иначе помог сделать эту книгу в том виде, в каком она вышла в свет.

И наконец, я хочу выразить мою глубочайшую благодарность всем авторам, перечисленным в моем авторском замечании, и всем, кто прилагает усилия к тому, чтобы космология и философия игбо не умерли. Я должен еще раз поблагодарить моего отца за его исследовательскую работу, редактуру и энтузиазм и за то, что он всегда напоминает мне слова великих отцов: *Око ко ва ммаду, о га квуру ммаду ибе йа. Око ко ва эху, о*

гаа на осиси ко онвейа о ко[140].

[140] Примечания: 140

Если у человека зуд, он просит другого человека почесать ему спину, если зудит у козла, он чешет спину о дерево (*игбо*).

От переводчика

Книга такого рода, построенная отчасти на традиционных ценностях цивилизации, столь далекой от российского читателя, как цивилизация игбо, может оттолкнуть своей сложностью. Однако это сложность мнимая. Читатель не должен отягощать себя знаниями и представлениями, которые вряд ли понадобятся ему в жизни, однако и пройти мимо них с закрытыми глазами тоже нельзя, потому что этот захватывающий и такой щемящий роман требует от читателя хотя бы самого поверхностного вовлечения в космологию и традиции игбо.

Многие речевые вкрапления на языке игбо сопровождаются переводом, некоторые оставлены без перевода в соответствии с пожеланиями автора, так как они либо ясны из контекста, либо являются ритуальными изречениями, перевод которых мало что дал бы читателю.

Некоторые слова на игбо повторяются многократно, но перевод их в ссылке дается только при первом употреблении. Однако отыскать значения этих слов можно в прилагаемом для удобства

читателя глоссарии.

Несколько слов нужно сказать о нигерийском пиджине, к которому иногда прибегают персонажи книги. Читатель должен понимать, что пиджин — это не только и не столько исковерканный английский, это язык со своими правилами, со своей грамматикой, перенесение которых в русский язык невозможно и не нужно.

Глоссарий

Abi — аби, или

Ajoonmuo — аджоонмуо, злой дух

Afor — афор, один из четырех дней недели в традиции игбо

Agwu — леопард

Ajoonmuo — аджоо, злые духи

Akaliogoli — акалиоголи, духи проклятых

Alandiichie — Аландиичие, область предков

Alusi — алуси, бог, божество

Arummadu — аруммаду, тело

Bechukwu — Бечукву, область (владения) Чукву

Benmuo — Бенмуо, мир духов

Biko — пожалуйста

Dibia — дибиа, шаман

Dim — дим, муж мой

Efulefu — бесполезный в глазах сообщества

Egwu-ngba — эгву-нгба, борьба

Eke — эке, один из четырех дней недели в традиции игбо

Eluigwe — Элуигве, божественное место

Ichie — ичие, предок

Ikenga — икенга, рогатое алуси (божество)

Ndiichie — ндиичие, предки

ndiichie-nna — ндиичие-нна, праотцы

ndiichie-nne — ндиичие-нне, праматери

Ngwanu — О'кей, договорились

Nkwo — нкво, один из четырех дней недели в традиции игбо

Nwannem — нваннем, брат

Nwanyioma — нваньиома, красавица

Nwokem — нвокем, чувак, мужик

Nzu — нзу, порошок из мелового камня для раскраски лица

Obi — оби, сердце

Obim — обим, дорогой, дорогая

Ofu — офу, один

Okeokpa — океопка, курица

Okparam — окапарам, сын

Omenala — оменала, традиция

Onyeuwa — оньеува, аватар / Дух, воплощенный во плоти

Orie — орие, один из четырех дней недели в традиции игбо

Otobo — отобо, болван, идиот

Oyibo — ойибо, белый человек

Uli — ули, название растительной краски индиго, используемой для нанесения рисунков на тело

Umuada — умуада, дочь
Uwa — ува, земля